

— КАЛЬДЕРОН • ДРАМЫ

ПЕДРО
КАЛЬДЕРОН
ДЕ ЛА БАРКА
+00+
ДРАМЫ

ПЕДРО КАЛЬДЕРОН ДЕ ЛА БАРКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

PEDRO
CALDERON
DE LA BARCA

DRAMAS

Traducidos
POR CONSTANTIN BALMONT

ПЕДРО КАЛЬДЕРОН ДЕ ЛА БАРКА

ДРАМЫ

Перевод
КОНСТАНТИНА БАЛЬМОНТА

В двух книгах

КНИГА ПЕРВАЯ

Издание подготовили
Н. И. БАЛАШОВ, Д. Г. МАКОГОНЕНКО

МОСКВА «НАУКА»

1989

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*Н. И. Балашов, Г. П. Бердников, И. С. Брагинский,
М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришинунин,
Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова,
Б. Ф. Егоров (заместитель председателя),
Н. А. Жирмунская, Д. С. Лихачев (председатель),
А. Д. Михайлов, Д. В. Ознобишин, Д. А. Ольдерогге,
И. Г. Птушкина (ученый секретарь), Б. И. Пурищев,
А. М. Самсонов (заместитель председателя),
Г. В. Степанов, С. О. Шмидт*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Г. В. СТЕПАНОВ

© Издательство
«Наука», 1989 г.
Составление,
статьи, примечания

К $\frac{4703000000-127}{042(02)-89}$ бсз объявления

© Скан и обработка: glarus63

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Книга была завершена и отредактирована, когда мы узнали, что 28 октября 1986 г. скончался ответственный редактор книги и один из деятельнейших членов Редколлегии серии «Литературные памятники» академик Георгий Владимирович Степанов.

Академик Г. В. Степанов ушел от нас в полном расцвете творческих сил: ему было 67 лет (он родился 9 апреля 1919 г.). Широкий специалист в области общего языкознания, романских литератур и языков, Г. В. Степанов во второй половине XX в. безусловно был у нас в стране ведущим специалистом. Он скончался академиком АН СССР и иностранным членом Королевской Испанской академии, а начинал свою испанистическую деятельность на полях Народно-революционной войны в Испании 1936—1939 гг. Когда в последнее десятилетие он смог снова посещать пробуждающуюся Испанию, то в лекционных залах на тысячи дружеских взглядов он встречал и взгляды врагов. Они, рассказывал Георгий Владимирович, однажды для того что ли, чтобы показать свою осведомленность, повезли его по местам боев, в которых он участвовал когда-то...

Но весы советско-испанских культурных связей склонялись не в сторону тех, кто лелеял отчуждение, а в сторону, которую представлял Г. В. Степанов. Он сам сделал необыкновенно много для этого. Перевел и издал книги лучших испанских писателей XX в.— «Алую зарю» Пио Барохи, новеллы Унамуно, «Хутор» Бласко Ибаньеса, книги современного кубинца Онелио Хорхе

Кардосо, боливийца Аугусто Сеспедеса, классиков XIX в.

Испанист Г. В. Степанов одним из первых оценил значение культуры латиноамериканского Нового Света. Из европейских языков испанский, после английского, наиболее распространен в современном мире. В Латинской Америке он имеет свою специфику и отличия в разных странах. Теоретические основы изучения испанского языка в странах Латинской Америки — важнейшая научная и практическая задача. Ей посвящена книга Г. В. Степанова «Испанский язык в странах Латинской Америки». Под редакцией Г. В. Степанова в 1985 г. вышел первый том пятитомной «Истории литератур Латинской Америки» и в 1988 г. выходит второй том.

В последние годы жизни Георгий Владимирович Степанов все большее внимание уделял великой испанской классике, осознавая, что Сервантес, как Шекспир, Гете, Толстой и все более входящие в мировой культурный оборот Низами, Руставели, Саади, Кабир, — являются знаменателями процесса взаимопонимания народов.

Под редакцией Г. В. Степанова в «Литературных памятниках» вышел Бальтасар Грасиан (1981); теперь выходит Кальдерон. По его замыслу будет осуществлено «большое издание» «Дон Кихота» с приложением обширного научного аппарата.

Начало настоящей книге положила проведенная в 1981 г. в Москве по случаю 300-летия с года смерти писателя конференция «Кальдерон и испанская культура XVII в.». Материалы конференции опубликованы небольшим тиражом в научном издании «Iberica (II). Кальдерон и мировая культура» (1986). Открывает издание «Слово о Кальдероне» Г. В. Степанова. Воспроизведением

этой — может быть самой краткой в истории литературы содержательной статьи о великом драматурге — мы завершаем вступление к книге.

«Кальдерон — одна из центральных фигур в европейской художественной культуре XVII в. Он был выдающимся сыном великого столетия, за которым традиция, как это ни странно, не закрепила особого эпитета — наименования. Хронологически это столетие обрамляют век Возрождения и век Просвещения. XVII век — своенравный наследник эпохи Ренессанса. Своенравие его сказалось в капризно-причудливой избирательности по отношению к прежним ренессансно-демократическим идеалам и своеволие — в выдвижении принципиально новых идей о мироустройстве и об устройстве человеческой жизни, личной и общественной.

Творческое наследие Кальдерона постоянно пересматривалось и по-разному оценивалось не только современниками, но и от эпохи к эпохе, от страны к стране в зависимости от эстетических и этических норм и концепций, присущих нациям и народам в разные периоды их духовного развития.

О жизни и творчестве Кальдерона было создано немало легенд. Житейские легенды возникали от скудости биографических данных о великом драматурге, противоречивость, запальчивая пристрастность в оценках его творчества — от недостатка методологической строгости и исторической объективности в исследовательской практике.

Потребовалось немало времени, чтобы исследователи пришли к, казалось бы, простой идее рассматривать творчество Кальдерона в контексте знаменитого «века без названия», с одной сторо-

ны, и к серьезным попыткам объяснения непреходящей значимости кальдероновских творений для духовной жизни последующих поколений — с другой.

Когда говорят о том, что XVII век составил эпоху в развитии науки или положил начало науке нового времени, то тем самым подчеркивают только одну из сторон развития общественного сознания. Однако следует заметить, что в области художественного сознания XVII столетие, впитавшее в себя прогрессивный опыт предшествующих эпох, было тоже поворотным: в процессах развития различных форм общественного сознания наблюдался примечательный параллелизм.

Кеплер, один из творцов астрономии нового времени, не только провел резкую грань между «мыслимой идеей круга» и «действительным путем планеты», но и вообще развеял «чары округленности», установив эллиптичность планетных орбит. Кальдерон, кажется, первым сказал о небе, что это не небо, и, может быть, оно не голубое, он был первым художником слова, который преобразил абстрактные тезисы о смысле жизни в «поэтические тексты», создав философские драмы «Жизнь есть сон» («La vida es sueño») и «В этой жизни все истина и все ложь» («En esta vida todo es verdad y todo es mentira»).

Идея о том, что в искусстве средства воспроизведения тем эффективнее, чем резче они отличаются от изображаемого предмета, в XVII в. стала теснить прежние, возрожденческие принципы правдоподобия, подражания природе, простоты и уравновешенности. И дело не только в том, что Кальдерон нарушает правду истории или географии, сообщая, что Россию от Швеции отделяет река Дунай, или превращая Иерусалим в морской порт, а в том художественно-эстетическом ракурсе, с кото-

рого он зрит мир и заброшенного в него человека. Кальдерон, как бы отрываясь на крыльях философии от бренной земли, зависает в воздухе и обретает способность видеть человеческие достоинства, добродетели и пороки в их самых общих очертаниях, схематизированных и предельно обобщенно мыслимых.

Немецкие романтики нарекли Кальдерона «поэтом чести». Это правильно в том смысле, что из всех возможных регуляторов гармонического общественного устройства Кальдерон избирает ключевое категориальное понятие чести. Понятие «честь», имеющее значение некоего универсального морального принципа поведения отдельного человека, приобретает у Кальдерона смысл основного регулятора социальных отношений, фундамента общественного блага, при том, что функция носителя абсолютной идеи чести приписывается в первую очередь королю. Однако следует подчеркнуть, что чувство чести, порядочности в отношениях с людьми, чистоплотности в поступках и помыслах всегда остро переживалось в Испании всеми — от сеньора типа Дон Кихота до крестьянина Санчо. Притча о горностае была широко известна во всех слоях общества, и Кальдерон представил ее в своих драмах чести в наиболее обобщенной, абстрагированной и схематизированной форме. Содержание общенародной притчи следующее. Чтобы поймать горностаю, охотники устраивают грязную лужу и гонят на нее животное. Зверек предпочитает умереть, но не замараться в грязной жиже. Может быть, именно поэтому шкурка горностаю стала подбоем королевской мантии и символом жертвенно-незапятнанной чести. Если понятие чести Кальдерон использует как наиважнейшую категорию применительно к конкретному сообществу себе подоб-

ных — к нации испанцев, то любовь и вера приобретают в его произведениях некий космический принцип, посредством которого усмиряется стремящаяся к распаду вселенная под напором разнонаправленных сил и обилия несогласующихся между собой форм. Любовь в понимании Кальдерона помогает разуму проложить дорогу не только к людям, но к вещам и событиям. Любовь у Кальдерона нерасторжимо связана с верой, которая означает не только сверхъестественную христианскую добродетель, но и обыденную доверчивую преданность и верность в действиях и поведении всякого «естественного» человека. Способность доверять, т. е. способность постичь нравственную ценность другой личности, требует душевной стойкости. Требование душевной стойкости тем более важно, что сама вера, если она не слепа, включает в себя момент риска. Вера в другую личность без надежных оснований и гарантий превращается в высшее испытание моральной стойкости и подлинный критерий в отношениях человека к человеку. Такими видел Кальдерон источники моральной силы, способной противостоять трагическим коллизиям, обнаружившимся в «веке без названия».

Кальдерона, как и других художников и мыслителей, глубоко волновала тема бессмертия. Если под бессмертием понимать существование личности в сознании потомков, то драматург-мыслитель Кальдерон, давший миру идеи-образы на все времена, может быть причислен к бессмертным».

ДАМА ПРИВИДЕНИЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Мануэль
Дон Луис
Дон Хуан
Косме, слуга
Радриго, слуга
Донья Анхела
Донья Беатрис
Клара, служанка
Исабель, служанка
Слуги
Толпа

Действие происходит в Мадриде.

ХОРНАДА ПЕРВАЯ

Улица.

СЦЕНА 1-я

Дон Мануэль, Косме, одетые по-дорожному ¹.

Д о н М а н у э л ь

Всего на час мы опоздали,
А то бы видели мы праздник,
Каким Мадрид великодушный
Отметил ныне день крестин
Властительного Бальтасара ².

К о с м е ³

Всего на час ⁴... Вещей немало
Так из-за часа потерялось
И из-за часа удалось.
Пирам пришел бы часом раньше,
И Тисбэ не была бы мертвой,
И ежевика не пятнала б:
Как нам поэты говорят,
Писалась ежевичным соком
Трагедия Пирама с Тисбэ.
И опоздай на час Тарквиний,
Была б Лукреция тогда
Уже в постели, не пришлось бы
И авторам без оснований
Вести запутанную тяжбу,
Насилие он совершил,
Или не совершал насилья.
И только час один бы Геро

Подумала, бросаться с башни,
Иль не бросаться с башни ей,
Она не бросилась бы верно,
Тогда и Мира де Амесква
Комедии своей прекрасной
Для сцены бы не написал,
И не пришлось бы Амариллис
Изображать ее так дивно,
Что, карнавальная плясунья,
Сумела много раз она —
(Верней людей великопостных) —
Смотревших — за голову взяться.
И, потерявши из-за часа
Великий праздник, мы сейчас
Терять ночевки уж не будем:
Коль опоздал Абиндарраэс,
Ночлег имеет на дворе он.
И бешено хочу скорей
Увидеть этого я друга,
Что так тебя увидеть жаждет,
Как будто первый ты любовник,
Чье имя на устах у всех,
Ему постель, ему и ужин,
Хоть собственно понять и трудно,
Откуда счастье такое
На долю выпадает нам,—
Хоть на турнир мы не стремимся,
Он нас готов обоих встретить.

Дон Мануэль

Мы с Дон Хуаном де Толедо,—
Ты это, Косме, должен знать,—
Такою сочетались дружбой,
Что, сколько древность ни явила
Примеров дружбы для столетий,
А в нас ей зависть, коль не стыд.

Учились вместе мы,— науки
Переменили на оружие,
Он мне в бою товарищ бранный.
Когда ходили в Пьемонт,
Команду дал мне Дук де Ферья⁵,
Отряд доверив,— я же знамя
Дал другу, и в боях отважных
Моим он знаменосцем был.
Глубокою во время схватки
Он рану получил,— немедля
Ему постель мою я отдал,
За ним ходил, и видит Бог,
Он самой жизнью мне обязан.
Молчу я о других заслугах,
Которые размеров меньших:
Кто благодарен, тот о них
Не говорит,— и потому-то
Нам в академиях рисуют
Щедротность некой пышной дамой,
Что повернулась к нам спиной,—
В том смысл, что, раз благодеенье
Свершил, о нем забыть прилично,
Иначе нет благого дела.
И, чтобы кончить, Дон Хуан,
Как друг, признательности полный,
Узнав, что за мои заслуги
Я получаю повышение,
Его Величеством почтен,
И ко двору явиться должен,
Гостеприимным быть желает,
Меня в своем принявши доме.
Хоть он мне в Бургос написал,
И улицу и дом мне назвал,—
Верхом въезжая, не хотел я
Расспрашивать, как мне проехать,
И я на постоянный двор
Мулов с поклажею отправил,

А сам пошел пешком,— увидел
Толпу, наряды, вопрошаю,
В чем дело,— праздник, говорят,
Хочу хоть вскользь его увидеть,
Но мы явились слишком поздно,
И это...

СЦЕНА 2-я

*Донья Анхела, Исабель, закутанные
в мантильи до глаз⁶.— Те же.*

Д о н ь я А н х е л а

Судя по одежде,
Я с кабальеро говорю.
Я к вашим качествам взываю,
Молю за женщину вступиться,
Что видит в вас свою защиту.
Тут для меня и жизнь, и честь,
Чтоб не узнал вон тот гидальго,
Кто я, идя за мною следом.
Я вашей жизнью заклинаю,
Не допустите, чтобы здесь
Достойной даме причинили
Несчастье и оскорбленье...
Когда-нибудь случиться может...
Прощайте. Мертвая иду.

(Обе уходят очень поспешно.)

К о с м е

Что это? Дама или ветер?

Д о н М а н у э л ь

Вот случай.

К о с м е

Что намерен сделать?

Д о н М а н у э л ь

Об этом спрашивать ты можешь?
Как я могу не помешать
Несчастью и оскорбленье?
За нею муж идет, конечно.

К о с м е

Что ж ты замыслил?

Д о н М а н у э л ь

Нужно хитрость,
Чтоб задержать его сейчас,
Измыслить нужно ухищренье,
А если пользы в нем не будет,
Прибегнуть надо будет к силе,
Не дав ему понять предлог.

К о с м е

Коль ухищрения ты ищешь,
Тогда уж я одно придумал.
Вот и воспользуюсь — от друга
Рекомендательным письмом.

СЦЕНА 3-я

Дон Луис, Родриго. — Дон Мануэль, Косме.

Д о н Л у и с

Узнать, кто это, я намерен,
Хоть потому, что так желает
Она со мной остаться скрытной.

Р о д р и г о

Узнаешь, лишь иди за ней.

(Косме подходит.)

Дон Мануэль отходит к стороне.)

К о с м е

Сеньор, стыжусь я беспокоить,
Но, ваша милость, окажите
Такое мне благоволение:
К кому вот это здесь письмо?

Д о н Л у и с

Сейчас терпенья не имею.

(Косме задерживает его.)

К о с м е

Коль только нет у вас терпенья,
Имею я его в избытке,
Охотно с вами поделюсь.

Д о н Л у и с

Уйдите прочь.

Д о н М а н у э л ь *(в сторону)*

Еще их видно.

Какая улица прямая!

К о с м е

Я жизнью вашей...

Д о н Л у и с

Я клянусь вам,

Что вы несносный человек,
И голову я разобью вам,
Коль так вы этого хотите.

К о с м е

Хочу, но очень маловато.

Д о н Л у и с

Я больше не могу терпеть.
Прочь! *(Толкает его.)*

Д о н М а н у э л ь (в сторону)

(Подойти теперь мне нужно.
Что хитрость начала, то храбрость
Пусть кончит тотчас.)

(Подходит.)

Кабальеро,

Пред вами это мой слуга,
И я совсем не понимаю,
Чем мог он причинить обиду,
Чтоб стали так его толкать вы.

Д о н Л у и с

На жалобу ответа нет,
И никому не отвечал я
В подобных случаях. Прощайте.

Д о н М а н у э л ь

Когда б моя желала храбрость,
Потребовав, найти ответ,
Пускай поверит ваша дерзость,
Что без него я б не остался.
Спросил я, в чем была обида,
Или досада в чем была:
Он просто вежливость — вопрос мой,
Явить учтивость надлежало,
И при дворе ей обучают,
Так не пятняйте же теперь
Столицу славою дурною,
Чужой здесь вежливости учит
Тех, кто знаком с ней быть обязан.

Д о н Л у и с

Кто думает, что не могу
Ей обучать...

Д о н М а н у э л ь
Язык сдержите,
За сталью речь.

Д о н Л у и с
Вполне согласен.
(Обнажают шпаги и бьются.)

К о с м е
Кому придет охота драться!

Р о д р и г о
Эй вы там, шпагу наголо!

К о с м е
А шпага у меня девица,
Без объяснений невозможно
Так запросто с ней обращаться.

СЦЕНА 4-я

*Донья Беатрис, Клара, в мантильях.
Дон Хуан и толпа.— Те же.*

Д о н Х у а н
Пусти же, Беатрис, меня!

Д о н ь я Б е а т р и с
Ты не пойдешь туда!

Д о н Х у а н
Заметь, что
С моим тут братом поединок.

Д о н ь я Б е а т р и с
Вот горе!

Д о н Х у а н (к Дону Луису)

Я с тобою рядом.

Д о н Л у и с

Стой, Дон Хуан, остановись.
Ты мне не храбрости прибавил,
А делаешь меня трусливым.
Заметьте, кабальеро, если
Один дуэль я не отверг,
Теперь, когда приходит помощь,
Я поединок оставляю,
Так явно, что не трусость повод.
Идите с Богом. Не могу
Сражаться, против благородства,
С тем, кто свою являет доблесть.
Идите с Богом.

Д о н М а н у э л ь

Почитаю

За блеск и тонкость чувства вас.
Но, если бы у вас случайно
Еще сомненье оставалось,
Меня найдете, где хотите.

Д о н Л у и с

Вам добрый час.

Д о н М а н у э л ь

Вам добрый час.

Д о н Х у а н

Что вижу я и что я слышу!
Дон Мануэль!

Д о н М а н у э л ь

Вы, Дон Хуан!

Д о н Х у а н

Душа моя в недоуменьи,
Не ведает, что предпринять ей.
Я вижу ссору брата с другом,
(Одно и то же брат и друг)
Узнать я должен, в чем тут дело.

Д о н Л у и с

Причина вот. Тот кабальеро
Вступился за слугу, который
По глупости предлогом был
Того, что я с ним был невежлив.
И это все.

Д о н Х у а н

Коль так, позволь мне
Его обнять. Гость благородный,
Что ждем, и есть Дон Мануэль.
Брат, подойди. Вы оба бились
Равно и, доблесть показавши,
Должны вы с этого мгновенья
Друзьями быть, и быть вдвойне.
Обнимемся.

Д о н М а н у э л ь

Пред тем как вас я
В объятья заключу, позвольте
Сказать мне, что, увидев храбрость
Сеньора Дон Луиса, я
Ему услуги предлагаю.

Д о н Л у и с

Я друг ваш, и меня печалит,
Что не узнал я вас немедля,
Мне мог бы это показать
Ваш смелый нрав.

Д о н М а н у э л ь

Но ваша смелость
Меня довольно покарала.
Я ранен в руку.

Д о н Л у и с

Я хотел бы
Тысячекратно ранен быть.

К о с м е

Какая вежливая ссора!

Д о н Х у а н

Идемте сделать перевязку.
Ты, Дон Луис, пока побудь здесь,
Ждет Донья Беатрис меня,
Ты ей поможешь сесть в карету
И извинишься перед нею
За то, что я пред ней невежлив.
Идемте же в мой дом, сеньор,
Сказать вернее, в ваш,— там рану
Обмоем мы и перевяжем.

Д о н М а н у э л ь

Да ничего.

Д о н Х у а н

Идем скорее.

Д о н М а н у э л ь *(в сторону)*

Как это грустно для меня:
Мадрид меня встречает кровью.

Д о н Л у и с *(в сторону)*

Какая для меня досада,
Что так узнать и не пришлось мне,
Кто эта дама.

К о с м е (в сторону)

Заслужил

Мой господин то, что имеет:

Пускай вперед остережется

Быть Дон Кихотом перекрестков ⁷

(Дон Мануэль, Дон Хуан и Косме уходят.)

СЦЕНА 5-я

*Дон Луис, Донья Беатрис, Клара,
Родриго.*

Д о н Л у и с

Ну, буря пронеслась теперь.

Верните же лицу, сеньора,

Цветы, которые увяли,

Пусть больше обморочный холод

Не студит вашу красоту.

Д о н ь я Б е а т р и с

Где Дон Хуан?

Д о н Л у и с

Он умоляет,

Чтобы его вы извинили.

Долг отозвал его к заботам

О друге раненом сейчас.

Д о н ь я Б е а т р и с

О горе! Смерть моя! Кто ранен?

Он? Дон Хуан?

Д о н Л у и с

О, нет, сеньора,

Не Дон Хуан. Когда бы ранен

Был брат мой, разве смог бы я
Быть так спокоен? Не пугайтесь.
Несправедливо, чтобы оба —
Вы — впали в грусть, а я — в досаду,
Когда совсем не ранен брат.
Грусть, говорю я, — грустно видеть,
Что так печалитесь вы сильно
Воображаемой печалью,
Что жжет через мечту сильнее.

Д о н ь я Б е а т р и с

Прошу сеньора Дон Луиса
Заметить, что ценю учтивость,
И оттого, что это ваша,
И оттого, что в ней любовь.
Но не могу я отвечать вам.
В том виноваты лишь созвездья:
Где волю не являют звезды,
Там тяжбу нужно прекратить.
И если при дворе оценят
То, что бывает очень редко,
Цените же мою правдивость,
Не часто встретишь так ее.
Прощайте. Оставайтесь с Богом.

(Донья Беатрис и Клара уходят.)

СЦЕНА 6-я

Дон Луис, Родриго.

Д о н Л у и с

Идите с Богом. Ну, Родриго,
Мне не везет. Увидел даму,
Пленяет видом. Кто она?
Хочу узнать, но я задержан
Глупцом и ссорой. Что здесь хуже?

Не знаю. Бьюсь, приходит брат мой,
И мой противник — друг ему.
Меня он оставляет с дамой,
Чтобы пред ней я извинился,
Мне в даме только огорченье.
Одна закутана до глаз
И от меня бежит проворно,
Глупец толчется по дороге,
Чужой меня убить желает,
А брат его уводит в дом
Как гостя, и другая дама
Являет мне пренебреженье.
Весьма со мной судьба сурова.

Родриго

Из неприятностей таких
Какую чувствуешь ты больше?
Сказать?

Дон Луис

Никак не угадаешь.

Родриго

Всего обиднее, что брат твой
С красавицею Беатрис
Тебе сейчас внушает ревность?

Дон Луис

Ошибся.

Родриго

Ну так в чем забота?

Дон Луис

Уж если говорить серьезно,
(Я доверяюсь лишь тебе),

В том наибольшая забота,
Что так мой брат неосторожен:
Он в дом наш приглашает гостя,
И гость, Родриго, молодой,
Сестру красивую имея,
Она вдова и молодая,
И держит так ее он скрытно,
Что солнце ведает едва
О том, она живет ли в доме.
Как родственница навещает
Ее лишь Беатрис.

Р о д р и г о

Я знаю,
В таможене муж ее служил⁸,
Морские получал он сборы,
И Королю остался должен
Весьма значительную сумму.
В столицу прибыла она
Тайком и здесь, уединенно
Живя, хлопочет, чтоб получше
Устроиться с его долгами.
И этим извинен твой брат.
Подумай и размысли точно:
Не позволяет положение
Ни с кем ей заводить знакомства,
Пускай Дон Мануэль твой гость,
Ведь он сеньор и не узнает,
Что в доме женщина такая,—
Какое же тут неудобство,
Чтоб в этом доме он гостил?
Притом еще он был заботлив,
И в комнате ее проделал
На улицу другую дверь он,
А ту, что раньше в дом вела,—
Чтоб устранилось подозренье
О том, какая здесь забота,

Иль для того, чтоб можно было
Ее потом легко открыть,—
Заделал он стеклянным шкафом,
Который так устроен ловко,
Что никогда нельзя подумать,
Что в этом месте дверь была.

Д о н Л у и с

Смотри, чем хочешь успокоить.
Меня ты этим убиваешь:
Защита из стекла для чести —
Удар, и хрустнуло стекло.
(Уходят.)

Обиталище Доньи Анхелы в доме Дона Хуана.

СЦЕНА 7-я

Донья Анхела, Исабель.

Д о н ь я А н х е л а

Дай, Исабель, мне поскорее
Мой траурный покров. (О, горе.)
Меня живой окутать в саван,
Решила так моя судьба.

И с а б е л ь

Поторопись, а то несчастье:
Коль брат имеет подозренье,
Пусть не найдет он подтвержденья,
Тебя такую увидав,
Какой тебя в дворце он видел.

Д о н ь я А н х е л а

Бог, помоги мне! Умираю
Здесь меж стеною и стеною,

И солнце самое меня
Едва ли знает, потому что
В срок дня печаль мою не втиснешь,
И вымолвить не в состояньи
Непостоянная луна,
Что видела мои рыдания.
Поистине я взаперти
Живу, лишенная свободы,
Вдова я моего супруга,
Двух братьев суженая строгих.
И в преступленье вменят мне,
Что, низости не совершая,
А отвергая лишь опеку,
До глаз закутана покровом,
В тот славный я пошла театр,
Который голосом металла,
Могучим языком из бронзы,
Прославлен в праздничном сияньи.
Жестокая моя звезда!

И с а б е л ь

Не может в этом быть сомненья,
Сеньора: ты вдова, красива,
Ты молода и так изящна,—
И вот, заботясь о тебе,
Твои тебя скрывают братья.
Признай, что вдовье положенье
К грехам любви весьма склонно,
В особенности при дворе,
Где в наше время очень в моде
Грустящие такие вдовы;
Увижу вдовушку в печали,
И небо я благодарю:
Вот целомудрие, вот честность,
Нахмурится, едва посмотришь,
И вид у ней преображенный.
В покрове длинном что за лик!

Но, только набожность откинут
И траурный покров отбросят,
Под каждый звук они запляшут
Быстрей, чем мячик по ветрам.
Два смысла в нашем разговоре,
И мы его, сеньора, бросим.
А что же мы не говорили
О кабальеро до сих пор,
Которому ты честь вручила,
И ныне стал он твой избранник?

Д о н ь я А н х е л а

В моей душе ты прочитала
То, что я думаю сейчас.
Я озабочена не столько
О нем, как о себе самой же:
Чуть прочь мы, звон там шпаг раздался,
И мысль пришла мне, Исабель,
(Скорее я скажу — химера)
Что так он принял близко к сердцу
Мне сделанную неприятность,
Что, верно, шпагу обнажил,
Взяв на себя мою защиту.
Я поступила очень глупо,
Его втянувши в это дело,
Но если женщину смутишь,
Что думает она, что знает?

И с а б е л ь

Не знаю, помешать он мог ли,
Но знаю, что за нами брат твой
Уж более не шел.

Д о н ь я А н х е л а

Постой!

СЦЕНА 8-я

Дон Луис.— Донья Анхела, Исабель.

Д о н Л у и с

Анхела!

Д о н ь я А н х е л а

Господин и брат мой,
Приходишь ты ко мне в волненьи.
Что приключилось? Что с тобою?

Д о н Л у и с

Со мною что? Со мною честь.

Д о н ь я А н х е л а *(в сторону)*

Беда! Меня узнал он верно!

Д о н Л у и с

И потому я озабочен,
Когда к тебе нет уваженья.

Д о н ь я А н х е л а

Ты неприятности имел?

Д о н Л у и с

Всего, пожалуй, неприятней,
Что, приходя к тебе, я с той же
Заботой остаюсь, как прежде.

И с а б е л ь *(в сторону)*

Еще испуг?

Д о н ь я А н х е л а

Как я могла
Так причинить тебе заботу?
Заметь...

Д о н Л у и с

Причиною была ты.

И видеть...

Д о н ь я А н х е л а

Горе мне!

Д о н Л у и с

Анхела,

Что брат наш так тебя не чтит...

Д о н ь я А н х е л а (в сторону)

Вот это так!

Д о н Л у и с

Когда довольно

Тебе забот твоих, он новых
Готов прибавить. За досаду
Не он, но гость мне заплатил.
Когда его еще не знал я,
Его пророчески я ранил.

Д о н ь я А н х е л а

Как это было?

Д о н Л у и с

Я на площадь
Дворцовую пришел, сестра,
До изгороди, потому что
Ни всадникам и ни каретам
Там больше не было дороги,
И я пришел туда пешком.
К кружку друзей я направляюсь,
Они, я вижу, веселятся,
До глаз закутанная дама
Им много говорит острот,

И все они ей восхищались,
Наперерыв хваля искусство
И меткость быстрых изречений.
Но, только что я подошел,
Ни слова больше не сказала,
И кто-то наконец с вопросом
К ней обратился, почему же,
Чуть я пришел, она молчит.
Всем этим был я озадачен,
Смотрю, не знаю ли ту даму,
Но рассмотреть ее не мог я,
Закуталась она еще
И прячется, и вся есть тайна.
Не мог узнать ее, — решаюсь
Тогда идти за нею следом,
Она спешит, и каждый миг
Глядит, иду ли я за нею;
Едва оглянется, и тотчас
В том шпора моему желанью.
Так продолжалось, вдруг слуга
Сеньора, что позднее к нам гостем
Отправился, ко мне подходит
И просит, чтоб прочел письмо я,
Я отвечал, что тороплюсь,
Я думал, что меня нарочно
Он хочет задержать, я видел,
Как женщина с ним говорила,
Идя поспешно мимо них,
И так он с просьбой был упорен,
Что я не знаю, что ответил.
Тут гость наш подошел, вступаясь
За своего слугу, — весьма
Он по-военному держался.
В конце мы обнажили шпаги.
И это все. А быть могло бы
Гораздо больше.

Д о н ь я А н х е л а

Ну смотри,
Какая женщина дурная!
Через нее ты в затрудненье
Попал, и об заклад побьюсь я,
Ловушку ставила она,
Кто ты, совсем она не знала,
И просто очень ей хотелось,
Чтоб ты пошел за нею следом.
Вот потому-то иногда
Я говорю, быть может, лишку
Твержу тебе (коли припомнишь),
Чтоб из-за женщинок различных
В опасность ты не попадал,
У них одна всегда утеха —
Запутать и завлечь мужчину.

Д о н Л у и с

Что делала ты в предвечерье?

Д о н ь я А н х е л а

Сидела дома у себя,
Слезами только утешалась.

Д о н Л у и с

А с нашим братом говорила?

Д о н ь я А н х е л а

С утра сюда не заходил он.

Д о н Л у и с

Как дурно, что небрежен он!

Д о н ь я А н х е л а

Оставь ты эти огорченья.
Терпеть — гораздо лучше будет:
Он старший брат и он нас кормит.

Д о н Л у и с

Ну, если так спокойна ты,
И я спокоен, потому что
Из-за тебя я огорчился.
И, чтоб ты видела, что злого
Не чувствую, пойду к нему
И буду с ним вполне любезен.
(Уходит.)

СЦЕНА 9-я

Донья Анхела, Исабель.

И с а б е л ь

Что скажешь ты, моя сеньора?
Какие, после наших страхов,
Здесь новости у нас в дому!
Кто жизни был твоей защитник,
Сегодня он твой гость, он ранен,
В твоём находится он доме.

Д о н ь я А н х е л а

Уж заподозрила о том,
Когда я, Исабель, узнала
От брата о возникшей ссоре,
А также и о том, что гостем
Был тот, кто в ссоре ранен был.
И все же не могу поверить,
Такой невероятный случай:
Едва сюда в Мадрид он прибыл,
Встречает тотчас даму он,
Которая защиты просит,
И брата,— тот наносит рану,
И брата,— тот его уводит
В гостеприимный дом к себе.
Стеченье этих обстоятельств

Настолько странно, что, хотя бы
Все и случилось так, поверю,
Когда увижу я его.

И с а б е л ь

Коль таково твое желанье,
Я знаю, как его ты можешь
Увидеть, да еще и больше,
Чем видеть.

Д о н ь я А н х е л а

Ты сошла с ума.
Так комната моя далеко
От комнаты его!

И с а б е л ь

Есть место,
Где эта комната с другою
Так сходится, что обе вплоть,
На это ты не ужасайся.

Д о н ь я А н х е л а

Не то, чтоб я его хотела
Увидеть, хочется лишь знать мне —
Скажи, как это может быть?
Я слушаю, и я не верю.

И с а б е л ь

Не знаешь ты, что брат твой сделал
Из двери шкаф?

Д о н ь я А н х е л а

Я понимаю,
К чему ты разговор ведешь.
Ты говоришь, что там доска есть,
И если просверлим мы дырку,
Мы можем увидеть и гостя.

Исабель

Я дальше разговор веду.

Донья Анхела

Скажи.

Исабель

Ту дверь совсем желая

Прикрыть, и спрятать дверь, откуда

В тот сад пройти возможно было,

А если нужно, так открыть,

Твой брат тогда распорядился

Передвижной тут шкаф поставить.

Тот шкаф (хотя стекла в нем много)

Вполне легко передвигать.

Отлично я про это знаю:

Когда я шкаф тот прибирала,

Я лестницу к нему случайно

Приставила, и он с гвоздей

Посдвинулся, и вовсе съехал,

Все вместе на пол полетело,

Когда с зацепок он сорвался,

И лестница, и шкаф, и я.

Теперь защитой он фальшивой

Стоит там, и его подвинуть,

Так там любой пройдет, сеньора.

Донья Анхела

Не будем ничего решать,

Сообразим лишь, что возможно.

Допустим, Исабель, хочу я

Пройти в ту комнату, сдвигаю

Я этот шкаф. А если кто

Его оттуда станет двигать?

Исабель

Конечно, может это сделать.

Но, чтобы мы спокойны были,

Приделаем мы два гвоздя
Нарочно — шкаф открыть сумеет
Лишь тот, кто будет знать об этом.

Д о н ь я А н х е л а

Когда слуга придет за светом
И за бельем, скажи ему,
Что, если гость из дома выйдет,
Пусть известит тебя об этом;
Я думаю, что из-за раны
Не сляжет он теперь в постель.

И с а б е л ь

И ты пойдешь туда? Решишься?

Д о н ь я А н х е л а

Я вздорным мучаюсь желаньем
Узнать, не тот ли это самый,
Кто так меня сегодня спас.
Когда я, Исабель, причина,
Что с ним случилась неприятность
И кровь он пролил, я о ране
Его заботиться должна,
Коль только выказать вниманье,
Могу неузнанной остаться.
Идем, должна я шкаф увидеть,
И если можно мне пройти,
О нем заботиться я буду,
А он не будет знать, откуда
Внимание к нему приходит.

И с а б е л ь

Но это прямо как рассказ.
А если он его расскажет?

Д о н ь я А н х е л а

Он сделать этого не может.
Явил он слишком много качеств,

Он скромно-благороден был,
Меня пленивши этим сразу:
Как мужественный, был он твердым,
Как вежливый, учтиво тонким,
Как умный, сразу понял он,—
Не может он меня обидеть,
Болтливостью в заботу ввергнув:
Как мог бы злой язык испортить
Так много превосходных черт?

(Уходят.)

*Комната Дона Мануэля. Подвижной шкаф
с полками; на них хрусталь. Жаровня и пр.*

СЦЕНА 10-я

*Дон Хуан, Дон Мануэль, Слуга со свечой,
затем Дон Луис и Второй Слуга.*

Д о н Х у а н

Пожалуйста, прошу, прилягте.

Д о н М а н у э л ь

Ничтожная такая рана,
Что, право, Дон Хуан, жеманство
Нам даже говорить о ней.

Д о н Х у а н

Звезду мою благодарю я,
А то скорбел бы неутешно:
За удовольствие вас видеть —
Платить печалью,— знать, что вы
Здесь в доме сильно нездоровы,
И знать, что ранены рукою
Вы брата моего, хотя бы
В том не было его вины.

Д о н М а н у э л ь

Он превосходный кабальеро,
Его клинок моя есть зависть,
Его манерою пленен я,
И друг ему я и слуга.

*(Входит Дон Луис и Слуга
с покрытой корзиной, в ней шпага,
тщательно уложенная.)*

Д о н Л у и с

Я ваш слуга, сеньор, и это —
Мое показывает горе.
Вам жизнь мою я предлагаю,
И больше пусть в моих руках
Не остается то орудье,
Которым причинилась рана,
Мне более оно не любо,
Служить не может больше мне.
Я этой шпагою вас ранил,
Ее к ногам слагаю вашим,
Дабы прощенья попросила,
Коль виновата в чем она.
Отмстите ей, — и над нею,
И надо мной пусть будет кара.

Д о н М а н у э л ь

И в храбрости и в остроумьи —
Я вами побежден во всем.
Я эту шпагу принимаю,
Со мною будет неразлучно,
Меня уча всегда быть храбрым.
Могу спокойно жить теперь:
Кто, опоясан вашей сталью,
Не будет жить вполне спокойно?
Лишь в ней мне страх грозил бы верный.

Д о н Х у а н

Здесь Дон Луис мне показал,
Как нужно обходиться с гостем,
И я хочу, чтоб получили
Вы также от меня подарок.

Д о н М а н у э л ь

Обоим как вам отплачу!

СЦЕНА 11-я

*Косме, нагруженный чемоданами и подушками.
Те же.*

К о с м е

Чтоб двести тысяч злобных духов
Кричали о свирепстве адском
И обратились кровожадно
Из духов в двести тысяч змей,
И чтоб они меня схватили
И полетели,— лапы к небу,—
Во исполненье воли Божьей
И правосудного суда,
Но только бы без оскорблений
Мне жить в Галисии привольно,
Или в Астурии скитаться,
А не в Мадриде пребывать.

Д о н М а н у э л ь

Сдержись...

К о с м е

Держи своя держалка.

Д о н Х у а н

Что говоришь?

К о с м е

Что говорю я.
Изменник тот, кто ход откроеет
Свободный — своему врагу.

Д о н Л у и с

Опомнись. Где врага ты видишь?

К о с м е

Фонтан, и в нем вода фонтана.

Д о н М а н у э л ь

Ты этим так обеспокоен?

К о с м е

Вот так по улице иду,
Несу подушки, чемоданы,
И хлоп в закраину фонтана,
Все так несу, как в поговорке:
Идя, ударил в грязь лицом.
Кому все это было нужно?

Д о н М а н у э л ь

Ступай, ты пьян, ступай отсюда.

К о с м е

Когда бы пьян я был, тогда бы
Не так сердит я был с водой.
Когда в одной читаю книге,
Что льет струя, и бьют фонтаны,
И изменяются потоки,
Я этому не удивлюсь,
И удивительно ли будет,
Коль из воды вино здесь станет.

Д о н М а н у э л ь

Когда он речь такую начал,
Так не окончит целый год.

Д о н Х у а н

Весьма он странный нрав имеет.

Д о н Л у и с

Хочу, чтоб только ты сказал мне
(Читать умеешь, это видно,
Ведь ты о книге говорил),
Зачем просил ты так несносно,
Чтобы тебе письмо читали?
Куда идешь?

К о с м е

Читаю книги,
А писем не могу читать.

Д о н Л у и с

Ответ удачный.

Д о н М а н у э л ь

Я прошу вас,
Его всерьез не принимайте,
Себя он постепенно явит,
Увидите, что он шутник.

К о с м е

Из шуток я парад устрою,
И вас прошу покорно в гости.

Д о н М а н у э л ь

Мне кажется еще не поздно,
И навещу я кой кого.

Д о н Х у а н

Я к ужину вас ожидаю.

Д о н М а н у э л ь

Ты, Косме, эти чемоданы
Раскроешь и одежду вынешь.
Почистишь хорошенько все.

Д о н Х у а н

Коли захочешь запереть ты,
Вот ключ,— есть у меня в запасе.
Другой, на случай, если ночью
Вернусь я в слишком поздний час,
Иного нет ключа, ни двери.

(В сторону.)

(Так говорю не без причины.)
Ключ в комнате оставь, а утром
Сюда придут, чтобы прибрать.

(Все уходят, кроме Косме.)

СЦЕНА 12-я

Косме.

К о с м е

Имущество мое, приди-ка,
С тобою свидеться желаю,
Хочу приметить я, насколько
В дороге потолстел мой клад.
В гостиницах или харчевнях
Счета не ткут из тонкой пряжи,
Не то, что дома, где, считая,
По нягочке тебя ведут.
В такое можно впасть стеснение,
Что бесполезно руку к сердцу

Тянуть, а лучше уж к карману
Чужому, но не своему.

*(Открывает чемодан
и вынимает кошелек.)*

Мошна, твой вид совсем прелестен,

Ты округленная такая,

Ты в путь отправилась девицей,

А путь окончила с брюшком.

Сочту-ка, что в тебе таится.

Нет, попусту растратишь время:

Каких ягнят я господину

Золоторунных продавал,

Чтоб до краев была полна ты?

Что есть, то есть, и делу крышка.

Вот чемодан его, достану

Оттуда вещи, а не то

Придет и ляжет спозаранка,

Ведь он велел мне разобраться.

Но если это он велел мне,

Я должен подчиниться вдруг?

Раз он велел, напротив нужно

Понять, что делать мне не нужно,

Ведь я слуга. А прогуляться —

Вот это надобно сейчас,

Пойти в обитель помолиться.

Ты этого желаешь, Косме?

— Желаю.— Ну идем же, Косме.

Нам час, а после господам.

(Уходит.)

СЦЕНА 13-я

*Донья Анхела, Исабель,
выходят через дверь, скрытую шкафом.*

И с а б е л ь

Должно быть, комната пустая,
Родриго мне сказал, что гость наш
Ушел, ушли и братья также.

Д о н ь я А н х е л а

Свой опыт сделать я могу.

И с а б е л ь

Ты видишь, никаких препятствий,
И здесь проход совсем свободный.

Д о н ь я А н х е л а

Я вижу, Исабель, напрасны
Предосторожности мои,
Мы никого не повстречали.
Дверь открывается свободно
И закрывается свободно,
Не оставляя ни следа.

И с а б е л ь

Зачем пришли мы?

Д о н ь я А н х е л а

Чтоб вернуться.

Когда две женщины желают
Одну осуществить проделку,
Довольно помечтать о ней.
Два раза об одном и том же
Мы говорим: Ведь я решила,
Что, если гость — тот кобальеро,
Который с храбростью такой

Как мой защитник встал и бился,
Хочу ему подарок сделать.

И с а б е л ь

Вот здесь принес твой брат подарок,
И шпага на столе, гляди.

Д о н ь я А н х е л а

Мой письменный прибор, смотри-ка?
Поди сюда.

И с а б е л ь

Мой господин мне
Велел его сюда доставить,
И письменный поставить стол,
И сотней книг его украсить.

Д о н ь я А н х е л а

Здесь на полу два чемодана.

И с а б е л ь

И отпереть. Сеньора, хочешь
Посмотрим, что там в них лежит?

Д о н ь я А н х е л а

Да, вздорное во мне желанье
Взглянуть, какая с ним одежда
И драгоценности какие.

И с а б е л ь

Ну, кто хлопочет о солдате,
Он драгоценщик не отличный.

*(Вынимает все в порядке перечисления
и разбрасывает вещи по комнате.)*

Д о н ь я А н х е л а

Что у тебя?

И с а б е л ь

Бумаги, письма.

Д о н ь я А н х е л а

От женщины?

И с а б е л ь

О, нет, сеньора,
С тетрадью сшитая тетрадь,
Какая-то, должно быть, тяжба,
Тяжелая.

Д о н ь я А н х е л а

Когда бы это
От женщины писанье было,
В нем легкость ощутила б ты.
Напрасно только тратишь время.

И с а б е л ь

Белье тут чистое.

Д о н ь я А н х е л а

Как пахнет?

И с а б е л ь

А пахнет просто чистотою.

Д о н ь я А н х е л а

Нежнейший дух из всех духов.

И с а б е л ь

Три качества я замечаю:
В нем точность, чистота и мягкость.
Но что это, сеньора? Видишь?
Железки разные в мешке.

Д о н ь я А н х е л а

Дай посмотреть. Уж не мешок ли
Зубоврачебных инструментов?
Но вот щипцы, чтоб завиваться,
А это — волосы поднять.
А это — чтоб усы крутились.

И с а б е л ь

При сем гребенка, с нею щетка.
В таком здесь все лежит порядке,
Что верно на его башмак
Найдется должная колодка.

Д о н ь я А н х е л а

Откуда это заключаешь?

И с а б е л ь

Оттуда, что ее я вижу.

Д о н ь я А н х е л а

Что там еще?

И с а б е л ь

А вот. При сем
Вторая связка, в лике писем.

Д о н ь я А н х е л а

Подай-ка. Женские, конечно,
И не одно писанье только,
Портрет.

И с а б е л ь

Что в том тебя дивит?

Д о н ь я А н х е л а

Смотрю на красоту — пленяет
Нас красота и на картине.

И с а б е л ь

Досадуешь, портрет увидя?

Д о н ь я А н х е л а

Вот глупость. Больше не смотри.

И с а б е л ь

Теперь что замышляешь сделать?

Д о н ь я А н х е л а

Хочу ему письмо оставить.

Возьми портрет.

(Садится писать.)

И с а б е л ь

Я в это время

Взгляну-ка в чемодан слуги.

Тут деньги. Медные монеты,

Размеров пребольших и наглых,

В том обществе, где золотые

Как короли, а серебро

Как принцы, это чернь простая.

Прделаю над ним я штуку,

Над тем лакеем, деньги выну

И угли положу в кошну.

Мне скажут: Где же к черту угли

Возьмет здесь женщина? Забыли,

Что в ноябре все происходит,

И в комнате жаровня есть.

*(Вынимает деньги из кошелька
и кладет в него угли.)*

Д о н ь я А н х е л а

Вот написала. Как считаешь?

Куда бы положить письмо мне,

Чтоб брат, сюда придя случайно,
Его никак не увидал?

И с а б е л ь

Под покрывало на подушку,—
Когда постель свою откроет,
Письмо наверно он увидит,
Пока же — там надежен клад.

Д о н ь я А н х е л а

Совет отличный. Так скорее
Клади письмо и прибери все.

И с а б е л ь

Дверь отпирают, ключ я слышу.

Д о н ь я А н х е л а

Тогда оставь все, Исабель,
Как есть, и спрячемся скорее.

И с а б е л ь

Шкаф создал нас — в него уходим.

(Уходят через шкаф.)

СЦЕНА 14-я

Косме.

К о с м е

Себе я послужил довольно,
Так за один и тот же счет
И господину мы послужим.
Но видно, что с аукциона
Все наше тут распродается?
Так и пошли мы с молотка?

Здесь прямо рыночная площадь.
Кто тут? Молчанье, слава Богу.
Нет никого, а если кто-то
Укрыт, желает он молчать.
Пожалуйста, не говорите,
Говорунов не уважаю,
Но, если говорить по правде,
Шепнуть тихонько на ушко —
Весь трепещу я от испуга.
Но изучатель чемоданов
Вещей искал напрасно ценных,
И пусть себе их ворошит,
Лишь деньги бы мои не тронул,
А там хоть триста раз являйся.
Но, что я вижу! О, Всевышний!
(*Рассматривает содержимое кошелька.*)
Он в уголь деньги превратил.
Ой, привиденье, привиденье,
Ты привидение презлое,
Ты превращай свои монеты,
Не деньги те, что я украл.

СЦЕНА 15-я

Дон Мануэль, Дон Хуан, Дон Луис.— Косме.

Д о н Х у а н

Что ты кричишь?

Д о н Л у и с

Что приключилось?

Д о н М а н у э л ь

Что здесь такое? Говори же.

К о с м е

Мне нравятся манеры эти!

Сеньор, коль у тебя жильцом
Здесь привиденье в этом доме,
Зачем же нам тут быть гостями?
Я на минутку отлучился,
И вот как вещи я нашел,
Таким путем, таким манером
Разбросаны они повсюду,
И кажется, что все богатство
Распродается с молотка.

Д о н Х у а н

Пропало что-нибудь?

К о с м е

Все цело.

Вот только в этом кошельке
Деньжонки были, сбереженья,
Так вместо денег угли там.

Д о н Л у и с

Да, понимаю.

Д о н М а н у э л ь

Но как глупо!

Ни красоты, ни смысла в шутке.

К о с м е

Я вовсе не шучу, ей Богу.

Д о н М а н у э л ь

Молчи, такой ты — как всегда.

К о с м е

Что правда, правда; но порою
Бываю в здоровом я рассудке.

Д о н Х у а н

Дон Мануэль, покойной ночи,
Ложитесь с Богом, и пускай
Вас привиденье не тревожит.
Слуге же своему скажите,
Чтоб шутки выдумал другие.

(Уходит.)

Д о н Л у и с

Недаром же так храбры вы,
Вам с обнаженной шпагой нужно
Всегда распутать неприятность,
А неприятностей довольно
Приносит этот вам глупец.

(Уходит.)

СЦЕНА 16-я

Дон Мануэль, Косме.

Д о н М а н у э л ь

Как говорят со мной, ты видишь?
Меня считают сумасшедшим
За то, что я терплю такого,
Как ты. Куда бы ни пошел,
С тобой мне всюду неприятность.

К о с м е

Ты здесь один, и шуток строить
Я так лицом к лицу не буду,
Ведь ты еще мне не отец.
Пусть дьяволы меня уносят,
Пусть две их тысячи примчатся,
Коли неправду говорю я,
И кто-то,— кто бы ни был там,—
А эту всю стряпню состряпал.

Д о н М а н у э л ь

Прикрыть свою ты хочешь глупость.
Все собери, что разбросал ты,
И спать ложись.

К о с м е

Сеньор, пускай
К галере буду я прикован...

Д о н М а н у э л ь

Молчи, молчи, а то сейчас же
Ты в голову удар получишь.

(Входит в альков.)

К о с м е

Весьма я был бы огорчен,
Случись подобное со мною.
Ну что же, снова в чемоданы
Я всю эту начинку втисну.
О, небо, если б я имел
Трубу — суда вещей домашних!
Я протрубил бы возглас судный,
И каждая была б на месте.

(Дон Мануэль возвращается с письмом.)

Д о н М а н у э л ь

Скорей мне, Косме, посвети.

К о с м е

Что там с тобой, сеньор, случилось?
Людей каких-нибудь ты встретил?

Д о н М а н у э л ь

Постель я, Косме, открываю,
Хочу уже ложиться спать,

И нахожу под покрывалом
Письмо, а на конверте надпись,
Которой очень удивлен я.

К о с м е

Кому?

Д о н М а н у э л ь

Да мне, но странно так.

К о с м е

Что там написано?

Д о н М а н у э л ь

Вот, слушай.

(Читает.)

«Никто меня да не откроет.
Принадлежу Дон Мануэлю».

К о с м е

Хвала же Господу, что ты
Теперь поверить мне обязан.
Не открывай письмо, покуда
Не скажешь заклинаний должных.

Д о н М а н у э л ь

Я новизной всего смущен,
А вовсе не испуган, Косме.
И удивление — не страх.

(Читает.)

«Весьма заботит меня ваше здоровье, ибо
я была причиною вашей опасности⁹. И потому,
благодарная и огорченная, умоляю вас изве-
стить меня о нем и принять мои услуги.
И для того и для другого случай найдется,
ответ можно оставить там, где вы нашли

это письмо. Заметьте, что во всем этом должно соблюсти тайну, ибо в тот день, когда кто-нибудь из друзей об этом узнает, я потеряю честь и жизнь».

К о с м е

Сколь странный случай!

Д о н М а н у э л ь

Разве странный?

К о с м е

Тебя не удивляет это?

Д о н М а н у э л ь

Напротив, все теперь мне ясно.

К о с м е

Как так?

Д о н М а н у э л ь

Вполне уверен я,
Что та закутанная дама,
Которая так убегала
От Дон Луиса, это дама
Его, я не могу сказать
Жена, когда еще он холост.
А если это так, в чем трудность,
Чтоб в доме, где живет любимый,
Нашлась надежная рука,
И ей сюда открылся доступ?

К о с м е

Придумано совсем отлично.
Но страх мой продолжает дальше.
Пускай его тут дама. Так.

С чем вас, сеньор, я поздравляю.
Но, улицею пробегая,—
То, что должно случиться было,
Как угадать могла она,
Чтоб вдруг письмо так приготовить?

Д о н М а н у э л ь

Тогда, когда уж все случилось,
Отдать письмо могла кому-то,
Слуге, который взял его.

К о с м е

Но, если б даже так,— как мог бы
Его он положить в постели?
С тех пор, как в комнату вошел я,
Никто сюда не приходил.

Д о н М а н у э л ь

Могло случиться это раньше.

К о с м е

Могло. А эти чемоданы?
А перевернутые вещи?
И тут готовое письмо?
Пожалуй, дело здесь сложнее.

Д о н М а н у э л ь

Взгляни-ка, заперты ли окна.

К о с м е

Засовами, и за решеткой.

Д о н М а н у э л ь

Опять в сомнение я впал,
И много в мысли подозрений.

К о с м е

В чем подозренья?

Д о н М а н у э л ь

Не сумею

Их изъяснить.

К о с м е

Что ж хочешь сделать?

Д о н М а н у э л ь

Хочу писать и отвечать,
Пока не разъясню, в чем дело,
Писать в таком я буду тоне,
Чтоб было видно, что ни страха,
Ни удивленья нет во мне.
Я убежден, что будет случай,
И натолкнемся на того мы,
Кто будет приносить мне письма
И за ответом приходить.

К о с м е

Хозяевам о том ни слова?

Д о н М а н у э л ь

Ни слова. Не могу доставить
Зла женщине, ко мне с доверьем
Отнесшейся.

К о с м е

Ты оскорбишь
Того, кто, думаешь, ей милый?

Д о н М а н у э л ь

Нет, потому что с ней мне можно
Не сделать ничего дурного.

К о с м е

Нет, мой сеньор, побольше тут,
Чем ты сейчас предполагаешь,
И с каждым доводом, я чую,
Ты только множишь подозренья.

Д о н М а н у э л ь

В чем дело?

К о с м е

Письма от тебя
Уходят и к тебе приходят,
И сколько ты следить ни будешь,
А все же тут нечисто дело.
Что полагаешь ты о том?

Д о н М а н у э л ь

Я полагаю, что возможно
Войти и выйти очень ловко,
Что в комнате, быть может, место
Есть потайное, скрытый вход.
Об этом обо всем гадая,
Могу я, Косме, ум утратить,
Но в сверхъестественное верить,
Уволь, никак я не могу.

К о с м е

Нет привидений?

Д о н М а н у э л ь

Кто их видел!

К о с м е

Нет домовых?

Д о н М а н у э л ь

Воображенье.

Косме

Колдуний?

Дон Мануэль

Вздор.

Косме

А ведьм?

Дон Мануэль

Ошибка.

Косме

А духов страсти?

Дон Мануэль

Суший бред.

Косме

Волшебниц?

Дон Мануэль

Тоже нет на свете.

Косме

А фей?

Дон Мануэль

Безумье.

Косме

Чародеев?

Дон Мануэль

Нелепость.

К о с м е
Одержимых бесом?

Д о н М а н у э л ь
Ты сумасшедший.

К о с м е
Пойман ты!
А дьяволов?

Д о н М а н у э л ь
Без важной власти.

К о с м е
А душ Чистилища?

Д о н М а н у э л ь
Они-то
Меня влюбляют? Ну и глупость.
Оставь меня. Ты надоел.

К о с м е
Что ж наконец решаешь делать?

Д о н М а н у э л ь
Следить, следить и днем и ночью,
С вниманьем самым неослабным,
(Разгадку этим я найду) —
Не веря в домовых, ни в духов.

К о с м е
Я думаю, есть некий демон,
И там он действовать повинен,
Где курят и пускают дым.

ХОРНАДА ВТОРАЯ

Обиталище Доньи Анхелы.

СЦЕНА 1-я

Донья Анхела, Донья Беатрис, Исабель.

Донья Беатрис

О необычном говоришь мне.

Донья Анхела

О необычном, ты сказала?
Постой. Еще конец узнаешь.
На чем остановились мы?

Донья Беатрис

На том, что через шкаф проникла
В его ты комнату спокойно,
И так заметить это трудно,
Как открывать его легко.
Ему письмо ты написала,
И день спустя ответ имела.

Донья Анхела

Так я скажу: Такого стиля
Я не видала никогда.
В волшебное он приключенье
Свою примешивает шутку
И странствующим подражает
Он рыцарям, чей путь всегда
Таких исполнен приключений.

Вот от него я получила
Письмо, которое охотно
Я, Беатрис, тебе прочту.

(Читает.)

«Красивая волшебница, кто бы ни были вы, Этому рыцарю томимому сострадающая и с достаточным участием заботы его уменьшающая, молю вас, соизвольте меня осведомить, кто он, жестокосердец низкий, кто он, языческий злодей, который в злых чарах вас держит окованную, дабы вторично во имя ваше, излеченный от минувших ран, вступил я в битву необычную, хотя бы должен был в ней умереть, ибо в жизни не более преимуществ, чем в смерти, если рыцарь склонен исполнить свой долг. Даятель света вас да защитит, и меня да не забудет.

Рыцарь Дамы Невидимки¹».

Донья Беатрис

Клянусь, написано прекрасно,
И самый слог весьма подходит
К необычайному событию.

Донья Анхела

Я изумления ждала.
Когда ж ответ я прочитала
И вижу вместо дивованья
Изящную такую шутку,
Решила я продолжить стиль
И, отвечая, сообщила...

Исабель

Постой, не делай сообщений,
Там Дон Хуан, твой брат, приходит.

Донья Анхела

Сомненья нет, приходит он,
Чтобы, как любящий и верный,
Тебя благодарить за счастье
С тобою, Беатрис, беседу
Здесь в доме у себя вести.

Донья Беатрис

Я рада, говоря по правде.

СЦЕНА 2-я

Дон Хуан. — Те же.

Дон Хуан

Нет худа без добра, вещает
Пословица, и это правда,
Я вижу это на себе,
Мне радость в вашем огорченьи.
Узнал я, что отец ваш с вами
Имел суровую беседу,
Пленительная Беатрис,
И оттого к нам в дом пришли вы,
Без удовольствия, пожалуй.
Мне грустно, что в печали вашей
Себе я радость нахожу.
Мне грустно, что в моей отраде
Для нас одно лишь огорченье,
Не чувствую того несчастьем,
Что вас приводит к нам сейчас.
Любовь здесь действует различно:
В вас болью, а во мне восторгом,
В чем свойства, говорят, ехидны,
Что сразу порождает яд
И вместе с ним противоядье.
Добро пожаловать к нам в гости,

Хоть прогостите вы недолго,
Все ж вместе с ангелом на миг
Возможно здесь увидеть солнце.

Донья Беатрис

Вы сожаленья и приветы
Перемешали так учтиво,
Что отвечать мне нелегко.
С отцом имела объясненье;
Причина вы; хоть он не знает,
Кто был тот притязатель нежный,
Но знает, что с балкона я
Там ночью с кем-то говорила,
И до тех пор, пока досада
В нем не пройдет, должна остаться
С двоюродной моей сестрой,
В чью добродетель он так верит.
Я вам скажу — того довольно,
Что нравится мне неприятность:
Ведь и во мне самой любовь
Влиянье разное проявляет.
Лучи роняя золотые,
Так солнце действует различно:
Один цветок сейчас умрет,
Другой мгновенно расцветает.
Любовь, светя мне в сердце, ранит
Заботу в нем и убивает,
И в сердце радость расцвела,
Что нахожусь я в вашем доме,
В алмазной сфере, где и солнцу
Чертог является завидный,
И ангелу найдется кров².

Донья Анхела

Два любящих в любовь играют,
И выигрыш у них отличный:
Иначе как бы так охотно
Вы мне дарили это все?

Дон Хуан

Ты знаешь, что, сестра, пришло мне
На ум? Чтоб отомстить за гостя,
Который так тебя заботит
Своим присутствием, решила
Ты эту гостью отыскать,
Чтоб я в такой же был заботе.

Донья Анхела

Ты хорошо сказал, и это
Я сделала, чтобы возможность
Имел ты быть приятным ей.

Дон Хуан

Я этой мезтью осчастливлен.

(Хочет уйти.)

Донья Беатрис

Что, Дон Хуан, ты хочешь сделать?
Куда идешь?

Дон Хуан

Иду — услугу
Для Беатрис осуществлять.
Лишь для тебя — тебя оставить
Могу.

Донья Анхела

Пусть он идет спокойно.

Дон Хуан

Бог да хранит вас.

(Уходит.)

СЦЕНА 3-я

Донья Анхела, Донья Беатрис, Исабель.

Донья Анхела

Да, заботит
Тот гость меня, и так сильна
Моя сейчас о нем забота,
Что неизвестно мне, живу ли
Иль не живу, как он не знает,
Живет ли, не живет ли он³.
Но я с тобой, и ту заботу
Могу легко сейчас развеять,
Пускай там гость, и ты здесь гостья,
И в этом вовсе мы равны.

Донья Беатрис

Лишь потому не огорчаюсь
Его отсутствием, что знать мне
Так хочется конец рассказа.

Донья Анхела

Чтобы тебя не утомлять,
Скажу, что письма уходили,
И получала я ответы,
В которых столько чувств изящных,
Что их достойно получать.
В них так серьезное сквозь шутку
Сквозит, что равного не знала.

Донья Беатрис

Что ж, наконец, он полагает?

Донья Анхела

Что дама Дон Луиса я.
Два обстоятельства он вместе
Сопоставляет: то, что скрылась

Я от него, и что имею
От комнаты другой я ключ.

Донья Беатрис

Меня одно лишь удивляет.

Донья Анхела

А именно?

Донья Беатрис

Как человек тот,
Узнав, что кто-то носит письма
И кто-то получает их,
Не подстерег тебя ни разу?

Донья Анхела

Он сделать этого не может.
Там около его порога
Всегда следят за тем, кто внутрь
Пришел, и кто ушел оттуда,
И Исабель туда не входит,
Заранее не убедившись,
Что в комнате нет никого.
Однажды это уж случилось,
Подружка милая: день целый
Слуга выслеживал и ждал там,
И по-пустому он сидел;
Была напрасна та забота.
Да, Исабель, чтоб не забыть:
Ты в подходящую минуту
С собой возьмешь корзину эту.

Донья Беатрис

Еще одно соображение.
Как можешь ты его хвалить,
Что так умен он и находчив,
Когда в подобном приключеньи

Он тайну шкафа не способен,
Нередкостную, разгадать?

Донья Анхела

А помнишь, некий Хуанело
Яйцо стоямя сумел поставить⁴,
Хоть умные с ним тщетно бились,
Толпясь пред яшмовым столбом?
А Хуанело, подошедши,
Чуть-чуть ударил, сразу встало.
Все трудности большие трудны,
Пока не знаешь тайну их.
И все легко, когда узнаешь.

Донья Беатрис

Еще вопрос.

Донья Анхела

Я жду. Какой же?

Донья Беатрис

Что думаешь извлечь из этих
Безумств?

Донья Анхела

Сама не знаю я.

Тебе я раньше говорила,
Что выказать ему хотела
Признательность, и позабавить
Себя в своих печальных днях,
Пускай хотя бы только это.
Но нет, я так глупа и вздорна,
Что ревность к женскому портрету
Я чувствую, который он
Хранит, и только будет случай,
Хочу войти туда, я тотчас
Его возьму. Как мне признаться?
Решила даже я его
Увидеть, с ним вести беседу.

Донья Беатрис

Кто ты, ему сказать не хочешь?

Донья Анхела

Да Боже упаси. Как можно?
И он, как полагаю я,
Такой измены не свершил бы
Перед хозяином и другом.
Из-за того лишь, что считает
Меня он дамою его,
Он так мне пишет боязливо,
Учтиво, робко и смущенно.
И в неприятности подобной
Совсем я не желаю быть.

Донья Беатрис

Так как же он тебя увидит?

Донья Анхела

Узнай же, как я все устрою
Преудивительно, меж тем как
Не буду в комнате его,
Что было б для меня опасно,
А он придет, не зная, где он.

Исабель

Другой выходит брат на сцену,
Сейчас здесь будет Дон Луис.

Донья Анхела

Ты после обо всем узнаешь.

Донья Беатрис

Какое разное влиянье
Судьбы и как в заслугах равных
Так расстоянье велико,

Что то же самое желанье
В одном — обязывает нежно,
В другом — всего лишь утомляет.
Идем отсюда, не хочу,
Чтоб Дон Луис со мной был вместе.

(Хочет уйти.)

СЦЕНА 4-я

Дон Луис.— Те же.

Дон Луис

Зачем уходите отсюда?

Донья Беатрис

Лишь потому спешу отсюда,
Что вы приходите сюда.

Дон Луис

Свет красоты, воздушно-чистой,
Прозрачней солнечного дня,
Зачем бежишь ты от меня?
Я разве сумрак ночи мгливой?
Пусть довод за меня речистый
В том будет, что тебя сейчас
Я задержу на этот раз:
Коль даже в этом затрудненье,
Я тверд в решении своем,
И не прошу я позволения,
Коль ты отказываешь в нем.
Твоя суровость необычна,
И благосклонностью ко мне
Да не приснится мне во сне
То, что лишь было бы прилично,
Что как учтивость, столь обычно,
Безумиям любви моей,

Я знаю, нет здесь снисхожденья,
Она встречает лишь презренье,
Но чем ты строже, тем сильнее
Тебя люблю — во имя мщенья.
Чем больше мучаешь меня,
Тем больше не даешь мне славы:
Принявши от тебя отравы,
Люблю вдвойне, печаль гоня.
И если моего огня,
Меня чуждаясь, ты не хочешь,
И пытку новую мне прочишь,
И если я струю лучи,
А ты желаешь быть зимою,
Две крайности мы здесь с тобою,
Пойми, как чувства горячи,
И научись любить душою,
Иль ненавидеть научи.
Учи меня зиме холодной,
Я научу тебя весне;
Свою отдай всю строгость мне,
Я дам тебе порыв свободный;
Мы будем в той игре несходной
Я память и забвенья ты,
И я любовь, а ты презренье;
Хоть много лучше, без сравненья,
Любви дать больше красоты,
Любовь есть Бог, — пренебреженье
Пусть будет за двоих в тебе,
И за двоих во мне влюбленье,
Любовь с покорностью судьбе.

Д о н ь я Б е а т р и с

Вы сетуете так учтиво,
Что и хотела бы я грусть
Утешить, но не буду. Пусть
Вновь жалоба журчит красиво.

Дон Луис

Мне казнь настолько особливо
Дана, что я уже привык
Пренебреженья знать язык.

Донья Беатрис

Его вы дальше изучайте
И одиночество вкушайте,
Чтоб дух еще в него проник.

*(Хочет уйти,
Дон Луис ее задерживает.)*

Дон Луис

Быть может, ты захочешь мщенья,
Давай вдвоем страдать сейчас.

Донья Беатрис

Я слушать не желаю вас.
Подруга, до тебя моление:
Сдержи его, пока из глаз
Исчезну.

(Уходит.)

Донья Анхела

Где же уваженье
К себе, что столько ты зараз
Способен видеть небреженья?

Дон Луис

Сестра, о что ж мне предпринять?

Донья Анхела

Дать всем страданиям забвенью.
Любить, внушая отвращенье,
То не любить, а умирать.

Дон Луис

Когда я презрен, как я буду
Искать забвения? Нельзя.
Пусть улыбнется — в том стезя:
Обласканный, ее забуду.
Обиженный, я должен к чуду
Стремиться, пусть его и нет.
Но снится сон мне невозможный.
Ведь даже самый осторожный,
Когда несет он бремя бед,
Из тьмы выносит скорбь на свет.
Кто сердцем знал благоволенья,
Легко тот ведает забвенья,
В благоволеньи боли нет,
Но не забудешь оскорбленья.

(Уходят.)

СЦЕНА 5-я

Родриго. — Дон Луис.

Родриго

Откуда ты?

Дон Луис

Я сам не знаю.

Родриго

Мне кажется, что ты расстроен.
Причину мне не скажешь ты?

Дон Луис

Я с Доньей Беатрис был вместе,
С ней говорил.

Родриго

Ни слова больше.

Мне видно, там какой с тобою
Сейчас у ней был разговор.
Но где? Ее я здесь не видел.

Дон Луис

Гостит безжалостная в доме
Там у сестры. Недоставало
Еще и этой боли мне,
Что здесь она живет как гостья.
Так брат с сестрою ежедневно
Куют мне всяческие козни:
Через одного — Дон Мануэль,
И Донья Беатрис приходит
Через другую, чтобы в доме
Я ревновать имел причину.

Родриго

Тихонько, он идет сюда.

СЦЕНА 6-я

Дон Мануэль. — Те же.

Дон Мануэль (*в сторону*)

С кем в мире что-нибудь такое
Случалось? Что мне сделать, небо,
Чтобы распутать эту тайну,
Без колебания узнать,
Возлюбленная Дон Луиса
Она иль нет, — и как сумела
Создать так много ухищрений?

Дон Луис

Сеньор Дон Мануэль, привет.

Дон Мануэль

Привет сеньору Дон Луису.

Дон Луис

Откуда путь ваш?

Дон Мануэль

Из дворца я.

Дон Луис

Вопрос мой был совсем излишний.
Коли о чем хлопочет кто,
Так можно знать, куда идет он,
Или откуда он приходит:
В дворец уходят все дороги,
Как в средоточие путей.

Дон Мануэль

Когда б я лишь в дворец стремился,
Я мог бы и не торопиться,
Но бесконечное стремленье
Уводит далее меня.
Его Величество сегодня
В Эскориале⁵, — донесенья
Ему туда свезти мне нужно,
Затем что важные они.

Дон Луис

Коль чем могу вам послужить я,
Вы знаете, что ваш всегда я.

Дон Мануэль

За эту милость преклоняясь,
Целую ваши руки я.

Дон Луис

В том не пустое только слово.

Дон Мануэль

Желание я в этом вижу,
Чтоб преуспел я.

Дон Луис (*в сторону*)

Это правда.
Скорей окончишь ты дела.

Дон Мануэль

Но разве будет справедливо,
Чтоб столь изящный кабальеро
Был скукою хлопот подобных
От развлечений отвлечен?
За несомненное считаю,
Что вас зовут часы к уладам,
И это было бы ошибкой,
Когда бы вас я звал с собой.

Дон Луис

Когда бы привелось вам слышать
Сейчас мой разговор с Родриго,
Вы так бы мне не говорили.

Дон Мануэль

Я, значит, все же угадал?

Дон Луис

Да, потому что хоть суровость
Я красоты одной надменной
И возглашал, но небреженье
Способно так же поглотить,
Как благосклонность, понуждая
Мечту — искать уединенья.

Д о н М а н у э л ь

Ужели так вы несчастливы?

Д о н Л у и с

Люблю я чары красоты,
Но без звезды благоволящей.

Д о н М а н у э л ь

Со мной скрываетесь вы верно.

Д о н Л у и с

Когда б на это воля неба!
Но столь несчастным я рожден,
Что эта красота упорно
Меня бежит, как сумрак ночи
Бежит сияния рассвета,
И жжет меня блеснувший день.
Хотите знать, какая крайность
В моей судьбе неблагоклонной?
Чтоб я не шел за нею следом
И о любви не говорил,
Другую личность попросила,
Чтобы задержан был я ею.
Возможна ль большая суровость?
Все ищут помощи других
Для достижения свиданья,
Но помощи она желает,
Чтобы свидания избегнуть!

(Дон Луис и Родриго уходят.)

СЦЕНА 7-я

Дон Мануэль.

Д о н М а н у э л ь

Что нужно больше объяснять!
Та женщина, что убегала
Его исканий и просила
Другую личность, чтоб стремленью
Его была преграда в ней,
Меня он разумеет с нею.
Я разъяснил одно сомненье,
Но, если разговор с ней был,
Не дама же она его:
Будь с ним она в его же доме,
Он не был бы в пренебреженьи,
И в большем я еще сомненьи:
Раз не любимая его
И не живет с ним в доме вместе,
Так как же пишет, отвечает?
Едва один обман рассеян,
Как новый уж готов обман.
Что делать мне? Воображенье
На смуту громоздит смущенье.
Иметь так с женщиною дело,
Да упаси тебя Господь!

СЦЕНА 8-я

Косме.— Дон Мануэль.

К о с м е

Сеньор, как дело с привиденьем?
Быть может, видел невидимку?
Меня утешило бы слышать,
Что привиденья больше нет.

Дон Мануэль

Потише говори.

Косме

Мне нужно
Идти к нам в комнату, не смею.

Дон Мануэль

А в чем же дело?

Косме

Дело в страхе.

Дон Мануэль

Мужчине говорить про страх?

Косме

Он говорить-то и не должен,
Да что же делать, если страшно,
Когда такие приключения?

Дон Мануэль

Ты эти глупости оставь.
Свет принеси, писать мне нужно,
И приготовиться к отъезду —
Сегодня к ночи из Мадрида
Я должен выехать.

Косме

Так, так.

Ты этим говоришь, что тоже
И ты достаточно испуган.

Дон Мануэль

Напротив, просто я вниманья
Не обращаю на тебя.

Другими занят я делами,
О них сейчас и размышляю.
Но даром время я теряю
Перед отъездом, я пойду
Сейчас проститься с Дон Хуаном.
Зажги мне свет.

(Уходит.)

К о с м е

Зажгу, конечно.
И привиденью будет видно,
Не быть ему всегда впотьмах.
Тут свечечка вот есть такая,
Там лампочка вон умирает,
Зажгу одну я о другую.
Не ловкий разве человек?
А между делом я и делом
Не трачу понапрасну время,
А трепещу себе от страха.

(Уходит.)

Комната Дона Мануэля.

СЦЕНА 9-я

*Исабель, выходит из-за шкафа,
с покрытой корзиной.*

И с а б е л ь

Они ушли, сказал слуга.
Как раз минута, чтоб поставить
С бельем корзину в должном месте.
Беда. Темно. Полна я страха.
Самой себя боюсь впотьмах.
Я вся дрожу. Господь Всевышний!

Я первое из привидений,
Которое взывает к Богу.
И стол никак я не найду.
Что буду делать? От испуга
Совсем забыла, где я в зале.
Куда иду, не понимаю.
И как мне быть здесь? Где же стол?
О, Господи! Коль не сумею
Отсюда вовремя я выйти,
И в комнате меня увидят,
В минуту прахом все падет.
Мне страшно, страшно, а к тому же,
И дверь, я слышу, открывают,
И кто приходит, он со светом.
Ну, приключению конец,
Ни скрыться негде мне, ни выйти.

СЦЕНА 10-я

Косме, со светильником.— Исабель.

К о с м е

Прошу покорно, невидимка,
Коль благородным привиденьям
Покорность нравится, молю,
Меня не вспомнить в колдованьях
И позабыть при чарованьях,
Четыре довода при этом
Для убежденья привожу:
И первый, мы же сговорились;
*(Идет вперед, Исабель сзади него,
ускользая от возможности,
чтоб он ее увидал.)*

Второй вам ведом, ваша милость;
И третий, меж людей разумных...
Четвертый, эти вот стихи^б:
Сеньора Невидимка

Меня вы пожалейте,
Ведь я совсем малютка,
Таких страстей не знал.

И с а б е л ь (в сторону)

Теперь при свете ясно вижу,
Как в комнате идти мне нужно,
И он меня еще не видел.
Что если погашу я свет?
Пока он вновь зажжет светильник,
Уйти отсюда я успею.
Пусть он меня сейчас услышит,
Меня не сможет увидеть.
Тут две беды, и эта меньше.

К о с м е

Страх — музыкант, и я танцую.

И с а б е л ь (в сторону)

Так — этого сейчас достигну.
(Ударяет его и тушит свет.)

К о с м е

О, несчастливец, я убит.
Священника!

И с а б е л ь

Теперь спасайся!

СЦЕНА 11-я

Дон Мануэль. — Исабель, Косме.

Д о н М а н у э л ь

Что это означает, Косме?
Без света ты?

К о с м е

Тут привиденье
Одним дыханьем ледяным
Двоих горячих умертвило,
Меня и свет.

Д о н М а н у э л ь
Ты все боишься,
И наяву тебе тут снится.

К о с м е
Боками я за то плачу.

И с а б е л ь *(в сторону)*
О, если б только дверь найти мне!

Д о н М а н у э л ь
Кто тут?
*(Исабель наталкивается на Дона Мануэля,
и он ухватывается за ее корзину.)*

И с а б е л ь *(в сторону)*
Вот это много хуже:
На господина наскочила.

Д о н М а н у э л ь
Свет, Косме, принеси скорей,
Мне кто-то в руки здесь попался.

К о с м е
Не выпускай его!

Д о н М а н у э л ь
Скорее!

Не выпущу!

К о с м е

Держи покрепче!

(Уходит.)

И с а б е л ь *(в сторону)*

Корзину крепко он схватил,
Пускай с добычей остается.
Я шкаф нашла. И до свиданья.

(Уходит, оставляя корзину в его руках.)

Д о н М а н у э л ь

Кто б ни был ты, стой без движенья,
Покуда свет не принесут,
Иначе я, клянуся Богом,
Кинжал играть заставлю быстро.
Но я лишь воздух обнимаю,
Я ощущаю только ткань,
Там что-то легкое по весу.
Что может это быть? О, Боже!
Кто видел большее смущенье?

СЦЕНА 12-я

Косме, со светом.— Дон Мануэль.

К о с м е

Ну, привидение, на свет.
Но где же? Разве не держал ты
Его в руках? Сеньор, в чем дело?

Д о н М а н у э л ь

Я сам не знаю, что ответить.
В моих руках одно белье,
А привиденье убежало.

К о с м е

Ну, что же ты об этом скажешь?
Ведь сам сказал — его ты держишь,
А словно ветер, нет его.

Д о н М а н у э л ь

Скажу тебе, что та особа,
Которая весьма искусно
Сюда приходит и отсюда
Уходит, в темноте была
Сегодня вечером со мною.
Чтобы могла отсюда выйти,
Она светильник погасила
В твоих руках, — в руках моих
Оставила корзину эту
И прочь поспешно убежала.

К о с м е

Каким путем?

Д о н М а н у э л ь

Вот этой дверью.

К о с м е

Чтоб я рехнулся, хочешь ты?
Клянусь, я видел привиденье,
В последнем свете догоравшем,
Который тлел еще немного.

Д о н М а н у э л ь

Какое же оно на вид?

К о с м е

Монашек, росту небольшого,
Под клобуком, как будто рожки
На голове, длины изрядной,
То привиденье — капуцин.

Д о н М а н у э л ь
Что не привидится от страха!
Ну, посвети сюда поближе,
Посмотрим, что принес монашек.
Корзину эту поддержи.

К о с м е
Корзину адскую держать мне?

Д о н М а н у э л ь
Держи.

К о с м е
Сеньор, нечисты руки,
Свеча накапала мне сала,
И я запачкаю тафту,
Ты на пол бы ее поставил.

Д о н М а н у э л ь
Белье здесь чистое в корзине.
И в нем письмо лежит. Посмотрим,
Умеет ли писать монах.

(Читает.)

«В то короткое время, что вы живете в этом доме, нельзя было более приготовить белья. По мере того как оно будет готовым, его будут приносить. Касательно того, что вы говорите о друге, в убеждении, что я дама Дона Луиса, уверяю вас, что не только я не его дама, но и не могу ей быть. И об этом при личном свидании, которое не замедлит. Да хранит вас Бог».

Оно крещеное, виденье,
Припоминает имя Божье.

К о с м е
Вот видишь, привиденье это,
Богобоязненно оно.

Дон Мануэль

Уж поздно. Уложи скорее
И чемоданы и подушки,
Вложи в портфель бумаги эти,
Их отвезти — в том дело все.
Пока укладываться будешь,
Я привидению отвечу.

*(Дает бумаги Косме, тот кладет их
на стул. Дон Мануэль пишет.)*

Косме

Тут я покуда положу их,
Чтобы держать их под рукой
И не забыть. Спрошу я только:
Теперь ты веришь в привиденья?

Дон Мануэль

Вот глупости и небылицы.

Косме

Да, небылица хороша.
Что ж, не было того, что было,
И ты не получил по ветру
Подарок в руки? Это глупость?
Ты, впрочем, совершенно прав:
Тебе одни улады в этом.
Но мне дай верить, потому что
Мне неприятности на долю.

Дон Мануэль

Каким же образом?

Косме

А так —

У нас все вещи вверх ногами,—
Находишь это ты забавным,

А я их приводи в порядок,
Моя работа не мала.
Тебе сюда приносят письма,
Уносят от тебя ответы,—
А у меня уносят деньги,
Приносят угли мне взамен.
Даруют сладости,— немедля
Ты их вкушаешь, как отшельник,
А я пощусь, как всякий грешник,
До сладостей мне хода нет.
Тебе платки, рубашки, брыжжи,
А мне испуг — про это слышать.
Домой приходим мы,— и тотчас
Тебе корзину подают,
Благоприлично и удобно,—
А мне сейчас дают в загривок,
Такой ударище по шее,
Что мозг я выплюнуть готов.
И словом, для тебя, сеньор мой,
Лишь удовольствия по вкусу,
А для меня одни ущербы
И в добавление испуг.
Так привидение по правде
Тебя рукой ласкает мягкой,
Когда ж оно ко мне доходит,
Уж тут железная рука.
Позволь же наконец мне верить,
Нельзя испытывать терпенье,
И отрицать — что человеку
Пришлось загорбком воспринять.

Дон Мануэль

Окончи быстро чемоданы,
И в путь. Там в комнате покуда
У Дон Хуана подожду я.

Косме

Так что же делать мне еще?
Ты черный плащ надел⁷, и баста.

Дон Мануэль

Запри и ключ возьми с собою,
А раз в нем надобность возникнет,
Пока в отлучке мы с тобой,
Другой есть ключ у Дон Хуана.
Смущен, что разгадать мне это
Не удалось, но время терпит.
Честь дома моего зовет
С надеждою на повышение,
И удовольствие мне только:
Так меж двух граней все неважно,
И важности главнейшей — честь.

Комната Доньи Анхелы.

СЦЕНА 13-я

Донья Анхела, Донья Беатрис, Исабель.

Донья Анхела

Такое было испытанье?

Исабель

Я думала, что колдованье
Все кончилось: Увидит он
И вмиг о всем оповещен.
Беда к нам шла, и очень скоро,
Ведь все бы он узнал, сеньора.
Но ускользнуть сумела я.

Донья Анхела

Как странно!

Донья Беатрис

Тайна тем твоя
Весьма усилена: Корзина,
И никого, и в чем причина?

Донья Анхела

И если, хитростью моей,
Я с ним увижусь, разумеи,
Как он,— (не может быть сомненья),—
Весь будет полон изумленья.

Донья Беатрис

Как тут внимательным ни будь,
А можно каждого вспугнуть,
Когда, Анхела, он нежданно
Увидит, как кругом все странно:
Вот новизна со всех сторон,
И с дамою красивой он,
Она богата и прелестна,
А где все это, неизвестно.
А после (так решила ты),
Весь в ощущеньи слепоты,
С завязанными он глазами
Уйдет безвестными путями.
Еще бы не дивился он,
Совсем растерян и смущен!

Донья Анхела

Так будет все, даю я слово,
И у меня уж все готово.
Сегодня, если б здесь не ты,
Он с наступленьем темноты
Сюда пришел бы.

Донья Беатрис

Чем мешаю?
Я о любви не разболтаю.

Донья Анхела

О нет, подружка, не в тебе
Препятствие, а в той судьбе,
Что, братьев ты моих, влюбляя,
Зажгла, ты им звезда золотая,
И не хотят покинуть дом,
Живя здесь в свете золотом.
Пока они не отлучатся,
Во всем опасности таятся.

СЦЕНА 14-я

Дон Луис, за занавесом.— Те же.

Дон Луис (в сторону)

О, Боже, как себя таить?
Как чувства закручу я нить
И, мыслью тяготясь моею,
Как обуздать ее сумею?
Но, если так я слаб с собой,
Я буду тверд с моей судьбой,
И тотчас же мое решенье —
Страсть победить, сдержать стремленье.

Донья Беатрис

Я расскажу тебе, как я
Смогу, себя здесь не тая,
Тебя совсем не покидая,
Не быть тут как помеха злая.
Хочу узнать конец всего.
Мой план...

Донья Анхела

Так Расскажи его.

Донья Беатрис

Мы обе скажем стороною,
Что мой отец послал за мною,
Устроим так, как будто я
Ушла из этого жилья,
Все будут думать — я далеко,
А я недреманное око.

Дон Луис (*в сторону*)

Какая здесь обида мне?

Донья Беатрис

И, оставаясь в стороне,
Укроюсь, чувства наблюдая.

Дон Луис (*в сторону*)

Что слышу, о, планета злая!

Донья Беатрис

Мне в этом будет благодать.

Донья Анхела

А что же после нам сказать?
Как ты вернешься?

Донья Беатрис

Вот смущенье!
Другое будет измышление.

Дон Луис (*в сторону*)

Да, будет. Это слышать мне!
Я весь в терзаннях, весь в огне.

Донья Беатрис

Я буду рада чрезвычайно,
И без свидетелей, и тайно,

Любви, в которой образец,
Увижу ход я и конец.
Не возбуждая подозренья,
Из своего уединенья
Все, разузнавши, утаю,
И снова в комнату твою.

Дон Луис (в сторону)

Я слишком ясно понимаю.
(Я не живу! Я умираю!)
Мой брат блаженство заслужил,
Мне — ревность, жить нет больше сил.
С ним будет тайное свиданье,
А мне горенье и сгоранье.
И не увидит их никто,
А я страдай, терпи за то.
И без свидетелей (Злодеи!)
Хотят узнать конец затей.
Чтоб я досаду знал сполна,
Он будет счастлив и она.
О, если так, судьба немая,
Я буду им помеха злая,
Она в укромный уголок,
Я тотчас к ним через порог.
Весь дом бесстрашно обыщу я,
Найду, найду ее, ревнуя.
Когда во мне горит пожар,
Нет средств других, нет больше чар.
Чтоб загасить свою досаду,
Чужую я смущу отраду,
Для ревности последний путь —
Так утолиться как-нибудь.
Дай, небо, мне насытить гневность:
Любовь — мне яд, и смерть мне — ревность.

(Уходит.)

Д о н ь я А н х е л а

Я принимаю твой совет.
Итак, тебя уж завтра нет.

СЦЕНА 15-я

*Дон Хуан.— Донья Анхела, Донья Беатрис,
Исабель.*

Д о н Х у а н

О, Беатрис, краса живая!
Сестра! Вам от меня привет.

Д о н ь я Б е а т р и с

Скучали мы, что вас здесь нет.

Д о н Х у а н

Мне, значит, светит золотая
Звезда, коль в вашем солнце свет
По мне соскучился, сеньора.
Я счастлив это слышать. Да.
Но опасуюсь, есть беда,
Со счастьем я расстанусь скоро:
Взаправду ли моя звезда
Такое заслужила счастье
Знать ваше нежное участие?
И вот и в счастье несчастлив,
И в нежный падаю обрыв,
Где тьмы и света соучастье.

Д о н ь я Б е а т р и с

О Дон Хуан, я не хочу
Опровергать предположенье:
Так было много промедленья;
Чтоб к моему прийти лучу,

Что вывожу я заключенье:
В другом вам месте свет светил,
И, красоту оставя эту,
Прости сказать вам нужно свету
И тьму любить по мере сил.
Тут вывод ясен: Несчастливым
Вы стали,— сумрак наступил,
И вы поглощены обрывом.

Д о н Х у а н

Боюсь сейчас вас оскорбить,
Сказав вам точно объясненье,
В чем было это промедленье:
Пришлось с Дон Мануэлем быть,
Отъезда разделить мгновенья;
Как раз он отбыл.

Д о н ь я А н х е л а

О, мученье!

Д о н Х у а н

Чего, сестра, смутилась ты?

Д о н ь я А н х е л а

В восторге радостной мечты,
Как в неприятности, волненье.

Д о н Х у а н

Боюсь, что радость коротка,
Ведь завтра он опять вернется.

Д о н ь я А н х е л а (в сторону)

(Надежда снова мне смеется.)
Хоть неприятность и легка,
Я выразила удивленье,
Что было это промедленье.

Д о н Х у а н

Тут неприятности и нет.
Но ты и Дон Луис, я знаю,
Готовы видеть бремя бед
В том, в чем я радость получаю.

Д о н ь я А н х е л а

Ответить я бы и могла,
Но ничего не отвечаю.
И я уж не настолько зла,
Чтобы тебе расставить сети:
Любовь не любит, чтобы третий
Был там, где нежная игра,
И выигрыш вдвоем вернее,
Играй же в карты, не робей.
А мне сейчас уйти пора.
Ты, Исабель, пойдешь со мною.

(В сторону, к ней.)

Сегодня же я так устрою,
Что женский унесу портрет.
Войду легко, преграды нет.
Свет приготовь и плащ, в котором
Пройди, невидимая взорам,
В желанный для меня предел.
Я не хочу, чтоб он имел
Портрет другой, когда мне пишет,
И голос мой чрез письма слышит.

(Донья Анхела и Исабель уходят.)

СЦЕНА 16-я

Донья Беатрис, Дон Хуан.

Д о н ь я Б е а т р и с

Так вправду нежен ты со мной?

Д о н Х у а н

По степеням мое влечение
Тебе явлю чрез рассуждение.

Д о н ь я Б е а т р и с

Скажи мне.

Д о н Х у а н

Слушай голос мой.

О, Беатрис, я так люблю правдиво⁸,
И так любовь к красавице сильна,
Что, если б не хотел любви, должна
Моя душа любить то, что красиво.

Заметь, как все сложилось прихотливо:
Будь власть забвенья в сердце мне дана,
Забыл бы я любовь, и вмиг она
Возникла б — из свободного порыва.

Любовь была бы прихоть, не закон.
Кто любит потому лишь, что забвенью
Любимой ощутить не может он,—

Заслуга в чем? Нет вольного влечения.
Я не могу забыть тебя. Влюблен.
Звезда сильней. Скорблю, что побежден.

Д о н ь я Б е а т р и с

Когда б влечение вольное решало,
И свет звезды влиял бы как закон,
Тот был бы волей верной осенен,
Кто перемены не признал бы жала.

И если б я внезапно увидала,
Что мой порыв с любовью разлучен,
Такой бы тотчас я отвергла сон,
Его своим никак бы не признала.

Ведь в этот миг, что потеряла б я,
Чтоб позабыть и вновь вернуть любленье,
Была бы без любви душа моя.

И рада я, что не дано забвенья:
Тот был бы миг как ледяная струя,
Тебя не позабыть мне — на мгновенье.

(Уходят.)

Улица.

СЦЕНА 17-я

*Косме, убегает от Дона Мануэля,
а тот преследует его.*

Д о н М а н у э л ь

Клянусь, что, если б я не помнил...

К о с м е

А ты и помни.

Д о н М а н у э л ь

Что бесславье
Мне в этом будет, совершил бы
С тобой безумие сейчас.

К о с м е

Всегда я добрым был слугою,
И сам ты согласишься, оплошность
Любой христианин свершает.

Д о н М а н у э л ь

Кто ж вынести способен, кто
Чтоб именно — что было важно,
О чем особо говорил я,

Вдвойне вниманью поручая,
Как раз ты это позабыл?

К о с м е

Вот потому и позабыл я,
Что это было очень важно:
Когда б неважное забыл я,
О чем бы тут и говорить?
Но мне свидетель Бог Всевышний,
Так думал я о тех бумагах,
Что в сторону я отложил их,
И то, что повредило мне,
Как раз была моя забота:
Не отложи я их в сторонке,
С другими были бы вещами.

Д о н М а н у э л ь

Ну, хорошо хотя бы то,
Что вспомнил ты на полдороге.

К о с м е

Забота мною овладела,
А почему, и сам не знал я,
Ну, думаю, какой-то вздор,
Тут вдруг припомнил я и понял,
Что из-за самой я заботы
И позабыл бумаги эти.

Д о н М а н у э л ь

Поди скажи, чтоб подождал
Слуга с мулами там поодаль,
Нам неудобно грохотать тут,
А то весь дом мы перебудим.
Ключ у меня, могу войти,
Без шума взять мои бумаги.

(Косме уходит и возвращается.)

К о с м е

Сказал ему, чтоб подождал он.
Но только, господин, замечу —
Без света как же мы войдем?
Искать бумаги и без шума —
Ведь это просто невозможно.
Коль в помещеньи Дон Хуана
Нет света, как увидим мы?

Д о н М а н у э л ь

Несносный человек. Теперь ты
Желаешь, чтоб его судил я.
Ты сам не сможешь. (О, бесчестный,
Ведь ты причиной был всего!)
На ощупь взять их, где оставил!

К о с м е

Сомнение мое не в этом,
Слепой я до стола дошел бы,
Где положил их.

Д о н М а н у э л ь

Открывай.

К о с м е

Боюсь, найти я не сумею,
Куда теперь их привиденье
Переложило. Ведь какую
Я вещь оставил, чтоб потом
Я сдвинутой ее не видел?

Д о н М а н у э л ь

Коль нет бумаг на должном месте,
Тогда мы света и попросим.
А до тех пор зачем будить
Гостеприимнейших хозяев!

(Уходят.)

Комната Дона Мануэля.

СЦЕНА 18-я

*Донья Анхела и Исабель,
выходят из шкафа.*

Д о н ь я А н х е л а

Весь дом уснул, и сон — владыка
Всех чувств, полжизни похититель,
И гость уехал, знаю я,
Теперь я, Исабель, желаю
Взять тот портрет.

И с а б е л ь

Иди тихонько.

Д о н ь я А н х е л а

Запри там. До тех пор, пока ты
Сюда за мною не придешь,
Я буду здесь, чтоб на опасность
Не натолкнуться.

И с а б е л ь

Жди спокойно.

(Исабель уходит, закрывая шкаф.)

СЦЕНА 19-я

*Дон Мануэль, Косме, впотьмах.—
Донья Анхела.*

К о с м е *(говоря тихонько
со своим господином, стоящим у двери.)*

Дверь открыта.

Д о н М а н у э л ь

Ступай тихонько.

Коли они услышат шум,
Встревожатся еще сильнее.

К о с м е

Поверить можешь, что боюсь я?
Что если б это привиденье
Нам посветило?

Д о н ь я А н х е л а

Свет был скрыт,
Теперь пора светить открыто.

*(Вынимает свечу,
которая была в потайном фонаре.)*

К о с м е *(в сторону, к своему господину)*

Где привидение являлось
Так вовремя? Оно нам светит.
Ты им, как видится, любим,
Мой свет оно немедля гасит,
Тебе мгновенно зажигает.

Д о н М а н у э л ь

Приди к нам, помощь неба! Это
Уж сверхъестественно сейчас:
Чтобы так быстро свет явился,
Нечеловеческих рук дело.

К о с м е

Признал ты наконец, что правда?

Д о н М а н у э л ь

Из мрамора изваян я.
Готов сейчас назад вернуться.

К о с м е

Ты смертный. Ты доступен страху.

Д о н ь я А н х е л а

Я вижу стол, на нем бумаги.

К о с м е

К столу идет.

Д о н М а н у э л ь

Клянусь, что я
Смущен и полон изумленья.

К о с м е

Ты видишь то, чего мы ищем,
Нам свет показывает ясно
И прямо нас к столу ведет.
А кто несет его, не видно.

*(Донья Анхела вставляет свечи
в канделябры, находящиеся на столе,
берет кресло и садится к ним спиной.)*

Д о н ь я А н х е л а

Свечу поставлю здесь и буду
В его бумагах разбираться.

Д о н М а н у э л ь

Теперь все видно нам, смотри.
Такой красавицы волшебной
Не видывал нигде я сроду.
О, боже! Что это такое?
Как гидра эти чудеса,
Из одного родятся сотни.
Что предпринять мне, я не знаю.

К о с м е

Вот медленно садится в кресло.

Д о н М а н у э л ь

В ней образ редкой красоты,
Написанный волшебной кистью.

К о с м е

Что правда, правда. Кто другой бы
Способен был такое сделать!

Д о н М а н у э л ь

Светлей свечи ее глаза.

К о с м е

Еще бы — это звезды неба
Люцифера.

Д о н М а н у э л ь

Тот каждый волос —
Луч солнца.

К о с м е

Скрадены оттуда.

Д о н М а н у э л ь

И каждый локон тот — звезда.

К о с м е

Конечно. Прямо, значит, с неба
Звезд принесли сюда пригоршню.

Д о н М а н у э л ь

Не знал я красоты подобной.

К о с м е

Наверно б так не говорил,
Когда бы только ноги видел,
Проклятье по ногам их метит.

Д о н М а н у э л ь

Здесь волшебство очарованья,
Красивый ангел предо мной.

К о с м е

Красив, но с лапками он только.

Д о н М а н у э л ь

Но что такое? Что ей нужно
В моих бумагах?

К о с м е

Вот увидишь:
Что ты намерен был искать,
Она как раз того и ищет,
Чтоб от хлопот тебя избавить,—
Весьма услужлив этот призрак.

Д о н М а н у э л ь

О, Боже, что мне предпринять?
Я не был никогда трусливым,
А этот раз я страха полон⁹.

К о с м е

А я и много раз пугался.

Д о н М а н у э л ь

Недвижны ноги, как во льду,
И волосы все встали дыбом,
Вздохну, и каждый вздох — кинжал мне,

Вкруг шеи чувствую я петлю,
Но я ли буду ведать страх?
Клянусь, что я сейчас увижу,
Смогу ли победить я чары.
(Подходит и хватает ее за руку.)

Ты ангел, женщина, иль демон,
Но рук моих ты не уйдешь.

Д о н ь я А н х е л а
(в сторону)

О, я несчастная! Нарочно
Он говорил, что уезжает.
Он лучше знал, что хочет сделать.

К о с м е

Во имя Бога, нам скажи,
(В том имени погибель Ада)...

Д о н ь я А н х е л а (в сторону)

Но я сумею притвориться.

К о с м е

Кто ты? Чего от нас ты хочешь?

Д о н ь я А н х е л а

Я к благородному пришла
Дон Мануэлю Энрикесу,
Чтоб возвестить, что он получит
Бесценный клад, но лишь не трогай
Меня сейчас, иначе ты
Великое утратишь счастье,
Уж уготованное небом,
Итак, не впутывайся в волю
Благоволительной звезды.
В письме последнем я писала,
Что скоро свижусь я с тобою,
Предвидела я эту встречу.

Сдержала слово я свое,
И в человеческом явилась
Я облике, какой сумела
Принять. Иди же ныне с миром
И здесь меня сейчас оставь.
Час не пришел еще, чтоб знал ты,
Что́ делаю и совершаю.
Но завтра я тебе откроюсь.
Заметь, не должен никому
О происшедшем говорить ты,
Коль потерять ты не желаешь
Великое предназначенье.
Иди же с миром.

К о с м е

Что ж, сеньор?
Мир, не войну нам возвещает.
Чего же будем ждать еще мы?

Д о н М а н у э л ь (в сторону)

Клянусь, мне стыдно, что боюсь я
Каких-то призрачных теней.
Так если вправду не боюсь их,
Все сразу я сейчас проверю.
О, женщина, кто б ни была ты,
(Ты женщина, так мыслю я,
Никак не существо иное),
Клянусь, кто ты, я знать желаю,
И я узнаю, как вошла ты,
С какою целью, и зачем.
Не завтра, я хочу сегодня
Таким блаженством насладиться.
Коль демон, с демоном беседа,
Коль женщина, беседа с ней.
Твои угрозы мне не страшны,
Хотя бы дьяволом была ты.
Но полагаю, что, имея,

Как это вижу, плоть и кровь.
Ты женщина, никак не дьявол.

К о с м е

А это ведь одно и то же.

Д о н ь я А н х е л а

Не тронь меня, утратишь счастье.

К о с м е

Великолепно говорит
Та дьяволическая дама,
Не тронь ее, она не арфа,
Не лютня, не играй, не скрипка.

Д о н М а н у э л ь

Я выну шпагу. Если дух,
Мне в этом можно убедиться.
(*Вынимает шпагу.*)

Хотя бы я тебя ударил,
Тебя мне невозможно ранить.

Д о н ь я А н х е л а

О, горе, шпагу удержи,
Себя не обагряй ты кровью!
Что́ будет доброго, когда ты
Несчастную пронзишь оружием?
Я женщина, да, признаюсь.
Хотя любить и преступленье,
Но в том вина уж не такая,
Чтоб умереть мне смертью злою,
Коль я любила хорошо.
Так не пятнай моею кровью
Закал блестящей этой стали!

Д о н М а н у э л ь

Скажи, кто ты?

Д о н ь я А н х е л а

Сказать мне нужно.

Уж не смогу я довести
До цели — моего желанья,
Мою любовь, как я хотела.
Но, если только нас услышат,
Опасность будет нам грозить,
Услышат нас или увидят,
Убить нас могут. Потому что
Я большее, чем можешь видеть.
И нужно потому, сеньор,
И эту дверь закрыть и ту, что
В прихожей, запереть немедленно.
А то услышать шум здесь могут
Или увидеть этот свет.

Д о н М а н у э л ь

Свети мне, Косме, и немедленно
Запрем мы двери. Ну, ты видишь,
Здесь женщина, не привиденье?

К о с м е

А я того не говорил?
(Оба уходят.)

СЦЕНА 20-я

Донья Анхела, и тотчас Исабель.

Д о н ь я А н х е л а

Увы, я заперта снаружи,
И Боже мой, сказать придется
Всю правду мне! Гость был находчив,
И подстерег, а Исабель
Проход чрез шкаф загородила.
(Исабель приходит через шкаф.)

И с а б е л ь

Тсс, ищет брат тебя, сеньора.

Д о н ь я А н х е л а

Отлично. В шкафе переборку

Задвинешь. О, моя любовь!

Сомненье остается в силе.

(Обе уходят и замыкают шкаф.)

СЦЕНА 21-я

Дон Мануэль, Косме.

Д о н М а н у э л ь

Вот двери заперты, сеньора,

Так продолжайте же рассказ свой...

Но что такое? Где она?

К о с м е

А я об этом что же знаю?

Д о н М а н у э л ь

Вошла в альков она, быть может?

Иди вперед.

К о с м е

Идти пред вами?

Пешком? Невежливо, сеньор.

Д о н М а н у э л ь

Всю комнату сейчас осмотрим.

Пусти, сказал я.

К о с м е

Я пускаю.

(Дон Мануэль берет у него свечу, входит в альков и снова выходит.)

Д о н М а н у э л ь

Звезда моя ко мне враждебна.

К о с м е

На этот раз не через дверь
Она ушла.

Д о н М а н у э л ь

Иначе как же?

К о с м е

Я этого не постигаю.
Но только видишь, говорил я,
Что это дьявол пред тобой,
Не женщина.

Д о н М а н у э л ь

Клянусь, что тотчас
Подвергну комнату осмотру,
Быть может, под какой картиной
В стене я обнаружу щель,
Или под этими коврами
Пещера скрыта, или ход есть
(Я все-таки его открою)
В пролетах там на потолке.

К о с м е

Вот только шкаф здесь есть.

Д о н М а н у э л ь

О шкафе
Не может быть и разговора,
Как был он, так и есть стеклянный.
Другое нужно осмотреть.

К о с м е

Смотрельщик я совсем неважный.

Дон Мануэль

Предположить мне невозможно,
Что облик тот был невеществен,
Ей смерть была совсем страшна.

Косме

Но угадала и узнала,
Что ночью мы сюда вернемся,
Затем лишь чтоб ее увидеть.

Дон Мануэль

Она явилась мне как тень,
И свет ее был фантастичен,
И все ж ее, как человека,
И осязать возможно было,
И ясно видеть; страх был в ней,
Как в смертной; женщина боится
Таким же образом: как призрак,
Она исчезла невидимкой,
Как привиденье, здесь была.
Дать только волю рассужденью,
И я не знаю, Бог свидетель,
Не знаю я, во что мне верить
И что я должен отрицать.

Косме

Я знаю. Я-то...

Дон Мануэль

Что ж ты знаешь?

Косме

Что это был здесь жено-дьявол.
И нового тут ничего нет,
Ведь дьявол женщина весь год,
И для того, чтоб с ней сквитаться,
Что столько раз она есть дьявол,
К нам дьявол так сюда и прибыл,
И побыл женщиной разок.

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ

Комната Доньи Анхелы.

СЦЕНА 1-я

Дон Мануэль, впотьмах.— Исабель ведет его.

Исабель

Сейчас придет моя сеньора,
Здесь в этой зале подожди.

(Уходит и запирает дверь.)

Дон Мануэль

Совсем хорошая ловушка.
Дверь заперта? Конечно, да.
Что с этой пыткой сравнится?
Я посетил Эскориал,
Вернулся только что оттуда,
И это было — волшебство,
Что свет во тьму мне приносило
И озадачило меня,
Письмо мне пишет, очень нежно,
Где так подробно говорит:
«Коль вы дерзаете со мною
Увидеться, сегодня в ночь
С слугою выйдите, который
Сопровождает вас всегда.
Два человека будут ждать вас
На кладбище (Какая мысль!)
Себастиана, с ними будет

Для вас удобный паланкин». Она меня не обманула,
Сел в паланкин я ¹ и блуждал,
Покуда чувства направленья
В пути совсем не потерял.
И наконец я очутился
У входа мрачного один,
Где только чудились мне страхи
И привидения впотьмах.
Там женщина ко мне приходит.
(Так показалось мне во тьме)
И ощупью меня уводит
По комнатам вперед, вперед,
Я ничего притом не вижу
И я ни с кем не говорю.
Но наконец сквозь щель дверную
Я вижу свет. Конец пути.
Любовь, достигла ты желанья,
Увидишь даму ты сейчас.
Как следует — все приключенье.
(Смотрит через замочную скважину.)
С каким убранством этот дом!
И сколько женщин там блестящих!
Какой величественный зал!
Какие дамы и наряды!
Какая роскошь красоты!

*(Дверь открывается,
и выходят несколько служанок;
они приносят салфетки, сладости и воду.
Все, проходя, делают поклон,
а сзади всех Донья Анхела,
богато разодетая.)*

СЦЕНА 2-я

*Донья Анхела, Служанки, Донья Беатрис.—
Дон Мануэль.*

Донья Анхела (в сторону,
к Донье Беатрис)

Сейчас мои считают братья,
Что возвратилась ты домой,
Так значит это страх пустой,
И наше продолжать занятие
Мы можем с легкою душой.
Тебе здесь нечего бояться.

Донья Беатрис
Какую роль играю я?

Донья Анхела
Служанка ты теперь моя.
А после будешь укрываться,
Смотреть из комнаты другой,
Что будет у него со мной.
(К Дону Мануэлю.)
Вам было скучно дожидаться?

Дон Мануэль
О, нет. И только говорю
Сейчас я правду вам, сеньора.
Кто ночью ждет и ждет зарю,
Тот знает, что она не скоро
Ему засветится для взора,
И знает, что заботы те
В ночной исчезнут темноте.
И потому мое страданье
Я в нежной потопил мечте,
Я знал, что дня блеснет сиянье.

Хоть и не нужно, чтобы ночь
Меня так тягостно томила,
Пред тем как прах сокрылся прочь,
И чарований ваших сила
Мне солнце неги засветила.
Для солнца вашей красоты
Не нужно было темноты,
Вы день, что и без солнца светит.
Вот ночь, в покровах черноты,
Бежит рассвет, сияньем метит
Улыбкой нежной все кругом,
Не золотой в нем свет для взора,
Но все же светит он, сеньора,
И пенье птиц звучит. Потом
Выходит яркая аврора,
И золотит и жжет заря
Воспламеняющим пожаром.
И вслед ее минутным чарам
Выходит солнце, все горя,
Светя и вместе позлащая.
Рассвет, за ночью вслед вступая,
Горит, из мрака свет творя.
Заря рассвету подражая,
Являет пламенный свой вид.
Но солнца светлое явленье,
То божество, что вне сравненья,
Зарю на бой зовет, горит.
Но вы,— и солнцу вы затменье,
В вас высший пламень говорит
Так ясно, что бывать вам ночи
Не нужно было полномочий,
Когда могли вы после дня
Взойти из светлых средоточий,
Как солнце солнца для меня.

Донья Анхела

Хотя признательность мне нужно

Вам выразить за эту речь,
Где слово к слову, в миге встреч,
Вы сочетали так жемчужно,
Но я должна вас остеречь.
Ведь не такое это зданье,
Не так до неба вознеслось,
Чтоб ветру быстрому пришлось
Здесь утомить свое дыханье,
Приют, лишь скромный для мечтанья,
И в ваши сладкие слова
Могу поверить я едва.
Я не рассвет, нет в сердце пенья,
И здесь улыбка не жива.
Я не заря, мое томленье
Пред вами скрыто, и явленья
Нет перед вами слез моих.
Не солнце я, в огне живых
Лучей и правду не являю,
Которую я обожаю.
В недоуменностях таких
Кто я, сама того не знаю.
Но точно молвлю, говоря,
Что не рассвет я, не заря,
Не солнце. Ибо не роняю
Сейчас ни слез из янтаря,
Ни смехов светлых. Уверяю
Я вас, сеньор Дон Мануэль,
Я только женщина, не боле,
Всегда была я в женской воле,
И вы единственная цель,
Вы цепь, в чьей ныне я неволе.

Дон Мануэль

Неволя та невелика,
И если вижу вас со мною,
Сеньора, все ж я вам открою,
Что это я ценю слегка:

Во мне есть бóльшая тоска
Через вас,— ее не успокою.

Д о н ь я А н х е л а

Через меня?

Д о н М а н у э л ь

Да, потому,
Что вы скрываетесь во тьму,
Сказать мне, кто вы, не хотите.

Д о н ь я А н х е л а

Сеньор, желанью моему,
Прошу вас, в этом уступите,
Меня открыться не просите.
Когда хотите быть со мной,
Со мною будьте, только знайте,
Кто я, о том не вопрошайте,
Я быть загадкой тенью
Должна, ее не омрачайте.
Не то я, чем кажусь для глаз,
Не тем кажусь я, что на деле.
Хотите быть со мной,— у вас
Есть достижение этой цели,
Но не желайте знать рассказ,
Кто я: Коль в этом непокорство
Окажете, явив упорство,
Одно лишь может в этом быть,
Что не хотите вы любить,
Хотя бы я любить хотела.
Художник пишет мертвеца
И лик один — пред вами тело
Без жизни, мертвый цвет лица,
И лик другой — пред вами смело
Сияет радость без конца.
Любовь художник, два в ней лика,
Меня вы видите в одном,

Я, кажется, вам нравлюсь в нем,
Но, может быть, все будет дико,
Когда увидите в другом.
Одно сейчас сказать должна вам:
Вы слушаете, мысль тая,
Что дама Дон Луиса я,
Вы в заблуждении неправом,
И в этом клятва вам моя.

Дон Мануэль

Скажите, что же вам, сеньора,
Велит скрываться от него!

Донья Анхела

Быть может, это оттого
Так избегаю я позора,
Что положенья моего
Высокого могу лишиться,
Коль Дон Луису вдруг случится
Меня узнать.

Дон Мануэль

Прошу одно
Сказать: Как это вам дано
В дом проникать ко мне?

Донья Анхела

И это
Пока пусть будет без ответа.

Донья Беатрис *(в сторону)*

(Теперь и я явлюсь сюда.)
Вот сладости, прошу покорно,
И, ваша светлость, тут вода...

*(Все подходят с салфетками, водой
и несколькими коробками с сухим вареньем.)*

Донья Анхела

Кто говорит со мной так вздорно?
Была ли светлость здесь когда?
Ты хочешь обмануть сеньора
Дон Мануэля, будто я
Такая важная?

Донья Беатрис

Моя

Владычица...

Дон Мануэль (*в сторону*)

Ну вот как скоро
Загадка кончилась моя:
Не ошибусь, конечно, я,
Теперь подумавши, что это
Передо мною дама света,
И что за золото она,
Здесь тайною окружена.

СЦЕНА 3-я

Дон Хуан.— Те же.

Дон Хуан (*за сценой*)

Эй, Исабель, дверь отвори мне!

Донья Анхела (*в сторону*)

О небо, что это за шум?

Исабель

Я умерла!

Донья Беатрис (*в сторону*)

Я леденею?

Дон Мануэль (*в сторону*)

О, Боже! Мукам нет конца?

Донья Анхела

Сеньор, отец мой там стучится.

Дон Мануэль

Что делать должен?

Донья Анхела

Нужно вам

Укрыться в комнате отдельной.

Сведи скорее, Исабель,

Его в ту комнату, что знаешь,

В отдельную. Ты поняла?

Исабель

Идем скорей!

Дон Хуан (*за сценой*)

Ну что же, скоро?

Дон Мануэль

О, боже, не покинь меня!

Здесь жизнь и честь стоят на карте.

(*Дон Мануэль уходит за Исабель.*)

Дон Хуан (*за сценой*)

Я дверь сорву!

Донья Анхела

Ты, Беатрис,

Вот в этой комнате побудешь,

Тебя здесь не должны найти.

(*Донья Беатрис уходит,
и входит Дон Хуан.*)

Д о н ь я А н х е л а

Чего ты в этот час здесь хочешь.
И почему тревожишь нас!

Д о н Х у а н

Сперва, Анхела, объясни мне,
Что значит этот твой наряд?

Д о н ь я А н х е л а

Я оттого всегда печальна,
Что вечно в трауре хожу,
И я оделась, чтоб увидеть,
Не веселей ли будет так.

Д о н Х у а н

Не сомневаюсь. Грусть у женщин
Наряды могут прогонять,
И драгоценности — лекарства.
Но все же думаю, что ты
С такую мыслью неуместна.

Д о н ь я А н х е л а

Что в этом важного? Никто
Меня увидеть здесь не может.

Д о н Х у а н

К себе вернулась Беатрис?

Д о н ь я А н х е л а

Да, и отец ее разумным
Нашел беседу прекратить.

Д о н Х у а н

Лишь это знать сейчас хотел я,
Чтобы решить, могу ли я
Ее увидеть постараться.

Ну, оставайся с богом здесь,
И помни, твой наряд не к месту.

*(Уходит,
и Донья Беатрис возвращается.)*

Д о н ь я А н х е л а

Дверь, Беатрис, скорей запри.

Д о н ь я Б е а т р и с

Прекрасно вышли мы из страхов.
Твой брат идет меня искать.

Д о н ь я А н х е л а

Пока все в доме не затихнет,
Дон Мануэль к нам не придет,
В мой кабинет пойдем со мною.

Д о н ь я Б е а т р и с

Коль это с рук тебе сойдет,
Ты будешь в доме невидимка.

Комната Дона Мануэля.

СЦЕНА 4-я

*Дон Мануэль и Исабель,
выходят впотьмах из шкафа.*

И с а б е л ь

Вот здесь без шума ты побудь,
Чтобы тебя не услышали.

Д о н М а н у э л ь

Как мраморный я буду тут.

И с а б е л ь

О только б дверь я закрепила!
Сумею ли? Я вся дрожу.
(Уходит.)

Д о н М а н у э л ь

Какое это дерзновенье
Решиться так войти туда,
Где человек не может видеть.
Какая тут грозит беда
И в чем опасности таятся.
Вот в доме я сейчас чужом,
Его хозяин, столь он знатный,
Что светлостью его зовут,
Тот дом исполнен изумлений,
И так далек от моего.
Но что такое? Дверь открылась,
И кто-то в комнату вошел.

СЦЕНА 5-я

Косме.— Дон Мануэль.

К о с м е

Создателя благодарю я,
Что нынче в дом вхожу свободно.
(Идет на ощупь.)
И в комнате не знаю страха,
Хотя вошел я без свечи.
То привиденье Невидимка
С моим резвится господином,
Так мной зачем бы заниматься?
(Наталкивается на Дона Мануэля.)
А вот, однако, началось!
Кто тут?

Д о н М а н у э л ь

Молчанье, кто б ты ни был,
А то убью тебя кинжалом.

К о с м е

Как бедный родственник я буду,
Что у богатого в дому.

Д о н М а н у э л ь (в сторону)

(Наверно тут слуга какой-то
Зашел случайно,— от него я
Узнаю, где я). Расскажи
Чей это дом и кто хозяин?

К о с м е

Сеньор, хозяин здесь есть Дьявол,
И дом здесь Дьявола, который
Отсюда да умчит меня.
Живет тут некая сеньора,
Чье имя Дама Привиденье,
Та Невидимка некий дьявол,
Что принимает женский лик.

Д о н М а н у э л ь

А ты кто?

К о с м е

Некий я наперсник,
Или слуга, и подчиненный,
Служитель я, и сам не знаю,
Зачем я в этих волшебствах.

Д о н М а н у э л ь

А кто твой господин?

К о с м е

Безумный,
Глупец, никчемный, юродивец,
Простак, из-за подобной дамы
Себя в убожестве блюдет.

Д о н М а н у э л ь

А как зовут?

К о с м е

Доном Мануэлем
Энрикесом.

Д о н М а н у э л ь

О, Иисусе!

К о с м е

И Косме я Катиборатос.

Д о н М а н у э л ь

Ты? Косме! Как сюда вошел?
Я твой сеньор. Скажи, за мною,
Как я отправился в дорогу,
Вошел ты следом? Ты за мною
Вошел, чтобы укрыться здесь?

К о с м е

Великолепная забава!
Как ты сюда попал, скажи мне?
Ведь ты отправился так смело
Один туда, где жданным был?
И вот вернулся. Как же это?
И как, скажи, здесь очутился?
Ведь я с ключом не расставался,
Его с собой ношу всегда.

Д о н М а н у э л ь

А это комната какая?

К о с м е

Твоя, иль Дьявола, быть может.

Д о н М а н у э л ь

Свидетель Бог, что лжешь ты нагло,
От дома был я далеко,
Вот только что в другом был доме,
Совсем на наш он не похож был.

К о с м е

Так это было привиденье,
Тебе я правду говорю.

Д о н М а н у э л ь

Меня с ума свести ты хочешь.

К о с м е

Еще разуверений нужно?
Иди вперед вот этой дверью.
И прямо выйдешь до ворот,
Тогда ты сможешь убедиться.

Д о н М а н у э л ь

Ты правду говоришь. Слежу я.

(Уходит.)

К о с м е

Когда же, господа честные,
Хитросплетениям конец?

(Через шкаф выходит Исабель.)

СЦЕНА 6-я

Исабель.— Косме; потом Дон Мануэль.

И с а б е л ь *(в сторону)*

(Уж Дон Хуан ушел из дома,
И нужно Дону Мануэлю
Не дать узнать, в каком он месте,
Его я проведу сейчас.)
Тсс, господин, меня ты слышишь?

К о с м е *(в сторону)*

Ну, это хуже: От шипенья
Я ломоту почувял в бедрах.

И с а б е л ь

Мой господин ушел к себе.

К о с м е *(в сторону)*

Речь о каком же господине?

(Дон Мануэль возвращается.)

Д о н М а н у э л ь

Я в комнате своей, конечно.

И с а б е л ь

Ты тут?

К о с м е

Я тут.

И с а б е л ь

Иди со мною.

Д о н М а н у э л ь

Прекрасно, я пойду с тобой.

И с а б е л ь

Не бойся, ничего не бойся.

К о с м е

Сеньор, я схвачен невидимкой!

*(Исабель берет Косме за руку
и уводит через шкаф.)*

СЦЕНА 7-я

Д о н М а н у э л ь

Откуда же обманы эти,
Я не узнаю наконец?
Не отвечаешь, что за глупость?
Ответь мне, Косме, Косме! — Небо!
Я лишь на стены натыкаюсь.
Ведь я же с ним здесь говорил?
Куда же он пропал так быстро?
Он разве тут не находился?
Поистине вполне разумно
Теперь лишиться мне ума.
Но кто-нибудь сюда войдет же.
Я посмотрю, как он прибудет.
В алькове я покуда спрячусь
И терпеливо подожду,
Пока я точно не узнаю,
Кто эта Дама Привиденье,
И не покажет невидимка
Свою мне в ней красоту.

(Уходит.)

Зала Доньи Анхелы.

СЦЕНА 8-я

*Донья Анхела. Донья Беатрис.
Служанки.— Потом Косме, Исабель.*

Донья Анхела (К Донье Беатрис.)

Мой брат ушел, тебя он ищет,
А Исабель к Дон Мануэлю
Пошла, чтобы его к нам снова
Сюда ввести, скорее все
Как следует мы приготовим,
Все подождите здесь покуда,
Чтоб он нашел готовый ужин.

Донья Беатрис

Я не видала никогда
Истории такой забавной.

Донья Анхела

Идет?

Служанка

Идет, шаги я слышу.
(Выходит Исабель, ведя за руку Косме)

Косме

Несчастный я! Куда иду я?
Уж эти шутки чересчур.
Но нет, я вижу здесь красавиц.
Я Косме или я Амедис?
Космильо или Белианис?

Исабель

Идет. Но Боже, это что ж?

Косме (*в сторону*)

Теперь попался я в ловушку.

Донья Анхела

Что, Исабель, тут приключилось?

Исабель (*в сторону, к своей госпоже*)

Сеньора, я туда вернулась,
Где ждал меня Дон Мануэль,
Когда же в комнате была я,
Я встретилась там со слугою.

Донья Беатрис

Позолотить ошибку хочешь?

Исабель

Там света не было.

Донья Анхела

Увы!

Теперь уж все разоблачится.

Донья Беатрис (*в сторону*)

(Его нам нужно одурачить.
Начнем же.) Косме!

Косме

Дамиана!

Донья Беатрис

Поближе подойди сюда.

Косме

А мне и здесь так превосходно.

Донья Анхела

Приблизься, ничего не бойся.

К о с м е

Такой, как я, бояться будет?

Д о н ь я А н х е л а

Так почему не подойдешь?

К о с м е (в сторону)

(Отговориться невозможно,
Тут будет честь моя задета.)
А уваженье непонятно?
Зачем же непременно страх?
Я не испытываю страха
И перед самым Сатанюю,
Когда пришел он в лице женском.
Ведь это с ним не в первый раз.
Когда свои кует он ковы,
Он облачается в нагрудник
И надевает также юбку.
Ведь их не дьявол изобрел.
Он в виде девушки красивой,
Богатой, стройной, разодетой,
Однажды пастуху явился,
И тот, едва лишь увидал,
В нее немедленно влюбился.
Он наслаждался дьяволицей,
Тогда он в страшном гнусном лице
Ему угрозно возопил:
«О, жалкий человек, не видишь,
Какой увлекся красотой?
Она такой пред тобой,
От головы до самых ног.
Отдайся же в грехе подобном!»
А он, раскаяние зная
Еще и менее, чем прежде,
За наслажденьем так сказал:
«Напрасный и обманный призрак,
Когда ты думаешь, что горько

Отчаялся в грехе несчастный,
Поутру завтра воротись
В том самом лике, как являлся.
И ты увидишь, что влюблен я
Не менее, чем был и раньше,
И, во свидетельство прими,
Что в лике женщины не страшен
Людской душе и самый Дьявол».

Д о н ь я А н х е л а

Теперь приди в себя немножко,
Вот сладость, вот воды испей,
От страха возникает жажда.

К о с м е

Я не испытываю жажды.

Д о н ь я Б е а т р и с

Иди же и о том подумай,
Что возвратиться должен ты,
А это двести миль отсюда.

К о с м е

О, Боже Вышний! Что я слышу?
(Стучат.)

Д о н ь я А н х е л а

Стучат?

Д о н ь я Б е а т р и с

Стучат.

И с а б е л ь (в сторону)

Ведь вот несчастье!

Д о н ь я А н х е л а (в сторону)

Судьба преследует меня!

СЦЕНА 9-я

Дон Луис.— Те же.

Дон Луис (за сценой)

Эй, Исабель!

Донья Беатрис (в сторону)

Спаси нас Боже!

Дон Луис (за сценой)

Дверь отопри.

Донья Анхела (в сторону)

На каждый страх я

Имею брата.

Исабель

Что́ нам делать!

Донья Беатрис

Я спрячусь от него скорей.

(Уходит.)

Косме (в сторону)

Она и есть та Невидимка.

Исабель (к Косме)

Иди со мной.

Косме

Пойду с тобою.

(Уходят.)

(Дверь открывается, и входит Дон Луис.)

Д о н ь я А н х е л а

Чего ты от меня желаешь?

Д о н Л у и с

Я удовольствия других
Моей заботой нарушаю.
У дома паланкин увидел,
В нем верно Беатрис вернулась,
И видел, брат пришел домой.

Д о н ь я А н х е л а

Чего ж ты хочешь? Объясни мне.

Д о н Л у и с

Как раз живешь ты надо мною,
И мне казалось, услышал я,
Что гости у тебя сейчас,
Я захотел в том убедиться.

*(Приподнимает один из занавесов
и видит Донью Беатрис.)*

Здесь Беатрис?

(Донья Беатрис выходит.)

Д о н ь я Б е а т р и с

Пришлось вернуться,
Отец мой снова рассердился,
По-прежнему в досаде он.

Д о н Л у и с

Я вижу, обе вы в смущеньи.
Что означают те приборы?
Тарелки, сладости, стаканы?

Д о н ь я А н х е л а

Зачем допрашиваешь ты

О том, в чем мы в уединеньи
Находим женскую забаву?

(Исабель и Косме производят шум в шкафу.)

Д о н Л у и с

А этот шум что означает?

Д о н ь я А н х е л а *(в сторону)*
Я умираю!

Д о н Л у и с

Видит Бог,
Какие-то здесь бродят люди.
Не может быть, чтоб это брат мой
Так осторожно пробирался.

(Берет свечу.)

Увы мне! Небо, состраданья!
По глупости я захотел
Любовную развеять ревность,
И ревность чести предо мною.
Я свет возьму, хоть и опасно,—
При свете объяснится все,
И честь теряется при свете.

(Уходит.)

СЦЕНА 10-я

Донья Анхела, Донья Беатрис, Слуги.

Д о н ь я А н х е л а

Ай, Беатрис, ведь мы погибли,
Коль только он их повстречает.

Д о н ь я Б е а т р и с

Уже успела Исабель
Его в ту комнату спровадить,

Напрасно ты сейчас боишься,
Нас тайна шкафа охраняет.

Д о н ь я А н х е л а

А если хочет так беда,
Что Исабель в своем волнении
Его приладить не успела,
И он туда проникнуть сможет?

Д о н ь я Б е а т р и с

Куда-нибудь тебе скорей
Укрыться нужно в безопасность.

Д о н ь я А н х е л а

Я к твоему отцу отправлюсь,
Как он тебя ко мне отправил:
Переменилась только роль,
Твоя беда теперь со мною.
(Уходят.)

Комната Дона Мануэля.

СЦЕНА 11-я

*Исабель, Косме, Дон Мануэль.—
Потом Дон Луис.*

И с а б е л ь

Входи скорей.

(Уходит.)

Д о н М а н у э л ь

Опять я слышу,
Что в комнате сейчас есть кто-то.

(Входит Дон Луис со свечой.)

Д о н Л у и с *(в сторону)*

Мужчину видел я, клянусь.

К о с м е

Дела неважны.

Д о н Л у и с

Как случилось,
Что этот шкаф здесь передвинут?

К о с м е

Ну, свет пошел. А я наткнулся
На стол,— будь стол защитой мне.

(Прячется под стол.)

Д о н М а н у э л ь

А это вот таким манером.

(Кладет руку на свою шпагу.)

Д о н Л у и с

Дон Мануэль!

Д о н М а н у э л ь

Что здесь такое?
Вы, Дон Луис! Что это значит?

К о с м е *(в сторону)*

Где Невидимка-то прошла,
Сто раз хотел бы им сказать я.

Д о н Л у и с

Не рыцарь, низкий, и предатель,
Гость вероломный, втихомолку
Честь похищающий того,
Кто дал приют тебе, защиту

И окружил тебя почетом,
А ты в такие приключенья
(Обнажает шпагу.)
Без удержу направил путь
И без достоинства дерзаешь,—
Вынь из ножен клинок бесчестный!

Д о н М а н у э л ь

Я это сделаю затем лишь,
Чтоб защитить себя сейчас,
Твоими я смущен словами,
Тебя я вижу и смущаюсь,
Смущаюсь я самим собою,
И всем, что здесь, я изумлен.
И хоть меня убить ты хочешь,
Меня ты умертвить не сможешь,
Я жизнь испытывал в жестоком,
И смерть бессильна перед ней.
И оттого меня не сможешь
Убить, что не убит я скорбью,
А если ты и очень силен,
Поверь, что скорбь моя сильней.

Д о н Л у и с

Здесь доводами не поможешь,
Лишь делом.

Д о н М а н у э л ь

Дон Луис, помедли,
Быть может, удовлетворенье
Смогу тебе я дать вполне.

Д о н Л у и с

Какое удовлетворенье
Ты можешь дать мне, если словом
Ты будешь множить оскорбленья?
Когда ты в комнату вошел

Чрез эту дверь к той недостойной,
Какие для такой обиды
Придумать сможешь объясненья?

Д о н М а н у э л ь

Пусть эта шпага, Дон Луис,
Пронзит мне грудь тысячекратно,
Коль что я знал об этой двери
Или о комнате какой-то.

Д о н Л у и с

Так что ж ты делал в этот час
Без света здесь?

Д о н М а н у э л ь *(в сторону)*

(Что мне ответить?)

Я жду, чтобы слуга вернулся.

Д о н Л у и с

Ты прятался, я это видел.
Или солгали мне глаза?

Д о н М а н у э л ь

Обманчивы глаза нередко.

Д о н Л у и с

И если зренье обмануло,
Быть может, также слух солгал мне?

Д о н М а н у э л ь

И слух.

Д о н Л у и с

Солгали, словом, все.
Лишь ты здесь утверждаешь правду.
А ты один...

Д о н М а н у э л ь

Прошу сдержаться,
Затем что, прежде чем ты скажешь
И прежде чем вообразишь,
Тебя я умертвить успею.
И если так судьба желает,
На первом месте я. Законы
Священной дружбы — да простят!
И если биться суждено нам,
Так будем биться достойно нас:
Поставь тот свет, чтоб он обоим
Светил в дуэли нам равно.
Запри ту дверь, откуда вышел,
Сюда войдя неосторожно,
Я эту дверь запру в то время,
А ключ пусть будет на полу,
Кто жив останется, тот выйдет.

Д о н Л у и с

Я шкаф припру столом отсюда,
И если б даже захотели
Открыть оттуда, нет пути.

(Приподнимает стол и видит Косме.)

К о с м е *(в сторону)*

Открылся прямо ход в кулисы.

Д о н Л у и с

Кто тут?

Д о н М а н у э л ь

Судьба меня пытается.

К о с м е

Тут никого.

Д о н Л у и с

Вот этот самый,
Кого ты ждал, Дон Мануэль?

Д о н М а н у э л ь

Не время говорить об этом,
Я прав, и это твердо знаю.
Что хочешь думать, то и думай,
Тот будет жить, кто победит.

Д о н Л у и с

Чего ж вы ждете? Бейтесь двое.

Д о н М а н у э л ь

Меня ты очень оскорбляешь,
Коль это обо мне ты мыслишь.
О том я думаю сейчас,
Как поступить мне со слугою:
Коль отошлю его, конечно,
Он обо всем сейчас расскажет:
А коль останется он здесь,
В том преимущество мне будет,
Он за меня, конечно, встанет.

К о с м е

Тут неудобства не возникнет,
Такого я не совершу.

Д о н Л у и с

В алькове дверь есть: там пусть будет
Он взаперти, мы будем равны.

Д о н М а н у э л ь

Да, это мысль.

К о с м е

Чтоб стал я биться,
Вам нужно будет хлопотать,
О том же, чтобы я не бился,
Заботиться пустое дело.

(Уходит.)

СЦЕНА 12-я

Дон Мануэль, Дон Луис.

Д о н М а н у э л ь

Вот мы остались только двое.

Д о н Л у и с

И начат поединок наш.

(Бьются.)

Д о н М а н у э л ь

Не видел я руки столь меткой!

Д о н Л у и с

Я не видал руки столь твердой!

(Рукоятка его шпаги ломается.)

Я безоружен; рукоятка

Сломалась, биться мне нельзя.

Д о н М а н у э л ь

Тут в храбрости нет недостатка,

А только случай, так пойдя же

И шпагу принеси другую.

Д о н Л у и с

Ты так же смел, как и учтив.

(В сторону.)

(Судьба, что должен предпринять я

В таком тяжелом затрудненьи?

Одновременно честь он отнял

И, победивши, дал мне жизнь.

Пойду придумаю я повод,

Действительный или наружный,

Чтобы узнать мне, как я должен

В таком сомненьи поступить.)

Д о н М а н у э л ь

Так что ж ты не идешь за шпагой?

Д о н Л у и с

Пойду, и если подождешь ты,
Приду назад я с нею быстро.

Д о н М а н у э л ь

Там как бы ни было, но я
Здесь буду ждать тебя.

Д о н Л у и с

Так с Богом.
Дон Мануэль, тебя храни Он!

Д о н М а н у э л ь

И да блюдет тебя Всевышний!
(Дон Луис уходит.)

СЦЕНА 13-я

Дон Мануэль, Косме взаперти.

Д о н М а н у э л ь

Ключ вынимаю я, а дверь
Закрою, чтоб не видно было,
Что кто-то есть здесь. Сколько мыслей
Толпится в голове смятенно
И мне покоя не дают.
Как справедливо угадал я,
Когда решил, что ход здесь тайный,
И Дон Луиса эта дама.
Все так и есть, как думал я.
Но где ж несчастья обманут?

К о с м е (за сценой)

Сеньор, сеньор, я заклинаю,
Раз ты один, позволь мне выйти,
Я привидения боюсь,
Оно тут примется немедля
Играть в вопросы и ответы,
И даст одно, возьмет другое,
А мне и стен тут не видать.

Д о н М а н у э л ь

Я отопру тебе, чтоб только
Твоих мне глупостей не слышать,
Чтоб не терзаться этим вздором
И жалких низостей не знать.

(Дон Мануэль входит туда, где Косме.)

СЦЕНА 14-я

*Донья Анхела, в мантилье;
Дон Хуан, задерживается у двери комнаты.—
Дон Мануэль, Косме, за сценой.*

Д о н Х у а н

Здесь ты останешься, покуда
Не спрошу и не узнаю,
Какая в этот час причина
Тебя заставила уйти
Из дома; не хочу, чтоб прямо
В свое прошла ты помещенье,
Неблагодарная, там буду
Я до тебя и спрошу,
Что тут с тобою происходит.

(В сторону.)

*(Пусть в комнате Дон Мануэля
Она побудет это время,
А если он придет домой,*

Поставлю я слугу у входа,
И скажет тот, чтоб не входил он.)

(Уходит.)

Д о н ь я А н х е л а

О, горе мне! Пришли несчастья,
Одна беда к другой беде.
Я мертвая.

(Выходит Дон Мануэль и Косме.)

К о с м е

Уйдем скорее.

Д о н М а н у э л ь

Чего боишься?

К о с м е

Это Дьявол,

Не женщина, меня ухватит,
И в этой комнате она.

Д о н М а н у э л ь

Ведь кто она, теперь мы знаем,
И стол стоит пред этой дверью,
И ключ в другой. Как ей проникнуть?

К о с м е

Как вздумает, так и войдет.

Д о н М а н у э л ь

Ты глуп.

(Косме замечает Донью Анхелу)

К о с м е

Спаси меня Всевышний!

Дон Мануэль

Что там?

Косме

Пример приходит кстати.

Дон Мануэль

Скажи мне, женщина, ты призрак,

Ты наваждение? Ответь.

Меня задумала убить ты?

Каким путем сюда проникла?

Донья Анхела

Дон Мануэль...

Дон Мануэль

Скажи.

Донья Анхела

Послушай.

Ко мне стучится Дон Луис,

Он входит, полный дерзновенья,

Себя сдержал, решил проверить,

Дом осмотрел, слепым остался,

Продлил осмотр, нашел тебя,

И тотчас звук мечей раздался,

Ведь шпага говорить умеет.

Я знаю, что замкнулись двое..

Обида в них и смелый дух,

И если сталь ведет беседу,

А речь молчит, исход какой же?

Один — живой, другой — убит,

Тут, ни жива и ни мертва,

Спешу из дома я скорее

И в тишине, во тьме холодной,

Иду, как бледный образ счастья,

Что только шутит надо мной:

Тут спотыкаюсь, там — упала,

Тут шаг неверный, чувства гаснут,

И в шелковой моей одежде
Я вижу тесную тюрьму.
Одна печальна и смятенна,
Неверною ведома мыслью,
К порогу прихожу темницы,
Где думала найти приют...
Но где несчастный знал отраду?
И вот стою я на пороге,
Но так несчастья созвенны,
Что брат пришел мой, Дон Хуан.
Я всячески ему стараюсь
Не дать узнать меня — усилия
Вредят мне только. Странный случай:
В молчаньи — женщине беда.
Молчаньем я себя убила!
Но, словом, он стоял у двери,
Когда я подошла к порогу:
Вулкан в снегах, утес в огне.
Луна светила еле-еле,
И при неверном этом свете
Он на груди моей увидел,
Как драгоценности блестят,
(Не в первый раз они так губят!)
И он услышал шелест платья.
(Не в первый раз нам в платье гибель!)
Он думал, милая его,
Он мотыльком летит на пламя,
Чтоб в нем, любя, воспламениться,
И не возлюбленную видит,
А тень звезды своей, меня.
Кто мог бы думать, что влюбленный
Стремится к той, кого ревнует,
И небо так к нему враждебно,
Что даже в ревность принял он.
Заговорить хотел, не в силах,
Волнение всегда безгласно.
И наконец, чуть внятно молвив,

Меня печально он спросил,
В чем смысл такого оскорбленья.
Ему ответить я хотела,
(Но, я сказала, чувство немо.)
И говорить я не могла.
Испугу ум помочь не может,
Приходит помощь слишком поздно,
И оправданьями своими
Лишь подтверждала я вину.
«Ступай,— сказал,— сестра лихая,
Пятно на нашей древней чести,
Тебя замкну в уединеньи,
Где в достоверном будешь ты,
Пока я зорко — осторожно
Не разъясню причину злого
И не сумею успокоить
Мою бессонную тоску».
Сюда вошла, тебя я вижу,
Небесная мне в этом радость,
В моем я доме привиденьем
Была из-за любви к тебе.
Тебя я чтила и скрывалась,
Была сама себе гробницей,
Когда б тебя не берегла я,
Какая б в том была любовь!
И где же было б уваженье
Лицом к лицу сказать о страсти!
Но я любить тебя хотела,
И цель моя — любовь к тебе.
Я потерять тебя боялась,
Завоевать тебя стремилась,
Чтоб быть всю жизнь тебе покорной
И душу всю отдать тебе.
Хочу служить тебе — и плачу.
И умоляю, заклиная,
Чтоб ты смягчил мое несчастье,
Чтоб ты помог, чтоб защитил.

Д о н М а н у э л ь (в сторону)

(Мои несчастья как гидра
Многоголовая: чуть только
Одно кончается, другое
Из праха тотчас восстает.
Как быть мне в этом лабиринте?
Я думал, дама Дон Луиса,
Она сестра его, и если
Была обида столь сильна,
Когда любви его касалась,
И лишь затрагивалась нежность.
Какая сила в оскорбленьи,
Когда затрагивает честь?
Несправедливое мученье!
Его сестра она. И если
Ее освободить хочу я
И кровью защитить моей,
Взывая к стали как к защите,
Ее тем больше обвиняю,
Я тем скажу, что я предатель.
Изменник очага его.
Свою доказывать невинность,
Ее тем самым обвиняя,—
С моей несогласимо честью,
Ее мне обвинять нельзя.
Так что ж мне предпринять возможно,
Коль совершаю я измену,
Вставая на ее защиту,
А если брошу, низкий я?
Я за нее — я гость нечестный,
Ее я брату предоставляю —
Бесчеловечный я,— где ж выход?
Освобожу — я низкий гость,
Оставлю — я в любви бесчестный.
Как ни взгляни, все будет худо,
Итак умру я, убивая.)

(К Донье Анхеле.)

Сеньора, страх свой прогони,
Я благороден, ты со мною.

(В дверь стучат.)

Косме

Сеньор, стучат.

Дон Мануэль

Наверно это

Со шпагой Дон Луис вернулся.
Открой.

Донья Анхела

О, горе мне! Мой брат!

Дон Мануэль

Не бойся ничего. Вся храбрость
Моя — тебе защитой будет.
Вот тут стань за моей спиною.

*(Донья Анхела становится
за Доном Мануэлем, Косме открывает дверь.)*

СЦЕНА 15-я

*Дон Луис.— Донья Анхела,
Дон Мануэль, Косме.*

Дон Луис

Вот я вернулся.— Это что ж?
Изменница!

(Идет к Донье Анхеле и обнажает шпагу.)

Дон Мануэль

Сдержите шпагу,
О, Дон Луис. Я в этой зале
Вас ожидал, когда ушли вы,

И я не знаю, как сюда
Пришла вот эта дама, — ваша
Сестра, согласно заявленью.
Даю вам рыцарское слово,
Что я не знаю, кто она,
И если только говорил с ней,
Так с кем я говорил, не знаю.
Ее я в месте безопасном
Хочу увидеть, — хоть бы мне
Пришлось за то расстаться с жизнью.
Дуэль меж четырьмя стенами
Должна была свершиться тайно,
Теперь ей нужно гласной быть.
Едва ее освобожу я,
Вернусь к предмету нашей ссоры,
И так, как между нами было,
Что честь и шпага стали нам
Два разных довода, и ценных,
Позвольте мне пойти за честью,
Как я позволил вам — за шпагой.

Д о н Л у и с

Да, я за шпагою ходил,
Но лишь затем, чтобы немедля
Ее к ногам повергнуть вашим.
С тем обязательством покончив,
Которым с вами связан был,
Могу я биться с вами снова,
Коль возникает новый повод.
Она сестра мне. Предо мною
Ее не уведет никто,
Не будучи ее супругом,
И если взять ее хотите,
Так можете рукою мужа.
Такое слово давши мне,
Ее возьмите, уведите,
И возвратитесь, если нужно.

Д о н М а н у э л ь

Я возвращусь, но, увидавши,
Как осмотрительно ты тверд,
Хочу к ногам твоим припасть я.

Д о н Л у и с

Встань, встань, прошу я.

Д о н М а н у э л ь

И чтоб лучше
Сдержать обещанное слово,
Моя рука твоей сестре.

СЦЕНА 16-я

Донья Беатрис, Исабель, Дон Хуан. — Те же.

Д о н Х у а н

И если только в посаженном
Отце здесь будет недостаток,
Я тут: придя сюда, где раньше
Сестру оставил, я молчал
И не хотел идти к несчастьям,
Но выхожу я к наслажденьям.

Д о н ь я Б е а т р и с

Раз к этому приходит дело,
Свидетели уместны здесь.

Д о н Х у а н

Ты Беатрис, в моем здесь доме?

Д о н ь я Б е а т р и с

Я из него не выходила,
Сейчас причину ты узнаешь.

Д о н Х у а н

Коль громко случай нас зовет,
Воспользуемся им немедля.

К о с м е

Ну, слава Богу, привиденье
Означилось перед глазами.

(К Дону Мануэлю.)

Так что же, молви: был я пьян?

Д о н М а н у э л ь

Женись на Исабель, коль трезвый.

К о с м е

Женился бы, будь только трезвый,
Да не могу.

И с а б е л ь

А в чем же дело?

К о с м е

Я время не хочу терять,
Ведь это не устроишь сразу.
Воспользуюсь минутой лучше,
Чтобы за автора смиренно
У всех прощенья попросить.

СТОЙКИЙ ПРИНЦ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Фернандо, принц
Дон Эрике, принц
Дон Хуан Кутиньо
Царь Феса, старик
Мулей, начальник армии
Селин
Брито, шут
Альфонсо, король Португалии
Таруданте, царь Марокко
Феникс, инфанта
Роза
Сара
Эстрелья
Селима
Португальские солдаты
Пленники
Мавры

*Сцена в Фесе и его окрестностях
и в окрестностях Танхера.—
Действие начинается в 1437 году.*

ХОРНАДА ПЕРВАЯ

СЦЕНА 1-я

Сад Царя Фесского.

Пленники выходят с пением; Сара.

С а р а

Ну, пойте, пойте, звуки песен
С прекрасной Феникс говорят,
Пока она, внимая песне,
Меняет пышный свой наряд.
Ей часто нравились напевы
Печали, плена и скорбей.

Первый пленник

Те песни, что рождались волей
Колодок наших и цепей,
Ужель могли ей быть желанны?

С а р а

Могли и были. Пойте ей.
Она вас слушает отсюда.

Второй пленник

То будет худшей из скорбей.
О, Сара нежная, лишь звери,
Лишь птицы, чья душа во тьме,
Чей дух мышленьем не украшен,
Поют, веселые, в тюрьме.

С а р а

Так никогда вы не поете?

Третий пленник

В усладу горести своей,
Но не чужой, слагаем песни.

Сара

Она вас слушает. Скорей.

Пленники (*поют*)

Все высокое сдается
Тяжкой силе долгих лет.
Время с легкостью несется
Для губительных побед.

СЦЕНА 2-я

Роза. — Те же.

Роза

Ступайте, пленники, из сада,
И пенье кончите. Сюда
Выходит Феникс молодая,
Как предрассветная звезда,
И ей гордится луг зеленый,
И ей украшены цветы.

(Пленники уходят.)

СЦЕНА 3-я

*Феникс, Эстрелья и Селима,
как бы кончая одевать Инфанту. — Сара, Роза.*

Эстрелья

Второй зарею к нам являясь,
Как царственно прекрасна ты!

С а р а

И первая сказать не смеет,
Что ей обязаны одной
Своим багряным блеском — роза,
Жасмин — своею белизной.

Ф е н и к с

Подайте зеркало.

Э с т р е л ь я

Не надо

Просить совета у него:
Ни одного нет недостатка
В картине лика твоего.
(Ей дают зеркало.)

Ф е н и к с

Что в красоте (пусть я признаю,
Что я красива), что мне в ней,
Коль нет веселья, нет блаженства?

С е л и м а

Какая ж боль в душе твоей?

Ф е н и к с

Ах, если б знала я, Селима,
Что мучит сердце, мне б тогда
Усладой горести служила
Моя сердечная беда!
Когда б я знала, в чем страданье
И чем нарушен мой покой,
Я назвала бы огорченьем
То, что зову теперь тоской.
Но я лишь чувствую и знаю
Глухую боль каких-то ран,
Воспринимаю огорченно
Души встревоженной обман.

С а р а

Когда тебя не развлекает
Весною расцвеченный сад,
Где в пышном храме из жасминов
Колонны роз, блестя, молчат,
Отправься к морю: лодка будет
Воздушной колесницей дня.

Р о з а

И на волнах увидя столько
Живого блеска и огня,
Печально сад промолвит морю:
«Уж солнце, в мир бросая тень,
В свое вернулось средоточье:
Как быстро минул этот день!»

Ф е н и к с

Напрасно, образуя тени,
Являя дали, тешит взор,
Средь отражений и сияний,
Земли и моря дружный спор.
С цветами спорят блеском волны,
С волнами речь ведут цветы,
И друг у друга отнимают
Первопрестольность красоты.
Увидя, как умеет море
Движеньем волн своих дышать,
Стремятся в зависти растенья
Его теченью подражать:
И потому зефир влюбленный,
Волнуя цвет и аромат,
Колеблет нежные растенья
И изменяет пышный сад,
И он является не садом,
А океаном из цветов:
И море, видя с огорченьем,

Как вешний сад и свеж и нов,
 Стремится также разукрасить
 Роскошной пеной берег свой,
 Высокие ломает волны,
 С их белизной и синевой,
 И в состязании изящном,
 Вторичный воплотив закон,
 Красуется залив зеленый
 И голубой цветущий склон,
 И красотой ярких перьев,
 И переливностью сквозной,
 Блистает сад, как море в цвете,
 И море точно сад весной:
 Так как же тосковать должна я,
 Когда привлечь не могут взор
 Земля и небо, сад и море?

С а р а

Велик души твоей раздор.

СЦЕНА 4-я

Царь, с портретом. — Те же.

Ц а р ь

Когда недуг твой позволяет
 Дать отдых для сердечных бед,
 Пусть этот подлинник прекрасный
 (То подлинник, а не портрет,
 В нем дышит жизнь) тебе расскажет,
 На утешение всем нам,
 Что Принц мароккский, Таруданте,
 Кладет венец к твоим ногам.
 Он от него послом явился,
 И несомненностью зови,

Что раз посол немым приходит,
Так с ним послание любви.
В его защиту я вступаюсь:
Он десять тысяч мне дает
Проворных всадников, которых
В моих войсках недостает.
А я как раз намереваюсь
Немедля Сеуту отбить.
Пусть стыд положит гнев на милость
И не препятствует любить
Того, кто будет в нашем Фесе,
На много беспечальных дней,
Блистательно короноваться,
Как царь над красотой твоей.

Феникс

Аллах да будет мне защитой!

Царь

Ну, что ж ты опускаешь взор?
Что так тебя тревожит сильно?

Феникс (*в сторону*)

Увы, мой смертный приговор.

Царь

Что говоришь ты?

Феникс

Государь мой,
Ты знаешь, что уж столько дней
Ты был мой царь, отец, владыка.
Что ж говорить мне? (*В сторону.*) (О, Мулей!
Какой тобой утрачен случай!)
Молчание (О, горе мне!)
Есть знак лишь моего смиренья.
(*В сторону.*)

(О, лжет душа, горя в огне,
Лжет голос, говоря такое!)

Ц а р ь

Возьми портрет.

Ф е н и к с (в сторону)

Возьму рукой,
По принуждению, не душою.

(Слышен пушечный выстрел.)

С а р а

Встречают пушечной пальбой
Мулея, кончившего ныне
По морю фесскому блуждать.

Ц а р ь

И справедлива эта встреча.

СЦЕНА 5-я

Мулей, с жезлом главнокомандующего.— Те же.

М у л е й

Дай ноги, Государь, обнять!

Ц а р ь

Мулей, счастливого прибытье!

М у л е й

Кто, прибывая, видит свет
Такой властительнейшей сферы,
Чьей силой мир кругом одет,
И кто, вступая в пристань, видит
Дочь солнца, ясную зарю,

Его прибытие счастливо,
Я это смело говорю.
Прошу, сеньора, дай мне руку.
Я эту милость заслужил:
Лишь для тебя готова славу,
Я не щажу послушных сил.

(В сторону.)

(Ушел как раб, и вновь с любовью,
Как прежде пылкой, прихожу).

Феникс *(в сторону)*

(О, небеса! Что предо мною?)
Я с благодарностью гляжу,
Мулей, на преданность и верность.
(Я умираю.) Твой приход
Да будет счастлив.

Мулей *(в сторону)*

Нет, как вижу,
Он много мне сулит невзгод.

Царь

Что ж нового, Мулей, на море?

Мулей

Теперь терпенье покажи:
Дурные вести приношу я.

Царь

Все, что ты знаешь, нам скажи:
Кто одарен душою стойкой,
Тот с ликом ясности всегда
Добро и зло равно встречает.
Сядь, Феникс нежная, сюда.

Феникс

Я здесь.

Царь

Садитесь все. Внимайте.
Не скрой молчаньем ничего.
(Царь и дамы садятся.)

Мулей (в сторону)

(Нет красноречья, нет молчанья,
Увы, у сердца моего.)
Великий Царь, как повелел ты,
С двумя галерами я вышел,
Чтоб совершить объезд по морю
Вдоль берберийских берегов¹
Твоим намерением было,
Чтоб прибыл я в тот город славный,
Что звался некогда Элисой;
У самой бухты он стоит
Близ Геркулесова пролива²,
Название его от Сейдо,
А Сейдо, Сеута, в еврейском,
Как и в арабском, красота.
Воистину красив тот город!
Но небеса его отторгли
От твоего венца, владыка;
Быть может, мудрый Магомет
Хотел свой гнев явить нам в этом,
И в посрамленье нашей силы
Нам португальские знамена
На башнях видятся его.
И в них насмешка нашей славы,
Для нашей гордости преграда
Кавказ, которым задержался
Могучий Нил твоих побед³,
И посредине перервавшись,
Поток разливный остановлен,
И путь в Испанию утрачен.
Так выполняя твой приказ,
Я вышел в море, чтоб разведать,

Какой он вид теперь имеет,
Какие в нем сокрыты силы,
И как вернее можешь ты,
Уменьшив тяжесть предприятия,
Начать войну. Да будет воля
Небес на то, чтобы с победой
Тебе был город возвращен!
Хотя теперь нам ждать придется,
Покорствуя беде важнейшей;
И замысел ты свой отвергни,
Увидя, что зовет другой:
Войска, которые тобою
Для Сеуты предназначались,
Должны к Танхеру устремиться,
Там та же горькая беда,
Там то же горькое несчастье,
Там та же пытка, та же мука.
Я это знаю, потому что
Однажды, утренней порой,
В тот час, когда, полупроснувшись,
И смутный запад попирая,
Выходит солнце, разметавши
Волну сияющих волос
Над нежной белизной жасминов,
Над блеском роз багряноцветных,
И тканью золотой стирает
С очей проснувшейся зари
Сверканье слез огня и снега,
Их превращая в пышный жемчуг,
Вдали на море увидал я
Громаду тяжких кораблей:
И в это первое мгновенье
Не мог решить мой взор смущенный,
Что было там на горизонте,
Утесы или корабли.
Подобно как в живописаньи
Искусной кистью создаются

Виденья, облики, и дали,
И, перспективой обольщен,
То видит глаз глухие горы,
То города с их светлой славой,—
Всегда рождает отдаленность
Толпу чудовищ для очей,—
Так точно в областях лазурных,
Смешавши волны с облаками
И море с небом сочетая,
Сплетенье света и теней
Родило тысячи обманов
Для глаз, увидевших сначала
Лишь облик смутных очертаний
Без различенья четких форм.
Сперва, увидев, что краями
Те отдаленные предметы
Уходят в небо, мы решили,
Что это были облака
Из тех, которые стремятся,
К сафиру моря прикоснувшись,
Зачать потоки дождевые,
Чтоб их кристаллами родить.
И складно было так подумать,
Неисчислимая громада,
Казалось, всю морскую бездну
По капле думала испить.
Потом нам ясно показалось,
Что это рой морских чудовищ
В сопровождении Нептуна
Из водных выступил пещер;
Игрушка утреннего ветра,
Вздувались паруса, качаясь,
И нам казалось, это крылья
Качаются над зыбью волн.
Но этот Вавилон огромный
Приблизился, и было видно,
Что выпела с их трепетаньем —

Его всякие сады.
Удостоверенное зренье
Тогда узнало без ошибки,
Что это близилась армада
По глади рассеченных вод.
Вкруг кораблей взметались волны,
Они кудрявились, крутились
То серебристыми скалами,
То горами из хрусталя.
Такие вражеские силы
Перед собою увидавши,
Я повернул: порой умело
Бежать — есть тоже победить.
Подробно море это зная,
Зашел я в замкнутую бухту,
Где под прикрытьем двух утесов
Нашел прибежище себе.
И мог без страха встретить ярость
Такой могущественной силы,
Явившейся на изумленья
Земли и моря и небес.
Они пришли, нас не заметив,
И я, желая (столь понятно!)
Узнать, куда армада эта
Направила дальнейший путь,
Решил вторично выйти в море,
И этот раз мои надежды
Напрасными не оказались,
Всевышней волею небес:
От флота сильного отставший
Один корабль на зыби водной,
Незащищенный, слабо бился,
Он, как позднее я узнал,
От всей армады, перенесшей
Свирепость бури, отделился,
И был разбит, и был разорван,
И так наполнен был водой,

Что не могли его насосы
Ее вычерпывать: качаясь
И наклоняясь вправо, влево,
Он выплывал и утопал,
Я подошел к нему вплотную,
И утопавших тем утешил,
Хоть я и мавр,— иметь в несчастьи
Товарища,— приятно всем,
Настолько, что усладой служит
И вид врага. Желанье жизни
Настолько охватило многих,
Что, сделав лестницей канат,
Они сдались, хотя другие
Их осуждали, восклицая,
Что жить — не жить, живя без чести,
И с португальским хвастовством
Сопротивленье оказали.
Один из сдавшихся подробно
Поведал, что армада эта
Из Лиссабона шла в Танхер,
Чтоб осадить его геройски,
И на стенах его зубчатых
Чтоб португальские знамена
Блестали так же, как всегда
На Сеуте мы это видим,
Когда выходит в небо солнце.
Царь португальский, Эдуарте,
Чья слава, полная побед,
Витает с римскими орлами,
Своих двух братьев посылает,
Энрике и Фернандо, славу
Столетия нашего, чтоб здесь
Они победой увенчались.
Магистры ордена — чье имя
Христос и Авис,— эти братья⁴;
И на груди у них кресты,
Зеленый крест и крест багряный.

Они четырнадцать тысяч
Солдат выплачивают деньги,
Тех не считая, государь,
Что служат им в свой счет, бесплатно.
Коней могучих десять сотен
Дала испанская надменность,
И каждый конь — как ягуар,
Как ягуар, одетый тигром.
Они теперь уже в Танхере,
И в этот час, о, государь мой,
Ступают по его пескам,
А если нет, то проплывают
Вдоль берегов. Так поспешим же
И защитим его: бесстрашно
Бич Магомета подними,
И лучший лист из книги смерти
Исторгни властною рукою,
Быть может, совершится ныне,
Что Морабиты предрекли, —
Что португальская корона
Найдет злосчастную могилу
Среди песков, сожженных солнцем,
На африканских берегах.
Пусть силою меча кривого
Кровь португальцев изольется,
И ширь полей зелено-синих
Воспримет ярко-алый цвет.

Ц а р ь

Молчи, не говори мне больше,
Твои слова смертельный яд,
Они во мне свирепость будят
И казнь лютою казнят.
Пускай Инфанты с мощной ратью
Идут, подобные огню.
Я укрошу смельцов кичливых
И в Африке похороню.

Мулей, ты с конницей немедля
Отправься к берегу и там
Держись, пока с своею силой
Я не приду на помощь к вам.
Твоей я крови доверяюсь.
Ты в стычку вовлеки врагов,
Не позволяя захватить им
Все протяженье берегов,
А я с проворностью такой же,
Как ты, неся с собой беду,
Всех остальных бойцов бесстрашных
На поле битвы приведу.
Мы кровью спор запечатлеем,
Мы явим для веков пример,
И Сеута моею будет,
Им не достанется Танхер.

(Уходит.)

СЦЕНА 6-я

Феникс, Мулей, Сара, Роза, Эстрелья, Селима.

Мулей

Хоть уйду, но не хочу я
Уйти, о, Феникс, без того,
Чтоб не сказать, что умираю
Я от недуга моего.
И мой недуг меня заставит
Почтительность к тебе забыть:
Но тот, кто ревностью терзаем,
Учтивым может ли он быть?
В твоей руке прекрасно-белой
Скажи, врагиня, чей портрет?
Кто этим счастьем обласкан?
Скажи мне, кто? Но, впрочем, нет.
Не говори мне оскорблений:

Не слыша от тебя, кто он,
Его в твоей руке увидя,
Я слишком, слишком поражен.

Феникс

Мулей, хотя мое желанье
Тебе позволило любить,
Но оскорбительным, но грубым
Со мною ты не должен быть.

Мулей

То правда, Феникс, сам я знаю,
Что так нельзя мне быть с тобой;
Но видит небо, что, ревнуя
И мучаясь, я сам не свой.
Тебе служил, тебя любил я,
Тебя я в сердце берегу;
Но если я молчал, влюбленный,
Молчать, ревнуя, не могу.

Феникс

Твоя вина не заслужила,
Чтоб объясненья я дала,
Но для себя самой хочу я,
Чтоб не было меж нами зла.
Причина есть...

Мулей

Так есть?

Феникс

Конечно.

Мулей

Да сохранит тебя Творец!

Феникс

Портрет мне...

Мулей
Послан?

Феникс
Таруданте.

Мулей
Зачем?

Феникс
Затем, что мой отец,
Не зная о моей заботе...

Мулей
Отлично.

Феникс
Пожелал, чтоб два
Владенья царские...

Мулей
Довольно.
Причина, значит, такова?
Творец тебя да покарает!

Феникс
Но в чем, скажи, моя вина,
Когда отец замыслил это?

Мулей
Ты лучше умереть должна
Была сегодня, но портрета
Не принимать.

Феникс
Свою боязнь
Могла я скрыть, но что же сделать
Могла бы я?

Мулей

Пойти на казнь,
Как я пошел бы.

Феникс

Неизбежность.

Мулей

Ты позабыла свой обет.

Феникс

Я уступила поневоле
Насилию.

Мулей

Насилья нет!

Феникс

Так что же?

Мулей

Я, с тобой расставшись,
Мою надежду схоронил.
И так как снова убеждаться
В твоей измене — выше сил,
Я уйду, — ты можешь, Феникс,
Мне пожелать побольше зла.

Феникс

Иди, разлука неизбежна...

Мулей

Уже душа моя ушла.

Феникс

В Танхер, а сетованья после
Окончишь в Фесе, в свой черед.

Мулей

Да будет мой недуг продолжен.

Феникс

Прощай, разлука нас зовет.

Мулей

Итак, портрета не отдавши,
Ты мне велишь теперь идти?

Феникс

Когда б не Царь, его давно бы
Я уничтожила.

Мулей

Пусти,

Отдай же, говорю, портрет мне,
Пусть вырву из руки — того,
Кто за моей спиной вырвал
Меня из сердца твоего.

(Уходят.)

СЦЕНА 7-я

Побережье Танхера.

*За сценой слышен звук рожка,
шум высадки на берег, затем выходят Дон Фернандо,
Дон Энрике, Дон Хуан Кутиньо
и португальские солдаты.*

Дон Фернандо

О, Африка прекрасная, пусть первым
На берег твой песчаный я вступлю,
Чтоб тяжести шагов ты уступила,
Как волны уступают кораблю.

Дон Э н р и к е

А я вторым на почве африканской
Встаю. *(Падает.)* Да осенит нас Дух Святой!
И здесь за мною следом предвещанья.

Дон Фернандо

Энрике, прогони свой страх пустой.
Раз ты упал, паденье это значит,
Что пред тобою самая земля,
Как пред царем, объятая раскрывает.

Дон Э н р и к е

Пустынны горы, доли и поля,
Арабы, увидав нас, прочь бежали.

Дон Хуан

Танхер закрыл ворота стен своих.

Дон Фернандо

Граф де Миральва, Дон Хуан Кутиныо,
Враги ушли, но мы отыщем их.
Исследуйте подробно поле битвы,
И прежде чем полдневный жгучий зной
Нас будет жечь и ранить беспощадно,
Забросьте в город возглас боевой.
Скажите, чтоб не думал защищаться,
А ежели царит упорство в нем,
В Танхер ворвавшись, быстро я сумею
Его наполнить кровью и огнем.

Дон Хуан

Смотри же, как, направившись к воротам,
Я вплоть до крепостных приближусь круч,
Хотя бы там вулкан огней и молний
Извергнул к солнцу сонмы дымных туч.

(Уходит.)

СЦЕНА 8-я

*Брито, Дон Фернандо, Дон Энрике,
португальские солдаты.*

Б р и т о

Благодаренье Богу, я на суше.
Иду, куда хочу. Апрель и май.
Ни тошноты, ни ужасов, ни качки,
И я не в море. Ну, вода, прощай.
Не в море я, где даже самый быстрый
К чудовищу из дерева причтен,
И может быть судьбою этим глупым
Внезапно на погибель осужден.
Родимая земля, да не умру я
В воде, и до последнего конца
Пускай и на земле не умираю.

Д о н Э н р и к е

Ты можешь слушать этого глупца?

Д о н Ф е р н а н д о

А ты так безрассудно, безутешно
Не слушаешь, как шепчет страх в тебе?

Д о н Э н р и к е

Душа моя полна предчувствий темных,
И казнь моя желательна судьбе:
Везде я вижу только лики смерти,
С тех пор как флот оставил Лиссабон,
Едва на этот берег берберийский
Набег армады нашей был решен,
Как Аполлон, весь в саване туманов,
Сокрыл свой образ, между туч, вдали,
И море, бурей бешеной объято,
Вдруг разметало наши корабли.
Взгляну на море — там ряды видений,

На небо — там в лазури вижу кровь,
На воздух — там ночные вьются птицы,
Смущенный, я смотрю на землю вновь,
Разъятая, она могилы кажет,
Я падаю, бессилием объят.

Дон Фернандо

Я изъясню тебе твои сомненья,
Печалиться не нужно, милый брат.
Один корабль у нас разбила буря,
И этим самым море предрекло,
Что слишком много войска взято нами;
Оделось небо пышно и светло,
В багряный цвет,— не ужас в том, а
праздник;
Чудовища нам видятся в воде
И птицы в ветре — создали не мы их,
И если здесь мы видим их везде,
Они конец кровавый предвещают
Своей земле. Не верь в пустой обман,
Приличны эти все приметы маврам,
В них указаний нет для христиан.
Мы оба христиане, и с оружием
Не для тщеславья прибыли сюда,
Не для того, чтоб мир в бессмертных книгах
Сказанья о нас читал всегда.
Пришли мы возвеличить веру в Бога,
Ему и честь и слава надлежит,
Когда дозволит, будем жить счастливо:
Гнев Божий нас повсюду сторожит.
Его страшиться должно; но не в страхах
Пустых нисходит гнев с Его вершин:
Ему служить пришли мы, не обидеть:
Так будь же до конца христианин.
Но что случилось?

СЦЕНА 9-я

Дон Хуан.— Те же.

Дон Хуан

Повелитель,
Идя к стене, как ты сказал мне,
На склоне той горы высокой
Я конный увидел отряд;
Сюда стремится он из Феса,
И так наездники проворны,
Что кони, кажется, не кони,
А перелетных стая птиц.
Их не поддерживает ветер,
Земля едва их ощущает,
И воздух и земля не знают,
Они бегут или летят.

Дон Фернандо

Так поспешим же к ним навстречу,
Вперед направим мушкетеров,
За ними с копьями и в латах
Пусть выйдут конные бойцы.
Начало доброе, Энрике,
Нам обещает этот случай.
Его приветствовать должны мы.
Итак, мужайся.

Дон Энрике

Я твой брат.
Не утрашит меня неверность
Такого случая и даже
Не утрашил бы облик смерти.

(Уходят.)

Б р и т о

А что касается меня,
Мне надо быть всегда в засаде.
И стычка же! На копыя — копыя.
Турнир, скажу вам, превосходный,
Ну, надо мне скорей в тайник.

(Уходит.)

(За сценой слышен призыв к оружию.)

СЦЕНА 10-я

Другой пункт побережья.

*Дон Хуан и Дон Энрике, сражаются
с несколькими маврами.*

Д о н Э н р и к е

Смелей, на них, уже разбиты,
Повсюду мавры отступают.

Д о н Х у а н

Поля убитыми покрыты
Солдатами и лошадьми.

Д о н Э н р и к е

А что ж не видно Дон Фернандо?

Д о н Х у а н

В пылу борьбы он где-то скрылся.

Д о н Э н р и к е

Отыщем же его, Кутиныо.

Д о н Х у а н

Где ты, повсюду я с тобой.

(Уходят.)

СЦЕНА 11-я

*Дон Фернандо, со шпагой Мулея,
и Мулей, с одним только щитом.*

Дон Фернандо

На поле битвы опустелом,
Что общей кажется могилой,
Или театром самой смерти,
Остался, мавр, один лишь ты,
Твои солдаты отступили,
Твой конь струит потоки крови,
Покрытый пеною и пылью,
Он возмущает дольний прах,
И меж коней, освобожденных
От седоков своих убитых,
Тебя добычей он оставил
Моей властительной руки.
И я горжусь такой победой,
Ее желаннее иметь мне,
Чем видеть это поле битвы
Венчанным алостью гвоздик.
Так много пролито здесь крови,
И так украсилось ей поле,
И так несчастье громадно,
Что утомленные глаза,
Проникшись жгучим состраданьем,
Уставши всюду видеть гибель,
Невольно ищут, не глядит ли
Меж красного зеленый цвет.
Итак, твою сразивши храбрость,
Я из коней, бродивших в поле,
Взял одного, и оказался
Таким чудовищем тот конь,
Что, сын ветров, он притязает
Быть у огня усыновленным,
И между пламенем и ветром

Его оспаривает цвет,
Он белый весь, и потому-то
Вода сказала: «Он рождение
Моих глубин, его из снега
Могла сгустить одна лишь я».
По быстроте он, словом, ветер,
По благородству — пламя молний,
По белизне — воздушный лебедь,
По кровожадности — змея,
По красоте — высокомерный,
По дерзновенности — могучий,
По ржанию звонкому — веселый,
По груди сильной — великан.
Сев на седле и сев на крупе,
Вдвоем с тобой чрез море крови
Мы пронеслись между трупов
На оживленном корабле,
И между пеною и кровью,
Как бы играя в перламутре,
Он от хвоста до самой челки
В стремленьи бешеном дрожал
И, чуя тяжесть над собою,
Двойною парой шпор пронзенный,
Он мчался, чудилось, влекомый
Теченьем четырех ветров.
Но и такой атлант могучий
Под тяжестью своей сломился,
Затем что тяжкий гнет несчастий
И зверю чувствовать дано;
А может быть в своем инстинкте
Задет, он про себя промолвил:
«Веселым шествует испанец,
Печальным едет в путь араб:
Так против родины я буду
Изменником и вероломным?»
Но будет говорить об этом.
Глубоко опечален ты,

Скрывает сердце, сколько может,
Но ты устами и глазами
Изобличаешь те вулканы,
Что у тебя в груди кипят,
И шлешь ты пламенные вздохи,
И слезы нежные роняешь,
И каждый раз, как обернусь я,
Моя душа удивлена;
Должна другая быть причина,
Которая тебя печалит,
Не мог твой дух одним ударом
Судьбы жестокой быть сражен:
И было бы несправедливо
И дурно, если б о свободе
Так горько плакал тот, кто может
Так тяжко раны наносить.
И потому, коль, рассказавши
Другому о своем несчастье,
Тем самым горе облегчаешь,—
Пока к моим мы не придем,
Раз эту милость заслужил я,—
Тебя степенно и учтиво
Я убеждаю, расскажи мне,
Какое горе у тебя.
Скорбь сообщенная бывает
Не побежденной, но смирённой,
И я, виновник самый главный
Превратности твоей судьбы,
Желаю быть и утешеньем
И устранителем причины
Твоих печальных воздыханий,
Коли причина разрешит.

Мулей

Велик ты в храбрости, испанец,
И так учтив ты, как бесстрашен;
И ты словами побеждаешь,

Как шпагой можешь побеждать.
Когда меня на поле битвы
Ты победил мечом могучим,
Ты жизнь мою своею сделал,
И вот вторично взят я в плен;
Моя душа твоею речью
Побеждена, ты повелитель
И над душою и над жизнью,
Ты и жесток и милосерд,
И побежден тобой я дважды
Оружием и обращеньем.
Ко мне проникшись состраданьем,
Испанец, ты меня спросил,
О чем я пламенно вздыхаю;
Я сознаю, что, если скажешь
Другому о своем несчастьи,
Оно тогда умягчено,
Но сознаю я вместе с этим,
Что тот, кто говорит о боли,
Желает, чтоб она смягчилась,
Моя же боль в моей душе
Царит настолько над моими
Восторгами, что, не желая
Смущенья их и облегченья,
Хотел бы я о ней молчать;
Но нужно мне повиноваться,
И я тебе открою тайну.
Я Фесского Царя племянник,
И называюсь шейх Мулей.
Мой род прославлен многократно
Наместниками и пашами.
Но я был сыном злополучий
С первоначальных дней моих,
И даже на пороге жизни
Родился я в объятьях смерти.
Пустыня, что была великой
Могилой для испанских войск,

Была моею колыбелью:
Узнай, что я родился в Хельве ⁵,
В тот самый год, когда у Хельва
Вы поражение понесли.
Явился я к Царю Инфантом,
Служить ему.— Но тут начало
Моих печалей и несчастий:
Казни, судьба, меня, казни.
Я красоту увидел в Фесе,
Она, мое очарованье,
Жила близ моего жилища,
Чтоб ближе смерть я встретить мог.
И чтоб любовь была вернее,
Чтоб не могла она порваться,
Росли мы оба неразлучно
С первоначальных наших лет,
И в те младенческие годы
Любовь не молнией явилась,
Когда глубоко поразила
Не силу и не высоту,
А нежность, трепетность, смиренность,
И, чтоб явить свое господство,
Она неравными стрелами
Пронзила юные сердца.
Но как вода своим упорством
На камне след обозначает
Не силою своих ударов,
А тем, что падает всегда,
Так неотступными слезами
Сумел пробить я камень сердца,
Который в долгом равнодушьи
Казался тверже, чем алмаз;
Не силою заслуг особых,
А тем, что я любил безмерно,
Ее заставил я смягчиться,
И, осчастливлен ею, жил,
Хотя недолго, наслаждаясь

Восторгами любви блаженной,
Но отлучился на несчастье:
Довольно этим я сказал!
Другой влюбленный в это время
Меня убил своей любовью,
Он счастлив был, а я несчастен,
Он близко был, я далеко,
И я в плену, а он свободен,
Так велико противоречье
Его судьбы с моей судьбою:
Решай, могу ли я скорбеть!

Дон Фернандо

О, смелый мавр и в чувствах нежный,
Коль ты влюблен, как повествуешь,
И очарован, как сказал мне,
И любишь, как изобразил,
И так ревнуешь, как вздыхаешь,
И так мечтаешь, как боишься,
И так желаешь, как тоскуешь,
Блаженно мучаешься ты.
Один лишь выкуп мне желанен:
Чтобы твоим был этот выкуп.
Вернись к возлюбленной, скажи ей,
Что португальский дворянин
Тебя в рабы ей посылает:
А ежели она захочет
Мне заплатить из чувства долга,
Мое добро бери себе:
Возьми у ней любовь как деньги
И получи с нее проценты.
Смотри, уж конь, упавший наземь,
Передохнул и снова встал;
Я знаю, что зовут любовью,
И знаю, в чем беда разлуки,
Тебя удерживать не стану,
Бери коня и поспешай.

Мулей

Я не скажу тебе ни слова;
Кто дар свой щедро предлагает,
Тот награжден уже тем самым,
Что принят добровольный дар.
Скажи мне, португалец, кто ты?

Дон Фернандо

Не более, как благородный.

Мулей

Кто б ни был ты, я это вижу.
Я буду навсегда твой раб,
Как в счастья, так и в несчастьи.

Дон Фернандо

Бери коня, не медли. Поздно.

Мулей

Когда тебе так показалось,
Что чувствует, кто был в плену
И кто к любви спешит, свободный?

(Уходит.)

Дон Фернандо

Великодушно — дать другому
Свет жизни.

Мулей (за сценой)

Храбрый португалец!

Дон Фернандо

Он с лошади мне говорит.
Чего ты хочешь?

Мулей (за сценой)

Я надеюсь,
Что будет день, когда сумею
Я отплатить за это благо.

Дон Фернандо

Да усладит тебя оно.

Мулей (за сценой)

Добро не может потеряться.
Аллах тебя да сохраняет,
Испанец смелый⁶.

Дон Фернандо

Если только
Аллах есть Бог, будь счастлив с ним.
(За сценой слышны барабаны и трубы.)
Но что за трубный звук я слышу?
Им ветры быстрые полны,
Загрохотали барабаны,
Я слышу музыку войны.

СЦЕНА 12-я

Дон Энрике, Дон Фернандо.

Дон Энрике

Фернандо, я к тебе с известьем.

Дон Фернандо

Что нового?

Дон Энрике

Ты слышишь шум?
Войска из Феса и Марокко
На нас примчались, как самум

Нежданно прибыл Таруданте,
Чтоб фесскому царю помочь,
Сам царь пришел с огромным войском,
И обступили нас, как ночь.
Ведя осаду, их войсками
Мы с двух сторон осажены,
С одним рука с рукой сразимся,
Другому тыл предать должны.
Нас ослепили блески Марса.
Что делать нам в беде такой?

Дон Фернандо

Что делать? Умереть, как должно,
С невозмутимую душой.
Мы два Маэстре, два Инфанта,
Довольно было бы сказать —
Два португальца, чтобы страха
Ни перед чем не показать.
Так повторим, Христос и Авис,
Христос и Авис навсегда,
И с радостью умрем за веру,
Коль умереть пришли сюда.

СЦЕНА 13-я

Дон Хуан. — Дон Фернандо, Дон Энрике.

Дон Хуан

В недобрый час на этот берег
Сошли мы с наших кораблей.

Дон Фернандо

Не время говорить об этом,
Сражаться нужно нам. Смелей!
Судьба взывает к нашей силе,
Мы вражьей стиснуты толпой,
Итак, на бой. Христос и Авис!

Дон Хуан

Идемте все. На бой, на бой!

*(Уходят с обнаженными шпагами,
и возникает битва.)*

СЦЕНА 14-я

Брито

Не выйти нам из переделки,
Два против одного сошлись.
Преподлая, скажу вам, штука.
О, небо, небо, отворись!
Хоть шелку маленькую дай мне,
Чтоб смерти избежать тому,
Кто вышел в битву, сам не зная,
Ни для чего, ни почему.
Давай-ка притворюся мертвым ⁷,
А заодно, не будь я глуп,
Вменю себе, что это время
Я не жил, будучи как труп ⁸
(Бросается на землю.)

СЦЕНА 15-я

*Мавр, с обнаженным мечом нападает
на Дона Энрике.— Брито, на земле.*

Мавр

Кто отражает так удары
Руки, струящей свет огней
Четвертой сферы? ⁹

Дон Энрике

Тот, кто может,
Доверясь храбрости своей,

С врагами бешено сражаться
Как со свирепыми зверьми.
Кто я, тебе мой меч покажет.
(*Топчут лежащего Брито и уходят.*)

Б р и т о

И топчет же. Ах, черт возьми!

СЦЕНА 16-я

Мулей и Дон Хуан, Кутиньо, сражаясь.— Брито.

М у л е й

Я вижу, португалец смелый,
Как сила велика твоя,
И не смущаюсь, вам победу
Сегодня дать хотел бы я.

Д о н Х у а н

О, горе мне, куда ни встану,
Топчу я трупы христиан.
(*Уходят оба.*)

Б р и т о

Топчи, пожалуй, только я-то
Зачем в удел топтанью дан?

СЦЕНА 17-я

*Дон Фернандо, отступая перед Царем
и другими маврами.— Брито.*

Ц а р ь

Высокомерный португалец,
Я обещание даю,
Что если ты оружие сложишь,

Ты дружбу получил мою.
Скажи мне, кто ты?

Д о н Ф е р н а н д о

Только рыцарь.
И больше сведений не жди.
Убей меня.

СЦЕНА 18-я

*Дон Хуан, становится рядом с Доном Фернандо.—
Те же.*

Д о н Х у а н

Пусть враг сначала
Найдет отпор в моей груди,
Она стеной алмазной будет.
Вперед, Фернандо, дай им знать
Свою наследственную храбрость.

Ц а р ь

Чего еще мне больше ждать?
Пусть прекратится спор оружия,
Не нужно больше славы мне:
Раз этот пленник мной захвачен,
Победа решена вполне.
Во имя плена или смерти
Исполни, что я говорю:
Твой рок свершен, отдай же шпагу,
Фернандо, Фесскому Царю.

СЦЕНА 19-я

Мулей; потом Дон Энрике.— Те же.

М у л е й

Что вижу?

Дон Фернандо

Лишь Царю бы отдал
Я шпагу: не отдать ему —
Не мужество, а безрассудство.
(Входит Дон Энрике.)

Дон Энрике

Мой брат!

Дон Фернандо

Волненью своему,
Энрике, не давай быть явным;
Мы тешились в пылу борьбы,
Прими же эту неудачу,
Как переменчивость судьбы.

Царь

Теперь, Энрике, Дон Фернандо
В моих руках: и я могу
Лишить вас жизни: но в победе
Я не желаю мстить врагу.
Я шел лишь на свою защиту,
И если вашу кровь пролью,
Такой я не достигну славы,
Как сохранив вас, в честь мою.
И чтобы выкуп был вернее,
Вернись к Царю, пусть знает он,
Что здесь Фернандо, и тобою
Он может быть освобожден.
Но пусть запомнит Эдуарте,
Что не получит он его,
Покуда Сеута не будет
Владеньем царства моего.
А Вас, светлейший Принц, прошу я
Теперь пожаловать за мной,
Идемте в Фес.

Дон Фернандо

Иду за сферой,
Чей свет — путеводитель мой.

Мулей (*в сторону*)

Итак, за ревностью и дружба
Зажжет мой дух огнем борьбы.

Дон Фернандо

Энрике, я в плену останусь,
Но не страшусь моей судьбы.
Ты скажешь брату, чтобы в этом
Нежданном бедствии моем
Он был Царем-христианином.

Дон Энрике

Ужель ты усомнишься в нем?

Дон Фернандо

Я говорю, христианином
Пусть явит он теперь себя.

Дон Энрике

И таковым сюда вернусь я.

Дон Фернандо

О неизбежном не скорбя,
Иди. Обнимемся.

Дон Энрике

Ты пленник,
Меня пленяешь.

Дон Фернандо

Дон Хуан,
Прощай.

Дон Хуан

Я остаюсь с тобою.

Дон Фернандо

О, друг, ты мне судьбою дан!

Дон Энрике

О, злополучное событие!

Дон Фернандо

Скажи Царю... Но, впрочем, нет.

Лишь передай мое молчанье

Царю, как горький мой привет.

(Уходят.)

СЦЕНА 20-я

Мавры. — Брито.

Первый мавр

Еще христианин убитый.

Второй мавр

Сегодня порубились мы.

Давай-ка бросим трупы в море,

Во избежание чумы¹⁰

Брито

А вот давайте-ка сперва я

Открою настез вам башки;

(Встает и нападает на них.)

Мы, португальцы, и умерши,

Довольно на руку бойки.

ХОРНАДА ВТОРАЯ

Горный склон близ садов Царя Фесского.

СЦЕНА 1-я

Феникс, и тотчас Мулей.

Ф е н и к с

Эстрелья! Роза! Сара! Что же,
Никто меня не слышит?

М у л е й

Я.

Ты для меня горишь как солнце,
Я пред тобой как тень твоя.
Услышав голос твой певучий,
Ускорил я свои шаги.
Чего ты хочешь?

Ф е н и к с

Здесь останься

И мне советом помоги.
Как рассказать, сама не знаю.
Под тенью нежною ветвей,
Неблагодарный, льстивый, вольный,
И сладостный, бежал ручей,
В волне серебряно-хрустальной
Качая свет дневных лучей;
Неблагодарный, потому что
Не хочет ждать, стремясь вперед;
И льстивый, потому что шепчет,
Но, сам не чувствуя, течет;

И вольный, потому что звонко
Журчанье сладостное льет.
Я по горе гналась за зверем,
К ручью случайно подошла;
И ощутив, как между веток
Прохладно дышит полумгла,
Остановилась в этой чаще
И на мгновенье прилегла.
На этом склоне многоцветном
Гирляндами дышал жасмин,
Там были алые гвоздики,
Весенняя краса долын,
В расцвет растений изумрудных
Вплетался радостный кармин.
Но только душу предала я
Журчанью нежному, как пух,
Как вдруг я слышу шелест листьев,
Гляжу, насторожила слух,
Старуха, вижу, африканка,
Не человек, а точно дух.
Живой скелет того, что было
Лишь тенью бледной и пустой,
Чело наморщено, угрюмо,
Весь вид обманчивый и злой,
Как бы древесный ствол иссохший
И с неободранной корой.
И трепещи,— с печалью темной,
Как бы в предвиденьи невзгод,
Она протягивает руку,
И за руку меня берет,
И тут уж я — как ствол недвижимый,
И у меня по жилам — лед.
И в сердце ужас пробуждая,
И сохраняя страшный вид,
Ко мне свой голос обратила,
И яд смертельный в нем горит,
Так быстро-быстро зашептала,

И так невнятно говорит:
«Беда, несчастная, проклятье,
Неустрашимая беда!
Твоя краса ужели будет
Ценою трупа навсегда?»
Она сказала, и от скорби
Я не избавлюсь никогда.
Я не живу: а умираю.
От привиденья — беглеца
Я услышала предвещанье,
И жду зловещего конца.
О, горе, горе мне! Я буду
Ценой презренной мертвеца!

(Уходит)

СЦЕНА 2-я

Мулей

Легко понять химеру эту,
Легко распутать этот сон.
В них образ той жестокой пытки,
К которой дух мой присужден.
Супругой будешь Таруданте,
Ему ты руку дашь свою;
Но лишь об этом я помыслю,
Как слышу в сердце смерть мою.
Но я избегну этой пытки;
С тобой не будет он счастлив,
Твоей любовью не упьется,
Меня сначала не убив.
Тебя утратить, это можно,
Но жить, утратив,— свыше сил.
Раз нужно, значит, чтоб меня он,
Пред тем как взять тебя, убил,
Так жизнь моя ценою будет,
Которой купит он тебя.

И так как я умру, ревнуя,
И негодуя, и любя,
Свершится это предсказанье,
И ты поймешь его, когда,
Меня утратив, будешь вправду
Ценою трупа навсегда.

СЦЕНА 3-я

Дон Фернандо, три пленника. — Мулей.

Первый пленник

Ты на охоту шел, Фернандо,
Тебя увидеть — радость нам,
И мы, в саду работу бросив,
Пришли припасть к твоим ногам.

Второй пленник

Решением всевышним рока
Нет радости у нас иной.

Третий пленник

И в этом милосердьи неба.

Дон Фернандо

Друзья, обнимемтесь со мной.
И видит бог, когда бы мог я
Разрушить тяжкий гнет цепей,
Я вашей бы хотел свободы
Скорей и раньше, чем моей.
Но думайте, что это было
Благословением небес,—
Что мы здесь вместе муку терпим;
Просвет надежды не исчез
Для тех, кто мудростью умеет
Все злоключенья побеждать;

Перетерпите гневность рока,
И будем перемены ждать:
Судьба, жестокая богиня,
Вчера цветок, сегодня труп,
Меняясь, наш удел изменит
Усмешкою капризных губ.
О, Господи! Я понимаю,
Что дать несчастному совет
И оказать лишь словом помощь,
В том мудрости особой нет.
Но если этот раз лишь в слове
Вся помощь слабая моя,
Тут нет вины моей, простите,
Мне дать вам нечего, друзья.
Я думаю, что нам подмога
Из Португалии спешит,
И то, что прислано мне будет,
Все вам, друзья, принадлежит.
А если выкуплен из плена
Я буду, слово вам даю,
Вы все отправитесь со мною.
Работу выполнять свою
Теперь идите, чтоб хозяев
Своих не раздражать ничем.

Первый пленник

Властитель, жизнь твоя — отрада
И утешение нам всем.

Второй пленник

Живи, наш повелитель, дольше,
Чем Феникс, что живет века.

(Пленники уходят.)

СЦЕНА 4-я

Дон Фернандо, Мулей.

Д о н Ф е р н а н д о

Скорблю, ни с чем вас отпуская,
И велика моя тоска.
Кто им поможет!

М у л е й

Здесь смотрю я,
С какой любовью ты сумел
Смягчить невольникам их участь.

Д о н Ф е р н а н д о

Меня печалит их удел.
Глядя, как мрачная превратность
На них свою бросает тень,
Я научаюсь быть несчастным;
И может быть настанет день,
Когда мне будет это нужно.

М у л е й

Ты Принц, и думаешь о том?

Д о н Ф е р н а н д о

Родясь Инфантом, волей рока,
Я ныне сделался рабом:
И я отсюда заключаю,
Что если этим стать я мог,
Быть может худшее готовит
Мне в будущем неверный рок:
Между Инфантом и плененным
Длиннее путь судьбой пройден,
Чем между тем, кто просто пленник
И тем, кто более пленен.
Взывает день ко дню другому,
И вновь зовет его другой,
Соединяя в звенья цепи,
Со скорбью скорбь, тоску с тоской.

Мулей

Моя печаль еще сильнее.
Ты ныне пленник,— день пройдет,
На родину вернувшись Принцем,
Ты будешь счастлив в свой черед:
Мое бесплодно ожиданье,
Судьба изменчивей луны,
Но перемены, улучшенья
Моей судьбе не суждены.

Дон Фернандо

С тех пор, как я придворный в Фесе,
Ты не сказал мне ничего
О том, как любишь.

Мулей

Есть причина

Для умолчанья моего:
Хранить в глубокой тайне имя
Возлюбленной поклялся я.
Но я послушен долгу дружбы,
И от тебя не утая
То, что тебе сейчас скажу я,
Равно и клятву соблюду.
Единственной и несравненной
Считаю я мою беду;
Так, несравненной, потому что
Вне всех сравнений рождены
Моя любовь и светлый Феникс.
Мечты мои одним полны:
Мое мечтание есть Феникс,
Когда гляжу, когда молчу;
Мое страдание есть Феникс,
Когда скорблю, люблю, хочу;
Мое отчаяние — Феникс,
Когда я плачу, как в бреду;

И луч моей надежды — Феникс,
Когда со страхом счастья жду;
Моя любовь и мука — Феникс,
И если Феникс я сказал,
Как верный друг и как влюбленный,
Признался я и умолчал.
(Уходит.)

Дон Фернандо

Как он разумно изъяснился,
Учтив он так же, как влюблен.
Когда его страданье — Феникс,
Он большей скорбью огорчен.
Моя печаль — страданье многих,
Обыкновенная беда.

СЦЕНА 5-я

Царь.— Дон Фернандо.

Ц а р ь

Тебя искал я, Принц светлейший,
И потому пришел сюда.
Пока меж перлов и кораллов
Не скрылось солнце за горой,
Мне хочется, чтоб ты развлекся
Моей охотничьей игрой:
Уже устроена облава
На тигра.

Дон Фернандо

Государь, ценя,
Что ты находишь развлеченья
Ежеминутно для меня,
Скажу, что если развлекаешь
Ты так невольников своих,

Утрата родины не будет
Непоправимою для них.

Ц а р ь

Раз пленник полон тех достоинств,
Что ты в душе своей вместил,
Вполне законно и разумно
Ему служить по мере сил.

СЦЕНА 6-я

Дон Хуан. — Те же.

Д о н Х у а н

Иди, великий Царь, на берег
Морской, и ты с него увидишь
Наикрасивейшего зверя,
Сумевшего соединить
Искусство гордое с природой:
Там христианская галера,
Нарядная, приходит в гавань,
Хотя вся в трауре она.
И сомневаешься, как может
Веселой быть ее угрюмость,
И португальские знамена
Блистают на ее снастях;
Я думаю, что раз в неволе
Принц Португальский, эти знаки
Есть указанье, что жалеет
Она о горести его,
И потому, покрывшись черным,
Тоскуя о его плененьи,
Идет вернуть ему свободу.

Д о н Ф е р н а н д о

О, добрый друг мой, Дон Хуан,

Не так ты объясняешь траур;
Когда б она несла свободу,
Она оделась бы, ликуя,
В одни веселые цвета.

СЦЕНА 7-я

*Дон Энрике, одетый в траур,
со свернутым листом.— Те же.*

Д о н Э н р и к е (к Царю)

Позволь, великий Царь, с тобою
Обняться.

Ц а р ь

Доброе прибытье,
Светлейший Принц.

Д о н Ф е р н а н д о

Так значит верно,
Что осужден я, Дон Хуан!

Ц а р ь

Мулей, так значит совершилось
Мое заветное желанье!

Д о н Э н р и к е

Теперь, когда благополучным
Тебя я вижу, мне позволь,
О, государь, обняться с братом.
Фернандо!

(Они обнимаются.)

Д о н Ф е р н а н д о

Милый мой Энрике!
Что означает этот траур?

Но, впрочем, нет, не говори:
Твои глаза сказали столько,
Что бесполезным было б слово.
Не плачь. Коль ты пришел сказать мне,
Что я невольник навсегда,
В том высшее мое желанье:
Ты мог бы требовать награды
За вести добрые, и вместо
Того, чтоб траур надевать,
Одеться пышно, как на праздник,
И ликовать. Как поживает
Король, мой добрый повелитель?
Скажи лишь мне, что он здоров,—
Я счастлив. Ты не отвечаешь?

Д о н Э н р и к е

Коль повторенные страданья
Нам доставляют боль двойную,
Пусть сразу их узнаешь ты.

(К Царю.)

И ты, великий Царь, внимай мне:
Хоть этот горный склон нам будет
Дворцом пустынным, здесь, прошу я,
Аудиенцию мне дай,
И пленнику отдай свободу,
Услышавши такие вести.
Вся разгромленная армада,
Что в тщетной гордости своей
Была для волн тяжелой ношей,
Инфанта в Африке оставив
Заложником переговоров,
Пошла печально в Лиссабон.
И как услышал Эдуарте
Трагические эти вести,
Печаль к нему внедрилась в сердце,
И то, что было лишь тоской,
Преобразилось в летаргию,

И, опровергнув говорящих,
Что от тоски не умирают,
Скончался добрый наш Король.
Да будет он допущен в небо!

Д о н Ф е р н а н д о

О, горе мне! Так много стоил
Ему мой плен?

Ц а р ь

Аллаху зримо,
Как тягостна мне эта весть.
Но продолжай.

Д о н Э н р и к е

Король покойный

Распорядился в завещаньи,
Чтобы за выдачу Инфанта
Вам Сеута была сдана.
И с полномочьем от Альфонсо,
Который нам, взамену солнца,
Явился пышною денницей,
Я прихожу, чтоб город сдать:
И так как...

Д о н Ф е р н а н д о

Замолчи, довольно,
Ни слова более, Энрике:
Слова такие недостойны,
Их неприлично говорить
Ни Португальскому Инфанту,
Ни христианскому Маэстре,
Ни даже подлomu и злому,
Кто в мире как дикарь живет,
Не ведая христовой веры,
Сияющей лучом бессмертным.
Мой брат, что сопричислен к небу,

Пред смертью это завещал
Не для того, чтоб исполнялось
Дословно это повеленье,
А для того, чтоб показать вам,
Что хочет воли он моей,
Чтоб, значит, вы мою свободу
Другими средствами искали,
Другим, жестоким или мирным,
Неукоснительным путем.
Сказавши: «Сеуту отдайте», —
Он завещал вам: «Предпримите
Что только можно, и усилъя
Пусть и до этого дойдут».
Но как же можно, как же можно,
Чтоб христианский, справедливый
Король отдать решился мавру
Тот город, что им куплен был
Своею кровью, потому что
Лишь со щитом и шпагой, первый,
Он утвердил свои знамена
На боевых его зубцах?
И главное еще не в этом:
Сдать мавру город, заслуживший,
Чтоб католическая вера
В нем торжествующей была,
И в храмах умолявший Бога,
С благоговеньем и любовью?
Да разве это было б делом,
Достойным честных христиан,
И соблюденьем правил веры,
И христианским милосердьем,
И бранной славой португальской,
Чтобы Атланты вышних сфер,
Чтобы возвышенные храмы,
На место светов золотистых,
В которых луч играет солнца,
Прияли мусульманский мрак,

И чтоб враждебные им луны,
Родив подобные затмения,
В церквах осуществляли ужас
Таких трагедий роковых?
Так значит это будет благом,
Чтоб храмы превратились в хлевы,
Часовни сделались конюшней,
Иначе, ежели не так,
Чтоб обратились в мечети?
И тут язык мой умолкает,
Тут пресекается дыханье,
Тут мукою я удушен:
Лишь при одной подобной мысли
Готово сердце разорваться
И волосы восстали дыбом,
И телом овладела дрожь.
То было бы не первым разом,
Что хлев и ясли оказались
Гостеприимными для Бога;
Но раз мечети, в них для нас
Навеки будет знак позорный,
И надпись нашего бесславья,
Гласящая: «Здесь Бог когда-то
Имел жилище, а теперь
Его прогнали христиане,
И помещен здесь ими Дьявол».
И даже это позабыто,
(Как общий приговор гласит)
Что в дом чужой никто не входит,
Чтобы хозяина обидеть,—
Так разве будет справедливо,
Чтоб в Божий Дом вошел порок,
И нами был сопровождаем,
И мы, чтоб он вошел вернее,
Ему посторожили двери,
А Бога выкинули вон?
Католики, что пребывают

С своими семьями, с богатством,
В том городе, быть может станут,
Чтоб только их не потерять,
Трусливо отпадать от веры.
И мы доставим им возможность
Впадать в соблазн греха такого?
И будут дети христиан
Перенимать у мавров нравы,
И подчиняться их обрядам,
И жить сочленами их секты?
И столько жизней дорогих
Из-за одной, совсем ничтожной,
Должны погибнуть безвозвратно?
Но кто же я? Ужели больше,
Чем просто смертный человек?
Коль быть Инфантом — умножает
Мое значение, я — пленный:
Невольник притязать не может
На пышность почестей; я — раб:
И значит, тот впадет в ошибку,
Кто назовет меня Инфантом.
Так кто ж распорядиться может,
Чтоб жизнь единого раба
Такой ценою окупилась?
Кто умирает, тот теряет
Свою физическую цельность¹,
Ее я в битве потерял:
Раз потерял, так значит умер:
Раз умер, было бы деяньем
С разумной мыслью несовместным,
Чтоб ныне ради мертвеца
Навек погибло столько жизней.
Так пусть же это полномочье
Разорвано на части будет,
И станет искрами огня,
И станет атомами солнца.

(Разрывает полномочие, которое привез Энрике.)

Но нет, я съем обрывки эти,
Да не останется ни буквы,
Способной миру возвестить,
Что мысль подобная возникла
В умах у знати лузитанской².
Царь, я твой раб, распорядись
Своим слугой, повелевай;
Я не хочу своей свободы,
Ей обладать не в состояньи.
Вернись на родину, Энрике:
Скажи, что в Африке меня
Оставил ты похороненным,
Затем что жизнь моя отныне
Во всем подобна будет смерти.
Фернандо, христиане, мертв;
Остался вам невольник, мавры;
Для ваших, пленники, страданий
Прибавился товарищ ныне;
О, небо, смертный человек
Твои восстанавливает церкви;
О, море, скорбный умножает
Рыданием твои пучины;
О, горы, темный к вам пришел,
Чтоб жить средь вас, как ваши звери;
О, ветры, нищий удвоает
Дрожаньем крика ваши сферы;
Во мгле глубин твоих, земля,
Себе мертвец могилу роет;
Чтоб все вы, Царь, и брат, и мавры,
И христиане, и созвездья,
И небо с морем и с землей,
И солнце, и луна, и горы,
И звери дикие узнали,
Что ныне, между злоключений
И бедствий, некий стойкий принц
Возвысил свет христовой веры
И оказал почтенье Богу:

И если б не было другого
Мне основания, как то,
Что в Сеуте одна есть церковь
Во имя вечного Зачатья
Владычицы земли и неба,
Я б сотни жизней потерял,
Чтоб лишь она не потерялась.

Ц а р ь

Неблагодарный, безучастный
К моей победоносной славе,
К величью царства моего,
Как ты дерзаешь отказать мне
В моем желанье самом сильном?
Но если ты в моих владеньях
Сильнее правишь, чем в своих,
Что ж тут мудреного, что рабства
Ты не почувствовал? Но если
Себя моим рабом признал ты,
С тобой я буду как с рабом:
Твой брат и все твои пусть видят,
Что как невольник самый подлый
Теперь ты ноги мне целуешь.

Дон Энрике

Какая боль!

Мулей

Какая скорбь!

Дон Энрике

Какой удар!

Дон Хуан

Какая пытка!

Ц а р ь

Ты мой невольник.

Дон Фернандо

Это правда,
И в этом месть твоя ничтожна;
Из лона темного земли
Для однодневного скитанья
Исходит человек, рождаясь,
Чтоб разные пути изведать
И снова возвратиться к ней.
Благодарить тебя я должен,
Не обвинять, ты научаешь,
Как достоверного жилища
Скорей могу достигнуть я.

Царь

Раз ты невольник, ты не можешь
Иметь ни прав, ни притязаний,
И если Сеутой владеешь
И признаешь, что ты мой раб,
И признаешь меня владыкой,
Зачем же не сдаешь мне город?

Дон Фернандо

Затем, что он не мой, а Божий.

Царь

Повиновения закон
Тебе не говорит ли ясно,
Что должен ты повиноваться?
Так я тебе повелеваю
Сдать город.

Дон Фернандо

Небо нам велит,
Чтоб раб всегда повиновался
Хозяину лишь в справедливом;
А ежели рабу хозяин

Прикажет, чтобы он грешил,
Его он слушаться не должен;
Грех, сделанный по приказанью,
Есть грех.

Царь

Тебя велю убить я.

Дон Фернандо

И будет жизнью эта смерть.

Царь

Так чтобы жизнью смерть не стала,
Живи, всечасно умирая;
Узнай, что я могу быть гневен.

Дон Фернандо

А я пребуду терпелив.

Царь

Но ты не выйдешь на свободу.

Дон Фернандо

Но Сеута твоей не будет.

Царь

Эй, кто там!

СЦЕНА 8-я

Селин, Мавры.— Те же.

Селин

Государь...

Царь

Немедля

Пусть будет этот раб сравнен

Со всеми: пусть ему на шею
 И на ноги наденут цепи;
 Пусть служит он в моих конюшнях,
 Пускай работает в садах,
 Как все, пусть терпит униженья,
 Отбросив шелковый наряд свой,
 Пускай он ходит в грубой сарже,
 Ест черный хлеб и воду пьет
 Солено-грязную; пусть спит он
 В душливых сырых темницах;
 На слуг его и на вассалов
 Наложен тот же приговор.
 Взять их отсюда.

Дон Э н р и к е

О, мученье!

Му л е й

О горе!

Дон Ху а н

О, беда!

Ц а р ь

Увидим,

Увидим, варвар, что сильнее,
 Твое ль терпенье, мой ли гнев.

Дон Ф е р н а н д о

Увидишь; потому что будет
 Мое терпенье бесконечным.
 (Его уводят.)

Ц а р ь

Энрике, верный обещаю,
 Я позволяю, чтобы ты
 Вернулся в Лиссабон свободно;

От африканских вод отправься
К своим сородичам, скажи им,
Что португальский их Инфант,
Маэстро Ависа, остался
За лошадьми ходить моими;
Пускай они сюда приходят
Освободить его.

Дон Энрике

Придут.

И если я в его несчастьи
Его теперь не утешаю
И ухожу, так это только
Лишь потому, что я хочу
Сюда вернуться с большей силой,
Чтобы вернуть ему свободу.

Царь

Прекрасно, если только сможешь.

Мулей (*в сторону*)

Явился случай, наконец,
За прямодушье — прямодушьем
Платя, представить верность дружбе;
Фернандо я обязан жизнью,
Ему я выплачу свой долг.

СЦЕНА 9-я

Сад.

*Селин; Дон Фернандо, как пленник, в цепях;
потом пленники.*

Селин

Царь приказал, чтоб ты работал
С другими вместе, здесь в саду.
Его велению повинуйся.

(Уходит.)

Дон Фернандо

Я снисхождения не жду.

(Входят несколько пленников, и в то время как они руют в саду, один из них поет.)

Первый пленник *(поет)*

На фесского тирана
Король направил брата,
Инфанта, Дон Фернандо,
Чтоб покорить Танхер.

Дон Фернандо

И будет так вставать воспоминаньем
Моя судьба в томительных мечтах.
Во мне печаль и горькое смущенье.

Второй пленник

О чем ты, пленник, думаешь в слезах?
Не плачь, утешься, нам сказал маэстре,
Что скоро все вернемся мы домой,
Он всех освободит нас из неволи.

Дон Фернандо *(в сторону)*

Как скоро вы расстанетесь с мечтой!

Второй пленник

Утешься, брат, возьми-ка эти ведра
И принеси воды мне из пруда
Полить цветы.

Дон Фернандо

Охотно и немедля,
Я в этом вам готов служить всегда.
Моя забота, в сердце скорби сея,
Прольет потоки быстрых слез из глаз.
(Уходит.)

Третий пленник

Еще пригнали пленников работать.

СЦЕНА 10-я

Дон Хуан и второй пленник.— Те же.

Дон Хуан

Быть может, здесь его на этот раз
Увидим мы: в саду, быть может, был он,
И узники укажут мне его.
С ним вместе быть — явилось бы отрадой
Для горького мученья моего.
Скажи, приятель, мне, и да поможет
Тебе Господь! ты не видал в саду
Среди рабов маэстре Дон Фернандо?

Второй пленник

Нет, не видал.

Дон Хуан

Где ж я его найду?

О, горе мне!

Третий пленник

Я говорю, что новых
Еще пригнали пленников сюда.

СЦЕНА 11-я

*Дон Фернандо, с двумя ведрами воды.—
Те же.*

Дон Фернандо

О, смертные, да не смутит вас видеть,
Какая мне ниспослана беда;

Инфант, маэстре Ависа, являет
Пример того, как переменчив рок.

Дон Хуан

Властитель и в таком убогом виде.
О, если бы тебя спасти я мог!
Несчастье!

Дон Фернандо

Прости тебя Всевышний!

О, Дон Хуан, ты огорчил меня:
Среди своих мне жить хотелось скрытно,
Работая как раб день изо дня.

Второй пленник

Прощения, сеньор, прошу смиренно.
С тобою говорил я как слепой.

Первый пленник

Дай нам припасть к твоим ногам, властитель.

Дон Фернандо

Встань, друг. Зачем так говорить со мной?

Дон Хуан

Светлейший Принц...

Дон Фернандо

Как может быть светлейшим —
Чья жизнь такую тьмой окружена?
Я равный, с вами, пленник между пленных,
Мне та же доля, что и вам, дана.

Дон Хуан

О, если б с неба молния упала,
Чтоб дать мне смерть!

Дон Фернандо

Как можно, Дон Хуан,
Чтоб благородный так в печаль вдавался?
Обетованья неба не обман.
Как раз теперь должны явить мы храбрость,
Все мужество душевной высоты.

СЦЕНА 12-я

Сара, с небольшой корзиной.— Те же.

Сара

Выходит в сад моя сеньора, Феникс,
И говорит, чтоб краски и цветы
Украсили края корзины этой.

Дон Фернандо

Всегда служить ей первый я готов,
Дай мне корзину, я ее украшу.

Первый пленник

Пойдемте и нарвем скорей цветов.

Сара

Я здесь вас подожду пока.

Дон Фернандо

Не нужно
Считать меня особым между вас:
Равны страдания, и не нынче, завтра
Сравняет всех последний смертный час.
Не будем же откладывать до завтра
То, что сегодня можно довести
До ясного конца.

*(Уходит Инфант, и все уступают ему дорогу.
Сара остается.)*

СЦЕНА 13-я

Феникс, Роза, Сара.

Феникс

Ты, Сара,
Цветов велела принести?

Сара

Велела.

Феникс

Мне хотелось красок,
Чтоб развлеклась моя тоска.

Роза

Поверить просто невозможно,
Что так, сеньора, велика
Твоя печаль,— что дух твой может
Быть сновидением смущен.

Сара

Что так могло тебя встревожить?

Феникс

То, что я видела, не сон,
Раз мне привиделось несчастье.
Когда несчастный видит клад,
Я знаю, Сара, он исчезнет
И не воротится назад;
Но если он во сне увидел,
Что на него идет беда,
Он, пробудившись, видит горе,
Его томящее всегда.
Я от судьбы не жду пощады,
Она гнетет нас без конца.

С а р а

Ну, если так скорбеть ты будешь,
Что ж сохранишь для мертвеца?

Ф е н и к с

Уж чувствую свое несчастье.
Какая пытка мне дана!
Как веселиться мне, когда я
Ценою трупа быть должна?
Хотя бы только знать могла я,
Кто будет этот мертвый?

СЦЕНА 14-я

*Дон Фернандо, с цветами. — Феникс,
Сара, Роза.*

Д о н Ф е р н а н д о

Я.

Ф е н и к с

Что вижу? Небо!

Д о н Ф е р н а н д о

Чем смутиться

Так вдруг могла душа твоя?

Ф е н и к с

И голосом твоим, и видом.

Д о н Ф е р н а н д о

Поверю и без всяких слов.
Но чтоб служить тебе, о, Феникс,
Я приношу тебе цветов.
Моей судьбы гieroглифы,
Они родилися с зарей,
И вместе с светлым днем скончались.

Феникс

Вот этот нежно золотой
Цветок название носит чуда.

Дон Фернандо

Какой цветок не будет им,
Раз для тебя он мною сорван?

Феникс

Он служит образом твоим.
Кто ж создал эту перемену?

Дон Фернандо

Мой рок.

Феникс

Так непреклонен он?

Дон Фернандо

Так силен.

Феникс

Твой удел мне страшен.

Дон Фернандо

Пусть не тревожит он твой сон.

Феникс

Но почему?

Дон Фернандо

А потому что,
Рождаясь, человек всегда
Есть раб судьбы своей и смерти.

Феникс

Скажи, ведь ты Фернандо?

Дон Фернандо

Да.

Феникс

Кто ж так судьбу твою принизил?

Дон Фернандо
Закон раба.

Феникс

Кем создан он?

Дон Фернандо
Царем.

Феникс

Зачем?

Дон Фернандо

Затем что, Феникс,
Его я власти подчинен.

Феникс

Сегодня он тебя не любит?

Дон Фернандо

Ко мне исполнен он вражды.

Феникс

Возможно ли, чтоб в день короткий
Могли расстаться две звезды?

Дон Фернандо

С веселостью, и пышной, и беспечной,
Цветы проснулись утренней зарей.
Настала ночь, и вот, с холодной мглой,
Их сон объял, непробудимо вечный.
В них с золотом и с белизною млечной
Играла алость радужной игрой.
И тускло все. Вот лик судьбы людской.

Так много день уносит быстротечный.
С рассветом ранним розы расцвели
И умерли: в одной и той же чаше
И колыбель и гроб себе нашли.
Так точно мы, рожденные в пыли,
В единый день свершаем судьбы наши:
Столетия — час, когда они прошли.

Феникс

Ты мне внушаешь страшный ужас,
Мне страшен вид и голос твой;
Будь первым горестным, с которым
Не хочет вместе быть другой.

Дон Фернандо

А что ж цветы?

Феникс

Раз ты нашел в них
Узорный знак твоей тоски,
Могу я только оборвать их
И разбросать их лепестки.

Дон Фернандо

Но в чем же их вина?

Феникс

В их сходстве
С созвездьями.

Дон Фернандо

Скажи, а ты
Не любишь их?

Феникс

Мне нет отрады
В сияньи звездной красоты.

Дон Фернандо
Но почему?

Феникс
Родившись в мире
Как женщина, я навсегда
Раба своей судьбы и смерти,
Так мне велит моя звезда.

Дон Фернандо
Цветы и звезды значит сродны?

Феникс
Конечно.
Дон Фернандо
Волей их — скорбя,
Такого свойства их не знал я.

Феникс
Узнай.
Дон Фернандо
Я слушаю тебя.

Феникс
Те брызги света, сеть их огневая
Есть смесь лучей и скрытых темных снов,
Приняв от солнца светлый свой покров,
Они живут, блистая и страдая.
Цветы ночные. Их краса живая
Горит огнем лишь несколько часов;
И если день — столетье для цветов,
То ночь для звезд — их мера вековая.
И к нам от этой призрачной весны
Струится боль, и радостные сны,—
Живет ли солнце, или догорает.
Какой же не дождемся мы беды,
Что прочного получим от звезды,
Что на ночь вспыхнув — за ночь умирает.

(Феникс, Сара и Роза уходят.)

СЦЕНА 15-я

Мулей.—Дон Фернандо.

Мулей

Я ждал, чтоб Феникс удалилась,
И здесь стоял среди деревьев:
Орел, всегда влюбленный в солнце,
Порой стремится от него.
Мы здесь одни?

Дон Фернандо

Одни.

Мулей

Послушай.

Дон Фернандо

Скажи, Мулей, свое желанье.

Мулей

Хочу, чтоб ты узнал сегодня,
Что и у мавра есть в груди
И преданность и верность дружбе.
Не знаю, как начать; не знаю,
Как выразить тебе сумею
Все огорчение мое
При виде этой перемены
К тебе презрительного рока,
При виде этой притчи миру
И злой неверности судьбы.
Но я опасности подвержен,
Когда меня с тобой увидят,
С тобой сурово обращаться
Есть повеление Царя.
И голос предоставив скорби,
Которая сумеет лучше,

Как раб, с тобою изъясниться,
Я падаю к твоим ногам.
Инфант, тебе принадлежу я,
И я не милость предлагаю,
А только возвращаю долг свой,
Который ты мне дал взаймы.
Ты дал мне жизнь, ее тебе я
Пришел отдать теперь; затем что
Добро есть клад, что бережется
До дня, когда придет нужда.
И так как страх меня смущает
И сжал мне ноги кандалами,
И так как грудь моя и шея
Между веревкой и ножом,
Беседу нашу сокращая,
Все выскажу тебе я сразу,
И говорю, что нынче ночью
Тебя у взморья ждет судно.
Через отверстие подземелий,
Где ваши мрачные темницы,
Я вам заброшу инструменты,
Чтоб цепи вы могли сломать.
Снаружи отомкну засовы,
И ты со всеми, сколько в Фесе
Есть пленных, можешь удалиться
На том судне в родимый край,
Вполне уверенный, что в Фесе
Я в безопасности остался,—
Легко мне будет так устроить,
Как будто заговор был ваш;
Итак с тобой спасем мы оба:
Я честь, ты жизнь; а если б даже,
О помощи моей узнавши,
Меня казнил во гневе Царь,
Не стал бы я жалеть о жизни.
И так как, чтоб склонять хотенья,
Иметь необходимо деньги,

Возьми сокровища мои,
За них тебе заплатят много.
И это выкуп мой, Фернандо,
За возвращенье мне свободы.
Мой долг тебе был так велик,
Что рано ль, поздно ль, было нужно
Его отдать во имя чести.

Д о н Ф е р н а н д о

Благодарить тебя хотел бы,
Но, вижу, в сад выходит Царь.

М у л е й

Тебя он видел?

Д о н Ф е р н а н д о

Нет.

М у л е й

Не дай же
Ему предлога к подозренью.

Д о н Ф е р н а н д о

Я спрячусь между этих веток,
А он тем временем пройдет.

СЦЕНА 16-я

Царь.— Мулей.

Ц а р ь (в сторону)

(Мулей с Фернандо; говорили
С такой опаской, и как только
Меня увидели, сейчас же
Один уходит, а другой
Желает что-то скрыть. Мне надо

Бояться. Верно иль неверно,
Мне страх грозит, приму же меры.)
Я очень рад...

Мулей

Великий Царь,
Дай мне обнять твои колена.

Царь

С тобой побыть.

Мулей

Что повелишь мне?

Царь

Меня глубоко огорчило,
Что Сеута мне не сдана.

Мулей

Ты победителен и силен,
Поди на приступ, город сдастся.

Царь

Он будет мой без траты крови.

Мулей

Каким же образом?

Царь

Таким:

Фернандо так хочу принизить,
Что Сеуту он сам отдаст мне.
И знаешь что, Мулей, боюсь я,
Маэстре ненадежен здесь.
Его увидя в униженьи,
Пожалуй, пленники стакнутся,
И всей толпою возмутятся,
Из сострадания к нему.

А сверх того и очень сильно
В сердцах людей корыстолюбье;
Весьма легко он может златом
Вниманье стражей усыпить.

Мулей (в сторону)

(Теперь мне выгоднее будет
Сказать, что все это возможно,
Чтобы не мог иметь позднее
Он подозрений на меня.)
Твой страх вполне благоразумен:
Они наверно пожелают
Освободить его.

Царь

Одно лишь
Нашел я средство, чтоб никто
На власть мою не покусился.

Мулей

И это средство, государь мой?

Царь

Чтоб о надежности Инфанта
Ты позаботился, Мулей.
Ты ни боязнию, ни корыстью
Никак не можешь быть подкуплен.
Так будь его главнейшим стражем,
Смотри же, сбереги его.
И что бы с Принцем ни случилось,
Ты дашь отчет мне.

(Уходит.)

Мулей

Нет сомненья,
Царь слышал, как мы говорили.
Да не предаст меня Аллах!

СЦЕНА 17-я

Дон Фернандо.— Мулей.

Дон Фернандо

О чем скорбишь?

Мулей

Ты слышал?

Дон Фернандо

Слышал.

Мулей

Так как же спрашивать ты можешь,
О чем скорблю, когда в смущеньи
Стою меж другом и Царем?
Во мне столкнулись честь и дружба:
Когда тебе я буду верен,
Пред ним изменником я буду;
А верность сохраню пред ним,
С тобой неблагодарным буду.
Что ж делать? (Небо, помоги мне!)
Кого хочу освободить я,
Мне доверяют охранять.
Что если Царь владеет тайной?
Но чтоб найти вернее выход,
Я у тебя прошу совета:
Скажи, что должен делать я.

Дон Фернандо

Мулей, любовь и дружба ниже,
Чем честь и верность государю.
Царю никто ни в чем не равен,
Лишь равен он один себе.
Вот мой совет: ему ты должен
Служить и обо мне не думать;
Я друг твой, и во имя дружбы,
Чтоб сохранилась честь твоя,

Сам за собой смотреть я буду;
И если б кто другой сказал мне,
Что предлагает мне свободу,
Не принял бы я жизнь свою,
Покуда честь твоя со мною.

Мулей

Фернандо, не давай советов
Учтивых столь же, сколько верных.
Я знаю, что мой долг тебе
Есть жизнь, и что платить я должен;
Итак я ночью все устрою,
Как мы с тобою говорили.
Освободись, и жизнь твою
Я искуплю своею смертью;
Лишь только б ты освободился,
Мне после ничего не страшно.

Дон Фернандо

И было б честно, чтобы я
Жестоким был и беспощадным
С тем, кто со мною милосерден,
И чтоб того, кто жизнь дает мне,
Жестоко чести я лишил?
Нет, и тебя хочу я сделать
Судьей моей судьбы и жизни:
Теперь и ты мне посоветуй.
Возможно ль взять мне от того
Свою свободу, кто потерпит
За это кару? Допустит ли,
Чтоб он, ко мне великодушный,
Убийцей чести был своей?
Что посоветуешь?

Мулей

Не знаю.
Ни да, ни нет сказать не смею:

Нет, потому что будет больно
Мне самому; да, потому
Что если да тебе промолвлю,
Пожалуй, я и сам увижу,
Что мой совет не подходящий.

Д о н Ф е р н а н д о

Нет, ты мне должный дал совет.
Благодаренье, потому что
Во имя Бога и закона,
Которые владеют мною,
Я буду в рабстве стойкий принц.

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ

Зал в летнем помещении Мавританского Царя.

СЦЕНА 1-я

Мулей, Царь.

Мулей (в сторону)

(Так много Царь поставил стражей
Над Дон Фернандо, что его
Спасти я больше не надеюсь.
Во имя долга моего,
Как верный друг, я постараюсь
Ему помочь по мере сил.)
Властитель, в море и на суше,
Ты знаешь, я тебе служил,
И если милости достоин,
Услышь...

Царь

Внимаю и молчу.

Мулей

Фернандо...

Царь

Более ни слова.

Мулей

Не хочешь слушать?

Царь

Не хочу.

Раз только назвал ты Фернандо,
Меня ты этим оскорбил.

Мулей

Но чем же?

Царь

Тем, что дал мне случай
Не дать того, о чем просил.
А дать нельзя, когда ты просишь
За Принца.

Мулей

Как же, раз его
Мне поручил ты, не желаешь
Отчета слышать моего?

Царь

Я слушаю; но состраданья
Не жди.

Мулей

Немилосердный рок
Фернандо истерзал настолько,
Что мир, чьи клички есть намек,
Дивясь таким страданьям, назвал
Его чудовищем судьбы;
Твой гнев изведав и суровость,
В таком неравенстве борьбы,
В несчастность бедствий вовлеченный,
Предав скорбям свой смелый дух,
В том месте, что назвать боюсь я,
Дабы не оскорбить твой слух,
Недужный, нищий, параличный,
Сраженный мужеством своим,
Он просит милостыни жалкой

У проходящих перед ним;
Ты повелел, чтоб он работал,
Чтоб был преследуем людьми,
Чтоб спал в угрюмых подземельях,
Чтобы ходил за лошадьми,
Чтобы узнал, что значит голод,—
И обездоленный во всем,
И слабый раньше от природы,
Он был разбит параличом.
Так сила бедствий исказила
Его прекрасный царский вид.
Холодной ночью, черной ночью,
Он в мрачном подземельи спит.
Но, стойкий в вере неизменно,
Упорствует, как прежде, в ней.
И чуть, родитель утра, солнце,
Зажжет огни своих лучей,
Как узники (о, горе, горе!)
Циновку жалкую берут,
Недужного несут на воздух,
И — как мне вымолвить? — кладут
На место, что навозной кучей
Должны назвать мы: оттого
Что так он болен, стал он смраден;
Никто у дома своего
Ему лежать не позволяет;
Все гонят нищего, и он,
Без состраданья, без вниманья,
Лежит, мученьем удручен.
И лишь один слуга и рыцарь
Его не кинули в беде.
Стараются его утешить,
Ему сопутствуют везде,
Они с ним пищу разделяют,
Хотя ее и одному
Едва хватает, и от мавров
Гоненья терпят, потому

Что, повинуясь милосердью,
Инфанту служат. Но и гнев,
И беспощадную жестокость
Неоднократно претерпев,
Они его не покидают.
И каждый раз, когда идет
Один на поиски за пищей,
Другой при нем сидит, и ждет,
И страждущего утешает.
Смягчи же гнев свой, государь,
Будь, коль не жалостию тронут,
Так ужасом, о, сильный Царь,
Коль не слезами, изумленьем.

Ц а р ь

Ты кончил? Хорошо, Мулей.

СЦЕНА 2-я

Феникс. — Те же.

Ф е н и к с

Властитель, если заслужила
Я что-нибудь в любви твоей,
О милости я умоляю.

Ц а р ь

В чем отказать тебе могу?

Ф е н и к с

Фернандо...

Ц а р ь

Более ни слова.
Могу ли я помочь врагу?

Феникс

Внушает ужас всем, кто видит
Маэстре в низости такой;
И я просить хотела только...

Царь

Стой, Феникс, замолчи же, стой.
Скажи мне, кто велит Фернандо
Идти за гибелью вослед
И умирать злосчастной смертью?
Мое ли в том желанье? Нет.
Когда во имя веры предал
Он сам себя скорбям таким,
Зови его — к себе жестоким,
А не меня — жестоким с ним.
В его руке возможность выйти
Из этой низости на свет:
Пусть только Сеуту отдаст мне,
Он вдруг избавится от бед.

СЦЕНА 3-я

Селин.— Те же.

Селин

Перед тобой предстать желают
Посланники, о, Царь великий:
Один пришел от Таруданте,
Из Португалии другой,
По поручению Альфонсо.

Феникс (*в сторону*)

Какая скорбь с моей сравнится?
Пришли за мной от Таруданте,
Сомнения не может быть.

Мулей (в сторону)

Я потерял свою надежду,
Убит я ревностью и дружбой.

Царь

Пускай войдут.

(Селин уходит.)

Со мною, Феникс,

На этом возвышеньи сядь.

(Они садятся.)

СЦЕНА 4-я

*Дон Альфонсо и Таруданте,
входят с разных сторон.— Те же.*

Таруданте

Властитель Феса благородный...

Дон Альфонсо

Царь Феса гордый и могучий...

Таруданте

Ты светлой славой...

Дон Альфонсо

Светлой жизнью...

Таруданте

Не умирай...

Дон Альфонсо

Всегда живи...

Таруданте (к Феникс)

И ты, заря такого солнца...

Дон Альфонсо
Восток подобного заката...
Таруданте
Блаженствуй вопреки столетий...
Дон Альфонсо
И царствуй вопреки времен...
Таруданте
И упивайся...
Дон Альфонсо
Услаждайся...
Таруданте
Великой радостью...
Дон Альфонсо
Хвалами...
Таруданте
Высоким счастьем...
Дон Альфонсо
Нежным блеском...
Таруданте
С немногим злом...
Дон Альфонсо
С большим добром.
Таруданте
Христианин, как ты дерзаешь
Там говорить, где говорю я?
Дон Альфонсо
Где бы ни был я и с кем бы ни был,
Везде я первый говорю.

Т а р у д а н т е

Раз я из племени арабов,
Мне надлежит теперь быть первым;
Где есть свои, для чужеземцев
Не может предпочтенья быть.

Д о н А л ь ф о н с о

Нет, может, там, где понимают
Учтивость; потому что всюду,
Как постоянно можем видеть,
Сидит на лучшем месте гость.

Т а р у д а н т е

Будь даже это основаньем,
Ты победить меня не мог бы;
Не правом речи обладает,
А только первым местом гость.

Ц а р ь

Довольно. Оба здесь садитесь.
Пусть начинает португалец:
Как представителя другого
Закона, мы должны принять
Его с почетом наибольшим.

Т а р у д а н т е *(в сторону)*
Я пристыжен.

Д о н А л ь ф о н с о

Я буду краток:
Король Альфонсо Португальский,
Чья слава, пышная, как свет,
В насмешку зависти и смерти,
Живет в вещаньях громких бронзы,
Тебе привет свой посылает,
И говорит: ввиду того,
Что сдача Сеуты — условие

Освобождения Фернандо,
И от свободы Принц отрекся,
Условье это не приняв,
Тебя определить он просит
Цену его освобожденья
В таких размерах, чтобы алчность
Пред щедростью смирила дух.
Он серебром тебе и златом
Даст столько, сколько могут стоить
Два города. Итак об этом
Он просит дружески тебя,
Но если Принца не отдашь ты,
Тебе дает он обещанье
Освободить его оружием,
И с этой целью создает
На легкой пенной влаге моря
Готовый в путь плавающий город
Из тысячи вооруженных
Непобедимых кораблей,
Клянясь, что он огнем и кровью
Освободит его из плена
И победит тебя, оставив
Окровавленными поля,
Настолько, чтобы солнце утром,
Увидев землю изумрудом,
Ее с закатом покидая,
Увидело сплошной рубин.

Т а р у д а н т е

Хоть я посланник, и ответа
Не от меня ты ожидаешь,
Христианин, но я осмелюсь,
Во имя моего Царя,
Тебе ответить, потому что
Его коснулось оскорбленье:
Властителю, что перед нами,
Он повинуется, как сын.

Так пусть же знает Дон Альфонсо,
Что именем его он вызван
Сюда явиться в срок не большой,
Чем от зари и до зари,
И столько алых жарких красок
На этих узрит он равнинах,
Что небо самое промолвит:
«Весь мир сегодня — из гвоздик».

Дон Альфонсо

Когда бы, мавр, ты был мне равным,
Свестись могла бы эта битва
К единоборству роковому
Двух славных юных. Но скажи,
Скажи, чтоб вышел твой властитель,
Коль он на славу притязает;
А я так сделаю, что выйдет
Немедленно на битву — мой.

Таруданте

Себя почти ты обнаружил,
А если это так, сумеет
Тебе ответить Таруданте.

Дон Альфонсо

На поле битвы жду тебя.

Таруданте

И будешь ждать меня недолго,
Лечу, я молния.

Дон Альфонсо

Я ветер.

Таруданте

Я огненный вулкан.

Дон Альфонсо

Я гидра.

Таруданте

Я гнев неистовства.

Дон Альфонсо

Я смерть.

Таруданте

Меня ты слышишь — и не в страхе?

Дон Альфонсо

Меня ты видишь — и не умер?

Царь

Владыки, в гневе вы расторгли
Завесы, чьею тьмою был скрыт
Лик солнца от очей нескромных.
В моей земле — меж вами битвы
Не быть без моего согласия,
А я отказываю в нем,
Дабы иметь досуг — принять вас
И угостить с почетом должным.

Дон Альфонсо

Гостеприимства не приемлю
От тех, кто мне наносит боль.
Сюда пришел я за Фернандо:
Желание его увидеть
Меня заставило явиться
Вот так переодетым в Фес:
Но прежде, чем туда дошел я,
Узнав, что здесь ты, в летнем замке,
Я поспешил сюда, влекомый
Надеждой, звавшею меня,
И так как вижу, что надежда

Меня звала сюда обманно,
Узнай, властитель, что теперь я
Лишь твоего ответа жду.

Ц а р ь

Ответа? Что ж, король Альфонсо,
Он будет не речист и ясен:
Не дашь мне Сеуту — не бойся,
Инфанта ты не увезешь.

Д о н А л ь ф о н с о

Итак, война. Со мной он будет!
А ты, посол, иль кто б ты ни был,
Увидимся на поле битвы.
Теперь вся Африка дрожи!

(Уходит.)

СЦЕНА 5-я

Царь, Феникс, Мулей, Таруданте.

Т а р у д а н т е

Не мог достичь я до сегодня,
О, Феникс нежная, блаженства
Служить тебе как твой невольник,
Быть может, заслужу теперь
Блаженство пред тобой склониться
И, пав к ногам твоим покорно,
Просить, чтоб руку ты дала мне
В обмен поверженной души.

Ф е н и к с

Пусть победительный властитель
Внимание там не расточает,
Где чувствуют к нему почтенье,
Пусть цену знает он свою.

Мулей (в сторону)

Кто это видит пред собою
И сам себя не убивает,
Чего он ждет?

Царь

Владыка светлый,
Не знал я, что идешь ты в Фес,
Итак, прости, что принимаю
Тебя не с пышностью достойной.

Таруданте

Мое отсутствие могу я
Продлить на самый краткий срок;
И если, как мы предположим,
Посланник мой сюда явился,
Чтоб увезти мою супругу,
Как соизволил ты решить,
Пусть самоличное прибытье
В вину мне вменено не будет,
И пусть увижу я скорее
Свершенье счастья моего.

Царь

Во всем меня ты побеждаешь:
Твой долг тебе уплачен будет,
Ты должен быть освобожденным
От этих мыслей и забот,
И так как нам грозят войною,
Ты должен поспешить с отъездом,
Не то пересечет проходы
Прибытье португальских войск.

Таруданте

Мне все равно, я с сильным войском,
Так численны мои отряды,

Что все окрестные равнины
Как смута людных городов:
Я возвращусь во всеоружьи,
Чтоб быть твоим солдатом верным.

Ц а р ь

Мы поспешить должны, однако,
С твоим отъездом. Только в Фес
Должна прибыть сначала Феникс,
Дабы украсить этот город.
Мулей!

М у л е й

Великий Царь!

Ц а р ь

Со стражей

Ты будешь Феникс провожать,
И по прибытии на место
Ты передашь ее супругу.

М у л е й *(в сторону)*

Лишь этого недоставало
Для завершения бед моих:
Когда меня не будет в Фесе,
Последнюю свою поддержку
Со мной Фернандо потеряет,
И будет вовсе одинок.

(Уходят.)

СЦЕНА 6-я

Улица в Фесе.

Дон Хуан, Брито и другие пленники, выносят Дон Фернандо и сажают его на цинковку.

Дон Фернандо

Кладите здесь меня, чтоб лучше
Я насладился блеском дня.
О, милосердный мой Создатель,
Как услаждаешь ты меня!
Когда многострадальный Иов
Такой же мукой был объят,
Он проклинал сиянье солнца,—
Но был он во грехе зачат.
А я его благословляю,
Благоволение Бога в нем,
И каждый луч есть возглас к Богу,
Поющий светом и огнем.

Брито

Так хорошо тебе, владыка?

Дон Фернандо

О, лучше, чем я заслужил!
Как много для меня благого
Ты, Царь Небесный, совершил.
Когда из мрачных подземелий
Я выхожу на свет дневной,
Даешь мне солнце, чтоб согреться:
Ты расточителен со мной.

Первый пленник

С тобой хотел бы я остаться,
Тебя утешить, видит Бог;
Но нужно нам идти работать
И удержать докучный вздох.

Дон Фернандо
Прощайте, дети.
Второй пленник
Горе, горе!

Третий пленник
Что может горестнее быть?
(Пленники уходят.)

Дон Фернандо
Со мной вы остаетесь оба?
Дон Хуан

Я тоже должен уходить.

Дон Фернандо
Что буду без тебя я делать?

Дон Хуан
Я ворочусь к тебе сейчас;
Чего-нибудь поесть ты должен.
Мулей, увы, покинул нас,
И нет нам более поддержки,
И должен я идти к врагу,
Но все же я пойду спокойно
И все исполню, что могу;
Хоть с невозможностью придется
Мне быть в сомнительной борьбе:
Никто не должен по указу
Напиться даже дать тебе,
И ничего не продавать мне,
За то, что я всегда с тобой.
Могли ль мы думать, что придется
Быть так караемым судьбой?
Но вот идут.

(Уходит.)

Дон Фернандо

О, если б мог я
В ком состраданье возбудить,
Чтобы хотя одно мгновенье
Еще в страданиях пожить!

СЦЕНА 7-я

*Царь, Таруданте, Феникс,
Селин.— Дон Фернандо, Брито.*

Селин

Великий государь, ты вышел
На улицу, где пред собой
Сейчас Инфанта ты увидишь.

Царь (к Таруданте)

Я пожелал пойти с тобой,
Чтоб ты мое величье видел.

Таруданте

Весьма ценю такой почет.

Дон Фернандо

Подайте милостыню, люди,
С мольбою нищий вас зовет,
Взгляните на меня, я болен,
Я предан тяжести скорбей,
Я, голодая, умираю,
И даже зверь между зверей
Всегда находит состраданье.

Брито

Здесь просят милостыню так:
Имейте состраданье, мавры,
О хлебе молит вас бедняк,

Святой ногою Магомета
Он заклинает вас о том.

Ц а р ь

Что веру он хранит в несчастьи
И в унижении таком,
Меня бесславит, оскорбляет.
Инфант, маэстре!

Б р и т о

Царь зовет.
Д о н Ф е р н а н д о

Меня? Ты обманулся, Брито,
Не от меня он слова ждет:
Я не Инфант и не маэстре,
Я труп его, лишенный сил;
И я с землей соприкоснулся;
Инфант, маэстре — прежде был,
Не так мое название ныне.

Ц а р ь

Коль быть Инфантом перестал,
Ответь мне просто как Фернандо.

Д о н Ф е р н а н д о

Теперь, хотя б с земли я встал,
К твоим ногам паду покорно.

Ц а р ь

Ты тверд в решении своем.
Смиренье это или храбрость?

Д о н Ф е р н а н д о

Поклон раба — перед Царем.
И так как я твой раб, и так как
Я нахожусь перед тобою,
С тобою говорить я должен:

Внимай, властитель мой и Царь.
Ты Царь, промолвил я, и если
Иной закон тобою правит,
Так беспредельна, так могуча,
Пышна божественность царей,
Что безусловно порождает
Она душевное величье;
И ты с великодушной кровью
Таишь способность сострадать;
Не только меж людей, но даже
Среди зверей название это
Так властно, что закон природы
Ему покорствоваться велит;
Так в разных книгах мы читаем
О первобытных общежитьях,
Что лев, могучий царь животных,
Когда нахмуривает лоб,
На нем встает короной грива,
Но он проникнут милосердьем,
Того, кто перед ним склонился,
Не растерзал он никогда.
В соленых пенных брызгах моря
Дельфин, властитель рыб, с короной
Серебряной и золотою
Из светло-синей чешуи,
Не раз, во время сильной бури,
Спасал на сушу погибавших¹,
Чтоб море их не поглотило.
Могучий реюший орел,
Которому воздушный ветер
На голове взбивает перья²,
Царь птиц, приветствующих солнце,
Исполнен высшей доброты,—
Чтоб человек не выпил смерти,
Которую жестокий аспид
Сокрыл во влаге серебристой,
К кристаллам примешавши яд,—

Своими сильными крылами
И клювом возмущает воду.
И меж камней и меж деревьев
Мы видим той же власти знак:
Покрытый нежною коронкой,
Гранат, властитель над плодами,
Меняет цвет, когда отравлен,
И, погашая свой рубин,
Мерцает сумрачным топазом,
С оттенком обморочно-бледным.
Алмаз, перед которым силу
Теряет даже сам магнит,
Ему на верность присягая,
Так благороден, что измену
Хозяина изобличает,
И если раньше пред резцом
Он был непобедимо твердым,
По совершении измены
Становится как бы золою.
Так если меж зверей и рыб,
Меж птиц, камней и меж растений
Величье царское являет
Свою способность к милосердию,
Несправедливо, государь,
Чтоб меж людей она исчезла:
И для тебя не оправданье
Отличие твоего закона,
Бесчувственность везде одна.
Я не хочу тебя растрогать,
Чтоб ты, слезам моим внимая,
Дал жизнь мне царским состраданьем,
Я не прошу тебя о ней;
Я знаю, умереть я должен
От этой тягостной болезни,
Мои омрачены ей чувства,
Все тело от нее — как лед.
Я сознаю, я ранен смертью,

И чуть скажу какое слово,
Я чувствую, мое дыханье —
Как острой шпаги лезвию.
Я знаю, наконец, я смертен,
И нет мгновений достоверных;
По этой-то причине разум
Устроил гроб и колыбель
Похожими по внешней форме,
Похожими по матерьялу.
Когда кого-нибудь мы просим,
Мы руки складываем так
И поднимаем их; когда же
Хотим мы что-нибудь отбросить,
Мы то же делаем движенье,
Но опускаем руки вниз.
Когда рождаемся мы к жизни,
То в знак того, что мир нас ищет,
Он в колыбель нас принимает,
Которая открыта вверх.
Когда ж с презреньем или гневом
Он пожелает нас отбросить,
Он вниз тогда роняет руки,
И тот же самый инструмент
Меняет смысл при той же форме,
И, сохраняя ту же сущность,
Что было кверху колыбелью,
То книзу превратилось в гроб.
Так близко мы живем от смерти,
Так тесно при рождении нашем
Сливаются, черта с чертою,
И колыбель и ложе мглы.
Чего ж он ждет, кто это слышит?
Кто это знает, что он ищет?
Не жизни, в этом нет сомненья,
А смерти: я о ней прошу;
Пусть небо даст мне исполненье
Желанья умереть за веру,

То не отчаянье, не думай,
Меня не отвращает жизнь,
Но я ее отдать хотел бы
В защиту дела правой веры,
Чтобы в единой жертве Богу
Душа и жизнь слились в одно.
Итак, хотя я жажду смерти,
Но чувством я своим оправдан.
И где бессильно состраданье,
Пусть там тебя обяжет гнев.
Ты лев? Тогда с могучим ревом
Скорее разорви на части,
Кем оскорблен ты и поруган.
Орел? Тогда скорей изрань
Свирепым клювом и когтями
Того, кто разорить решился
Твое гнездо. Дельфин? Вещай же
О страшных бурях моряку,
Что бороздит пучины моря.
Гранат? Яви нагие ветви,
Как признак Божеского гнева,
Неукротимости ветров.
Алмаз? Рассыпья мелкой пылью
И сделайся отравой жгучей,
И утомись, и успокойся,
Но только знай притом, что я,
Хотя б я больше ведал бурей,
Хотя бы больше видел гнева,
Хотя б я больше знал печалей,
Хотя бы больше знал тоски,
Хотя бы больше встретил бедствий,
Хотя бы больше понял голод,
Хотя б в лохмотьях был, хотя бы
В грязи и в низости лежал,
Но непреклонен буду в вере,
Она как солнце предо мною,
Она как свет, меня ведущий,

Она нетленный мой венец,
Ты победить не можешь Церковь,
Меня, коли захочешь, можешь,
Но будет Бог моей защитой,
Как я защита дел Его.

Ц а р ь

Возможно ль, чтоб в таких мученьях
Ты сохранил такую гордость
И сам сумел себя утешить,
Когда страдания — твои?
И чтобы мне в упрек ты ставил,
Что я тебе не сострадаю,
Не милосерд к чужому горю,
Коль ты не милосерд к себе?
Не я, а ты, своей рукою,
Себе удар наносишь смертный,
Проникнись ты к себе участием,
Проникнись им к тебе и я.

(Уходит.)

Дон Фернандо (к Таруданте)

Властитель, окажи мне помощь.

Т а р у д а н т е

Какое горькое злосчастье!

(Уходит.)

Дон Фернандо (к Феникс)

Когда в тебе душа красива,
Как нежно тело у тебя,
Перед Царем будь мне защитой.

Ф е н и к с

Какая скорбь!

Дон Фернандо

Не взглянешь даже?

Феникс

О, ужас, ужас!

Дон Фернандо

Впрочем, правда:
Скорбь видеть не твоим глазам.

Феникс

Какая пытка!

Дон Фернандо

Но хотя бы
Ты на меня и не смотрела,
Хоть ты уходишь прочь, но нужно,
Чтоб ты услышала теперь,
Что если даже ты красива,
Ты более меня не стоишь,
И может быть я стою больше.³

Феникс

В твоих словах смертельный яд.
Ты голосом наводишь ужас,
Меня своим дыханьем ранишь.
Оставь меня. Чего ты хочешь?
Страдать сильнее я не могу.

(Уходит.)

СЦЕНА 8-я

Дон Хуан, с хлебом. — Дон Фернандо, Брито.

Дон Хуан

За то, что шел к тебе я с хлебом,
Меня преследовали мавры,

Смеялись надо мной и били
Меня до нанесенья ран.

Дон Фернандо
Наследство праотца, Адама.

Дон Хуан
Бери и ешь.
Дон Фернандо

О, друг мой верный!
Ты этот хлеб приносишь поздно,
Ко мне уже подходит смерть.

Дон Хуан
Да ниспошлет мне свет свой небо!

Дон Фернандо
Но всякая болезнь смертельна,
Как быть, когда все люди смертны,
Как быть, когда в конце концов,
Уставши в этом лабиринте,
Старая, человек, смущенный
Самим собой, заболевает,
И тот недуг приносит смерть?
О, человек, не будь небрежным:
Не забывай о вечной казни,
Не жди в болезнях предвещаний,
Ты сам — страшнейший твой недуг.
Пока живешь ты в этом мире,
Ты по земле ступаешь твердой,
Но ты над собственной могилой
Проходишь в мире каждый миг.
Закон печальный, рок суровый:
Что б ни случилось, видеть ясно,
Что с каждым шагом (о, мученье)
Ты должен уходить вперед,
И даже Бог не может сделать,

Чтоб этот шаг твой был не сделан.
Друзья, конец мой подступает:
Несите на руках меня.

Дон Хуан

Последнее мое объятье
Отдам тебе.

Дон Фернандо

С последней просьбой
К тебе я, друг мой, обращаюсь,
Мой благородный Дон Хуан.
Раздень меня, когда умру я,
Найди в угрюмом подземельи
Мое монашеское платье,—
Так долго я его носил,—
И в нем меня, с лицом открытым,
Похорони, коль Царь жестокий
Смягчит свой гнев и не откажет
Мне в погребеньи; обозначь
Мою могилу; я надеюсь,
Что, умирая как невольник,
Я буду выкуплен позднее
И буду спать у алтаря.
Тебе, Создатель мой Небесный,
Церквей так много сохранил я,
Что я надеяться решаюсь,
Ты приютишь меня в одной.

(Его уносят на руках.)

СЦЕНА 9-я

*Побережье вдали от города Феса.— Ночь.
Дон Альфонсо, солдаты с мушкетами.*

Дон Альфонсо

Оставьте на лазурном побережьи
Громаду этих тяжких кораблей,
Которые, на изумленье небу,
Качает море в снежности своей.
И пусть меж этих дальних горизонтов
Морские горы выбросят солдат,
Чтоб корабли, как греческое зданье,
Зажгли пожар, губительный стократ.

СЦЕНА 10-я

Дон Энрике.— Те же.

Дон Энрике

Ты не хотел, властитель, чтобы вышло
Близ Феса наше войско; пожелал,
Чтоб в этом месте высадка свершилась,
Ты место несчастливое избрал:
Сюда идет бесчисленное войско,
Движеньем гонит ветер пред собой,
И возвышает горные вершины
Воинственной растущей толпой.
Супругою уводит Таруданте
Принцессу Феса, он спешит к себе...
Но пусть раскат грохочущего эхо
Об этом громче возвестит тебя.

Дон Альфонсо

Энрике, я нарочно выбрал этот
Заранее намеченный проход:

Я войско Феса вместе с этим войском
Нашел бы, если б там причалил флот.
Теперь же, разделенных, я сумею
Сперва одних, потом других разбить.
И, прежде чем они соединятся,
Вели скорей к оружию трубить.

Дон Энрике

Безвременно сраженье это будет.

Дон Альфонсо

Мой гнев теперь ко всем советам глух,
Пусть мщение нагрянет безотложно,
Я в Африку явлюсь как грозный дух.

Дон Энрике

Смотри, уж ночь, закутанная в тени,
Светило дня сокрыла в бездне вод.

Дон Альфонсо

Мы будем в дымном сумраке сражаться;
Той веры, что в душе моей живет,
Не победить ни времени, ни силе.
Фернандо, если в этот самый час,
Во имя Бога, терпишь ты за веру,
Победа ждет и не обманет нас.
Мне будет честь, ему святая слава.

Дон Энрике

Ты гордостью своею увлечен.

СЦЕНА 11-я

Дон Фернандо.— Те же.

Дон Фернандо (за сценой)

На бой! На бой! Иди вперед, Альфонсо!

Дон Альфонсо

Ты слышишь чей-то крик и зов и стон?

Дон Энрике

Я слышу трубный звук, сигналы к битве
И смутные меж ними голоса.

Дон Альфонсо

Итак, вперед, Энрике. Нет сомненья,
Сегодня нам помогут небеса.

*(Появляется инфант Дон Фернандо,
в рыцарской одежде своего ордена
и с зажженным факелом.)*

Дон Фернандо

Помогут, да; твою увидя веру,
Они тебе замыслили помочь,
И защитят твоё святое дело.
Из рабства я уйду отсюда прочь.
Пример, достойный общего вниманья:
За столько храмов, Бог даёт мне храм;
Со светочем, изъятым у Востока,
Я буду озарять дорогу вам,
И с властным войском, царственный Альфонсо,
Войдешь ты в Фес,— пойми, что говорю,—
Не для того, чтоб там короноваться,
Но мой закат преобразить в зарю.

(Уходит.)

Дон Энрике

Альфонсо, в том, что вижу, сомневаюсь.

Дон Альфонсо

Я верю в то, что вижу пред собой,

И если речь идет о славе Бога,
Скажи: «Победа»,— говоря: «На бой».

(Уходят.)

СЦЕНА 12-я

Внутренняя часть стен Феса.

*Царь и Селин; в вышине Дон Хуан с одним пленником,
и гроб, в котором, по-видимому, находится Инфант.*

Дон Хуан

Тиран, ты можешь услаждаться,
Что варварски ты уничтожил
Жизнь превосходнейшую.

Царь
Кто ты?

Дон Хуан

Хотя бы ты убил меня,
Я тот, кто будет при Фернандо,
И если б даже от печали
Померк мой ум, я в самой смерти,
Как верный пес, пойду за ним.

Царь

Вот, христиане, образец вам,
Он возвестит векам грядущим
О том, что суд мой справедливый
Неукоснительно суров;
Жестоким да не назовется
Отмщение за оскорбленье
Особ высоких царской крови.
Теперь, Альфонсо, приходи,
Будь вызывающе-надменным,
Освободи его из рабства,

И пусть я потерял надежду,
Что будет Сеута моей,
Но так как ты притом утратил
Надежду получить Фернандо,
Я ныне услаждаюсь, видя,
Что в тесной замкнут он тюрьме.
И мертвый не освободится
Он от моей суровой кары,
Пусть будет он на посмеянье
Пред всеми выставлен теперь.

Д о н Х у а н

Получишь скоро воздаянье:
Уже над морем и над сушей
Отсюда вижу я знамена
Сюда идущих христиан.

Ц а р ь

Взойдем на вышку и посмотрим,
Что происходит за стенами,
Какие новые готовит
События закон судьбы.

Д о н Х у а н

Я вижу траурные знаки,
Влачатся горестно знамена,
Звучат чуть слышно барабаны
И не дымятся фитили.

СЦЕНА 13-я

Внешняя часть стен Феса.

Отдаленный бой барабанов; впереди идет Дон Фернандо, с зажженным факелом, за ним Дон Альфонсо, Дон Энрике и солдаты, ведущие захваченных в плен Таруданте, Феникс и Мулея; потом Царь и Селин.

Дон Фернандо

Сквозь непроглядный ужас ночи,
Никем не знаемой дорогой,
Тебя я вел: и облик солнца
Расторг сплетенья дымных туч.
О, победительный Альфонсо,
До Феса ты дошел со мною:
Ты перед фесскою стеною,
Так выкупи теперь меня.

(Уходит.)

Дон Альфонсо

Кто на стенах там есть, услышите!
Пусть выйдет Царь ко мне скорее!
(На стену выходят Царь и Селин.)

Царь

Чего, воитель юный, хочешь?

Дон Альфонсо

Чтоб ты Инфанта отдал мне!
Чтоб ты маэстре Дон Фернандо
За Таруданте и за Феникс,
Которых видишь пред собою,
В обмен мне отдал! Выбирай:
Смерть Феникс иль его свободу.

Царь

О, друг Селин, что буду делать
Среди подобных затруднений:
Фернандо мертв, а дочь моя
В его руках. Судьбы превратность,
Вот до чего дожить пришлось мне.

Феникс

Но что я вижу пред собою?
О, что же это, государь:

Я в этом тяжком затрудненьи,
 И жизнь моя под страхом смерти,
 И честь моя в такой тревоге,
 А ты не знаешь, что сказать?
 Ты можешь медлить хоть минуту,
 И колебаться хоть мгновенье,
 Чтоб получить мою свободу?
 Ты держишь жизнь мою в руке,
 И соглашаешься (о, мука!),
 Чтобы моя (о, горечь пытки!)
 Была в несправедливом рабстве?
 Твой голос может жизнь мою
 Единым словом (о, страданье!)
 Восстановить, и ты спокойно
 Молчанием предоставляешь,
 Чтоб мой звучал такой мольбой?
 Здесь на глазах твоих кинжалом
 Готовятся пронзить мне сердце,
 А ты глядишь, как льются слезы
 Перед тобою из моих?
 Ты Царь, и оказался зверем,
 Отец, и предстаешь как аспид,
 Судья, и палачом явился,
 Нет, ты не Царь и не отец.

Царь

О, Феникс, это замедленье
 Не понимай как нежеланье
 Тебе дать жизнь, желает небо,
 Чтобы окончилась моя.
 И так как более не хочет,
 Чтоб наши жизни продолжались,
 Узнай, Альфонсо, что с закатом
 Вчерашний день, в тот самый час,
 Как отбыла из Феса Феникс,—
 Закончив путь свой в море пены,
 Закончив путь свой в море смерти,

Скончались — солнце и Инфант.
И этот гроб смиренно-тесный
Оправа царственного тела.
Сверши же приговор над Феникс:
Пускай за кровь прольется кровь.

Феникс

О, горе мне! моя надежда
В одно мгновенье оборвалась.

Царь

И ничего мне не осталось,
Чтоб хоть мгновение прожить.

Дон Энрике

Что слышу? Да поможет Бог мне!
Как поздно, небо, о, как поздно
К нему пришла его свобода!

Дон Альфонсо

Не говори так; если сам
Фернандо в символах сказал нам,
Чтоб мы его освободили,
Он разумел свой прах остывший,
Хотел сказать, что прах его
За много храмов храм получит,
И выкупить его должны мы.
Царь Фесский, чтобы ты не думал,
Что меньше этой красоты
Фернандо отошедший стоит,
Я на него ее меняю.
Пошли же снег мне за кристаллы,
Январь мне обменяй на май,
Отдай мне за алмазы — розы,
За неземной прекрасный образ
Дай мертвого многострадальца.

Ц а р ь

Альфонсо, что ты говоришь,
Непобедимый?

Д о н А л ь ф о н с о

Говорю я:
Пусть пленники его опустят.

Ф е н и к с

И стала я ценою трупа:
Свершился неба приговор.

Ц а р ь

Спускайте со стены высокой
Тяжелый гроб, и сам спущусь я,
Чтобы у ног Альфонсо сдаться.

(Уходит со стены.)

(Гроб спускают на веревках по стене.)

Д о н А л ь ф о н с о

О, Принц, о, мученик святой!
Тебя в объятия принимаю.

Д о н Э н р и к е

Перед тобой, мой брат, склоняюсь.

СЦЕНА 14-я

Царь, Дон Хуан, пленники.— Те же.

Д о н Х у а н

Привет, великий наш Альфонсо,
Дай руку.

Д о н А л ь ф о н с о

Друг мой Дон Хуан,
Таков отчет твой об Инфанте?

Дон Хуан

Я был при нем до самой смерти,
Пока его не увидал я
Свободным, мертвым и живым:
Взгляните, как лежит он тихо.

Дон Альфонсо

Дай руку мне свою, родной мой.
Несведущий, я слишком поздно
Тебя пришел освободить.
Но в смерти, что всего важнее,
Всегда являет лик свой дружба.
Твои блаженные останки
Я отвезу с собой во храм.

(К Царю.)

Тебе я, Царь, вручаю Феникс
И Таруданте, и в супруги
Прошу ее отдать Мулею,
С Инфантом он так дружен был.

(К пленникам.)

Придите, пленники, взгляните,
Вот ваш Инфант, попеременно
Его несите до армады.

Царь

Пусть все идут вослед за ним.

Дон Альфонсо

Под заунывный трубный голос,
Под стройный рокот барабанов
Пусть похоронным маршем войско
Идет,— чтоб кончил долгий путь,
Прося смиренно извиненья
За все великие ошибки,
Инфант Фернандо Лузитанский,
В христовой вере стойкий Принц.

ЛУИС ПЕРЕС ГАЛИСИЕЦ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Луис Перес
Мануэль Мендес
Дон Алонсо де Тордойя
Хуан Баутиста
Адмирал Португалии
Педро, шут
Леонардо
Исабель, сестра Луиса Переса
Донья Хуана, дама
Донья Леонор, дама
Касильда, служанка
Коррехидор
Следственный Судья
Альгвасилы
Крестьяне
Солдаты
Слуги
Толпа

*Действие происходит в Сальватиерре,
в ее окрестностях и в окрестностях Санлунара.*

ХОРНАДА ПЕРВАЯ

*Зал в загородном доме Луиса Переса
близ Сальватиерры.*

СЦЕНА 1-я

*Луис Перес, с обнаженным кинжалом,
настигающий Педро; Исабель
и Касильда удерживают его.*

И с а б е л ь

Спасайся, Педро!

Л у и с

Не уйдешь,
Когда я за тобою в злобе!

П е д р о

Его вы удержите обе!

Л у и с

Клянусь, ты от меня помрешь!

И с а б е л ь

Зачем такое обращенье?
Ты пламенеешь весь огнем.

Л у и с

Неблагодарная, на нем
Твои отмщу я оскорбленья.

И с а б е л ь

Я не пойму.

Луис

Понять пора.
Сперва обидчика убью я,
Потом тебе все разъясню я,
О, недостойная сестра.
Все явится в разоблаченьи,
И сердце, ртом и гневом глаз,
Засветит яростный рассказ,
Все разорвавшись в обличеньи.

Исабель

Когда, к ущербу моему,
Ты так исполнен притязанья,
Я, не поняв твое деянье,
Твой довод вдвое не пойму.
Так нагло говоришь со мною?
Презренный, и глупец вполне,
Не брат, а злой ты ворог мне.

Луис

Я враг твой, этого не скрою.
Вот этой стали ход я дам,
В твоей крови она, быть может,
Бесчестье смоет вдруг и сложит
Обиду в прах к моим ногам.

Педро (в сторону)

Тому во вред чужая ссора,
Кто вздумал впутаться в нее,
А мне в том польза, и ее
Использую я бегством скоро.
Чуть от тирана побегу,
Уж поработаю ногами
И помахая я руками,
Так защититься я смогу.

С тобою ныне час разлуки,
О, родина моя, прощай.

Луис

Ты волен, Педро, примечай,
Мои не достигли руки
Тебя сейчас, хоть совершил
Измену ты. Остереженье
Прими же как предупрежденье:
Впредь изо всех старайся сил
Нигде не встретиться со мною.
Коль в самом дальнем я краю
Когда увижу тень твою,
Тебя немедля успокою
И через тысячу я лет.

Педро

Я это слышу, в это верю,
За тяжбу принял я потерю,
И пересмотра дела нет.
А если ты даешь согласие,
Чтоб жил в отлучке, я уйду,
Среди пигмеев, как в среду,
Я проведу свое злочасье.
За грех мой — тяжкий мне урок,
Так искуплю твои я гневны:
Изгнанником быть сыну Евы
Средь карликов, — о, горький рок!
(Уходит, и с ним Касильда.)

СЦЕНА 2-я

Луис, Исабель.

Исабель

Ушел он, и теперь нас двое.

Узнать мне нужно, из чего
Весь пламень гнева твоего,
И в чем свершенье было злое.

Луис

Сестра... О, если б Бог хотел,
И никогда бы предо мною
Ты не была моей сестрою,
В один включенная предел!
Ты думаешь, что я как сонный
Терпел, хотя и замечал,
Все знал, все видел, но молчал,
Когда бесчинствовал влюбленный,
Что послужить тебе готов,
Не только честь твою пятная,
Но кровь и доблесть оскверняя,
Твое наследство от отцов?
Нет, Исабель, я оскорбленья
Претерпевал не как глупец,
Не как невидящий слепец,
А умножая рассмотренье,
Чтоб чувство мерить не на глаз,
А все узлы распутать вместе,
Затем что в ревности и чести
Отчет возможен только раз.
И если возникает случай,
Свое я чувство покажу,
Но ясно я при том скажу:
Избежем длинноты тягучей,
И ты заметь, сестра моя,
Что молвлю в уваженье к дому,
А если нет, так по-иному
Тебе отвечу завтра я.
Хуану Баутисте, знаю,
Желанна ты. В груди его
Достойного нет ничего,
Я то исканье отвергаю.

Об этом нам довольно слов,
И это ты имей для знания.
И лишнее — упоминанье,
Что твой искатель — из жидов.
Сальватиерру я покинул,
Заботой этою ведом:
В уединении своем
Я все ж те мысли не отринул.
И здесь он тянет нить свою,
И здесь свое он продолжает,
Письмо с слугою посылает,
За это я его убью.
Явилась в миг ты подходящий,
Я гневный дал тебе ответ;
Так пусть, во избежанье бед,
Не ищет он руки грозящей.
Пусть между вас двоих любовь
Исправится. Иначе, Богом
Клянусь в моем решеньи строгом,
Грозить уже не буду вновь,
Преград себе не буду ставить,
Я ринусь бешено к врагу,
Его и дом его сожгу,
Чтоб Инквизицию избавить
От тех заботливых трудов.

И с а б е л ь

Не дав мне даже оправдаться,
Спешишь ты ярости отдаться
Пустых, слепых от гнева слов.
В чем ты винишь, я не виновна.

Л у и с

Как так?

И с а б е л ь

Нет в женщине вины,
Коль ей безумства внушены:
Удел наш общий, безусловно.

Луис

Я принял бы вполне, сестра,
Твои слова как оправданье,
Но вот письмо, в нем указанье...

Исабель

Довольно. Замолчать пора.
Такое следствие чрезмерно.
Что хочешь от меня, Луис?
Не впору башмаки пришлишь.
Ты брат, не муж мой, достоверно.
А так как ты мне не супруг,
Явил бы сразу разуменье,
Когда любое объясненье
Без спора принял бы ты вдруг.
Затем что лучше обмануться,
Коль невозможно злу помочь,
И, бросив подозренья прочь,
За полной правдой не тянуться.
Заметь, что я сестра твоя,
Свои обязанности знаю:
Сегодня так и отвечаю,
Иначе завтра молвлю я.

(Уходит.)

Луис

Ты хорошо мне отвечаешь,
И лучше хитрость и обман,
Коль в них исход известный дан,
Другого ж выхода не знаешь.
Ошибся в поведеньи я,
Запутался, не сладив с малым.
Сестра, ты явишься началом
Тех бед, в которых смерть моя.

СЦЕНА 3-я

Касильда; потом Мануэль Мендес, Луис.

К а с и л ь д а

Там португалец благородный
В наш деревенский прибыл дом,
Спросил, где ты.

Л у и с *(в сторону)*

О зле моем
Миг размышленья непригодный.
Скажи, чтоб он вошел сюда.

*(Касильда уходит,
и входит Мануэль Мендес).*

М а н у э л ь

Луис Перес, коль промедленье
Продлилось бы, без позволенья
Сюда вошел бы я тогда.

Л у и с

Тысячекратное объятье
Вам, Мануэль, то малый счет:
Смерть этот узел разорвет,
Его не дам ей развязать я.
В Сальватиерре с нами вы.
Добро пожаловать, мой милый.

М а н у э л ь

И приложил к тому я силы,
Чуть не лишился головы,
Опасностей для жизни много.

Л у и с

Мне грустно, ежели у вас
Одни печали в этот час.

М а н у э л ь

Коль я у этого порога
Почтён, забыта скорбь моя.

Л у и с

Из Португалии, оттуда,
Ваш путь сюда. И вот покуда
Причины не узнаю я
Того таинственного «что-то»,
Что вас ведут к иной стране,
Вполне естественно во мне
Встает живейшая забота.
Все рассказать вам трудно вдруг.
Но просит вас мое участие
Сказать немного про несчастье.
Так что же с вами? Я ваш друг.

М а н у э л ь

Вот слушайте меня с вниманьем.
Коли разлука без ущерб
Была для дружбы,— вы навряд ли
Могли забыть, Луис Перес,
О днях счастливых в Лиссабоне,
Когда моим вы гостем были
Из-за событий, что Кастилью
Заставили покинуть вас
И дом почтить мой... Но не это
Предметом будет для беседы:
Речь обо мне. Забыть навряд ли
Могли вы также, что вполне
Мой ум пленен был нежным счастьем.
Не нужно мне давать оценку,
Насколько страсть была предельна:
Я португалец, в этом все,
И слов дальнейших тут не нужно.
Донья Хуана де Менесес —

Мой обожаемый владыка,
Царица жизни, светлый лик,
Пытаясь восхвалить достойно
Восторг ее очарованья,
В бессилии слабеет голос,
Дыханье гаснет в немоте,
Затем что божеству такому
Сама Любовь приносит жертвы,
Пред ней алтарь себе построив,
И этот образ взяв в свой храм,
Два года жили мы в покое
Влюбленные: у чувства, если
Оно взаимность повстречало,
Для ревности причины нет,
Божественною красотою
Питается лишь столько ревность,
Чтоб легким страхом, чтоб боязнию
Будить любовь еще сильней,
Не убивать ее презреньем.
С такую ревностью любил я
Все более и был доволен:
Когда без ревности любовь,
Так без души она есть тело.
Ведь тому, кто врачеваньем
Избрал отраву, раздувая
Живой огонь в немой золе,
Кто зверя делает домашним,
Владеющего силой яда,
Кто море бороздит надменно,
В непрочной веселясь ладье!
Беда тому, кто посмеяться
Над ревностью своею вздумал!
Он пробует, шутя, отраву,
Ее вкусивши, он мертвец,
Он веселит в себе ехидну,
Она ему ломает сердце,
Играет хрусталем он тонким,

И гроб находит в хрустале.
Затем что если ревность — ревность,
И явится как таковая,
Она есть море, пламень ярый,
Ехидна, мед, но в меде яд.
Причиной для моей отравы
Был превосходный кабальеро,
Учтивый, храбрый и разумный,
Его я не затрону честь,
Хоть пролил кровь его, отмщая
Мое жестокое мученье:
Одно — убить своею сталью,
Другое — ранить языком.
И потому я полагаю,
Что никогда, врага имея,
Я на него не нападаю,
Когда он где-то в стороне.
Итак, скажу, не оскорбляя
Его, что этот кабальеро,
Ее отца просил, и в жены
Ее судил ему отец.
Скажу, чтобы сказать все сразу,
Он был богат, того довольно.
Участвовали в договоре
Тот, кто богат и кто скупец.
И наконец настал день свадьбы...
Верней, о, небеса, день смерти,
Веселье с трауром смешалось,
День свадьбы днем был похорон,
Едва сошлись друзья, родные,
И ночь покров сгустила черный,
Как я, исполнен дерзновенья,
В ее вошел внезапно дом,
И новобрачного бесстрашно
Среди собравшихся нашел я,
В одну минуту говорили
С ним мой язык, моя рука.

Язык промолвил: «Я властитель
Той красоты». Рука взмахнула
Кинжалом, два свершив удара,
И на полу лежал мертвец.
Так гром и молнию явили
Кинжал и голос говоривший,
Клинок мой — свет родил внезапный,
А голос — прозвучал как гром.
Смутились все, и между всеми
Не жить, а биться расположен,
Чтобы отчаянью отдаться,
И, умирая, убивать,
Донью Хуану ухватил я,—
При этой смуте и тревоге
Нетрудно было сделать это,—
Лишь миг, она уж на коне...
Не на коне! Что говорю я?
На вихре, на крылатом ветре,
Но для чего слова мне тратить,
Хвалы слагая быстроте?
Скажу одно: он столь был легким,
И столь послушным, что казался
Мне быстрым — в час, когда он бегство
Осуществлял, свершая бег.
Рубеж мелькнул нам Португальский,
И миновали мы границу,
Приветствовали мы Кастилью,
И пристань верную нам в ней.
Уверены, что в вас защиту
Найдем, примчались мы проворно,
Луис Перес, в Сальватиерру,
И вот у ваших ног я здесь.

(Становится на колени.)

Друзья мы, дружба необманна,
Запишет нашу дружбу время
На плитах из нетленной бронзы,
Несчастью дайте вы приют,—

Не потому что здесь несчастный,
А потому что к вам прибег он,
И в этом благородный связан,—
Когда же нет привета мне,
Взываю я во имя дамы,
Которую оставили в роще,
На берегу реки вот этой,
Ее с собой взять не хотел,
Пока я с вами не увижусь,
Один пошел сюда искать вас,
И мне сказал слуга какой-то,
Что в деревенском доме вы,
И в ваше прибыл я объятье,
Обязанный, доверья полный,
Преследуемый, боязливый,
Влюбленный. Дальше речи нет:
Сказав — влюбленный, уповаю,
Что справедливо и по праву
Встречаюсь я с благоволеньем
В том чувстве, присужденном мне.

Луис

Учтивости все эти слыша,
Я, Мануэль Мендес, настолько
Обижен ими, что не знаю,
Давать ли мне какой ответ.
Чтобы сказать мне: «Одного я,
Луис Перес, убил гидальго,
Со мной в сопровожденьи дама,
И к вам я прихожу в ваш дом»,—
Ужели правду были нужны
Словесные те построенья?
Хочу вас научить теперь,
Как нужно было говорить.
Вот, Мануэль, меня услышьте.
На много лет в наш дом пришли вы,
Хорошие то будут годы,

И рады послужить вам здесь.
Вернитесь же туда немедленно,
Где вы оставили ту даму,
И поскорее приведите
Ее в приветливый уют.
Я здесь меж тем останусь, ибо
В учтивостях я неискусен,
И позабочусь, чтобы не был
Ее приходом взят врасплох.

М а н у э л ь

Позвольте, чтоб еще раз сердце
Свою явило благодарность,
В вас друга верного признавши.

Л у и с

Сеньор, идите поскорей:
Себя увидя на чужбине,
Тревожиться должна сеньора,
И нужно быстро успокоить
Ее возвратом.

(Мануэль уходит).

Исабель!

СЦЕНА 4-я

Исабель.— Луис.

И с а б е л ь

Чего ты хочешь?

Л у и с

Если только
Когда-нибудь моей любовью
Твою снискал я благодарность,
Ее мне покажи теперь.
Забудь досаду, и не будем

Давать предмет для разговоров,
На все потом найдется время.
Сегодня дом наш для гостей,
Перед которыми имею
Я долг признательности строгий,
И заплатить его намерен.
Пришел к нам Мануэль Мендес
С своей женой.

Исабель

Я в этом буду,
Как и во всем, твоей слугою.
(*За сценой слышен звук шага.*)
Но Боже мой, что там случилось?

Луис

Весьма приметный стук мечей.
И крики.

СЦЕНА 5-я

Альгвасилы.— Те же.

Альгвасил 1-й (*за сценой*)

Мертвый ли, живой ли,
Он должен наш быть.

Альгвасил 2-й (*за сценой*)

Мы напрасно
За ним спешим.

Исабель

От многих кто-то
Там убегает на коне.

Альгвасил 1-й (*за сценой*)

Пали в него!

(*За сценой выстрелы.*)

И с а б е л ь

Бог да поможет
Тебе, несчастный!

Л у и с

Что такое?

И с а б е л ь

В него стреляли из мушкета,
И мертвый наземь он упал.

Л у и с

Напротив, случай тут счастливый:
Лишь лошадь ранили те пули,
В крови она поверглась наземь,
А кабальеро бодрый встал,
И жизнь свою он защищает,
И шпагой молнии он сеет.

И с а б е л ь

Преследуем, он направляет
До дома нашего свой бег.

СЦЕНА 6-я

Дон Алонсо, с обнаженной шпагой.— Луис, Исабель.

Д о н А л о н с о

О, небеса! Защиту дайте
Несчастному, что, задохнувшись,
Здесь падает.

Л у и с

Вы, Дон Алонсо?
Какими вы судьбами здесь?

Дон Алонсо

Нет времени о том поведать.
Луис Перес, могу просить лишь,
Чтобы меня вы защитили:
За то, что сделал, нужно мне
Быть в Португалии немедля.

Луис

Так грудью пусть владеет смелость:
Тот успевает в затрудненьях,
Кто в твердости усилья смел.
(Уходит.)

Узкий проход между двух возвышенностей.

СЦЕНА 7-я

Луис, Дон Алонсо.

Луис

Уж близко мост чрез эту реку,
Которая между Кастильей
И Португалией — граница.
Едва на той вы стороне,
И не страшна погоня будет.
В проходе узком я останусь,
Что меж горы и этим домом,
Благодарить мне не придется,
Коль замысел вы не свершите
По принужденью.

Коррехидор

Это как же?

Луис

Игрою бьющихся мечей
Я, защищать решивши этот

Проход, намерен это сделать.
Из всех, кто тут, клянусь, вот этой
Никто не перейдет черты.

(Делает черту.)

Коррехидор

Убить его!

Луис

Остановитесь!

Потише!

Коррехидор

Смерть ему!

Альгвасил 1-й

Да будет

Луис Перес убит, немедленно!

Луис

Вы трусы, курицы, вы псы,

Канальи, так я умираю!

(Отступает, нанося шпагой удары.)

Альгвасил 1-й *(за сценой)*

Я ранен насмерть!

Альгвасил 2-й *(за сценой)*

Я убит!

Роща на берегу реки.

СЦЕНА 8-я

Донья Хуана и Мануэль.

Донья Хуана

Нет, никогда мне раньше не казалось,

Что так ты мил со мною, Мануэль:
Благодарю за то, что я здесь оставалась
Недолго, и твоя осуществилась цель.

М а н у э л ь

Сеньора, я люблю, и потому неложно
Скажу, что совершу все, все, что невозможно.
Совсем не нужно было мне
Войти в предел Сальватиерры:
Недалеко здесь в стороне
Нашел в ущельях я сьерры
Дом деревенский, где живет
Луис Перес, мой друг, который
Превысит в дружбе всякий счет,
И вот конец пути нам скорый,
Как будто прямо он для нас
Здесь поселился: зоркий глаз
Ничей следить не будет пусть за нами,
В покое будем мы, покрытые горами.

Д о н ь я Х у а н а

Я, Мануэль, не утаю:
Кто бросил родину, отца и честь свою,
И все же в этом состояньи
Доволен, что тебе свое существованье
Способен в жертву принести,
Что может тот желать еще в своем пути?
Я только одного желаю:
Чтоб в этой вот горе был храм любви для нас,
И твердостью моей я буду каждый час
Граниты побеждать, сейчас уж побеждаю.

СЦЕНА 9-я

*Дон Алонсо; потом Альгвасилы.—
Донья Хуана, Мануэль.*

Дон Алонсо

Куда ведет меня мой рок,
Без мысли правильной, без правильных дорог?
Куда ведет аллея эта,
Меж тем как небо мне в беде не шлет просвета?
Уж нет дыхания в груди,
Одни несчастья и опасность впереди.
Спаستись я не могу. На землю упадаю.
О, горе! Небеса! Спасите! Умираю!

Донья Хуана

Я слышу голоса людей.

Мануэль

Тут на земле, в тени ветвей,
Какой-то кабальеро бравый
Лежит совсем невдалеке,
Упав на травы,
И сталь видна в его руке.
Сеньор, вы ранены, скажите?
(Приближается к Дону Алонсо.)

Дон Алонсо

Мое благодарение примите,
Гидальго, за такую доброту.
Не ранен, лишь устал, в глазах я темноту
Вдруг ощутил и наземь повалился,—
Кто думал, что с ветрами он сравнился
Своею быстротой,
Вот он лежит, сравнен с землей.

М а н у э л ь

Дух бодр. Восстаньте, не робея.

А л ь г в а с и л ы (за сценой)

Займите мост! Скорей, скорее!
Чтоб чрез него не спасся он!

Д о н А л о н с о

Несчастье худшее грозит со всех сторон.
Что делать? Этою толпою
Я был преследуем, они гнались за мною,
И хоть бесстрашный друг стеной
Стоял как крепость за спиной,
Боюсь, они его убили,
Он пал, их уступая силе.

СЦЕНА 10-я

Луис, потом один Альгвасил, за сценой.— Те же.

Л у и с

Они отбили к мосту ход,
Закрит мне самый небосвод.
Увы, я в этой роще мглистой
Найду сегодня гроб тенистый.

М а н у э л ь

Луис Перес, что было тут?

Л у и с

Несчастья мне сети ткнут.
За друга бился, встав спиною.

М а н у э л ь

Луис Перес, вы здесь со мною.
Умремте вместе, коль зовет к себе конец:
Мы дружбы и любви вернейший образец.

Дон Алонсо

Тот, чья вина во всем, пусть духом не робеет,
И также умереть сумеет.

Луис

Я в затруднении большом: в чем ныне цель?
Но это главное. Услышьте, Мануэль.
Сегодня ткань всего такая,
Что меч ваш пусть молчит, меня не защищая.
Вот трудность в чем:
Хоть о моей тут жизни дело,
И защитить ее рукой могли б вы смело,
Взмахнув мечом,
Честь требует моя, чтобы в моем вы доме
В мое отсутствие ее хранили. Кроме
Внимательности вашей, в нем
Защиты нет, и пуст мой дом.
Что жизнь, и что есть смерть, я очень различаю.

Мануэль

Я, право, вас не понимаю.
Коль вас придут искать, хочу я умереть.
Ужели стал бы я смотреть,
Как вы сражаетесь, стремя в бою отвагу,
А сам не обнажил бы шпагу?

Донья Хуана (в сторону)

Где больше женщину преследует беда?

Альгвасил 1-й (за сценой)

Вот тут они!

Мануэль

Толпой идут сюда.

Их сборище спешит такое,
Что защищаться мы никак не сможем трое.
Убьют нас или всех возьмут.

Дон Алонсо

Что предпринять возможно тут?

Луис

В себе вы мужество найдете,
Чтоб в реку броситься и плыть?

Дон Алонсо

Немедленный конец забот
Тут мог бы быть,
Умей я плавать.

Луис

В поисках свободы
Вы на моих плечах пройдете эти воды.
Так, Мануэль, себе не изменю
И честь и жизнь я сохраню.
Там в Португалии жизнь будет безопасна,
Не смогут взять меня, погоня их напрасна.
Честь целой будет, как была:
Вы в доме, значит, честь цела.
Здесь бесполезны изъяснения:
В сестре красивой честь и все мои владенья.
Прощайте же! Довольно слов!

Мануэль

Как друг, пребуду я таков,
Что в вашем доме буду оком.

Луис

Скажите...

Мануэль

В странствии вы будете далеком,
Но в доме будете присутствовать вполне.
(Луис Перес ухватывает Дона Алонсо,
отходит с ним и бросается в реку.)

Луис (за сценой)

Будь, Боже, милостив ко мне!

Донья Хуана

Дельфин, он меряет простор от края к краю.

Луис (за сценой)

Вам, Мануэль, я честь мою вверяю!

Мануэль

С широким холодом вступил он в смелый бой.

Луис (за сценой)

Будь зорок!

Мануэль

Буду здесь тобой!

Луис (за сценой)

Прощай!

Мануэль

Как верить нам в подобное злосчастье?

Донья Хуана

Куда же я пойду, не повстречав несчастья?
(Уходят.)

*Другое место на противоположном берегу реки,
уже в Португалии.*

СЦЕНА 11-я

*Адмирал Португалии и Донья Леонор, в
охотничьем наряде.*

Адмирал

Весь воздух в мирном летнем зное,

Ветров не шелохнет струя,
Итак, племянница моя,
Ты можешь тут пребыть в покое
На берегу реки большой,
Забывши все свои заботы.

Д о н ь я Л е о н о р

Прекрасны радости охоты:
Как будто в ней идешь войной.

А д м и р а л

Как верно это наблюденье,
С тобой согласен я вполне:
Охота так близка войне.
Что восхитительней для зренья?
Встает могучий дикобраз,
И, свирепея пред врагами,
Он белоснежными клыками
Сулит собакам грозный час.
И ту швырнет на землю, смелый,
И ту, упорством обуян,
Резнет, а сам он как колчан,
В нем человеческие стрелы.
А вид несущейся борзой?
Когда добычу упускает,
То лапы в бешенстве кусает,
И снова мчится вперевой.
Бегут, стремится шея к шее,
Закон дуэли, видно нам,
Сужден природой и зверям,
Решает ловкость, кто сильнее.

Д о н ь я Л е о н о р

Кого не радует тот вид
Воображаемых борений?
Но я люблю полет парений,
Глядеть, как сокол ввысь летит.

Я не могу без обмиранья
Смотреть на цаплю: по ветрам
Она проносится вон там,
Из перьев быстрое сгоранье,
Из перьев молния она,
С проворной быстротой какую
Из холода несется к зною,
Ее уносит вышина.
Изящны спешные усилья,
И вверх крылом она махнет,
Огнем пылающим мелькнет,
И вниз она опустит крылья,
Вкруг них повеет холодком.
И вдруг два сокола, для зренья
Две точки, в выси отдаленья
Взметнулись в небе голубом,
И возле них не блещут светы,
Огни крыло их не несет,
Но падают они с высот,
Как две внезапные кометы.
И цаплю так они теснят,
Хоть ловко цапля улетает,
Как будто неба не хватает,
И в воздухе препятствий ряд.
И, побежденная врагами,
Вдруг наземь падает тогда
Она, как алая звезда,
Бессильно шевеля крылами.
Дух соколиный обуян
Надменностью, достигнув цели:
Природою закон дуэли
И самым птицам в небе дан.

СЦЕНА 12-я

Педро.— Адмирал, Донья Леонор.

Педро

Какая тут земля? Не знаю.
Где ни ступлю я впопыхах,
Немедля ощущаю страх,
Неведомо к какому краю
Я, путешествуя, иду.
Я в Португалии. Прекрасно.
Но сводничал я так злосчастно,
Что в этом лишь снискал беду.
Не ужас разве? То служенье,
Где каждого награда ждет,
Чуть до меня дошел черед,
Уж не приносит награжденья.
Быть может, преуспею я
Здесь в Португалии. Кто знает?
Иль вновь беда подстерегает?
Тут люди. Знатная семья.
Что́ если б был привет от знати
Малютке, что скорбит один
Среди лесов, среди долин?
Ведь это было б очень кстати.

Адмирал

Уж солнце, феникс вышины,
Светильник красоты отдельной,
Свой путь свершило в небе цельный,
Уходит, предвкушая сны.
Коль хочешь ты домой вернуться,
Я позову кого-нибудь,
Чтоб дал коня тебе, и в путь,
Пред тем как сумраки сольются.
Эй, кто там?

Педро

Я, сеньор.

Адмирал

Вы кто?

Педро

Что я, сеньор, об этом знаю?

Адмирал

Я в первый раз вас замечаю.

Вы служите мне? Нет, не то?

Педро

Коль не слуга я ваш, слугою

Я вашим буду в добрый час.

Прослушайте один рассказ,

Все станет ясно чередою.

Однажды Дон Такой Сякой,

Что не служил, не отличился,

Спокойно во дворец явился,

В столовый входит он покой,

А час обеда наступает,

И каждый, кто там был кругом,

Манеру соблюдая в том,

Учтиво плащ с себя снимает,

Чтоб разные нести блюда.

Дабы от них не отличиться,

И он спешит разоблачиться,

И важно шествует туда,

Чтобы свою иметь в том жатву.

К нему подходит майордом

И задает вопрос о том,

Он должную принес ли клятву.

«О, нет сеньор,— так отвечал

Пришедший.— Но, коль есть хотенье,

Я поклянусь без промедленья».

И коль начало в том начал,

Я поклянусь весьма охотно,
И буду клясться, буду клясть,
А раз случится мне отпасть,
Не будет это беззаботно.

Адмирал

На остроумье щедры вы.

Педро

Увы, много не имею
И щедрою рукой я сею
Все семена из головы.

СЦЕНА 13-я

Луис Перес и тотчас Дон Алонсо.— Те же.

Луис (за сценой)

О, горе, горе!

Донья Леонор

Что такое?

Какой-то голос?

Адмирал

Вдалеке

Плывет там кто-то по реке,
И бьет его течение злое.

Донья Леонор

И между ужасов и волн
Он на плечах несет другого,
То потопает он, то снова
Плывет поверх воды, как челн.

Дон Алонсо (за сценой)

О горе мне!

Адмирал

Туда скорее,
Чтобы помочь тому пловцу,
Я награжу.

Педро

Я вмиг к концу
Поплыл бы, плавать не умея.
А то охотно бы помог
В суровостях его несчастья.

Донья Леонор

Уж это лишнее участие,
Они выходят на песок.
(Луис и Дон Алонсо выходят мокрые.)

Дон Алонсо

О, небесам благодаренье!

Луис

Благодарение Христу!
Уж не ныряю в темноту
Того хрустального стремленья.

Адмирал

Сюда, сюда! Я помощь дам!

Педро

Теперь. (В сторону.) Но что я вижу! Боже!
(Отступает.)

Адмирал

Так помогите им. Ну что же?
Вам лишь смотреть по сторонам?

Педро

Я сострадательным родился
И, увидавши тех двоих,

Увы, в злосчастиях таких
Невольно сердцем я смутился.

(В сторону.)

Клянусь, Луис Перес за мной
Явился в этот край сегодня,
Чтоб кару здесь нашла та сводня,
Те происки с его сестрой.
Что ж на войну я отправляюсь?
Ведь с ним приходит смерть моя,
И из Кастильи изгнан я,
И Португалии лишаюсь.

Адмирал

Куда идете?

Педро

К стороне.

Затем что вызвал этот случай
Во мне припадок, и тягучий.
А клятва клятвой, и при мне.
(Уходит.)

СЦЕНА 14-я

Адмирал, Донья Леонор, Луис, Дон Алонсо.

Адмирал

Он сумасшедший. Кабальеро,
Смелее, и ко мне на грудь.

Дон Алонсо

При вас могу я отдохнуть,
И кончилась страданий мера.

Адмирал

Скажите, кто вы? В этот час,
Я обещаю вам неложно,

Чистосердечным быть вам можно,
Я искренно жалею вас.

Дон Алонсо

Я вас прощу осведомленья,
Чтобы в ошибку я не впал.

Адмирал

Скажу охотно. Адмирал
Я Португалии. Сомненья
Отбросьте, веря в честь мою,
Свою мне расскажите муку,
Я защищу,— даю вам руку
И вместе слово в том даю.

Дон Алонсо

Я принимаю и скажу вам.
Из дома славного я родом,
Моя фамилия Тордойя,
То имя ведает почет.
Я Дон Алонсо называюсь.
Сегодня утром к кабальеро
Я одному почуял ревность,
Вошел к одной я даме в дом,
Он там, его на поединок
Зову, и он, себя достойный,
Немедля вышел, плащ и шпага,
Мы бьемся, наземь он упал,
Двумя ударами пронзенный.
Несчастье! В это время смута
Возникла всюду по соседству,
И правосудье тут как тут.
Хотели взять меня, я скрылся,
И на коне бежал проворном,
Моей душой — он стал крылатым,
Но застрелил его мушкет.
Я побежал пешком и прибыл

В дом деревенский, где у двери
Луис Перес стоял на счастье...

Луис

И тут уже dokonчу я.
Чуть увидал, что Дон Алонсо
Преследуем такой толпою,
Сказал, чтоб он бежал, что буду
Его я грудью защищать.
Мой дом на склоне под горою,
Веселью предан он как будто,
На деле же он дом печали,
Приют несчастья моего.
Пред самым домом — ход ущелья,
И потому необходимо,
Что все, кто той идут дорогой,
Проходят прямо предо мной.
Сперва учтивыми словами,
Потом мольбами я пытался
Разубедить Коррехидора,
Чтоб Дон Алонсо не теснил.
Не захотел меня он слушать
И дерзко пожелал он гнаться,
Он так и сделал бы, когда бы
Не вынул эту шпагу я,
И жив Господь! Мелькая сталью,
В неистовой я этой схватке
Такою яростью проникся,
Что ранил, верно, пятерых.
Бог помоги, чтоб не смертельно!
Себя увидев виноватым
Гораздо больше Дон Алонсо,
Решил, что лучше сделать мне
Прыжок через забор колючий,
Чем прибегать к мольбам и просьбам.
И видя, что проход тот занят,
Что вместе с тем и занят мост,

Беру я Дон Алонсо в руки,
А шпагу в рот, и прямо в реку,
Как говорится, грудью в воду.
И вот мы прибыли сюда.
Тысячекратно мы счастливы,
Найдя высокую защиту,
И нам уж нечего бояться,
Когда нам дали слово вы.

А д м и р а л

Дал слово и его исполню.

Д о н А л о н с о

И нужно дорожить нам словом,
Соперник мой был очень знатен.

А д м и р а л

Как звался тот, кто был убит?

Д о н А л ь ф о н с о

Тот кабальеро был достоин
Хвалений самых превосходных,
Всегда в соединеньи были
Несчастье и смелый дух.
Назвать его — в том нет утраты
Ни в почести его, ни в славе.
Он назывался Дон Диего
Де Альварадо.

Д о н ь я Л е о н о р

Горе мне!

Что слышу, небо? Низкий, низкий,
Тобой мой брат убит?

А д м и р а л

Предатель!

Тобой убит был мой племянник?

Луис

Христово тело в помощь мне!
Еще того недоставало!
Но да иль нет, а мне придется
Вновь шпагу обнажить бесстрашно.

Дон Алонсо

Превосходительный сеньор,
Прошу сдержаться и заметить,
Что сталь свою лишь оскверните,
Ее в покорного вонзивши.
Я с Дон Диего был в бою
Лицом к лицу и в честной брани,
Без низости и без предательств,
Без выгоды и без обмана.
Сеньор за что же хочет мстить?
Притом сеньор свое дал слово
И не сдержать его как мог бы?

Луис

А если нет, клянусь я небом,
Мое железо, вот оно,
Взмахну, спадет немало листьев,
Пусть Португалия приходит
Хоть целиком со мной бороться.

Адмирал (в сторону)

О, Боже, как мне поступить
В столь странной смуте? Здесь я слышу,
Как кличет честь, там кровь взывает.
Но это рассечем сомненье.
Я, Дон Алонсо, вам скажу:
Коль слово дал, оно из бронзы,
Я дал, нельзя мне отрицаться,
Но также месть — закон, который
Всегда на мраморе пишу.

И потому, чтоб совершились
И месть и слово равномерно,
Пока в моих владеньях будешь,
Ты неприкосновенен здесь.
Но чуть,— заметь,— из них ты выйдешь,
Ты встретишь смерть: я обещался
Тебе защитою быть в доме
Моем и в доме защищу.
Но не давал тебе я слова
В чужом защитою быть доме.
И потому, едва ты ступишь,
Уйдя, на землю Короля,
Твой избавитель — твой противник,
И твой защитник — вмиг твой враг,
И тот, к кому ты прибегаешь,
Тебя убьет. Теперь иди.

Д о н ь я Л е о н о р

Постой, я не давала слова
Не наносить ему обиды,
И отомстить теперь хочу я.

А д м и р а л

Прошу, племянница, сдержись.
Я здесь ему сейчас защита.
Зачем ты медлишь? Ты свободен.
Иди. Чего ты ждешь?

Д о н А л о н с о

Хочу я

К стопам победным ниц припасть,
Великодушье восхваляя.

А д м и р а л

Сказать ты этого не сможешь,
Как жизнь свою моей дашь стали.

Дон Алонсо

Какой прекраснейший удел
Убитым быть такой рукою!

Донья Леонор

Без жизни я.

Адмирал

И без души я.

Дон Алонсо

Луис Перес, что можешь молвить?

Луис

Что было худо, а теперь
В беде гораздо лучше стало.
Уйдем отсюда, потому что.
Здесь власть его. А там увидим,
Кто кошку в воду понесет.

ХОРНАДА ВТОРАЯ

Поле в окрестностях Санлунара.

СЦЕНА 1-я

Мануэль и Донья Хуана, как путники.

М а н у э л ь

Беда одна не ходит к людям.

Д о н ь я Х у а н а

Всегда несчастья и беды
Одни других зовут и кличут.

М а н у э л ь

Как горько видеть мне тебя,
Хуана, странствующей в землях
Чужих. В тот час, когда я думал,
Что нам Галисия как пристань,
Для наших бурь там был залив,
Где большая взыграла буря.
И новый нас уводит случай,
Веля Сальватиерру бросить
И в Андалузию идти,
Спеша через чужие страны.

Д о н ь я Х у а н а

Когда я, Мануэль, отчизну
Покинула, оставив сердцем
Моих родных, я в путь пошла,
Готовая к несчастьям бóльшим.
Пошла не для того, чтоб жить мне

В стране вон той или вот этой,
А чтобы только жить с тобой:
И так да будет, как захочет
Мое несчастье или счастье.

М а н у э л ь

Каким поступком или словом
Тебя смогу благодарить,
Найдя для чувства выражение?
Но нежность мы пока оставим,
Не час теперь словам влюбленным.
Куда же скрылся наш слуга,
Которого в пути я нанял?
На поиски хочу пойти с ним
Чего-нибудь тебе в услужу,
Пока ты отдохнешь, уснув.

Д о н ь я Х у а н а

А вон как раз он к нам подходит.

СЦЕНА 2-я

Педро.— Донья Хуана, Мануэль.

П е д р о

Сеньор, что повелеть изволишь?

М а н у э л ь

В Санлунар ты пойдешь со мною.
А ты, любовь, иди соснуть.

Д о н ь я Х у а н а

Я буду здесь грустить о нашей
Разлуке, если и недолгой.

М а н у э л ь

Я быстро возвращусь к любимой.
(*Донья Хуана уходит.*)

СЦЕНА 3-я

Мануэль, Педро.

М а н у э л ь

По видимости, эта грусть
Есть лишь предчувствие печали
О горе том, что причиню ей.

П е д р о

Как хочешь причинить ты горе
Той женщине, которой ты
Обязан нежностью столь дивной?
Хоть я слуга настолько новый,
Что ты меня своим слугою
Едва признаешь,— в те два дня,
Что ты со мною делишь тайны,
Я в тысяче любовных знаков
Великое вниманье видел.

М а н у э л ь

Тот долг отвергнуть не могу.
Но, Педро, воля человека
С судьбой бороться неспособна.
Из Португалии бежал я,
В Галисии нашел приют,
Но в Андалузию мне нужно
Спасаться бегством. В этом небо,
Его решенья, и нельзя мне
Надолго оставаться здесь,
И в этой я стране не в силах
Удостоверить безопасность
Иначе, как приняв участие
В войне, уплывши к островам
На север, меж соленой пены¹.
Да пожелает небо видеть
На позолоченных их башнях

Свет католических знамен.
Хочу зачислиться в солдаты,
Я так опасности отброшу,
Что жизни угрожают всюду.
Ты думаешь, — бьюсь об заклад, —
Что так оставить эту даму
Бесчестным будет оскорбленьем,
Затем что ввергну я в опасность
И честь ее и красоту.
Но так не будет, потому что
Ее спокойно я оставляю
В уюте самом достоверном,
В Санлунаре, в монастыре.
В то время как в отлучке буду,
Все, чем владею, хоть немногим,
Вполне принадлежать ей будет,
А этой шпаги хватит мне.
(За сценой бьют в барабан.)

Педро

Великодушное деянье,
Твою венчающее доблесть.
Но что это за барабаны?

Мануэль

А надо думать, что вблизи
Здесь кордегардия наверно,
И это там бьют в барабаны.

Педро

Ты верно говоришь. Вон знамя.

Мануэль

Направим же туда шаги.
Коль первый мне отряд военный
В пути встречается, пусть будет

Судьбе моей благоугодно,
Чтобы в него я был включен.
Иди, найди там знаменосца
И сообщи ему, что двое
В его отряд вступить желают.
(Уходит.)

СЦЕНА 4-я

Луис Перес, солдаты.— Педро.

Педро (в сторону)

(Ко мне идет один солдат,
Я от него все разужнаю.)
Сеньор солдат, прошу покорно,
Из вежливости к чужеземцу
Мне укажите, кто у вас
Здесь знаменосец?

Солдат 1-й

Вон, что носит
Повязку красную у сердца.

Педро

Вон тот, который — бравый видом
И к нам сейчас стоит спиной?

Солдат 1-й

Он самый.

Луис

Вас прошу считать я
Меня за друга и солдата.

Солдат 2-й

Все послужить тебе готовы.
(Солдаты уходят.)

Педро (в сторону)

Вот знаменосец здесь один.
Прекрасный случай.

Луис (про себя)

О, Всевышний!
Как был бы счастлив я, когда бы
Я в сердце не имел заботы,
Что гложет сердце и мутит.

Педро

Прошу сеньора Знаменосца...

Луис (не видя и не слыша Педро)

Сестру с таким оставить нравом
В такой опасности великой!

Педро

Сеньора Знаменосца я...

Луис (про себя)

Какая выгода мне будет
В том, что моя найдет здесь доблесть?
То, что в одном найду я мечь,
Могу утратить я в другом.
Но в этой смуте утешенье —
Сознание, что оставил друга...

Педро

Прошу сеньора Знаменосца
Услышать. Стукну в эту дверь.

Луис (про себя)

Что он живет в моем там доме,
И за спиной моей как крепость.

Педро

Он верно глух на это ухо.
Зайду с другой я стороны.
И нрав же, доложить могу я!
Прошу сеньора Знаменосца...

Луис

Кто говорит со мной?

Педро

Сеньора

Просить хотел один солдат...

(Узнает его и приходит в смущение.)

Но нет, солдат совсем не хочет,
А если выразил желанье,
Он лгал, как гоготанье гуся.

Луис

Стой, подлый, стой. Ты позабыл,
Что́ я сказал тебе? Не помнишь,
Что никогда со мной не должен
Встречаться, потому что, где бы,
Когда б ни повстречался мне,
Убью тебя?

Педро

Ты молвишь правду.

Но кто тебя найти бы думал
В Санлунаре, и знаменосцем?

Луис

Клянусь, что ты заплатишь мне
За то несчастье, в котором
Ты был причиной.

Педро

Убивают!

Спасите!

СЦЕНА 5-я

Мануэль.— Луис, Педро.

М а н у э л ь

Что́ здесь приключилось?
Солдат какой-то бьет слугу,
Что я за справкою отправил.
Не знаю я, что́ за причина
Того слугу вас заставляет
Так бить... Но что я вижу здесь?

Л у и с

Что́ вижу? Боже Всемогущий!

М а н у э л ь

Я справедливо удивлен.

Л у и с

Я думаю, что это сон.
Вы, Мануэль, и в яви сущий?
(Обнимаются.)

М а н у э л ь

Луис, вы быть должны сейчас
Там в Португалии. Оттуда
Какое привело вас чудо,
Заставив повстречаться нас?

Л у и с

В Сальватьерре поселились
В моем вы доме, Мануэль.
Какая же была в том цель,
Что вы в далекий путь пустились,
Решая гибель тем мою?
Каким я замкнут странным кругом?

Так долг свершаете пред другом,
Что вам доверил честь свою?
Пусть небо служит мне порукой:
Другого не оставил там
Сокровища и вверил вам
Еще я дома пред разлукой.

М а н у э л ь

Одно в нас сердце тут, и в нем
Сейчас единое волнение,
И то же самое сомнение,
Одним пылаем мы огнем.
Из затруднения и спора
Сперва дозволейте выйти мне.
Потом у нас наедине
Возникнет тайна разговора.

Л у и с

Я в затруднении одном,
Тут затруднение другое.
Чтоб трудности не множить вдвое,
Их быстрым разрешим концом.
Слуга тот ваш?

М а н у э л ь

Мое скитанье

В Санлунар привело меня.
С ним повстречался — вот два дня.
Тут все мое повествованье.

Л у и с

Сегодня в этом для него
Святылище.

(К Педро.)

Запомни четко:

Та дружба для тебя находка,
Не каждый день найдешь того,

Кто так спасет тебя от смерти.
Теперь иди.

Педро

Уйду я, да.

Но ты, я знать хочу, куда
Уйдешь? Уж в это все поверьте:
Туда я не хочу идти.
Где избежать с тобой мне встречи?
Но бесполезны эти речи,
Уловку я сумел найти.
Одним желаньем мы томимы:
Не видеться. Легко помочь.
Меня с чужбины гонишь прочь,
Отлично, в край пойду родимый.

(Уходит.)

СЦЕНА 6-я

Луис, Мануэль.

Луис

Вот мы вдвоем. Так от меня
Хотели вы узнать, какая
Судьба, нас вдруг соединяя,
Решила с этого нам дня
Дать вместе быть. Чтоб я ответил
Вполне,— сказать довольно мне,
Что чуть в чужой я был стране,
Как в Португалии я встретил
Опасность бóльшую мою:
Чуть из кристалльности той влажной
На берег вышел я, отважный,
В земле я был, где власть свою
Как повелитель тех владений
Осуществляет Адмирал
Всей Португалии. Он дал

Приют нам верный от мучений.
Но (случай горестный!) сейчас,
Как только мы достигли цели,
Узнавши, кто был на дуэли
Убит Алонсо, сразу нас
Изгнал, и каждый вновь был странник,
Бегущий бешенства его
И пламя гнева, оттого
Что был убит его племянник.
Какие приключенья нас
В пути далеком повстречали,
Какие встретили печали,
Не в силах рассказать сейчас.
Везде сильна людская злоба.
В Санлунар прибыли, и Дух
Нам покровитель был и друг,
Мы в войско поступили оба.
Он главный капитан в войне ²,
Что с Англией Король затеял,
Заботы он от нас отвеял,
И знамя он доверил мне ³,
А Дон Алонсо над отрядом
Команду дал. Кончаю я,
И в этом повесть вся моя.
Теперь вас вопрошаю взглядом
И словом: Мануэль, вы друг,
Так расскажите же мне честно
Про все, что стало вам известно,
Я все забуду, что вокруг,
И весь прильну моей душою
К тому, что скажете сейчас.

М а н у э л ь

Так слушайте же мой рассказ.
Едва поплыли вы рекою,
Вмиг альгвасилы тут как тут.
Но, увидавши вас свободным

И в средоточии холодном,
Уж прочь скорей они бегут.
Они надежду потеряли
Схватить вас. Я вошел в ваш дом,
И был любезно принят в нем,
И мог бы жить там без печали,
За что я вас благодарю.
Но как уйти нам от решений
Судьбы и всех ее гонений?
И как о том заговорю?
Как продолжать мое сказанье,
Когда хотел бы умолчать,
И вместе с тем сломить печать
Той тайны и того молчанья?
Вы, верно, помните, Луис,
Как вы, прощаясь, восклицали
Слова, которые из дали
Ко мне печально донеслись:
«В моем вам доме пребыванье,
Мою храните зорко честь».
В том изъяснении и есть,
Что к чести полон был вниманья
Я зоркого, и оттого
Ваш друг сегодня убегает.

Луис

Ваш сказ как смерть в глазах мелькает,
Прервите, Мануэль, его.
Здесь в каждом слове мне ехидна
И в каждом звуке василиск⁴.
Из слов могильный обелиск
Вы созидаете мне, видно.
Яд должен выпить я скорей,
В словах отравы эта мглиста.

Мануэль

Хуан там некий Баутиста,

Среди крестьян он богатей,
Влюбившись и вполне плененный
Красивой вашею сестрой,
Открыто ей служил и, той
Своей любовью ободренный,
Настолько дерзость он простер,
Что ночью в дом он к нам взобрался.

Луис

О, небо!

Мануэль

Страж там оставался,
И ночью зорек был мой взор.
Иду из моего покоя,
В другую комнату вхожу,
И там кого-то нахожу.
В плаще закутан. Чтó такое?
Так говорю, тесня того
Вошедшего: «Здесь дом известный,
Его хозяин друг мой честный,
И страж здесь чести я его.
Я эту дерзость покараю,
И эту низость накажу».
К нему со шпагой, но гляжу,
В окно он прыг, я настигаю
И тотчас прыг за ним в окно.
На улице стояли двое,
Помощники во всем, и в бое.
Хоть трое их, мне все равно,
Я нападаю, дело чисто,
Один был ранен, а другой,
Убит, свалился предо мной,
Но убежал тот Баутиста.
Чтó делать? Я в краю чужом,
Как быть мне там, не разумею,
Жену я на руках имею,
И в затруднении таком

Что́ сделать мог? От наказанья
Скорей бежать. Коль в этом я
Ошибся, в том вина моя,
Но нахожу я оправданье:
В намереньи я честен был.
Когда бы вас заставил случай
Среди таких быть злополучий,
Ваш разум то же б вам внушил.

Луис

Да, правда, если очутился
Так точно с человеком я,
Несла бы смерть рука моя,
И всех бы я убить стремился.
Здесь ощущаем мы равно,
И наше положенье схоже,
Затем что я бы сделал то же,
Раз в том же быть мне суждено.
И верно сказано о друге,
Что зеркало для друга он.
Но я обратно отражен
В его поступке и услуге.
Ведь если в зеркало гляжу,
То, что держу рукою правой,
Являет в левой вид лукавый,
Тут рок наш тяжкий нахожу:
В вас честь моя, в вас оскорбленье,
В зеркальности не встретишь лести,
В зеркальном отраженьи честь
Есть лик обратный поношенья.
В Сальватиерру я вернусь,
Я не увижу битвы злобной:
Коль честь в опасности подобной,
И вовсе чести я лишусь.

СЦЕНА 7-я

Дон Алонсо.— Луис, Мануэль.

Дон Алонсо

Луис Перес, в чем размышленья?

Луис

Вас умоляю об одном:
Коли в поступке вы моем
Нашли когда благодаренья
Предлог, тогда через меня
Добры вы будьте с Мануэлем,
Меня судьба к иным уж целям
Зовет, отсюда прочь гоня.
В Сальватиерру возвращаюсь,
Несчастье там произошло.

Дон Алонсо

Заметьте...

Луис

Претерпевши зло,
На все в обиде я решаюсь.

Дон Алонсо

Вам представлять хотел, как друг,
Я доводы разубежденья,
Но, услыхав про оскорбленье,
Намеренье меняю вдруг.
Напротив, вам, как другу—брату,
Твержу с своей я стороны:
Луис Перес, вы мстить должны,
И рад я вашему возврату.
Прошу заметить лишь одно.

Луис

А именно?

Дон Алонсо

Я уповаю,

Что вместе с вами отбываю,
И рядом с вами суждено
Мне будет встретить затрудненья,
Опасностей изведать круг,
Затем что я ваш верный друг
И в вас нашел мое спасенье.

Мануэль

Когда Луис Перес решил
Домой немедля возвратиться,
Есть друг, что с ним не разлучится,
Ему служба по мере сил.
Принес я весть про то несчастье,
Я связан дружбой с ним,— итак,
В том указующий мне знак,
Что здесь я выкажу участие.

Дон Алонсо

Причиною того был я,
Что все так спуталось нестройно:
Луис Перес ведь жил спокойно,
Когда пришла беда моя,
И я искал его подмоги.
Так если я причиной был,
Хочу служить по мере сил,
С ним по одной идти дороге.
Не безызвестно никому:
То сердце с грубостью знакомо,
Кто, взяв кого-нибудь из дома,
Даст возвратиться одному.

Мануэль

Пойдете вы иль нет, решу я,
Что, если кто учтив вполне,
Нет в этом оправданья мне,
Коль буду трус и не пойду я.

Луис

Двух благородств я вижу спор,
То состязание пригоже.
Но я один пойду, о, Боже,
Да будет в этом договор.
Бежали оба вы из смуты,
И не играть вам головой
Велит ваш случай роковой,
И злой судьбы не множить пути.
В чем будет дружбы знак моей,
Коль, цель свою осуществляя,
Пойду, в опасности ввергая
Таких достойных двух друзей?
К кому потом направлю слово?

Дон Алонсо

Пусть так. Но, взявши одного
И даже потеряв его,
Вы сохраняете другого.

Мануэль

Коль кто-нибудь один пойдет,
Я должен это быть.

Дон Алонсо

Пожалуй,
Знак справедливости тут малой.
Луис Перес пусть изберет.

Мануэль

Прекрасно. Я даю согласие
На это. Так решай же вдруг,
Как верный и разумный друг,
Разделит кто твое злочастье.

Луис

Обидеть должен одного...
Но, если рассужу я строго,
Теряет Дон Алонсо много,
И, значит, не возьму его.
Ты, Мануэль, пойдешь со мною.

Дон Алонсо

От вас ли это слышу я?
Где под вопросом жизнь моя,
Ваш довод — с выгодой людскою?
Какой напрасный разговор!
Но, коль от вас мне оскорбленье,
Вам присуждаю я в отмщенье:
Возьмите этот мой убор,
Мои сокровища с собою.
Вот эту малость. Так прощу.
Быть может вас я отыщу,
Коль час наступит с смертью злою.

Луис

Прощайте. Обниму я вас.
Сестра с предателем отмщенье
Изведают за оскорбленье,
И честь восстановлю зараз.
Беру я то, что драгоценно,
От друга, чтоб вернуть потом.

Дон Алонсо

Так говорить — обида в том.

Луис

Так поступлю я, несомненно.

(Уходят.)

Зала в благородном доме Луиса Переса.

СЦЕНА 8-я

Исабель, Касильда.

К а с и л ь д а

Послушай, что случилось. Донья,
Да, Леонор де Альварадо
В Сальватиерре.

И с а б е л ь

Цель какая?

К а с и л ь д а

Кровь брата, думаю, ее,
Магнит текущий, побудила
Искать за смерть его отмщенья.
С Хуаном Баутиста нынче
Она имела разговор.

И с а б е л ь

Что из того ты заключаешь?

К а с и л ь д а

Так слушай дальше: удивившись
На это, я спросить решила
Знакомого, он Леонор
Слуга, какая в том причина,
Что Баутиста был допущен
К ней в дом. И вот что рассказал он:
В том, что здесь Следственный Судья,
Сюда прибывший из столицы,
Чтобы расследовать убийства
И преступленья Дон Алонсо,
А также брата твоего,
В том, что занес он в показанья,
Ни слова не было иного,

Как в обвиненье им обоим:
И, благодарная ему,
Такую честь она явила.
Лишь тем свидетелям удача
Всегда бывает в этом мире,
Кто подтвердит слова истца.

И с а б е л ь

Касильда, смерть мне в этом слове,
Меня рассказом ты убила.
Как допустить такую низость
Подобных слов, подобных дел?
Чтобы Хуану Баутиста
Пришло желание — обиду
Отмстить, другим неся обиду?
Сам оскорбленье нанеся,
Других он в этом обвиняет?
Кто видел что-нибудь такое?
Чтоб оскорбленный был в отлучке,
А оскорбитель явно мстил?

К а с и л ь д а

Узнай еще.

И с а б е л ь

Скажи скорее.

К а с и л ь д а

Он жалобу принес на друга,
Что господин мой здесь оставил:
Ведь он его слугу убил,
Так пожелал он рассказать все
Судье.

И с а б е л ь

Так честь моя прекрасно
Прославлена, коль, обвиняя
Его, он обвинил меня.

СЦЕНА 9-я

Педро — Исабель, Касильда.

Педро (*в сторону*)

(Далеким путь мне показался.
Кто убегает, слышит в страхе,
Что на ногах его колодки.
Приютом выбирал ли кто,
Святылицем, когда преступник
Дом избирал, где преступленье
Он совершил?) Моя сеньора!
Дай в знак мне счастья моего
Не ножку карлика средь ножек,
Малютку, что живет в чулочке
И смотрит еле-еле в шелку,
Глядя на мир из башмачка.
И, жизнь мою щадя, скажи мне,
Не проходил ли здесь сеньор мой?

Исабель

Ты вовремя приходишь, Педро,
Добро пожаловать сюда.
Опасности тебе не вижу:
С тех пор, как ты ушел отсюда,
Такие были здесь события,
Что брат в отсутствии сейчас.

Педро

Я это знаю и, однако,
На это я не полагаюсь:
Коли сейчас его здесь нету,
Он верно близко где-нибудь.

Исабель

Как так?

Педро

Когда я воротился,
И он, конечно, не замедлит:
Всегда идти за мною следом
Своей он должностью избрал.
Он привидение такое,
Видение плаща и шпаги,
Как пугало мое, повсюду
За мной идет он по пятам.

СЦЕНА 10-я

Хуан Баутиста. — Исабель, Касильда, Педро.

Хуан (в сторону)

(Коли его присудят к смерти,
Как заслужило преступленье,
Он не придет в Сальватиерру,
Хочу уверенным в том быть.
Моих довольно показаний,
Чтоб осужден он был наверно,
Мое намеренье в том было.
Но предо мною Исабель.)
Блажен, кто мог коснуться сферы,
Где золотые светят светы,
Где яркие лучи роняют
Вот те хрустальные шары,
Где человеческой планеты
Горит сиянье ярче солнца,
Будя в верховном солнце зависть.
Перед такую красотой.

Исабель

Довольно, Баутиста, будет.
Уж не планета я, не солнце,
И не в сиянье я одета,
А только в молнии одни.

Из сердца самого исходят
Молниеносные горенья,
И светы сердца — только гнев,
И ветер эти искры мчит.
Напрасно, глупый, тщетно, грубый,
Ты в сумасшедшем ослепленьи
Направил, как сказал ты, к солнцу
Свой опрометчивый полет.
Ты здесь найдешь свою гробницу,
Где был хрусталь, там он разбился,
Где был огонь, там только пепел,
Тюрьма забвенья эта грудь.
Кто выдумал из оскорблений
Презренно сделать лесть и ласку?
И разве низкое отмщенье
Заслуга, чтоб снискать любовь?
Коли мой брат тебя обидел,—
Лицом к лицу и сделав вызов,
Ища отмстить обиду шпагой,
Достойный был бы это путь
И нежных чувств моих достойный.
Но лишь не языком отмщенье.
Однако не дивлюсь, что трусы,
Не смея встать лицом к лицу,
Отмщенья ищут за спиною.
Вот в чем причина перемены.
И кто благодарит за низость?
Полюбит кто ползучий нрав?
(Уходит.)

Хуан

Послушай, Исабель!

Касильда

Напрасно.

Ее упреки справедливы.

(Уходит.)

СЦЕНА 11-я

Хуан Баугиста, Педро.

Хуан

Несчастье я встретил в этом.
Где думал выиграть вполне
Пред Исабель, там проиграл я.
Уж скольких, небеса, уж скольких
Убили только ухищренья.

Педро

Коли в досаде не совсем
Ты потерял свой дух и разум,
Хоть обними того, кто, предан,
Из-за тебя пошел в изгнание
И много страхов претерпел.

Хуан

Ты, Педро! Рад тебя я видеть.

Педро

К твоим услугам.

Хуан

Если вправду

К моим услугам ты приходишь,
Как в этом был бы счастлив я.

Педро

Скажу, и ты увидишь тотчас.

Хуан

При Исабель сейчас живешь ты?

Педро

Сегодня только воротился
И думаю, что буду с ней.
Привычно быть в ее мне доме.

Хуан

Коль ночью дверь ты мне отворишь,
Чтоб мог я дать ей объясненье
Того, что, вижу, обо мне
Наговорили ей другие,
Тебе я новое дам платье.

Педро

Что́ в этом потерять могу я?
Тебе открою ночью дверь.
Но это пусть вот так случится:
Ты постучишь,— я, догадавшись,
Пойду, и спрашивать не буду,
Кто там, и отворю тебе.
А ты войди уж осторожно,
Как будто нет моей вины тут.

Хуан

Прекрасно. Солнце на закате.
Так, значит, скоро и вернусь.

(Уходит.)

СЦЕНА 12-я

Педро

Педро

Скажу я, сводники неложно
Игорный дом любви содержат,
О доме речь теперь игорном
Игру заводят игроки,
И сводники заводят то же.
Влюбленные в тот дом приходят,
Играют в карты бесконечно.
Игрок, что топает, шумит,

Ревнивец, потому что ревность
Всегда себя являет криком.
Кто, проиграв, хранит молчанье,
Игрок тот есть игрок министр,
В игру вступил и платит деньги,
С досадою, но без досады.
Кто под заклад играет, это
Игрок—любовник новичок,
Что для любимой покупает
То платье новое, то жемчуг.
Игрок, что за игрой плутует,
Любовник опытный в игре,
Коли потери, так потери,
Но без конца терять есть глупость.
Играющий под честным словом —
Вот обещающий в любви,
Чтоб в срок исполнить обещанье.
Любовник, что в любви играет
Заученную роль, есть шулер,
С колодой крапленых он карт.
Глазельщики, что только смотрят,
И нет для игроков в них пользы,
Соседи, что болтать готовы
В игорном доме нежных чувств.
А карты в той игре суть дамы,
И их мешать весьма нетрудно.
Когда черед за картой новой,
Тут получаешь на чаек.
И наконец, коль есть конец тут,
Как ни построишь рассужденье,
Игорный дом всегда играет,
Исправиться не может он,
Хотя б прислало правосудье
Ему о том оповещенье,
Игра, как тяжба, тоже стоит,
Игрок играет без конца.
Так я, забывши про опасность,

И проиграв, играть готовлюсь,
Чтоб отыгратся хорошенько.
Но вот приходит Исабель.

СЦЕНА 13-я

Исабель, Касильда, Инес. — Педро.

И с а б е л ь

Касильда, солнце спать готово
В Испанском море голубом,
Постель как зеркало, и в нем
Оно, закатное, багрово.
Поди, запри входную дверь,
И ты с Инес мне песню спойте,
Во мне печали успокойте
Печальной песнею теперь.

(В дверь стучат.)

Инес, ты слышала, стучали?
Кто там приходит в этот час?

П е д р о *(в сторону)*

*(А не влюбленный ли как раз,
Чтоб разогнать твои печали.)*
Я отворю пойду.

И с а б е л ь

Ступай.

Но осторожен будь с гостями,
Спроси, кто ждет там за дверями,
И, лишь узнавши, открывай.

П е д р о

Конечно.

(В сторону.)

(Правду утверждаю:

Кто ждет за дверью, знаю я.)

(Уходит.)

Исабель

Откуда та боязнь моя?
Всем телом дрожь я ощущаю.
Какое в этот миг во мне
Предвосхищение злополучий?
Какой грозит неверный случай?
Я вся во льду и вся в огне.

(Возвращается Педро, испуганный.)

Педро

Сеньора!

Исабель

Что там?

Педро

Только двери

Я отпер, кто-то входит в дом,
До глаз закутанный плащом.

(В сторону.)

(Я оправдался в полной мере.)

(Служанки входят.)

СЦЕНА 14-я

Луис Перес.— Исабель, Педро.

Исабель

Кто так сюда приходит?

Луис

Я.

Педро *(в сторону.)*

Что вижу!

Луис

Захотел свиданья

С тобой.

Исабель

Какое испытанье!
О, боже!

Луис

В чем боязнь твоя?
Чего вы так смутились оба?

Педро *(в сторону)*

Меня да не коснется злоба.
Бежать из этого жилья!

(Отходит.)

Исабель

Как ты решился в смуте новой
Сюда заносчиво прийти?
Уж в исполненье привести
Готов свой приговор суровый
Придворный Следственный Судья.
Беда злосчастная моя!
Ты в положеньи безнадежном,
Тебя считает он мятежным,
Вещает чрез него закон...

Луис

Скажи.

Исабель

Ты к смерти присужден.

Луис

Не в том мне бóльшее мученье.
Затем что без дальнейших слов
Спокойно встретить смерть готов
Тот, кто таит в себе решенье
Твои загладить оскорбленья.

Исабель

Не понимаю я тебя.

Луис

Пришел свершить я искупленье,
Не для того, чтоб час губя,
В рассказе выразить себя
Коль в том причина возвращенья,
Свершу я должное, поверь.
Но в чем Судьи постановленье,
Еще не знаю я теперь
Во всем законченного смысла.
Какая тут беда нависла?
Скажи мне, в чем я обвинен?

Исабель

Не знаю, говорят различно.
Я только знаю, что публично
Через глашатая зовут
Тебя, чтобы предстал ты тут.
На всем, что в доме, запрещенье.
На содержание мое
Дают лишь малость, и ее
Как получать без униженья?
О следствии не знаю я.

Луис

Не говори, сестра моя,
Так боязливо предо мною.
Коль я пришел теперь сюда,
Невелика еще беда,
Хочу тебя я взять с собою,
Не можешь ты одна с нуждою
Быть без меня спокойной здесь.

Исабель

Да, правда. Может без усилья
Раскрыть тут дерзкий коршун крылья,
Богач лукавств исполнен весь,
Но мне его противна спесь.

Луис

Твои слова залог покою.
Но есть еще забота мне.

Исабель

И в чем?

Луис

Не знаю я вполне,
Какой же был здесь надо мною
Судьей составлен приговор.
Не отлучусь я до тех пор,
Как тайну ту сполна раскрою.

Исабель

Но как сумеешь ты узнать?

Луис

Чтобы узнать, в чем осуждение,
Достичь мне нужно рассмотренья
Того, что мог он написать.

(К Педро.)

И раз я должен быть в изгнание,
И отправляться в дальний путь,
Пусть будет так — за что-нибудь.
С тебя начнется наказание.

Педро

Окончится пусть лучше мной.
Начни другим.

Луис

Ты здесь!

Педро

Внимание!

Узнав, что путь перед тобой,
Немедля принял я решение...

Луис

Ну, продолжай.

Педро

В одно мгновенье
Сюда явиться до зари.

Луис

Зачем?

Педро

Вперед тебя шагая,
И лик мой от тебя скрывая.

Луис

Предатель! Негодяй! Умри!
(Ударяет его.)

Педро

О, Боже, час пришел кончине!
(Падает как мертвый.)

Луис

Иди со мной, и в свой черед
Освобожу от всех невзгод
И бед, тебе грозящих ныне.
От злых тебя спасу я чар,
Коль буду рядом я с тобою,
Когда огонь захватит Трою,
А будет, Небо, здесь пожар.
Узнают все, и мал, и стар,
Какой достиг здесь в мире славы
В Галисии Луис Перес!
(Уходит.)

Педро

(Встает и смотрит им вослед.)
Она ушла, и он исчез.

Смерть, мило ты была лукавой.
Благословляю я тебя:
Меня совсем не погубя,
Ты выдумкой была мне правой.
Тот счастье себе найдет,
Кто ждет себе от смерти чуда.
Они ушли, и я отсюда
Молниеносно в свой черед
Бежать, а там уж Бог спасет.
(Уходит.)

Зала в доме Судьи в Сальватиерре.

СЦЕНА 15-я

Следственный Судья и Слуга; потом другой.

Судья

Свежее будет в этой зале,
Стол письменный сюда поставьте,
И приготовьте мне бумаги,
Я все их должен рассмотреть.
Сличить мне нужно и проверить
Свидетельские показанья,
И рассудить, что́ в этом деле
Постановить придется мне.
(Слуга ставит стол со свечами и бумагами.)

Слуга 1-й

Все сделано по указанью
Сеньора.
(Входит другой слуга.)

Слуга 2-й

Чужеземец хочет
Беседовать с тобой. Сказал он,

Что важно, чтоб его сейчас
Ты выслушал в связи с тем делом,
Из-за которого ты прибыл.

Судья

Он хочет дать мне показанье.
Скажи ему, чтоб он вошел.

(Слуга 2-й уходит.)

СЦЕНА 16-я

*Луис Перес, Мануэль и Слуга 2-й.—
Судья, Слуга 1-й.*

Луис

(говоря отдельно с Мануэлем у двери)

Останься, Мануэль, у двери
И последи, чтобы, куда
Я говорю, мог говорить я,
Пусть не войдет сюда никто.

Мануэль

Войти сюда? Иди спокойно,
Не бойся, чтобы я позволил
Кому-нибудь войти: войду лишь,
Быть может, я сюда, заметь.

(Уходит.)

Луис

Почтительно целую руки
Судье, прошу его садиться,
И без свидетелей остаться,
Мне нужно говорить о том,
О чем сейчас ведет он дело.

Судья

Ступайте.

(Слуги уходят.)

СЦЕНА 17-я

Судья, Луис.

Луис

Может быть, беседа
Продлится, у Судьи прошу я
Позволить мне, чтоб сел на стул.

Судья

Покорно вас прошу, садитесь.

(В сторону.)

(Тут что-то важное предвижу.)

Луис

В Галисии как, ваша милость,
Здоровы ли?

Судья

Вполне здоров,
Готов служить, коль это нужно.

Луис

Мне кажется, что ваша милость,
Чтобы преступников известных
Судить, изволили прибыть.

Судья

Да, Дон Алонсо де Тордойя,
И некого Луис Переса.
Убил Тордойя — Дон Диего
Де Альварадо, но в бою,
Лицом к лицу и в честной брани.

Луис

Достаточна ли в том причина,
Чтоб из столицы человека
Ученого — в такую глушь

Послать, удобств его лишая,
Достоинству его приличных,
Чтоб случай рассмотреть, подобных
Которому везде не счесть?

Судья

Суть следствия совсем не эта.
Гораздо здесь важнее дело
Сопротивленья против власти,
И ранен был Коррехидор
Одним буяном, очень наглым,
Луис Перес зовется подлый
Преступник, что живет здесь только,
Чтобы убийства совершать.
Но почему так говорю я,
Свое рассказывая дело,
Не зная вас? Кто вы, скажите?
Чего хотите вы сейчас?
Я должен знать, с кем говорю я.

Луис

Коль в этом дело, вам скажу я,
Кто я, и это очень просто.

Судья

Так кто же вы?

Луис

Луис Перес.

Судья

Эй, слуги!

СЦЕНА 18-я

Мануэль.— Судья, Луис.

Мануэль

Что велеть изволишь,
Сеньор? Что тебе угодно?

Судья

Вы кто?

Луис

Он мой один товарищ

Мануэль

И столь покорный ваш слуга,
Что уж никто войти не смеет
Сюда, пока я здесь служу вам.

Луис

Вы не смущайтесь, ваша милость,
Прошу вас, господин Судья.
С удобством сядьте: разговор наш
Пространный.

(Мануэль уходит.)

Судья *(в сторону)*

(Тут благоразумно

Не рисковать моею жизнью,
Раз я с подобными людьми.
У них пособники есть, верно.)
Чего же вправду вы хотите?

Луис

Сеньор, я вас прошу заметить,
На несколько отсюда дней
Я отлучался,— лишь вернулся
И, кое с кем ведя беседу,
Узнал, что ваша милость дело
Ведет, и обвиняюсь я.
Я одного спросил, в чем дело,
И он одно мне отвечает,
Другой другое: в нетерпении,
Что правда неизвестна мне,
Я счел вполне благоприличным

Прийти спросить того, кто знает
Всех лучше. Вас я умоляю,
Коль можно умолить, сеньор,
Сказать мне, в чем я обвиняюсь,
Дабы без знания не гадал я,
В чем будет это обвиненье,
В чем оправдание мое.

Судья

Уместно это любопытство!

Луис

Быть может очень я развязен.
Но, если вы не то хотите
Сказать... Да вот и дело все,
Как видится: оно мне скажет,
Судью благодарить не нужно.

(Берет дело.)

Судья

Что делаете?

Луис

Я листаю

Бумаги дела моего.

Судья

Заметьте...

Луис

Ваша милость, сядьте.
Я не хотел бы повторять вам
Одно и то же слишком часто.
Начало дела есть... Его
Читать не стоит, мне известно,
Что приблизительно стоит там.
Так к следствию мы переходим.
Свидетель первый говорит.

(Читает.)

Андрес Хименес, давши клятву,
Под словом клятвы утверждает,
Что он рубил дрова в то время,
Когда увидел, что пришли
Два бравых ликом кабальеро
И биться начали друг с другом,
Но очень скоро он увидел,
Что Дон Диего наземь пал.
А Дон Алонсо, увидавши,
Что поспешают люди власти,
От правосудья убегая,
Задумал скрыться на коне,
Но конь убит был из мушкета,
И быстро в бегство обратившись,
Он прибыл, убегая, к дому
Луис Переса (Тут уж я!),
Луис Перес, весьма учтиво
Прося, молил Коррехидора,
Чтоб кабальеро так жестоко
Он не преследовал, но тот
Не захотел исполнить просьбу.
Тогда он, ставши на дороге,
Коррехидору дерзновенно
Сопротивленье оказал.
Сказать не может,— потому что
Он не видал,— когда и где он
Нанес Коррехидору рану.
Под клятвой это говорит,
Которую принес. И правда.
Затем, что тот Андрес Хименес
Достойный человек и честный.
Второй свидетель говорит.
(Читает.)

Так утверждает Хиль Паррадо:
Услышав шум борьбы и крики,
Он вышел из Сальватиерры
И видел, как Луис Перес

Со всеми бился,— видел также,
Как бросился потом он в реку,
И больше ничего не знает.
Как краток и существен он!
Затем Хуан здесь Баутиста,
Свидетель третий. Что ж, посмотрим,
Что пред судьей возвещает
Старинный тот христианин.

(Читает.)

Он говорит, что находился
Среди деревьев, в час, как вышли
Два кабальеро, стали биться,
И бились наравне они,
Пока не вышел из засады
Луис Перес, встал с Дон Алонсо,
И оба низких Дон Диего
Предательски убили так.

Сеньор Судья, вам знать угодно
Получше, что за человек тот?
Так знайте. Он настолько подлый,
Что он открыто признает:

Предательство он четко видел
И оставался сам спокойным,
Не вмешиваясь в эту низость.
Клянусь же Господом, он лжет.

(Читает.)

Сел на коня тут Дон Алонсо,
Луис Перес, оставшись пешим,
Сопrotивляясь правосудью,
Свершил убийство. Это жид.
Прошу вас дать мне разрешенье
Взять этот лист.

(Вырывает его.)

Я самолично

Верну, когда он будет нужен,
Затем что этого я пса
Заставлю правду исповедать,

Хотя не очень это странно,
Что в правде исповеди слаб он,
Его наука недолга.
И если судьи изучают
При составленьи приговора
Свидетельские показанья,
Свидетель должен быть не лжец.
И тех должны услышать судьи,
Кто показывает в оправданье.
Так, ваша милость, рассудите,
В чем преступление мое:
Я лишь стоял у двери дома,
Где я живу, и был спокоен,
А если вдруг пришло несчастье,
Чтобы меня там отыскать,
Как от него могу бежать я?
Так, кто разумен, тот увидит,
Что, если подошло несчастье,
Есть оправдание в беде.

СЦЕНА 19-я

Толпа, и тотчас Мануэль.— Судья, Луис.

Один (за сценой)

Все собрались сюда толпою.
Тот, кто находится там в доме,
Луис Перес. Туда войдите,
И взять его.

Мануэль (за сценой)

Но здесь гора,
И он тут под ее защитой.

Луис

Пустите, Мануэль, пусть входят.
(Открывает дверь.)

Уже совсем не важно это,
Что́ знать хотел я, то узнал,
И вы увидите немедля,
Что, кто войдет сюда чрез двери,
Через окно пойдет наружу.

Т о л п а (за сценой)

Схватить его! Схватить его!
(Входят альгвасилы и вооруженная толпа.)

С у дья

Остановитесь. Обещаю,
Луис Перес, как благочестный,
Что если вы сейчас сдадитесь,
Я буду другом вам всегда.

Л у и с

Друзей ученых не люблю я.
Не видят обязательств судьи
И в данном ими обещаньи,
Они лишь видят свой закон.

С у дья

Заметьте, если не сдадитесь,
Я покарать могу, предавши
Вас смерти пред лицом народа.

Л у и с

Вот это так: пусть смерть придет,
Коль можете ее призвать вы.

С у дья

Что ж кажется вам? Не могу я?

Л у и с

Нет, потому что полагаюсь
На руки смелые мои.

Судья (к своим)

На них! А будут защищаться
Убить их!

Мануэль

Так. На них бесстрашно,
Луис Перес!

Луис

На них скорее,
Бесстрашный Мануэль Мендес!
Я свечи погашу немедленно.

(Делает так.)

Посмеют ли впотьмах сражаться,
Посмотрим.

Один

Ужас и смущенье!

Судья

Какая спутанность и жуть!

Луис

Презренные, каналы, трусы,
Придется нынче вам навеки
Запомнить славу Галисийца,
Чье имя есть Луис Перес!

*(Они двое становятся по одну сторону
представителей правосудия, альгвасилы
и толпа — по другую и начинают
биться шпагами.)*

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ

Гора.

СЦЕНА 1-я

Луис Перес, Исабель, Донья Хуана и Мануэль.

Луис

Высокая гора, что служит здесь колонной
Для отдыха луны, и этот лес взнесенный
Послужат нам теперь оплотом крепостным,
Доверимся в тревоге им.
Был у врагов хороший случай,
И час нам ворожил немало злополучий,
Но против двух таких людей
Бессилен был их строй с той трусостью своей.
Теперь убить меня им трудно,
И им надеяться на это безрассудно,
Пускай они лелеют месть,
Мне в том защиты много есть,
Что им неведомо, какой пошел дорогой:
Пока я здесь, в пустыне строгой,
В отъединении глухом,
Пусть ищут нас они в убежище другом.
Кто думать будет в состояньи,
Что обеспечил я свое существованье,
Что, убегая, я исчез
В безвыходной горе, где всюду только лес?
С той стороны земля родная,
А тут течет река. Природа, воздвигая
Свои созданья, глыбы стен,
Тех, кто сюда вошел, в свой замыкает плен.

Здесь ров серебряный и склоны,
В зеркальность смотрится весь этот мир
зеленый,

И в средоточии таком
Теперь и крепость нам и дом.
В глуши, непроницаемой для взгляда,
Надежная дана ограда —
Для красоты, исполненной лучей,
Твоей супруги и сестры моей.
Здесь время потечет, наряд свой изменяя,
Снег будет январю, расцвет цветов для мая.
А по ночам в деревне той,
Что родинкой темнеет над скалой,
Ночлег нам будет, там легко скрываться.
Вдвоем к дорогам будем мы спускаться.
Когда засветит день,
Чтоб у крестьян окрестных деревень
Снискать свое нам пропитанье,
Но без насилия, а брать лишь как даянье.
А час тем временем пройдет,
Поищут нас, забудут в свой черед,
Тогда из этих мест мы сможем отлучиться,
Чтоб от опасностей в другом нам месте
скрыться.

А в новой области наш неизвестен вид,
Там нас судьба быть может защитит,
Коль может оказать влиянье
Судьба на наше состоянье.

М а н у э л ь

Великодушный друг, Луис Перес,
В том нет особенных чудес,
Чтобы убивший дерзновенно
В дому убитого сокрылся. Несомненно,
Что хитрость не могла бы предположить того,
И правосудие не ищет там его.
И так выходит, что убитым

Он к жизни сохранен, и спрятан в месте
скрытом.

Так скрыла горная нас эта вышина,
И пусть гора врагам видна,
Хотя бы получили извещение,
Не будут здесь искать, напрасно было б рвенье,
А если б и пришли, так и тогда
Невелика еще была бы нам беда,
Вдвоем мы явимся оплотом,
Наш тыл доверя тем высотам
И этим ласковым волнам,
Что будут словно крепость нам.
Они здесь в споре тешатся игрою:
Река является горой, гора рекою,
И кажут лик нам двух миров
То глыба хрусталя, то море из цветов.

Исабель

Двоих вас слушаю, и, видит Бог, обидно
Мне чувствовать, что вы бесстыдно
Нас презираете, решая так, что здесь
Лишь двое вас, в том смысл защиты весь.
Заметь, мой брат, я тут с тобою,
И сильною моей рукою
И в подражание тебе
Над смертью посмеюсь, бесстрашная в борьбе.

Донья Хуана

Я лик являю здесь трусливый:
Так поздно прихожу, но и во мне порывы,
Готова я, супруг, заметь,
И убивать и умереть.

Луис

Обеим вам благодаренье
За эту бодрость дерзновенья,
Но заблуждением так было б поступить,

Вы женщины, вам женщинами быть.
Мы двое,— сердце с сердцем слито,—
Вполне надежная защита,
Врага сумеем здесь отбить.
Идем же, Мануэль, теперь мы на дорогу
И там найдем, коль так угодно Богу,
Мы пропитание, а вы недолгий час
Побудьте здесь и подождите нас.

И с а б е л ь

Молиться будем мы, чтоб так вернулись скоро,
Что будет неприметностью для взора
Мгновение, что были мы без вас.
(Уходят.)

Дорога у подножья горы.

СЦЕНА 2-я

Луис, Мануэль.

Л у и с

Теперь, когда вполне надежны
Меж этих скал, покрытых лесом,
Моя сестра с супругой вашей,
Не без причины, Мануэль,
Хотел я с вами удалиться:
Мне нужно в очень важном деле
Узнать подробно ваше мнение.
Когда сегодня ночью мне
Пришлось прочесть в судейском доме,
Что подлый, лживый есть свидетель,
Который говорит, что видел,
Как Дон Алонсо я помог,
Когда он бился с Дон Диего
Де Альварадо, и убили

Его вдвоем мы вероломно,
Заметьте,— как могу терпеть
Я посягательство такое
Со стороны того, кто хочет
Словами извратить деянье
Того несчастного, чей рок
Судил в одном быть виноватым,
Что он был честным человеком.

М а н у э л ь

А как зовется тот свидетель?

Л у и с

Когда узнаете, кто он,
Поймете, как сильна обида:
Свидетель этот — Баутиста.

М а н у э л ь

Он подлый трус, не удивляйтесь
Вы на него, Луис Перес.
Трусливый, чести не имея,
Не суд достойных рук желает
Избрать для разрешенья тяжбы,
А прибегает к клевете
И к бегству. Вот что мы предпримем.
Средь бела дня, прогнавши страхи,
И смерти не боясь нисколько,
Пойдем и пред самим Судьей
Его из собственного дома
Возьмем и приведем на площадь,
Где вынужден сказать он будет,
Что лжесвидетелем он был.
С той ночи, как его в живых я
Оставил и бежать дозволил,
Не нахожу себе я места.

Луис

Так вправду быть должно, мой друг.
Но все устроить нужно лучше.
Два способа бывают в ссорах,
Заметьте, что теперь скажу вам.
Та ссора, что меня зовет,
Всегда меня найдет готовым,
Будь злой исход у ней иль добрый.
Но если сам ищу я ссоры,
Пусть добрый выход я найду:
Кто хочет плавать или биться,
И сохранит свою одежду,
В том настоящий будет праздник.
Но кто-то, слышу я, идет.
Ступайте же со мной, чтоб видеть,
Как жить отныне я намерен, —
То буду брать я, что дадут мне,
Но не обидев никого,
Затем что я разбойник добрый.

СЦЕНА 3-я

Леонардо. — Луис, Мануэль.

Леонардо (за сценой)

Ну, Мендо, лошадей из леса
Веди на поводу тихонько.
Здесь хорошо, пройдусь пешком.
(Выходит.)

Луис

К рукам сеньора припадаю.

Леонардо

Час добрый вам в пути, гидальго.

Луис

Куда дорогу, ваша милость,
Вы держите в подобный зной?

Леонардо

Я в Лиссабон.

Луис

А путь откуда?

Леонардо

С зарею из Сальватиерры
Я отбыл.

Луис

Рад я это слышать.
Что нового, скажите, там?
Весьма в том буду вам обязан.

Леонардо

Вестей особенных не слышно.
Лишь говорили о безумствах
Кого-то, кто буянит там,
Своею жизнью мир смущая.
Когда-то он, за что не знаю,
Нанес Коррехидору рану
И одного из слуг убил,
А этой ночью в дом пришел он
К Судье, что следствием был занят,
Из любопытства захотел он
То дело прочитать свое...

Луис

Весьма он, вижу, любопытен.

Леонардо

Когда же взять его хотели,
От всех он скрылся, с ним приятель,

Который, как и он, злодей,
Убил, как он же, человека.
Вся власть его тревожно ищет
С его пособником, и, мыслю,
Им бегством не спастись никак.
Вот все, что нового я слышал.

Луис

Теперь, сеньор, хотел бы знать я,
(Я по тому сужу, что слышал
От вас,— вы умный человек):
Что сделали бы вы, когда бы
В стесненьи друга увидали,
И к вашим бы ногам припал он,
Прося вас жизнь его спасти?

Леонардо

С ним ставши рядом так, я был бы
До смерти или до победы.

Луис

И были бы за то злодеем?

Леонардо

Нет.

Луис

А когда бы вам потом
Сказали, что Судья составил
Бумагу, где он указывает,
Что совершили вы убийства
И преступленья,— вы то: да
Не захотели бы разведать,
Кто был свидетелем тем лживым?

Леонардо

Да.

Луис

Так скажите же еще мне.
Когда бы этот человек
Из-за случившегося видел
Себя преследуемым всюду,
И не имел бы ничего он,
Чем пропитаться бы он мог,
Не поступил ли бы он право,
О том прося?

Леонардо

Кто отрицал бы?

Луис

И если б тот, кого просил он,
Дал что-нибудь, не вправе ль он
Был взять, что дали?

Леонардо

Это ясно.

Луис

Коль это ясно, так узнайте,
Что я Луис Перес: живу я
Вот так, как видите,— прошу,
В моем несчастьи помогите,
Весьма обязанным вам был бы,
Но впрочем — все есть воля ваша.

Леонардо

Чтоб вам помочь, Луис Перес,
Мне вовсе доводов не нужно,
Необходимость понимаю,
И что нужда есть, мне известно.
Коль эта золотая цепь
Помочь нужде не может вашей,
Даю вам слово возвратиться
И вам помочь тем, что имею.

Луис

Вы благородный человек.
Но прежде чем, сеньор, возьму я
Ту золотую цепь, скажите,
Даете ль мне ее из страха,
Затем что в поле вы один?

Леонардо

Луис Перес, ее даю вам —
Лишь ваше чувствуя несчастье,
И точно так же поступил бы,
Будь целый здесь со мной отряд.

Луис

Тогда беру. И пусть не смогут
Сказать, что злое я замыслил.
Когда захочет рок жестокий
Моей безжалостной звезды,
С моею жизнью я расстанусь,
И буду в смерти я утешен,
Когда о мне промолвит слава:
Пусть с тем, кто честный человек,
Так поступают справедливо.

Леонардо

Еще вы что-нибудь велите?

Луис

Нет.

Леонардо

Так пускай же вам свободу
Пошлет судьба, Луис Перес.

Луис

Вас проводить хочу, покуда
Не выйдете вы из стремнины.

Л е о н а р д о

Мой друг, не стоит это делать.
(Уходит.)

М а н у э л ь

Прекрасно делать воровство
В учтивом благородном стиле.

Л у и с

Просить не воровать.

М а н у э л ь

Кто видит,
Что двое милостыню просят
Вот так,— разумно ль отказать?

СЦЕНА 4-я

Два Крестьянина.— Луис, Мануэль.

К р е с т ь я н и н 1-й

Весь новый виноград купил я,
Что на горе поверх долины.

К р е с т ь я н и н 2-й

Что во владеньи был Луиса
Переса?

К р е с т ь я н и н 1-й

Самый он как раз.
Распродают его именье,
Суд хочет заплатить издержки
Писцу, судье, — как раз я деньги
На это самое несу.

Луис (к Мануэлю,
который тотчас отходит)

Хороший это мой знакомый,
Могу заговорить с ним смело,
Его доподлинно я знаю.
Что нового, скажи, Антон?

Крестьянин 1-й

Луис! Да как же это можно?
Вы здесь, а все кругом вас ищут!

Луис

Собой рискуя, почему бы
Не мог? Но дело-то не в том.
Ты друг мой. Я в нужде великой.
Не поступлю я недостойно.
С тобою деньги, помоги мне,
Коли захочешь ты помочь.
Ни умирать не собираюсь,
Ни обижать тебя не буду,
Так разреши, что должно сделать.
Идти свободно можешь ты.

Крестьянин 1-й

Какое может быть тут средство?
(Отдает ему деньги.)

Одно: отдать вам эти деньги.

(В сторону.)

(Так жизнь свою я сохраню,
А не отдам, убьет меня.)

Луис

Возьму охотно деньги эти,
Но ранее узнать я должен,
Что ты охотно отдаешь их
По воле собственной своей

К р е с т ь я н и н 1-й

По воле доброй — это видно,
Иначе как бы вам служил я?
Но мне с ним тоже недостача.

Л у и с

Я этого уж не пойму.
Когда бы мог того избегнуть,
Ты этих денег мне не дал бы?

К р е с т ь я н и н 1-й

Конечно.

Л у и с

Так возьми назад их
И отправляйся с Богом в путь.
Нехорошо, чтобы сказали,
Что у кого-нибудь в дороге
Луис Перес здесь отнял деньги:
Коль скажут, что в нужде я взял,
Когда мне дали, то неважно,
А если скажут — взял насильно,
Тут важности великой дело.
Так деньги вот, и с Богом в путь.

К р е с т ь я н и н 1-й

Что говорите?

Л у и с

Говорю я
То, что ты видишь, мой приятель.
Иди же с Богом.

К р е с т ь я н и н 1-й

От враждебных
Людей избавь тебя Всевышний!
Аминь! В кармане у меня

Тут шесть дублонов, и не знает
О них жена, ты можешь взять их.

Луис

И ни монетки не возьму я.
Идите с Богом. Поздний час,
И солнце близится к закату.
(*Крестьяне уходят.*)

СЦЕНА 5-я

Дон Алонсо. — Луис, Мануэль в отдалении.

Дон Алонсо (*не видя Луиса*)

Не тщетно, дружба, воздвигало
Язычество — тебя считая
За божество — ряд алтарей,
Тебе тем почеть воздавая,
Ты божество, и мысль людская
Тебя лелейно обожает.
Вот я отыскиваю здесь,
Желая быть правдивым другом,
Того, кому обязан жизнью.
Такого в дружбе нет закона,
Что если бросил друг меня,
Так должен я его покинуть.
(*В сторону*)

Тут люди. Я лицо закрою,
Чтобы меня здесь не узнали.)

Луис

Немилосердная судьба
Нас заставляет, кабальеро,
Двоих людей, вполне достойных,
Просить о помощи, чтоб только
Других нам способов не знать.

Коли помочь нам вы хотите
Тем, что лишенья не составит,
Обязаны вам будем очень,
А если нет, дорога тут,
И Бог пошли вам путь счастливый.

Д о н А л о н с о

Луис Перес! Моей печали
Ответ единственный — рыданье,
И вот объятия мои.
Что это значит?

Л у и с

Что я вижу?

Д о н А л о н с о

Тысячекратно обниму вас.

Л у и с

Я вас предполагал на море,
Средь волн, жильцом на корабле,
И вас в Сальватиерре вижу.
Сеньор, зачем сюда пришли вы?

Д о н А л о н с о

Отыскивая вас, иду я.
Едва с побережья увидал
Армаду я, едва вступил я
На сходни, как о вас я вспомнил,
И так мне сделалось вдруг стыдно,
Что я покинул вас, Луис,
Что я решил идти за вами,
И не терзаться этой мыслью.
Так поступать — быть верным другом.
Коль друга обижает друг,
Он оставлять его не должен.
Вот вы мне нанесли обиду,

С такую прихожу я мостью:
Пришел, чтоб с вами умереть.
Располагайте, друг мой, мною,
Что сделать вы со мной хотите?

Луис

К ногам хочу прильнуть я вашим.

Дон Алонсо

Рассказ начните о себе.

Луис

Я с Мануэлем, мы живем здесь
В лесу, в горах, и наши жизни
Ценою жизнью защищаем.

Дон Алонсо

Теперь пришел сюда к вам я,
И все, Луис, пойдет иначе.
Деревня та, что под горою,
Моя: коли в нее войду я,
Одетый так, к вассалу в дом,
Которому могу я верить,
Жить безопаснее мы будем,
А там вы что-нибудь решите,
Увидите, что делать вам.
Пока побудьте в этом месте,
Отправлюсь я поговорить с ним
И возвращусь к вам с доброй вестью.
И в самом деле для добра
И зла одна у нас дорога,
Для нас троих удел единый.

(Уходит.)

СЦЕНА 6-я

Луис, Мануэль.

Луис

Вот друг!

Мануэль

Сюда идет нестройно
Толпа людей.

(Слышен шум.)

Луис

И много их.

К ногам воззвать теперь нам нужно
И впадинам горы лесистой.

Мануэль

Коль побежим по лесу, ветки,
Лесистой чащи языки,
Расскажут, что в лесу там люди.
Что делать нам?

Луис

Вот эти скалы
Оградой дикою нам будут
И нас от взоров защитят.
Мы в этих глыбах притаимся.

Мануэль

Другого выбора здесь нет нам,
Уже они совсем подходят.

Луис

Утес, живому гробом будь,
Возникнет обо мне реченье,
Что я в могилу сам вошел.
(Бросаются наземь, ветви их скрывают.)

СЦЕНА 7-я

Судья, Леонор. — Те же.

Судья

Я тех двоих отыскивал напрасно,
О, Леонор, красивая везде.
Но я нигде не встретил дома тени,
И ни черты, ни оттиска следов.
Узнал я, что печальное известье
В вас будит беспокойство, и сейчас
Пришел туда, где я могу, сеньора,
Сложить покорно жизнь у ваших ног.

Луис (*в сторону, к Мануэлю*)

Вы слышите?

Мануэль

Потише говорите.

Луис

Я подлого предателя хочу
Подвергнуть мести явной, — где же лучше
Найду я случай захватить его?
Могу снискать хвалу и честь и славу,
За честь восставши друга и свою.
Судья, истец, свидетель — налицо здесь.
Я выхожу.

Мануэль

Заметьте.

Луис

В этом тверд.

Встаю за честь, с опасностью для жизни.

Мануэль

Идите же, когда решились вы.
Коль честь, не я удерживать вас буду.

Но подождите чуточку. Сюда
Идет толпа.

Луис

О, горе! Этот случай
Я потерял.

Донья Леонор

Толпа сюда идет.

Судья

Эй, кто тут? Что такое там случилось?

Слуга

Кого-то захватили на горе.

СЦЕНА 8-я

*Альгвасилы ведут
связанного Педро. — Те же.*

Альгвасил

Сеньор, суди, мы были строги,
Пусть будет строгим и закон:
Слуга Луис Переса он,
И нам попался на дороге,
Что в Португалию ведет.
Он из Сальватиерры скрылся
В тот самый день, как отлучился
Луис Перес. Где скрылся тот,
Он должен знать: он возвратился
Вчера, а нынче убегал.

Судья

Ряд указаний здесь не мал.

Педро

О, да! Я, видишь, согласился.

И уж таков теперь закон:
Будь я в Германии, в Китае,
В Японии, в ином ли крае,
Где только я, там будет он.

Судья

Так где же он теперь, скажи нам?

Педро

Придет он вскорости за мной,
Уж в этом он всегда такой:
Слуга быть должен с господином.
И если я сегодня взят,
Ему захочется быть взятым,
Чтоб лишь со мною быть как с братом,
Так встретиться со мной он рад.

Судья

Так где же он?

Педро

Того не знаю.

Но разум мой уверен весь,
Что где-нибудь он близко здесь.

Судья

Как так?

Педро

А вот как заключаю:

Когда узнает он, что я
Вот тут, и он здесь будет тоже.
Как я узнал, всего дороже
Ему здесь в мире жизнь моя.
А может вправду, — если б знал я,
Где господин мой в этот час,
Сказал бы и бежал от вас,
Его бы кары избежал я.
Могу сказать я без прикрас:
Уж кто мне в мире ни желанен,

А меньше всех Луис Перес.
Коли отсюда я исчез,
Поступок мой весьма не странен:
Бежал от гнева я его,
И в Португалии я скрылся,
Он в тот же день там очутился.
Я для спасенья своего
Путь в Андалузию направил,
И там Луис, и я в плену.
Вернулся в эту я страну.
Меня и здесь он не оставил,
Сейчас же он пришел сюда.
Со мной как с мертвым он расстался,
Но я-то ночью жив остался,
Ну, думаю, прошла беда,
И я пожаром не охвачен.
Опять задумал я бежать.
Меня вот эти люди хватъ,
И вот сеньор Судья и схвачен.
Схватили как его слугу.
Но больше не слуга ему я.
До ног до ваших припаду я,
Ни в чем не виноват, не лгу.
Но если только господина
Поймать хотите моего,
Сейчас поймаете его:
Пусть буду здесь. Мне все едино.
Приманкой буду я ему,
И будет он у вас в ответе:
Немедля попадет к вам в сети,
Стремясь к желанью своему.

Судья

Себя ты дурачком покажешь,
В том извиненье не вполне.
Где он, скажи немедля мне?
А если нет, на дыбе скажешь.

Педро

Не очень важный я ездок,
И, если б знал, в одно мгновенье
Я, убегая от мученья,
Молчанья б прекратил зарок.
Но дело в том, что я не знаю.

Судья

Прекрасно. Так пускай же он
В деревню будет отведен.
И вам его не разрешаю
Я развязать. Пусть будет там
Под наблюдением, покуда
В Сальватиерру он оттуда
Не будет приведен, чтоб нам
Дать показанья. Слишком ясно,
Что в дерзкой храбрости он скор,
И потому его сеньор
Им пользовался не напрасно.

Педро

Так смел я в храбрости моей?
Однако, в размышленьи строгом,
Могу и здесь поклясться Богом:
Из этих четверых людей,
Что состоят при мне, как стража,
Не нужны трое, — из троих
Нет надобности нам в двоих, —
А из двоих в одном, — и даже
Нам одного бы пополам,
А там простимся с половиной,
И пусть не будет ни единой,
Чтобы следить, ни здесь, ни там.
*(Альгвасилы и Слуги уходят,
уводя с собой Педро.)*

СЦЕНА 9-я

*Судья, Донья Леонор, Хуан, Баутиста,
Луис и Мануэль, спрятавшиеся.*

С у д ь я

Идем.

Л у и с *(в сторону, к Мануэлю)*

Ушли, кто был с оружием,
И небеса мне посылают
Тот случай, что мои желанья
Так жадно жаждали найти.
Судья и Донья Леонор здесь,
И Баутиста, и охраны
У них здесь нет, и нет препятствий,—
Чего же лучшего мне ждать?

М а н у э л ь

В чем нерешительность, скажи мне?

С у д ь я

Где быть могли бы эти люди?
(Мануэль и Луис выходят.)

М а н у э л ь

Вот здесь, коль так хотите знать вы.

Л у и с

Благих да сохранит Господь!
Вот все мы, нет здесь недочета.

Х у а н *(в сторону)*

Что вижу? Небо!

Д о н ь я Л е о н о р *(в сторону)*

О, беда мне!

Судья (в сторону)

Да снизойдет ко мне Всевышний!

Луис

Все остаются на местах.

Как были, так пускай и будут.

А от сеньора Баутиста

Мы здесь услышим два-три слова.

Судья

Эй, кто там!

Луис

Мир и тишина!

Мануэль

Звать — не имеет вовсе смысла,

Коль не хотите вы услышать

Ответ тех слуг, что в вашем доме

Уже служили в прошлый раз.

Судья

Так к правосудью потеряли

Здесь уваженье? Так со мною

Обходятся?

Луис

Кто уваженья

Оказывает больше вам?

Сеньор, не я ли? Потому что

Я вас ни в чем не оскорбляю,

Напротив, точностью служу вам:

Дабы не утомлялись вы,

Отыскивая нас повсюду,

Я вас ищу и прихожу к вам.

Судья

Вас ваша дерзость побуждает

Предстать перед сеньорой так,
Которая обиду терпит,
Ее родная кровь пролита
Предательством и жаждет мщенья,
Вот эти самые цветы
Облиты той невинной кровью,
Живут как бы двойною жизнью.

Луис

Сеньоре окажу услугу,
Когда причину устраню
Несправедливости тех гневов,
Что недостойны знатной крови
И вызваны обманом низким
Того свидетеля, что лжет.
Скажите, я прошу сеньора:
Когда бы с вашим братом бился
Без преимуществ Дон Алонсо,
Лицом к лицу,— ужели вы
Ему искали бы отмщенья?

Донья Леонор

Нет. Если женщины не знают
Закон дуэли, как мужчины,
Такие женщины, как я,
Обязанность прекрасно знают,
Как нужно отнестись к несчастью.
И если только Дон Диго
В бою достойном был убит,
Тогда, конечно, Дон Алонсо
И в доме у меня не может
Отмщенья ждать. Клянуся небом,
Его сама бы я, простив,
В несчастьи честном защитила.

Луис

Я принимаю это слово.

И так как всем закон известен,
Свидетель должен подтвердить
Свое свидетельство законно.
Вот, Баутиста, что сказал ты.

*(Предъявляет ему лист
из судебного дела.)*

Я прочитаю, ты же скажешь,
Что в этом истина, что ложь.

Донья Леонор
(в сторону)

Какая смелая решимость!

Луис

Ты говоришь, что ты скрывался,
Когда увидел поединок
И двух затеявших тот бой.
То правда?

Хуан

Правда.

Луис

Говоришь ты,
Что видел, как из чащи леса
Я вышел и моею шпагой
Стал Дон Алонсо защищать.
Ты знаешь, что неправда это,
Скажи же правду.

Хуан

Это правда.

Луис

Лжет твой язык несправедливый!

*(Стреляет в Хуана Баутиста из пистолета,
тот падает наземь.)*

Хуан

Всевышний да поможет мне!

Луис

Сеньор Судья, пусть ваша милость
Включит и эту смерть в то дело.
И до свиданья. Отвяжи-ка
Там, Мануэль, тех двух коней,
Что привезли сеньоров этих,
Им недостатка в том не будет,
Ведь здесь им нужно оставаться.
Прощайте.

(Оба уходят.)

СЦЕНА 10-я

*Судья, Донья Леонор;
Хуан Баутиста, раненый.*

Судья

Жизнью Короля

Клянусь, что этот дерзкий вызов
Или мне будет стоить жизни,
Или найдет свое возмездье.

Хуан

Сеньора, слушай и узнай:
Я умираю справедливо,
Лишь выдумка, что там сказал я,
Хотел его сестры достигнуть.
Твой брат убит лицом к лицу,
И Дон Алонсо честно бился.
Я эту правду подтверждаю,
Чтоб этот долг, хотя бы поздно,
В печальной смерти заплатить.

СЦЕНА 11-я

*Альгвасилы и Слуги с Педро,
который сопротивляется им.— Те же.*

А л ь г в а с и л

Услыша выстрел оружейный,
Язык огня к ветрам кричащий,
Немедленно мы воротились,
Чтобы узнать, что повелишь.

С у д ь я

Придите все, в том лесе горном
Луис Перес нас ожидает.

П е д р о

Не говорил ли я, что тотчас
За мной он явится вослед?

С у д ь я

Сегодня смерть должна придти к ним.
Чтоб этот человек не скрылся,
(Что он виновен, это видно)
Пусть двое сторожат его.

П е д р о

Когда о местопребываньи
Луиса было преступленьем
Молчать, так я не говорил ли,
Что он придет, и он пришел?
Какая же вина за мною?

А л ь г в а с и л (к другому)

Мы двое будем с ним дозором.
Помалкивай, иди, предатель.
(Слуги уходят с альгвасилами.)

Донья Леонор
(в сторону)

Я очень огорчусь, узнав,
Что этот человек захвачен.
И если с ним была я гневной,
Теперь, когда узнала правду,
Я справедливо поступлю,
Не отомщая ту обиду.
И в столь великом злополучьи
Я жизнь его спасти желаю.
Кто смел, в обиженном найдет
Себе надежную защиту.

(Уходят.)

СЦЕНА 12-я

Луис и Мануэль, потом Судья.

Луис

Задохлись, утомились кони,
Здесь в горной чаще подождем мы
И встретим их лицом к лицу.

Судья (за сценой)

Они вот в этой чаще скрылись
Среди ветвей. Ищите всюду.

Мануэль

Погибли мы. С такой толпою
Бороться невозможно нам,
В тылу нам никакой защиты.

Луис

Защита есть. Спина с спиной
Мы станем и везде с врагами

Лицом к лицу мы будем биться,
Они не смогут окружить нас,
Встречая шпагу впрямь и вплоть.
Так бейтесь с тем, кто подойдет к вам
Отсюда, я же буду биться
С другими, кто придет оттуда,
Друг другу будем мы оплот.

М а н у э л ь

Когда меня ты охраняешь,
В защите я. Иди, кто хочет.

С у д ь я (за сценой)

На них!

СЦЕНА 13-я

*Судья с альгвасилами и толпа.—
Луис, Мануэль.*

Л у и с

Сюда, сюда, канальи!
(Луис и Мануэль становятся друг к другу
спиной и идут, отражая удар кругом,
альгвасилы стараются разъединить их.)
Как, Мануэль, дела?

М а н у э л ь

Идет.

Как с вашей стороны?

Л у и с

Танцуют.

С у д ь я

Но это дьяволы, не люди.

(Альгвасилы отступают.)

Луис

Они освободили место.
На высоту!

(Уходит.)

Мануэль

На высоту! *(Уходит.)*

Судья

За ними, чтоб они не скрылись.
(Уходят.)

Другое место горы.

СЦЕНА 14-я

Исабель и Донья Хуана, на вершине скалы.

Исабель

Я, услышавши тот мушкет,
Объята страхом незнакомым.
Другим он показался громом,
А для меня в нем молний свет.
Зачем такое промедленье?
Где Мануэль и где Луис?
Все испытанья к нам сошлись,
Во мне испуг и удивленье.
Подруга, что ты скажешь мне?

Донья Хуана

Какого хочешь ты ответа?
И я не вижу здесь просвета,
И я с тобой в одной волне.

Исабель

Мы с этой спустимся вершины.

Уж лучше умереть зараз,
Чем умирать так долгий час,
В томленьи тягостной кончины.

СЦЕНА 15-я

Луис, Мануэль.— Исабель, Донья Хуана.

Луис

Скорей к вершине, Мануэль:
Чуть там, плечо с плечом, мы рядом
Хоть с целым схватимся отрядом,
Ударов будет там метель.

Исабель

Луис...

Донья Хуана

Ты, Мануэль...

Мануэль

Блаженство...

Луис

Сестра...

Исабель

Что приключилось здесь?

Луис

Враждебный мир за нами весь.

Мануэль

Судьбы уйдешь ли верховенства?

Исабель

Пусть мир весь бешенство свое
Стремит. Что сделать тут могли бы?
(*Хватает большой камень.*)

В моих руках — вот эти глыбы,
А в ваших — это лезвие.

(Восходят вместе на высокую скалу.)

СЦЕНА 16-я

Судья. Альгвасилы. — Те же.

С у д ь я

Взбирайтесь на скалу крутую.
Он оскорбленья громоздит,
Но он изменит гордый вид,
Когда над ним я возликую.
Клянусь, что все утесы те
Мне будут площадью публичной,
Тот выступ — плахою отличной,
И суд свершу я в высоте.
Живым иль мертвым, кто доставит
Луис Переса, — честь моя!
Две тысячи эскудо я
Ему в награду дам.

Л у и с

Ославит

Меня дешевый торг такой.
Когда бы вы разумны были,
Меня бы не продешевили.
Судья, иль мертвый, иль живой,
Вы все, что собрались, внимайте,
Пусть будет здесь, или вон там,
Четыре тысячи я дам.

С у д ь я

Убить обоих их! Стреляйте!

*(Слышен выстрел из мушкета,
и Луис падает, скатываясь со скалы.)*

Луис

Услышь, Всевышний! Я убит!

Судья

Так сдайся.

Луис

Я взываю к шпаге.
Но горе! Есть порыв отваги,
А силы нет. Прискорбный вид.
Не в силах на ноги подняться.
Придите взять меня теперь.

Судья

И в смерти он, как дикий зверь,
Хотел бы мне сопротивляться.

Исабель

Не убивайте вы его.
А если смерть к нему подходит,
Пусть и меня она находит,
Уж мне не нужно ничего.

Судья

В Сальватиерру нам дорога.
Добыче этой очень рад.

*(Судья и альгвасилы уходят,
уводя Луиса).*

Мануэль

Пусти!

Донья Хуана

Куда? Вернись назад!

Мануэль

Я вниз!

Донья Хуана

Постой!

М а н у э л ь

О, ради Бога!

Коль будем спорить мы о том,
Тебя, как маленькую ношу,
Сейчас в долину эту сброшу
И сброшусь — оба там умрем.

(Спускается вниз.)

СЦЕНА 17-я

*Дон Алонсо, сильно встревоженный.
— Мануэль, Донья Хуана.*

Д о н А л о н с о

Что тут случилось?

М а н у э л ь

Там под стражей

Луис Переса увели.
Чтоб честь мою не смять в пыли,
Явлю я дружбы знак и даже
Я все пределы превзойду.

Д о н А л о н с о

Идем за ним. Сюда я тайно
Пришел, но столь необычайно
Здесь все смешалось, как в бреду,
Что крайности нам почему ж бы
Теперь бояться? Маски прочь.
Спешим скорей ему помочь,
Иль все умрем во имя дружбы.

(Уходят.)

Другая местность.

СЦЕНА 18-я

Два альгвасила с Педро.

Альгвасил 1-й

Шумя меж гор, шумят в долине.

Педро

Меня немножко подождите,
А я пойду и чрез минутку
Про все разведая и вам
Приду сказать, что там случилось.

Альгвасил 2-й

Не шевелись, и прочь ни шагу,
А то тебя удержат пули.

Педро

Задержка эта — первый сорт.
Ну, хорошо, коль не хотите,
Чтобы пошел я на разведку,
Идите оба, разузнайте
И расскажите мне потом.

Альгвасил 1-й

Тебя нельзя ни на минуту
Оставить нам.

Педро

Вот постоянство!
Меня блюдут. Я разве — праздник,
Что соблюдают так меня?
Одно имею утешенье:
Пока я нахожусь под стражей,

Луис Перес придти не может,
И я в святилище теперь.

Альгвасил 1-й

Сюда идет толпа большая.

Педро

И впереди два мушкетера,
А сзади там еще другие,
И между этих четырех
Какой-то человек, в плаще он,
И множество, вослед, народа.

СЦЕНА 19-я

*Судья, альгвасилы и толпа с Луисом Пересом,
закутанном в плащ.— Те же.*

Судья

Где тот, кого вы захватили?

Альгвасил 1-й

Он здесь, сеньор.

Судья

Пусть так идут,
Соединенные друг с другом.

Альгвасил 3-й

Луис не сможет, потому что
Его рука совсем разбита,
И он вконец лишился чувств,
Сеньор, из-за потери крови.

Судья

Ему лицо теперь откройте,
Пускай он воздухом подышет.

Педро

Вот так преследует судьба,
И тут исчерпано терпенье.
Теперь чем кончится все это?
Одни колодки для обоих,
И для двоих одна тюрьма,
Одна нам виселица будет,
Одна и петля для обоих,
Одна нам будет и могила.

Луис

Кто жалуется здесь?

Педро

Никто.

Луис

Не бойся, Педро, уж не нужно
Тебе меня теперь бояться:
Чтоб убивать, вчерашний день был,
Сегодня надо умирать.
О, притязанья человека,
Вы, побледневшие во прахе!

Судья

Какая там толпа в походе?
Вооруженные они.

СЦЕНА 20-я

*Донья Леонор, Донья Хуана, Исабель
и Слуги, вооруженные. — Те же.*

Донья Леонор

Я с ними здесь соединилась.
Стыдясь, что мщенья я хотела,
Воспламененная обманом,

Что выдумал предатель тот,
Хочу явить благоволенье,
Когда сполна узнала правду.
Того мне узника отдайте,
Что до меня, он мной прощен.

И с а б е л ь

А если нет, его отнимем.
Отдайте узника немедленно.

П е д р о (в сторону)

Чем кончится теперь все это?

Л у и с

Красивейшая Леонор,
Спаси мне жизнь ты не старайся.

СЦЕНА 21-я

Дон Алонсо, Мануэль и другие.— Те же.

Д о н А л о н с о

Сеньор, послушай.

С у д ь я

Новый случай.

Д о н А л ь ф о н с о

Я Дон Алонсо де Тордойя,
Приходом дружбу показав,
Решительность я вам являю.
Так без дальнейших объяснений
Нам узника сейчас отдайте.

М а н у э л ь

И скольких тут ни видишь ты,

Они умрут скорей, но только
Свой завершат блестящий подвиг.

И с а б е л ь

Дать узника!

Д о н А л о н с о

Отдать немедля!

С у д ь я

Посмотрим, сможете ли взять.

Д о н А л о н с о

На них, и смерть им!

Д о н ь я Л е о н о р

Д о н А л о н с о,

Я выступаю вместе с вами,
Но тотчас же, заметь, заплатишь
За то, что брат тобой убит.

Д о н А л о н с о

Сейчас об этом нет беседы,
А после дам я оправданье.

П е д р о

И кончится их спор об этом
Тем, что помирятся они.

Д о н А л о н с о

Сеньор Судья, нет, значит, средства?

С у д ь я

Вполне достаточного нет здесь.

Д о н А л о н с о

Итак, смелей, и прямо в битву.

На них друзья! На них, на них!
*(Бьются, и альгвасилы отступают;
с другой стороны Луис Перес
выходит свободный)*

Д о н А л о н с о

Луис Перес, вот вы свободны.

Л у и с

Мой друг, мой верный Дон Алонсо,
Скажите лучше — и плененный,
Хочу я сердцем отплатить
За этот подвиг и, покуда
Не отплачу, у этих ног я
Слагаю жизнь.

Д о н А л о н с о

К чему учтивость!

Л у и с

Что делать?

П е д р о

Сделайся теперь
Монахом — способ наилучший,
Чтоб жить и вместе быть свободным.
Но расскажи мне. Час настанет,
Что буду я прощен тобой?
Уж перенес из-за тебя я
Путей и голода немало.
Прошу сеньора Дон Алонсо
Я за меня похлопотать.

Д о н А л о н с о

Луис Перес...

Луис

Довольно, друг мой.
В угоду вам его прощаю.
Теперь за Доньею Хуаной
И за моей сестрой пойдем.
И вместе с этим завершенье
Да будет славных всех деяний,
Свершенных в жизни Галисийцем,
Чье имя есть Луис Перес.

ПОКЛОНЕНИЕ КРЕСТУ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эусебио

Курсио, старик

Лисардо

Октавио

Альберто, священник

Селио

Рикардо } бандиты

Чилиндрина

Хиль, крестьянин, шут

Брас

Тирсо } крестьяне

Торибио

Юлия, дама

Арминда, служанка

Менга, крестьянка, шутиха

Бандиты, Крестьяне

Солдаты

Действие в Сиене и ее окрестностях.

ХОРНАДА ПЕРВАЯ

Лес близ дороги, ведущей к Сиене.

СЦЕНА 1-я

Менга, Хиль.

Менга (за сценой)

Куда ж ослица провалилась?

Хиль (за сценой)

А, дьявол! А, брыкливый бес!

Менга

Куда ж она теперь залезла?

Хиль

Чтоб черт за ней туда залез!
Хоть бы за хвост кто ухватился,
У тысячи людей хвосты.

(Выходят на сцену.)

Менга

Ну, Хиль, ты славно постарался!

Хиль

Ну, Менга, постаралась ты!
Должно быть, как верхом сидела,
Ты ей шепнула пару слов,
Чтоб на смех мне она взбесилась
И поскорей свалилась в ров.

М е н г а

Наверно ты сказал ей это,
Чтоб я свалилась вместе с ней.

Х и л ь

Как нам тащить ее оттуда?

М е н г а

Что ж, в яме оставаться ей?

Х и л ь

Один я справиться не в силах.

М е н г а

Я потащу ее за хвост,
Ты за уши.

Х и л ь

Есть лучше способ,
Он и надежен, да и прост.
Карета раз в грязи застряла;
Ее, среди других карет,
Две клячи тощие влачили;
Других, глядишь, простыл и след,
А эта тащится, как будто
Над ней проклятие отцов;
Все с боку на бок, с боку на бок,
И вдруг (закон судьбы таков!)
В грязи засела; кучер хлещет,
И молит, и кричит седок,
Но ни угрозами, ни лаской
Никто несчастью не помог;
Карета тут как тут, ни с места,
Не стронет лошадей ничто;
Но догадались перед ними
С овсом поставить решето;

Едва завидели поживу,
Ну клячи рваться, что есть сил,
Приналегли — и потянули.
Я б то же сделать предложил.

Менга

Уж эти мне твои рассказы,
Не пожелаю я врагу¹

Хиль

Где много сытых есть животных,
Голодных видеть не могу.

Менга

Пойду-ка, посмотрю с дороги.
Нейдет ли из деревни кто,
К тебе пришли бы на подмогу,
Ты сам не годен ни на что.

Хиль

Опять за старое ты, Менга?

Менга

Ослица бедная моя!

(Уходит.)

СЦЕНА 2-я

Хиль

Ослица, счастье, блаженство!
Из всех ослиц, что видел я,
Ты первая во всей деревне;
Никто тебя не замечал
Ни в чем дурном, и меж гулящих,
Меж потаскушек не встречал.

Нет, ты не радовалась вовсе
Из своего идти хлева;
Взглянуть, и ясно было видно:
Не тем набита голова.
А эта девственность? А честность?
Клянусь, что ни один осел
Ее не видел у окошка.
Чуть кто пришел к ней — прочь пошел.
И ни о ком не молвит худа;
Чтоб сплетничать — да никогда;
Из удовольствия злословить
Заместо нет не скажет да.
А что до щедрости, так если
Что в брюхо у нее нейдет,
Она какой-нибудь ослице
Голодной тотчас отдает.

(За сценой слышится шум.)

Но что за шум? Два человека
С своих коней сошли на землю,
И привязали их к деревьям,
И направляются сюда.
В их бледных лицах ни кровинки,
И спозаранок вышли в поле;
Они едят, должно быть, землю
Или их мучает запор.
Иль это может быть бандиты?
Конечно! Ну, на всякий случай,
Я спрячусь здесь: они подходят,
Они спешат, бегут, пришли.

(Прячется.)

СЦЕНА 3-я

Эусебио, Лисардо. — Хиль, спрятавшийся.

Л и с а р д о

Мы можем тут остановиться,

Мы здесь со всех сторон закрыты,
И нас с дороги не увидят.
Вынь шпагу, Эусебио:
Так на барьер всегда я ставлю
Людей, как ты.

Э у с е б и о

Хотя довольно
Для поединка — быть на месте,
Но все же я хотел бы знать
Причину твоего волненья.
Скажи, Лисардо, основанье
Такого гнева.

Л и с а р д о

Оснований

Так много, что молчит язык,
И нет в рассудке рассуждений,
И нет терпенья у терпенья.
О них я умолчать хотел бы,
Хотел бы даже позабыть;
При повторении наносят
Они мне снова оскорбленье.
Скажи: ты знаешь эти письма?

Э у с е б и о

Брось наземь, я их подниму.

Л и с а р д о

Бери. Чего же ты смутился?
Чего ж ты медлишь?

Э у с е б и о

О, проклятье,
Тысячекратное проклятье
Тому, кто может доверять
Листку бумаги тайны сердца!

Он камень, брошенный рукою,
Мы знаем, кто его направил,
Не знаем, где он упадет.

Л и с а р д о

Теперь узнал?

Э у с е б и о

Не отрицаю,
Мой почерк.

Л и с а р д о

Ну, так я — Лисардо,
Живу в Сиене, и отец мой —
Лисардо Курсио. Он был
Так расточителен ненужно,
Что в краткий срок всего лишился,
Чем обладал он по наследству.
Как заблужденье велико
Того, кто тратами большими
Своей семье готовит бедность!
Но если даже благородство
И впрямь оскорблено нуждой,
Оно не может быть свободно
От обязательств прирожденных.
А Юлия (о, знает небо,
Как больно мне ее назвать!)
Иль соблюсти их не умела,
Иль не могла уразуметь их.
Но первое или второе,
Она сестра мне. Если б Бог
Ей не дал быть моей сестрою!
И должен ты себе заметить,
Что женщинам ее достоинств
Нельзя записок посылать,
Нельзя в любви им объясняться,
Нельзя им подносить подарки,

Ни засылать к ним подлых сводниц.
Я не виню тебя во всем.
Я признаюсь, что, если б дама
Дала мне только позволение,
Я то же самое бы сделал.
Но ты забыл, что ты мой друг,
И в том вина твоя двойная
С виною, совершенной ею.
Когда ты пожелал увидеть
Мою сестру своей женой,
(Иначе я не представляю,
Не допускаю даже мысли,
Чтоб ты к иной стремился цели,
И эту не могу принять;
Свидетель Бог! Скорей, чем видеть
Ее обвенчанной с тобою,
Ее хотел бы я увидеть
Убитою моей рукой.)
Когда ее ты выбрал в жены,
Ты моему отцу был должен
Сперва открыть свое желанье,
Не ей. Таков был честный путь.
Тогда отец мой увидал бы,
Ответить ли тебе согласьем,
Иль отослать тебя с отказом,
И я в последнем убежден:
Раз качество и состоянье
В таких вещах поставить вровень
Лишен возможности — кто беден
И благороден, он тогда,
Чтоб кровь свою не обесцветить,
Коли имеет дочь — девицу,
Ее отдаст — никак не замуж,
А в сокровенный монастырь.
Быть неимущим — преступленье.
И доброй волей, иль неволей,
Но Юлия, сестра, немедля

Поступит завтра в монастырь.
И так как было б недостойно,
Чтоб инокиня сохраняла
Воспоминания безумной
Непозволительной любви,
Тебе их в руки возвращаю,
С таким решеньем безоглядным,
Что их не только отниму я,
Но устраню причину их.
Итак на место и за шпагу,
Один из двух пусть умирает:
Пусть ты не будешь больше с нею,
Иль я тебя не вижу ней.

Э у с е б и о

Останови, Лисардо, шпагу,
И так как я спокойно слушал
Твои презрительные речи,
И ты послушай мой ответ.
И пусть рассказ мой будет длинен,
Твое терпение — чрезмерным,
В виду того, что здесь мы оба
С тобой сошлись лицом к лицу, —
Но раз должны с тобой мы биться,
И раз один умрет наверно,
На случай, если небо хочет,
Чтоб я теперь несчастным был,
Услышь о дивном, чтоб смутиться,
О чудесах, чтоб восхититься,
Да не войдут с моею смертью
В молчанье вечное они.
Кто был отец мой, я не знаю:
Лишь знаю, первой колыбелью
Подножие Креста мне было,
А камень — первая постель.
Мое рожденье было странным,
Как пастухи передавали,

На склоне этих гор высоких
Они меня в глуши нашли.
Три дня в горах им было слышно,
Как плакал я, но не решались
Они проникнуть в глушь, из страха
Перед свирепыми зверьми,
Хоть ни один меня не тронул,
И кто же может усомниться:
Из преклоненья пред моею
Защитою — перед Крестом.
Меня нашел пастух, искавший
Овцу заблудшую в ущельях,
И он принес меня немедля
В деревню Эусебио,
А он там был не без причины.
Пастух сказал ему о чуде,
И милосердьё подкрепилось
Благоволением небес.
В свой дом меня велел нести он,
В нем принял, как родного сына,
Там я возрос и воспитался,
Я — Эусебио Креста.
Так от него я называюсь,
И от моей первоначальной
Защиты, бывшей мне первичным
Руководителем моим.
По вкусу — выбрал я оружие,
Для развлечения — науку;
Приемный мой отец скончался,
И я его наследник был.
Мое рожденье было дивным,
Моя звезда не меньше чудной,
Она врагинею грозит мне
И с милосердием хранит.
Мой дикий нрав, во всем жестокий,
Еще тогда определился,
Когда беспомощным ребенком

Я был у няни на руках;
Своими деснами одними,
Но не без дьявольской подмоги,
До поранения прорезал
Я грудь кормилицы моей;
Она, от боли обезумев
И лютым гневом ослепившись,
Меня швырнула в глубь колодца.
И обо мне никто не знал.
Услышав смех мой, опустились
В колодец, и меня нашли там:
К губам ручонки прижимая,
Из них образовавши Крест²,
Я на воде лежал. Однажды,
Когда пожар случился в доме,
И пламя прекращало выход,
И двери были под замком,
Ко мне огни не прикоснулись,
Я в пламени стоял свободный,
И, сомневаясь, убедился:
Тот день был праздником Креста³.
Пятнадцать лет едва мне было,
Я в Рим отправился по морю,
И буря в море разыгралась,
И злополучный мой корабль
Разбила о подводный камень;
Разорванный и раздробленный,
Он затонул, а я счастливо,
Руками доску охватив,
Из моря выбрался на сушу,
И та доска имела форму
Креста. Среди утесов этих
С попутчиком я как-то шел,
И на распутии, где дорога
Делилась надвое пред нами,
Виднелся Крест. Я стал молиться,
А он тем временем ушел.

Я побежал за ним вдогонку,
И вижу, он лежит убитый,
В борьбе с бандитами. Однажды
Я шпагою ударен был
Во время ссоры, в поединке,
И, не имея сил ответить,
Упал на землю; все, кто были
При этом, думали, что я
Сражен неизлечимой раной,
А при осмотре оказалось,
Что только знак от острой шпаги
Отпечатлелся на Кресте,
Который я носил на шее,
И он удар свирепый принял.
Я раз охотился в ущельях
Неисследимых этих гор,
Вдруг небо тучами покрылось,
И, возвестив раскатным громом
Земле войну, оно метало
Как будто копья из воды,
Как будто сонмы пуль из града.
Ища от черных туч защиты,
Все притаились под листвою.
И эта глушь для нас была
Как бы походною палаткой,
Вдруг молния, летя по ветру,
Как мрачно-дымная комета,
Из тех, что были близь меня,
Двоих сожгла своим ударом.
В смятении, почти ослепши,
Смотрю кругом, и что же вижу,
Как раз за мною Крест стоял,
И полагаю, тот же самый,
Что при моем стоял рожденьи,
Тот самый Крест, чей отпечаток
Ношу я вечно на груди;
Меня отметило им небо,

Дабы означить всенародно
Последствия какой-то тайны.
И хоть не знаю я, кто я,
Таким я духом побуждаем,
Таким влечением волнуем,
Такой решимостью охвачен,
Что мужество мне говорит:
«О, да, ты Юлии достигнешь!»
Наследственное благородство
Над тем возвыситься не может,
Которое я сам снискал.
Таков-то я, и если ясно
Я сознаю причину спора,
И если я могу с избытком
Твою обиду возместить,
Твоей презрительною речью
Я в тоже время так разгневан,
Так ослеплен, что не желаю
Себя оправдывать ни в чем,
Не принимаю обвинений,
И раз ты хочешь помешать мне,
Чтоб я не мог на ней жениться,
Так если б заперли ее
В отцовском доме, или даже
За монастырскую оградой, —
Храни ее, как только хочешь,
А от меня ей не уйти;
И та, что не годилась в жены,
В любовницы мне пригодится:
Так оскорбленное терпенье,
Так исступленная любовь
Отмстит презренье и обиду.

Л и с а р д о

Пусть, Эусебио, умолкнет
Словесный спор, где речь за сталью.
(Обнажают шпаги и бьются:

*Лисардо падает наземь,
старается подняться и снова падает.)*
Я ранен!

Э у с е б и о

Да? И не убит?

Л и с а р д о

Нет, у меня в руках довольно
Еще есть силы, чтоб... О, горе!
Из-под ноги земля уходит.

Э у с е б и о

И пусть дыхание уйдет.

Л и с а р д о

Да не умру без покаянья.

Э у с е б и о

Умри, несчастный!

Л и с а р д о

Стой. Во имя
Креста, принявшего страданья
Христа, не убивай меня.

Э у с е б и о

Да защитит тебя от смерти
Такой призыв. Приподнимись же;
Когда Крестом ты заклинаешь,
Нет силы у меня в руках,
И нет в спокойном сердце гнева.
Привстань.

Л и с а р д о

Я не могу. Поспешно
Уходит жизнь с горячей кровью.
И вот уж чувствую, душа

Не знает, где ей лучше выйти,
Поняв, что выходов так много.

Э у с е б и о

Тогда моим рукам доверься.
Ободришь. В нескольких шагах
Отсюда малая есть пустынь
Монахов кающихся; если
Живым туда придти успеешь,
Там исповедаешь грехи.

Л и с а р д о

Итак, тебе я обещаю,
За то, что был ты милосерден,
О, если только удостоюсь
Пред ликом Господа предстать,
Я попрошу, чтоб ты не умер
Без покаянья.

(Эусебио уносит его на руках.)

Х и л ь

Превосходно!
Примерное благотворенье:
Убил и тащит на плечах.

СЦЕНА 4-я

Брас, Тирсо, Менга, Ториббио. — Хиль.

Т о р и б и о

Он здесь остался, говоришь ты?

М е н г а

Вот здесь как раз остался с нею.

Т и р с о

Вот он, сам не в себе, глядите.

Менга

На что ты так уперся, Хиль?

Хиль

Ай, Менга!

Тирсо

Что с тобой случилось?

Хиль

Ай, Тирсо!

Торибио

Что ты увидал здесь?

Хиль

Ай, ай, Торибио.

Брас

Скажи нам,

Что приключилось с тобой?

Хиль

Ай, Брас, ай, ай, друзья, не знаю,

Не больше знаю, чем скотина!

Убил его, взвалил на плечи,

Должно, солить его пошел.

Менга

Да кто убил?

Хиль

А что я знаю?

Тирсо

Кто умер?

Хиль

Как же мог узнать я?

Торибио

А кто взвалил?

Х и л ь

Мне не известно.

Б р а с

А кто ж пошел?

Х и л ь

Все тот же он.

Но ежели узнать хотите,
Идемте все.

Т и р с о

Куда ведешь нас?

Х и л ь

И сам не знаю я. Пойдемте,
Они отправились туда.

(Уходят.)

СЦЕНА 5-я

*Зала в доме Курсио, в Сиенс.
Юлия, Арминда.*

Ю л и я

Я об утраченной свободе,
Арминда, горевать хочу,
И если я умру от горя,
Я в гроб и горе заключу.
Тебе, видать, не приходилось,
Как упоительный ручей,
Русло родное покидая,
Бежит дорогою своей,
И пробегает по долине,
И чуть подумают цветы,
Что он иссяк и обессилел,
Он вдруг нахлынет с высоты

И захлестнет их светлой влагой?
Тоска, дрожавшая в груди,
Мне тот же опыт показала,
И вновь покажет впереди:
Едва она сокрылась в сердце,
Как показалась в тот же час,
И думы, бывшие печалью,
Слезами хлынули из глаз.
Отцовский гнев мне дай оплакать.

А р м и н д а

Заметь, сеньора...

Ю л и я

Есть ли рок
Желанней — смерти от печали?
Кто умереть от скорби мог,
Тот понял высшее блаженство;
И скорбь не слишком велика,
Коль вместе с жизнью не порвалась.

А р м и н д а

Но в чем, скажи, твоя тоска?

Ю л и я

Лисардо, милая Арминда, —
Виной меня постигших зол:
От Эусебио все письма
Он у меня в столе нашел.

А р м и н д а

Он знал, что там они лежали?

Ю л и я

И нет и в то же время да:
Мое несчастье решила
Моя жестокая звезда.

Он был такой угрюмый, хмурый,
Наверно он подозревал, —
Так я решила, — и не знала,
Что он-то достоверно знал.
Внезапно он приходит бледный
И умоляет, как сестру:
«Я, — говорит он, — проигрался
И продолжать хочу игру.
Дай что-нибудь из украшений,
Тебе я долг свой заплачу».
Я вынимаю ключ и ящик
Скорее отпереть хочу,
Но он, нетерпеливо-гневный,
Сам ключ хватает, отпер стол,
И тут же, в первом отделении,
Все письма тайные нашел.
Взглянул и запер. И ни слова
(О, Боже!) не промолвил мне,
Пошел к отцу, и заперся с ним,
Я здесь сижу, как в западне,
О чем-то долго говорили,
Я казни жду, дрожу, горю,
И вышли, наконец, и оба
Направились к монастырю.
Так мне Октавио поведал.
И если только мой отец
Свое решение исполнил,
Всем чаяньям моим конец.
Раз к Эусебио он хочет
Так умертвить любовь мою,
Монахинею я не буду
И лучше я себя убью.

СЦЕНА 6-я

Эусебио. — Те же.

Эусебио (в сторону)

(Еще никто так дерзновенно,
Или в отчаяньи таком,
Не приходил искать спасенья
К обиженному прямо в дом.
О, лишь бы только весть о смерти
Лисардо раньше не дошла
До Юлии, и лишь бы только
Она со мною прочь ушла,
Любви покорствуя послушно, —
Исход из бед моих найден.
Когда ж она узнает после,
Что мной Лисардо умерщвлен,
Себя в моей увидя власти,
Из неизбежности она
Сумеет сделать наслажденье.)
Как ты пленительно-нежна,
О, Юлия!

Юлия

Как? Что такое?
Ты в этом доме?

Эусебио

Строгий рок,
Любовь к тебе мне приказала
Чрез этот преступить порог.

Юлия

Но как ты на такую крайность
Дерзнул?

Эусебио

Я смерти не боюсь.

Ю л и я

Чего же хочешь ты достигнуть?

Э у с е б и о

Лишь на одно теперь я льщусь:
Я обязать тебя хотел бы,
Чтобы любовь моя была,
О, Юлия, твоей любовью
Вдвойне полна, вдвойне светла.
Моей любовью, как узнал я,
Так недоволен твой отец,
Что нашим чаяньям решился
Он быстрый положить конец.
И он желает, чтобы завтра
Навек ты обратилась в то,
Что превратит мою надежду
И счастье мое в ничто.
Коль то, что было, счастьем было,
И счастья ты хочешь вновь,
О, если ты любила вправду,
И глубока твоя любовь,
Иди со мной; ты видишь ясно,
Отцу противиться нельзя;
Оставь свой дом, и пред тобою
Возникнет новая стезя:
Мы все устроим; раз ты будешь
В моих руках, не может он
Не быть обласкан тем, что — нужно,
Обязан тем — чем оскорблен.
Есть у меня именья, виллы,
Чтобы тебе в них мирно быть,
Есть люди, чтобы встать в защиту,
И есть душа, чтобы любить.
Когда ты любишь не обманно,
И жизнь мне хочешь дать мою,
Дерзни, — а если нет, от горя
Я пред тобой себя убую.

Ю л и я
Но, Эусебио...

А р м и н д а
Сеньора,
Мой господин идет сюда.

Ю л и я
О, горе мне!

Э у с е б и о
Была ли строже
К кому-нибудь его звезда?

Ю л и я
Он может выйти?

А р м и н д а
Невозможно;
Сеньор у самой двери ждет.

Ю л и я
Беда!

Э у с е б и о
Несчастье! Что мне делать?

Ю л и я
Побудь — вон там.

А р м и н д а
Скорей! Идет!
(Эусебио прячется в другой комнате.)

СЦЕНА 7-я

Курсио. — Юлия, Арминда; Эусебио, спрятавшийся.

К у р с и о
О, дочь моя, твое блаженство

Отныне верно навсегда,
И если в радости мне душу
Ты не пожертвуешь, тогда
Мое вниманье ты не ценишь.
Тебя заботливо любя,
Я все устроил и уладил,
И только ждем мы от тебя,
Чтоб нарядившись, как на праздник, —
О, заповедная мечта! —
Во всей красе своей ты стала
Супругой юною Христа.
Сегодня, ты подумай только,
Такая свадьба ждет тебя,
Что ты пред теми будешь первой,
Кто Богу посвятил себя.
Ну, что ж ты скажешь?

Ю л и я (в сторону)

Что мне делать?

Э у с е б и о (в сторону)

Когда она ответит да,
Я сам себя убью на месте.

Ю л и я (в сторону)

(О, как ответить мне!) Всегда
Над жизнью власть отца имеет
Влиянье первое, но прав
Нет у нее на нашу волю.
Зачем решил ты, не сказав
Ни слова мне? Не лучше ль было,
Мне высказавши свой совет,
Спросить и о моем желаньи?

К у р с и о

И о твоём желаньи? Нет!
Во всем одна моя лишь воля, —

Пусть буду прав я, иль неправ, —
Тебе должна служить указкой.

Ю л и я

Тот иль иной удел избрав,
Я поступлю согласно с правом
Любого — свой удел создать.
Звезда несчастная не может
Свободной воли принуждать.
Дай мне подумать и размыслить
И не дивись, что я прошу
Мне дать известный срок, пред тем как
Все обсужу я и решу.
Вопрос идет о целой жизни.

К у р с и о

Достаточно, что думал я,
Что за тебя я дал согласие.

Ю л и я

Ну, если жизнь твоя — моя,
Будь за меня уж и монахом.

К у р с и о

Молчи! Молчать! Решен вопрос!
Не то тебе сплету я петлю
Из собственных твоих волос.
Бесчестная! Тебе я вырву
Твой дерзкий, наглый твой язык.

Ю л и я

Свою я волю защищаю,
Жизнь можешь взять хоть в этот миг.
Пусть кончится ее течение,
Твой гнев окончен будет с ней;
Ты дал мне жизнь и можешь ею
Распоряжаться, как своей:

А волю даровало небо,
Ее тебе я не отдам.

К у р с и о

Теперь вполне готов я верить
И подозреньям и мечтам;
Твое упрямство подтверждает,
Что мог я лишь подозревать,
Что мать твоя была бесчестной:
Когда ты смеешь посягать
На честь отца, с которой солнце
Равняться в блеске не могло,
Я вижу осквернение крови,
Горевшей пышно и светло
В своем почетном благородстве.

Ю л и я

Не понимаю слов твоих
И потому не отвечаю.

К у р с и о

Оставь, Арминда, нас одних.

(Арминда уходит.)

СЦЕНА 8-я

Курсио, Юлия.

К у р с и о

Теперь слепая сила гнева
Мне рассказать повелевает
О страшной тайне, что хранил я
В душе в течение долгих лет.
Так пусть язык тебе расскажет
То, что глаза тебе сказали.
Сиенское градоначальство,

Чтоб возвеличить кровь мою,
Мне дало порученье к папе
Урбану Третьему. В Сиене,
Когда я в Рим свой путь направил,
Осталась дома мать твоя,
И как о ней вещала слава,
По добродетели равнялась
Она матронам древнеримским,
Была меж наших образцом,
(Не знаю, как язык мой может
Ее порочить, но — несчастный!
Как часто вводит в заблужденье
Уверенность) она была
Одна, покуда с порученьем
Я восемь месяцев был в Риме;
Тогда велись переговоры,
Чтоб сеньорию передать
На благоусмотренье Папы:
Да ниспошлет Господь решение,
Которое полезней будет.
Я продолжаю свой рассказ.
По возвращении в Сиену...
Но тут дыхание слабеет,
Но тут душа изнемогает,
И умолкает мой язык.
По возвращении в Сиену
(Несправедливая тревога!)
Я увидел, что так далеко
Зашла у матери твоей
Беременность, что ей осталось
Для несчастливого рожденья
Лишь незначительное время.
Она уже писала мне
В своих, обмана полных, письмах,
Что были у нее сомненья
Насчет подобного несчастья,
Когда я отправлялся в Рим;

И так представилось мне ясно
Мое бесчестие, что, в мыслях
Переживая оскорбленье,
Вообразил я свой позор.
Не говорю, что это правда,
Но благородному по крови
Не нужно ясно убеждаться,
Достаточно воображать⁴.
И для чего же это нужно,
(О, суд несправедливый мира!
Закон немилосердный чести!)
Чтоб благородный жалким стал,
Когда незнаньем он оправдан?
Законы лгут: когда несчастный
Не мог предупредить причину,
Ее последствие — не в нем.
Какой закон имеет право
Винить несчастного? Какое
Есть прегрешение в безвинном?
Я говорю, законы лгут.
То не бесчестье, а несчастье.
Да, хороши законы чести,
Одним бесславьем покрывая —
Меркурия, кто честь украл,
И Аргуса, кто был ей стражем!
О, что же этот мир, который
Так невинного позорит,
Приуготовил для того,
Кто, зная свой позор, безмолвен?
Среди подобных размышлений,
Среди сомнений столь жестоких
Не мог я сесть за стол, чтоб есть,
Не мог уснуть в своей постели.
Я жил с самим собой в разладе,
И сердце было как чужое,
Душа как деспот мне была.
И хоть порой в ее защиту

Я рассуждал с самим собою,
И хоть вполне я оправданье
Правдоподобным находил,
Боязнь позора в то же время
Столь настоятельно влияла,
Что, зная всю ее невинность,
Я отомстил — не грех ее,
Свои сомнительные мысли.
И чтоб отмщенье было тайным,
Гостей созвал я на охоту:
Ревнивцу дорог лишь обман.
В горах, когда другие были
Поглощены своей забавой,
Обманно-нежными словами
(Кто лжет, умеет их сказать!
Кто любит, им охотно верит!)
Увлек я мать твою, Росмиру,
К одной тропинке отдаленной
От проторенного пути:
Моим ласкательствам внимая,
Она вошла в уют, сокрытый
Меж горных стен, куда для солнца
Сплетеньем листьев и ветвей,
Соединенных грубой силой,
Чтоб не сказать — любовной связью,
Был прекращен малейший доступ.
И чуть напечатлела след
Своею смертною стопою,
Чуть с ней вдвоем...

СЦЕНА 9-я

Арминда. — Те же.

А р м и н д а

Когда бесстрашье,
Что у тебя гнездится в сердце,

И опытность твоя, сеньор,
В почтенных зрима седилах,
Перед нагрянувшим несчастьем
Тебе в поддержке не откажут, —
Как испытание души,
Оно стоит перед тобою.

К у р с и о

Что за причина заставляет
Тебя перерывать рассказ мой?

А р м и н д а

Сеньор...

К у р с и о

Сомнением не мучь.
Кончай.

Ю л и я

Чего же ты умолкла?

А р м и н д а

Быть голосом я не хотела б
Твоей беды, моих несчастий.

К у р с и о

Ее узнать я не боюсь,
И ты о ней сказать не бойся.

А р м и н д а

Лисардо, моего владыку...

Э у с е б и о

Лишь этого не доставало.

А р м и н д а

Пронзенного, всего в крови,

Четыре пастуха соседних
Несут (о, Боже!) на носилках,
Умершего. Идут. О, только
Теперь на труп ты не гляди!

К у р с и о

О, небо! Столько злополучий
Для одного!

СЦЕНА 10-я

*Хиль, Менга, Тирсо, Брас и Торибио
несут на носилках мертвого Лисардо.
— Те же.*

Ю л и я

Какой же силой
Нечеловеческой свирепость
Его пронзила прямо в грудь?
Какой рукою своевольной,
Разгневанной столь кротким нравом,
Моя излита кровь? О, горе!

А р м и н д а

Сеньора...

Б р а с

Нет, не подходи.

К у р с и о

Назад.

Т и р с о

Тебя покорно просим,
Не подходи.

К у р с и о

Друзья, не может
Терпеть душа. О, дайте видеть

Мне этот бездыханный труп,
Руину времени, осколок
Звезды несчастной, лик зловещий
Моих печалей роковых.
Какой бездушный рок (о, сын, мой милый!)
Тебе велел предстать, как скорбный прах,
Чтоб ты нашел в моих седирах саван?
О, памятник, возникший на песках!
Скажите мне, друзья: кто был убийцей
Того, чья жизнь всегда была моей?

М е н г а

Вот скажет Хиль; когда его убили,
Он в рощице стоял среди ветвей.

К у р с и о

Скажи, приятель, кто убил Лисардо?

Х и л ь

А я не знаю; знаю лишь, что он
Назвался Эусебио при споре.

К у р с и о

Могу ли я быть больше оскорблен?
Вдвойне я Эусебио ограблен;
Он отнял жизнь и честь.

(К Юлии.)

Ну, что ж, готовь
Его желаньям буйным оправданье,
Скажи: вполне чиста его любовь,
Ведь он, за неимением бумаги,
Ее твоею кровью записал.

Ю л и я

Сеньор...

К у р с и о

Не отвечай мне, и сегодня ж
Поступишь в монастырь, как я сказал.

Не то готовься, что с Лисардо вместе
Во мгле могилы будешь роковой,
В один и тот же день вас хороню я:
Он мертвый в мире, в памяти живой,
Ты мертвая во мне, живая в мире.
Иду и замыкаю эту дверь,
Останься с мертвым, чтоб, при виде смерти,
Как умирать — узнала ты теперь.

(Уходят.)

СЦЕНА 11-я

Юлия; Лисардо, мертвый; Эусебио.

Ю л и я

Тысячекратно собираюсь,
О, Эусебио жестокий,
С тобою говорить, но сердце
Тысячекратно не велит,
И прекращается дыханье,
И на устах слова смолкают.
О, я не знаю, я не знаю,
Как мне с тобою говорить:
Ко мне в одно и то же время
Приходит гнев и состраданье,
Горят в одно и то же время
Негодование и любовь.
Глаза хотела бы закрыть я,
Чтобы не видеть этой крови,
Чтобы не знать, что цвет гвоздики⁵
Взывает к мщению за себя:
И оправдать тебя хочу я,
При виде слез твоих, затем что
Глаза и раны, в нашей жизни —
Уста, которые не лгут.
В одной руке держа влеченье,

Другой рукой готовя кару,
Одновременно я хотела б
Тебя казнить и защищать.
И меж таких слепых сомнений,
И между помыслов столь сильных
Меня сражает милосердье
И побеждает боль тоски.
Так значит — так меня ты ищешь?
О, Эусебио, так значит —
Взамену нежности ты хочешь
Меня жестокостью пленить?
В то время как, на все решившись,
Ждала я моего венчанья,
Ты хочешь мне, в замену свадьбы,
Устроить пышность похорон!
Когда я для тебя в угоду
Перед отцом явилась дерзкой,
Ты для меня готовишь траур
В замену праздничных одежд!
Когда, поставив жизнь на карту,
Я наш восторг осуществила,
Ты вместо свадебного ложа
(О, небо!) мне готовишь гроб!
Когда, презрев преграды чести,
Тебе я руку предлагаю,
Ты мне протягиваешь руку,
Всю обогренную в крови!
Как буду я в твоих объятьях,
Когда, желая нашей страсти
Дать жизнь горячею любовью,
Я тотчас натолкнусь на смерть?
Что может мир сказать, узнавши,
Что предо мною постоянно,
Коли не облик оскорбленья,
Так тот, кто совершил его?
И если б силою забвенья
Я схоронить его желала,

Чуть обниму тебя, и память
Его мне тотчас возвратит.
Тогда невольно, если даже
Тебя я страстно обожаю,
Самозабвенные услады
Я в гневность мести превращу.
И как, скажи, душа могла бы
Жить в столь мучительном разладе,
Что каждый миг ждала бы кары
И не желала бы ее?
Довольно будет, если в память
Того, что я тебя любила,
Тебя прошу, но не надейся
Меня увидеть никогда.
Из этого окна ты можешь
Проникнуть в сад; беги, спасайся,
Чтобы отец мой, возвратившись,
Не мог тебя увидеть здесь.
Беги, здесь быть тебе опасно,
И, Эусебио, запомни,
Сегодня ты меня теряешь,
Раз потерять меня хотел.
Забудь меня, живи счастливо,
И не смущай свое блаженство,
И не плати за радость счастья
Ни огорченьем, ни тоской.
А я монашескую келью
Для жизни сделаю темницей
Или, быть может, даже гробом,
Чтоб волю выполнить отца.
Там я оплачу злополучья
Звезды такой немилосердной,
Судьбы такой бесчеловечной,
Влияния таких страстей,
Планеты, мне такой враждебной,
Созвездий, столь упрямо-буйных,
Любви настолько несчастливой,

Настолько низменной руки,
Что жизнь мою она убила
И не дала мне этим смерти,
Чтоб я всегда жила в печали
И умирала без конца.

Эусебио

Когда с жестокими словами
Жестокость рук ты сочетаешь,
Ты можешь отомстить немедля,
Я падаю к твоим ногам.
Смотри, я схвачен преступленьем,
Твоя любовь — моя темница,
Мои погрешности — оковы,
И сила помыслов — палач;
Когда твои глаза — мне судьи,
Мой приговор конечно смертный,
Но обо мне промолвит слава:
«Он умер, так как он любил».
Да, только в этом я преступник,
Что я люблю тебя; не буду
Себя оправдывать, чтоб грех мой
Не показался не грехом;
Лишь одного теперь желаю,
Убей меня и будь отмщенной,
Возьми кинжал, пронзи им сердце,
Которым ты оскорблена,
Исторгни дух, в тебя влюбленный,
Пролей потоки жгучей крови,
Тебе самой принадлежащей.
А если ты меня убить
Сама не хочешь, пусть для мщенья
Придет отец, пойду, скажу я
Ему, что я в твоём покое,
Пускай спешит.

Ю л и я

Остановись!

В последний раз с тобою буду
Я говорить, и ты исполнишь
То, что скажу я.

Э у с е б и о

Обещаю.

Ю л и я

Итак, иди скорей туда,
Где жить ты можешь безопасно.
Есть у тебя и дом, и люди,
Чтоб защитить тебя.

Э у с е б и о

Разумней

Мне было бы утратить жизнь.
Раз жив я буду, невозможно,
Чтобы тебя не обожал я,
И даже в келье монастырской
Не будешь безопасна ты.

Ю л и я

Сумей сберечь себя, сумею
Хранить себя и я.

Э у с е б и о

С тобою

Увижусь?

Ю л и я

Нет.

Э у с е б и о

И нет исхода?

Ю л и я

Не жди его.

Э у с е б и о

Уже меня
Ты ненавидишь?

Ю л и я

Постараюсь
Все сделать, чтобы ненавидеть.

Э у с е б и о

Меня забудешь ты?

Ю л и я

Не знаю.

Э у с е б и о

Тебя увижу?

Ю л и я

Никогда.

Э у с е б и о

Но наше прошлое блаженство?..

Ю л и я

Но эта кровь передо мною?..
Ты слышишь: дверь сейчас откроют.
Иди скорей.

Э у с е б и о

Лишь для тебя.
И не увижусь я с тобою!

Ю л и я

И не увидишь ты меня!

*(Слышен шум, каждый уходит
в свою сторону, входят несколько слуг
и уносят тело.)*

ХОРНАДА ВТОРАЯ

СЦЕНА 1-я

Гора.

*Рикардо, Селио, Эусебио, одетые бандитами,
с мушкетами¹*

(За сценой слышен выстрел.)

Рикардо

Ударил в грудь ему свинец жестокий.

Селио

Свирепейший удар запечатлел
Трагедию — его горячей кровью,
Излитой на цветы.

Эусебио

Его удел
Свершился. Крест над ним скорей поставьте.
Да не казнит Господь грехи его!

Рикардо

Разбойникам не чуждо милосердьё.

(Рикардо и Селио уходят.)

Эусебио

И если воля рока моего —
Чтоб стал я предводителем бандитов,
Пусть будут преступления мои,

Как и мои страдания, бесконечны.
В свирепости, в каком-то забытьи,
Они меня преследуют,— но я ведь
Лисардо не изменю убил;
И вот казнить я должен столько жизней,
Чтоб только сам живым и сытым был.
Имущества они меня лишили,
Мои все виллы забраны в казну,
И даже мне отказывают в пище.
Так каждому я голову сверну,
Кто подойдет сюда к уступам горным.

СЦЕНА 2-я

*Рикардо, бандиты; Альберто,
схваченный ими.— Эусебио.*

Рикардо

Я посмотреть на рану пожелал,
И нечто необычное увидел.

Эусебио

Рассказывай.

Рикардо

Он на груди держал
Вот эту книгу; об нее-то пуля
Расплющилась, и, чувств лишившись, он
Оправился. Он здесь перед тобою.

Эусебио

Ужаснут я и вместе восхищен,
Скажи мне, досточтимый старец, кто ты,
Что небо, в благосклонности своей,
В твоём лице свое явило чудо?

Альберто

Счастливейший я между всех людей:
Служителем быть Церкви удостоен,
Хоть чести я не заслужил такой;
И сорок лет в Болонье неусыпно
Учил я теологии святой.
Святейшеству Его, за это рвенье,
Меня угодно было наградить:
Святой Отец, как дар благой, изволил
Мне Трентское епископство вручить;
Дивясь, что у меня на попеченьи
Так много душ, свою же я забыл,
Я лавры бросил, я от палм отрехся,
Я от мирских обманов отступил,
Ушел искать уроков достоверных,
Спасающих от ложного,— и вот
Я прохожу по сим местам пустынным,
Где правда обнаженная живет.
Я в Рим иду, чтоб Папа мне позволил
Отшельнический орден основать.
Но ты, как вижу, хочешь дерзновенно
Нить жизни недоконченной порвать.

Эусебио

Поведай мне, какая это книга?

Альберто

А это плод, который я извлек
Из стольких лет занятий неусыпных.

Эусебио

Какой же в ней содержится урок?

Альберто

История таинственного древа,
На коем, без боязни умерев,

Над смертью одержал Христос победу,
И усмирил ее свирепый гнев:
Правдивейший рассказ об этом древе.
Название книги — «Чудеса Креста».

Эусебио

Свинец послушней воска оказался,
Не тронул ни единого листа,
И благо. Да угодно будет Богу
Чтоб, прежде чем листы ее пробить,
Удар мой, на меня же обратившись,
Мне руку поспешил испепелить!
Бери одежду, деньги, без помехи
Живи; лишь эту книгу я возьму.
А вы его подите проводите.

Альберто

Иду и вознесу мольбы к Тому,
Кто видит все. Да озарит твой разум,
Чтоб ты свою ошибку увидал!

Эусебио

Коль блага мне воистину желаешь,
Молись, чтоб Он покаяться мне дал,
Пред тем как я умру.

Альберто

Я обещаю,
Что в этом буду я Его слугой.
И так твоим я тронут милосердьем,
Что где бы ты ни был, но в нужде такой,
В миг смерти, брошу я свою пустыню,
И ты найдешь во мне духовника:
Священник я, меня зовут Альберто.

Эусебио

Даешь мне слово?

Альберто
Вот моя рука.

Эусебио

Вторично я твои целую ноги.

*(Альберто уходит с Рикардо
и с разбойниками.)*

СЦЕНА 3-я

Чилиндрина.— Эусебио.

Чилиндрина

Всю гору я прошел, спеша к тебе.

Эусебио

Что нового, приятель?

Чилиндрина

Два известья,

Дурные оба.

Эусебио

В страхе и в борьбе
Дрожит душа. Ну, говори.

Чилиндрина

Во-первых,
(Об этом я хотел бы умолчать)
Отцу Лисардо дали порученье...

Эусебио

Ну, говори.

Чилиндрина

Тебя убить иль взять.

Э у с е б и о

Другая весть меня пугает больше.
Смушаясь и стремительно спеша,
В предчувствии каких-то бед грядущих,
Идет как будто к сердцу вся душа.
Ну?

Ч и л и н д р и н а

Юлия...

Э у с е б и о

В предчувствии несчастий
Не обманулся я, коль свой рассказ
Упомянув Юлии ты начал.
Вот, я печален. О, не в добрый час
Я полюбил ее!.. Но продолжай же.

Ч и л и н д р и н а

Она в монастыре.

Э у с е б и о

Еще удар!

Нет больше сил. Так страшно небо мстит мне
За краткий свет надежд, за сладость чар,
Погибших, прежде чем я испытал их.
Я к небу должен ревностью пылать,
Раз для него она меня бросает.
Но, чтобы жить, я должен убивать,
Чтоб не погибнуть, должен дерзко грабить,
Так я не буду хуже, чем я был.
Пускай же в пропасть замыслы сорвутся,
Когда мой разум в пропасти вступил.
Где Селио? Рикардо? Позови их.

(В сторону.)

(Любя, сгораю!)

Ч и л и н д р и н а

Я иду.

(Уходит.)

Э у с е б и о

Скорей.

Я жду их здесь.— О, Юлия, тебя я
Найду, как вор, в обители твоей!
И никакая кара не страшна мне;
Чтоб овладеть такою красотой,
Любовь меня как деспот принуждает
Ворваться в тишь обители святой,
Проникнуть силой в сумрачную келью.
Отчаянье владеет мной теперь,
И если бы любовь мне не велела
Найти твою замкнувшуюся дверь,
И если бы она была бессильна
Такие дерзновенья мне внушить,
Я их свершил бы лишь затем, чтоб сразу
Так много преступлений совершить.

СЦЕНА 4-я

Хиль, Менга.— Эусебио.

М е н г а

И что же делать мне, несчастной,
Коль повстречаем мы его?

Х и л ь

А я-то, Менга, здесь зачем же?
Крепись; не бойся ничего,
А если встретим атамана,
Со мной праша и петля есть.

М е н г а

Боюсь я, Хиль, его злодейства.
Что если посягнет на честь?
Забыл, что с Сильвией случилось,
Когда она сюда зашла?

Девницею вошла в ущелье
И женщиной домой пошла.
Подумать, ужаси какие!

Хиль

Случиться может и со мной:
Я юношей вхожу в ущелье,
А как же я приду домой?

(Замечают Эусебио.)

Менга *(к Эусебио)*

Ай, ай, сеньор, тебя погубит
Здесь Эусебио!

Хиль

Сеньор,
В опасные места зашел ты,
Здесь может повстречаться вор.

Эусебио *(в сторону)*

Они, как вижу, не узнали,
Отлично.

Хиль

Ищешь смерти? Нет?

Эусебио *(в сторону)*

(Ишь мужичье!) — Чем заплатить вам
Могу я за такой совет?

Хиль

Лишь тем, что избежишь злодея.

Менга

Кто в руки попадет к нему,
Хоть и противиться не будет,
Пиши прощай, конец ему.

Убьет, и крест над ним поставит,
И грех свой, дескать, искупил.
Подумаешь, какая милость
Тому, кого он сам убил!

СЦЕНА 5-я

Рикардо, Селио.— Те же.

Рикардо
Он здесь был?

Селио

Да.

Хиль (к Эусебио)

Беги! Разбойник!

Рикардо
Ты, Эусебио, нас звал?

Хиль

Как, Эусебио сказал он?

Менга

Да.

Эусебио

Разве вас я обижал?
Что ж вы молчите? Отвечайте.

Менга

Ну, Хиль, где петля? Где праща?

Хиль

Где черт? Чтобы тебя побрал он!

Селио

Когда сейчас, тебя ища,

Мы шли сюда, с высот я видел,
Внизу, на зелени лугов,
Идет отряд к уступам горным
Вооруженных мужиков.
Так Курсио осуществляет
Свою замысленную месть.
Сбери людей, реши, что делать,
Бежим, покуда время есть.

Э у с е б и о

Бежать теперь необходимо,
Работа на ночь есть у нас.
Со мною оба отправляйтесь,
Я выбрал вас на этот раз
И честь свою вам доверяю.

Р и к а р д о

Ее я свято сберегу.

Э у с е б и о

Я жизнь дарую вам, крестьяне.
Два слова моему врагу
Вы от меня передадите:
Скажите Курсио, что я
С толпою храбрецов живу здесь,
И шайка велика моя;
Но я себя лишь защищаю,
Его не думал убивать,
И он причины не имеет
Меня с оружием искать.
Я без предательства, без козней,
Лисардо умертвил в бою,
Лицом к лицу мы с ним сразились,
И перед тем как жизнь свою
Он кончил, сам его отнес я,
На собственных своих руках,
Туда, где мог он с сокрушеньем

В своих покаяться грехах;
Меня бы должен уважать он
За это; если ж хочет мстить,
Пусть он узнает, что себя я
Всегда сумею защитить.

(К бандитам.)

И чтоб они не увидали,
Куда теперь идти хотим,
Привяжем их к стволам деревьев,
Да и глаза завяжем им.

Рикардо

Вот и веревка.

Селио

Ну, скорее.

Хиль

Я как святой Себастиан².

Менга

Я как святая Себастьяна.
Но раз такой удел нам дан,
Вяжи меня, вяжи, как хочешь,
Но лишь меня не убивай.

Хиль

Меня не тронь; коль убегу я,
Меня распутным называй.
Клянись и ты скорее, Менга,
Такой же клятвой перед ним.

Селио

Привязаны.

Эусебио

Без промедлений
Мой замысел осуществим.

Уж ночь идет в покрове черном,
Гася огонь дневных лучей.
Пусть ты хранима самым небом,
Ты будешь, Юлия, моей!

(Уходят.)

СЦЕНА 6-я

Хиль, Менга, привязанные.

Х и л ь

Ну, Менга, в этом положеньи
Теперь кто б ни увидел нас,
Конечно, тотчас же он скажет,
Что Перальвильо — здесь как раз³.

М е н г а

Никак не стронуться мне с места,
Ты, Хиль, иди скорей сюда.

Х и л ь

Ты, Менга, развяжи мне узел,
Я отвяжу тебя тогда.

М е н г а

Иди сперва ты, надоедней.

Х и л ь

Ну, что ж, придет ли кто-нибудь?
Готов я об заклад побиться,
Что если тут проезжий путь,
Погонщик здесь мулов быть должен,
Что звонко песенку поет,
Иль путник, что проходит клянча,
Или студент — набивши рот,

Или святоша — умоляя,
Чтобы на церковь дали ей ⁴,
А если никого здесь нету,
Уж тут не без вины моей.

Г о л о с (за сценой)

Здесь говорят. Сюда, живее.

Х и л ь

Прошу покорно, в добрый час.
Я тут запутался в сомненьях,
Вы разрешите их как раз.

М е н г а

Коли вы ищите веревки,
Я награжу вас тотчас ей.

Х и л ь

Моя веревка будет толще,
Ко мне пожалуйста скорей.

М е н г а

Я женщина, мне помогите,
От страха я едва жива.

Х и л ь

Тут, брат, любезности не к месту,
Меня развязывай сперва.

СЦЕНА 7-я

*Курсио, Октавио, Брас, Тирсо,
солдаты. — Хиль, Менга.*

Т и р с о

Вот где-то здесь я слышал голос.

Хиль

Чтобы тебе погибнуть!

Тирсо

Вот!

Что это значит, Хиль?

Хиль

То значит,

Что дьявол всюду стережет.

Развязывай меня сначала,

Потом услышишь мой рассказ.

Курсио

Что здесь случилось?

Менга

А случилось,

Что ты приходишь в добрый час,

Чтобы изменник был наказан.

Курсио

Да кто же так вас привязал?

Хиль

Кто? Эусебио, конечно,

И он при этом нам сказал...

Но что сказал он, я не знаю.

Скрутил он нас. Нет больше сил.

Тирсо

Ну, ну, не плачь: еще с тобою

Себя он кротким объявил.

Брас

Тебя ничем он не обидел,

Ты с Менгою не разлучен.

Хиль

Ай, Тирсо, я совсем не плачу
О том, что был не кроток он.

Тирсо

О чем же плачешь? Расскажи нам.

Хиль

О чем теперь я плачу? Ну,
О том, что с Менгой я остался.
Как у Антона-то жену
Похитил он, ты помнишь, было?
Ну, думаем, пришла беда;
Дней шесть прошло, и возвратилась,
Повеселились мы тогда,
Пожертвовал он сто реалов.

Брас

А Бартоло как повезло?
Он с Каталиной повенчался,
И вот, полгода не прошло,
Как родила: ты посмотрел бы,
Каким он гусем стал гулять:
Что в девять месяцев другая,
Моя, мол, успевает в пять.

Тирсо

Пока он жив, нет больше чести.

Курсио

И это должен слышать я
Про бессердечного тирана?
Сколь велика беда моя!

Менга

Подумай, как его погубим,

И ежели прикажешь нам,
Мы, женщины, возьмем оружие,
За ним пойдем мы по следам.

Х и л ь

Что здесь он, в этом нет сомненья:
Весь этот длинный ряд крестов
Поставлен им самим над теми,
Кто превращен им в мертвецов.

О к т а в и о

Во всех горах нет глуше места.

К у р с и о *(в сторону)*

И здесь как раз о, небеса!
Невинность мне и непорочность
Свои явили чудеса,
А я сомненьями преступно
На красоту их посягал,
Меж тем как облик светлой правды
Во всем величьи мне предстал.

О к т а в и о

Сеньор, какую новой страстью
Твое мечтанье смущено?

К у р с и о

Октавио, меня смущает
Воспоминание одно;
И так как не хочу в словах я
Мой обнародовать позор,
К моим глазам он подступает
И затуманивает взор.
Пусть все меня пока оставят,
И там помедлят на пути,
Чтоб я один пред небесами
С собою тяжбу мог вести.

О к т а в и о

Тяжел твой вздох. Идем, ребята.

Б р а с

Что говоришь?

Т и р с о

Сказал он: вздох?

Х и л ь

Не расслышали приказанья?

Пойдемте-ка поищем блох.

(Все уходят, кроме Курсио)

СЦЕНА 8-я

К у р с и о

С кем не случилось, чтобы в горе
Он не ушел в уединенье,
И сам собой не утешался,
Не доверяясь никому?
Меня в одно и то же время
Так много мыслей угнетает,
Что с морем я и с ветром спорю,
Вдыхая и в слезах скорбя.
И в этой местности безлюдной,
В безмолвии, сам друг с собою,
Хочу развлечь мои страданья
Воспоминаньем лучших дней.
Пусть ни источники, ни птицы
Свидетелями мне не будут:
Бегут источники с журчаньем,
И есть язык у вольных птиц.
Я не хочу иных собратьев,
Как эти сумрачные ивы:
Они внимают и не помнят,

И значит могут умолчать.
Вот в этом месте разыгралась
Трагедия ревнивой страсти
И чистоты, пример которой
Лишь может древность указать.
Но кто освободиться может
От подозрений, при которых
Обманной кажется и правда?
Я знаю, ревность — смерть любви.
Ни для кого у ней пощады
Найтись не может; ни смиренный,
Ни строгий от нее не скрыты.
Так в этом месте, между гор,
Я и Росмира... Чуть припомню,
И вся душа моя трепещет,
И пресекается мой голос:
Здесь нет ни одного цветка,
Который бы не встал упреком,
Здесь каждый лист меня пугает,
И каждый камень изумляет,
И каждый ствол наводит страх,
И каждая гора грозит мне,
И каждый склон встает, как бремя;
И все свидетельствуют вкуче
О деле низменном моем.
Я вынул шпагу, но при этом
Она нисколько не смутилась:
В опасностях любви — невинный
Ни разу трусом не бывал.
«Остановись, — она сказала, —
Не говорю тебе, супруг мой,
Не убивай меня, — о, если
Меня ты хочешь умертвить,
Могу ль отказывать я в жизни,
Которая — твоя всецело?
Скажи лишь, почему так хочешь,
И дай в последний раз обнять».

Я отвечал: «Ты, как ехидна,
Того теперь во чреве носишь,
Кто умертвит тебя; довольно
Он указывает на тебя.
Но прежде чем его увидишь
И прежде чем родишь бесславно,
Я буду твой палач, решаюсь
Тебя и ангела убить».
«О, если,— мне она сказала,
Супруг мой, если ты подумал,
Что изменить тебе могла я,
Меня немедленно убей.
Но этот Крест я обнимаю».
Она сказала, а пред нею
Был Крест. «Пусть будет он свидетель,
Пусть будет он защитник мой,
Тебя ни в чем я не умела
Ни оскорбить, ни опорочить».
Я помню, полный угрызений,
Хотел я броситься тогда
К ее ногам: я видел ясно
Во всем лице ее невинность.
Пусть кто замыслил злодеянье,
Сперва обдумает его:
Когда себя он обнаружил,
Хотя б исправиться желал он,—
Чтоб показать, что есть причина,
Он будет увлечен вперед.
И я, не потому, чтоб думал,
Что оправданье не правдиво,
Но для того, чтоб было цельным
То преступление мое,
Разгневанную поднял руку
И тысячу ударов смертных
По всем нанес я направленьям,
Но только воздух поразил.
Как мертвую, ее оставил

Я у Креста; спастись желая,
Домой направился — и что же —
Я дома нахожу ее,—
Светлей, чем радостное утро,
Когда заря выходит к миру,
И держит, как ребенка, солнце
На ласковых своих руках.
Держала Юлию Росмира,
Божественно-прекрасный образ,
Дышавший нежной чистотою:
(Какое счастье могло
С моим сравниться?) в этот вечер
Она родилась у подножья
Креста; и чтобы мир увидел,
Какое чудо Бог явил,
Ребенок был отмечен знаком
Неизъяснимого блаженства,
Отмечен посредине груди
Крестом из крови и огня.
Но горе мне! такое счастье
Отравлено сознанием было,
Что, бесприютное, осталось
Другое существо в горах;
Средь мук, таких неумолимых,
Она почувствовала ясно,
Что у нее родилось двое;
И я тогда...

СЦЕНА 9-я

Октавио.— Курсио.

О к т а в и о

Идет отряд
Бандитов через ту долину;
Пред тем как ночь во тьме замкнется,
Спуститься нужно к ним навстречу,

А то гора известна им,
А нам неведомы ущелья.

К у р с и о

Идемте ж все сомкнутым строем;
Я до тех пор не успокоюсь,
Пока ему не отомщу.
(Уходят.)

СЦЕНА 10-я

Внешний вид монастыря.

Эусебио, Рикардо, Селио, с лестницей.

Р и к а р д о

Ставь лестницу, вот здесь, тихонько;
Не отставай же от меня.

Э у с е б и о

Икаром буду я без крыльев,
И Фаэтоном без огня.
Взобраться я хочу до солнца,
И если мне поможет луч,
Я перейду за свод небесный.
Любовью сильной — я могуч.
Вы тотчас лестницу возьмите,
Как поднимусь; я дам вам знак,
Когда ее опять поставит.
Кто, воспарив, не мог никак
С высот заветных не сорваться,
Пусть воспарит и вниз падет:
Вся боль паденья не уменьшит
Миг созерцания высот.

Р и к а р д о

Чего ж ты ждешь?

Селио

Какою силой
Ты, столь надменный, вдруг смущен?

Эусебио

Так вы не видите, что пламя
Грозится мне со всех сторон?

Рикардо

Сеньор, то привиденья страха.

Эусебио

Я страх ^{б?}

Селио

Всходи.

Эусебио

Хоть у меня
Глаза от пламени ослепли,
Но я пойду среди огня,
Пусть целый ад встает преградой.
(Поднимается по лестнице и уходит.)

Селио

Взошел.

Рикардо

Какой-то тенью сна,
Фантазией, созданием мысли
Его душа устрашена.

Селио

Отнимем лестницу.

Рикардо

Придется
Нам дожидаться до зари.

С е л и о

А все-таки туда взобраться
Есть храбрость, что ни говори.
Хоть мне, скажу тебе по правде,
С моей крестьянкой сладким сном
Упитья было бы желанней;
Но будет время и потом.

(Уходят.)

СЦЕНА 11-я

Келья Юлии.

Эусебио; Юлия, в постели.

Э у с е б и о

Никем не видим и не слышим,
Влеком таинственной судьбой,
Весь монастырь, глубоко спящий,
Я обошел, окутан тьмой.
Я был у многих-многих келий,
В их двери узкие глядел,
Но Юлии нигде не видел,
И здесь моей мечте предел.
О, вечно лживые надежды,
Куда ж влечете вы меня?
Какое мертвое молчанье!
Но вижу слабый свет огня
Средь этой темноты зловещей.
Здесь келья тесная, и в ней
Я вижу Юлию. Так что же?

*(Отдергивает занавеску
и видит спящую Юлию.)*

Не хватит храбрости моей,
Чтоб с ней заговорить? Я медлю!

Пред чем дрожит моя любовь?
Едва, смущенный, стану смелым,
Как, смелый, я смущаюсь вновь.
В смиренном этом одеянии
Вдвойне волшебна красота:
О, если женщина красива,
Она стыдлива и чиста.
Ее пленительные чары,
Своею странностью маня,—
Предмет моей любви,— влияют
Непостижимо на меня:
Во мне в одно и то же время
Хотения любви зажглись,
И жажда чар, и стыд, и жалость.
О, Юлия, проснись, проснись!

Ю л и я

Кто звал меня? Но что я вижу?
Ты тень желанья моего?
Тень мысли?

Э у с е б и о

Так тебя пугаю?

Ю л и я

Но кто ж от вида твоего
Не убежит?

Э у с е б и о

Постой, помедли!

Ю л и я

Чего ты хочешь в этот час,
О, призрак мысли повторенной,
Обманный, верный лишь для глаз?
Ты голос ли воображенья?
Ты заблуждений образец?

Рождение холодной ночи?
Мой сон? Мой призрак, наконец?

Эусебио

Я Эусебио, к тебе я
Пришел, о, Юлия, любя;
Когда б я был твоею мыслью,
Я был бы вечно близ тебя.

Юлия

Тебя я слышу, понимаю,
Мой стыд тобою оскорблен,
Действительный, ты мне ужасней,
Чем если б ты был только сон.
Где я, рыдая, умираю,
Где доживая, я грущу,
Чего ты хочешь? Вся дрожу я!
Чего ты ищешь? Трепещу!
Что ты задумал? Умираю!
Что ты замыслил? Гасну вновь!
Как ты сюда дерзнул проникнуть?

Эусебио

Вся из чрезмерностей — любовь.
Моя тоска, моя суровость
Владеют нынче мной вполне:
Пока сюда ты не сокрылась,
Я жил, я мучился вдвойне,
Но я надеялся; когда же
Я красоты твоей лишен,
Я посягаю на обитель,
Топчу монашеский закон.
С тобою мы оба виноваты —
В чем есть вина, иль нет вины;
Две крайности, любовь и сила,
Во мне судьбою сплетены.
Не может небо оскорбиться,

Что жаждой полон я одной:
Пред тем как поступить в обитель,
Ты втайне стала мне женой;
В одном не может сочетаться
Обет монашеский и брак.

Ю л и я

От счастья наших уз любовных
Отречься мне нельзя никак.
Слиянье было неизбежным
Двух наших чаяний в одно,
Я назвала тебя супругом,
И это было суждено;
Но здесь я стала инокиней,
Супругой сделалась Христа,
Ему дала навеки слово,
И я теперь его, не та,
Не прежняя. Чего ты хочешь?
Иди и погибай один,
Служи на изумленье миру,
Свирепый, убивай мужчин,
Насилуй девушек и женщин,
Но только от меня не жди
Плодов любви твоей безумной,
Здесь место свято, уходи.

Э у с е б и о

Чем более твоя защита,
Тем более тебя хочу.
Я посягнул на эти стены,
Я брошен ветром, я лечу.
Влиянье высшей скрытой силы,
А не любовь владеет мной;
Исполни же мое желанье,
Не то, порвавши мрак ночной,
Я возвещу, что позвала ты
Меня сама, что много дней

Меня держала тайно в келье:
И так как твердостью своей
Меня в отчаянье ты ввергла,
Я закричу, и пусть...

Ю л и я

Постой,
Подумай... (Горе мне!) Я слышу,
Сюда идут. Во тьме ночной
На хорах кто-то шевелится.
О, небеса! Что предпринять?
Чуть страх один меня покинет,
Как новый страх встает опять.
Запри скорее эту келью!
Вся в трепете, в испуге я.

Э у с е б и о

О, как любовь моя могуча!

Ю л и я

О, как строга звезда моя!

(Уходят.)

СЦЕНА 12-я

Внешний вид монастыря.

Рикардо, Селио.

Р и к а р д о

Уж три часа, замедлил сильно.

С е л и о

Рикардо, кто блаженство пьет,
Тот никогда во мраке ночи
Рассвета ясного не ждет.

Ему наверно показалось,
Готов побиться об заклад,
Что солнце никогда так рано
Не надевало свой наряд.

Р и к а р д о

Всегда светает слишком рано
Для тех, кто хочет; для того,
Кто наслаждался, слишком поздно;
Тут не изменишь ничего:
Кто ждет одно, кто ждет другое.

С е л и о

Ну, он-то, думаю, не ждет,
Чтобы восток скорей зажегся.

Р и к а р д о

Уж два часа.

С е л и о

И напролет
Всю ночь пробудет, а не скажет,
Что два часа.

Р и к а р д о

Пожалуй так:
Пока мы тут часы считаем,
Он не припомнит их никак
И наслаждается.

С е л и о

А знаешь,
Рикардо, я подумал что?
Ведь Юлия его призвала.

Р и к а р д о

Еще бы. Так, без зова, кто
Забраться в монастырь посмеет?

Селио

Какой-то шум. Ты слышишь?

Рикардо

Да.

Селио

Выходит и спуститься хочет.
Приставим лестницу сюда.

СЦЕНА 13-я

Юлия, Эусебио, у окна.
— Рикардо, Селио.

Эусебио

Прочь, женщина!

Юлия

Итак, когда я,
Твоим желаниям поддавшись,
Твоей печалью соблаздившись,
К твоим мольбам свой слух склонив,
Растрогана твоим рыданием,
Двойко Бога оскорбила,
Как Господа и как супруга,
Ты от меня стремишься прочь,
С презрением непоправимым,
Гнушаясь мной до обладанья!
Куда ж из рук моих ты рвешься?

Эусебио

О, Женщина, оставь меня!
Чего ты хочешь? Не могу я
Не рваться прочь, когда увидел
В твоих объятых знак чудесный

Каких-то божеских примет,
Из глаз твоих огни струятся,
В твоём дыхании слышу пламя,
Твой каждый довод — жгучий кратер,
И каждый волос — как гроза,
В твоих словах — я смерть встречаю,
И в каждой ласке — ад разъятый;
Так утрачен я крестным знаком,
Который грудь твою хранит.
То было знаменем чудесным,
И небеса да не допустят,
Чтоб я, хоть столь их оскорбляю,
Забыл почтение к Кресту,
Когда он будет мною сделан
Свидетелем моих падений,
Как позову его на помощь,
Как призову, не устыдись?
Нет, Юлия, будь инокиней:
Нет, я тебя не презираю,
Тебя люблю теперь сильнее.

Юлия

Останься, Эусебио.

Эусебио

Вот лестница.

Юлия

Постой, останься,
Или возьми меня с собою.

Эусебио

Нельзя. (*Спускается.*) Блаженства не
вкусивши,

Которого я столько ждал,
Тебя навеки покидаю.

(*Падает.*)

О, Господи, не дай погибнуть!
Я падаю.

Рикардо

Что там случилось?

Эусебио

Не видите, что в высоте
Исполнен жгучих молний ветер?
Не видите, что в пятнах крови
Нависло небо надо мною?
Куда ж укрыться я могу,
Когда разгневаается небо?
О, Крест божественный, отныне,
Перед тобою преклоняясь,
Даю торжественный обет,
Что я без всяких оговорок
Везде, где я тебя увижу,
Прочту, в мольбе,
Павши на земь пред тобой!

*(Он поднимается, и все трое они уходят,
оставляя лестницу.)*

СЦЕНА 14-я

Юлия *(у окна)*

Я вся в тревоге, вся в смущеньи.
Так это-то, неблагодарный,
Твоя обещанная твердость?
Так это крайности любви?
Или моей любви тут крайность?
Угрозами, тоской, мольбами,
То как насильник, то как нежный,
Ты все настаивал, пока
Не победил меня; но только
Сумел назваться полновластным
И над собой и надо мною,
Как пред победою бежал.

Кто побеждал, спасаясь бегством,
Кто, как не ты? Я умираю!
О, небо! Для чего природа,
Чтоб убивать, рождает яд,
Когда на свете есть презренье?
Оно меня лишает жизни;
И в пытке снова я желаю
Того, пред чем презренна я.
Кто знал столь странное влиянье
Любви? Когда в слезах, с мученьем,
Он умолял, я отвергала;
Когда он бросил, я молю.
Так вот мы, женщины, какие,
Мы против собственных желаний,
Любя, тому, кого мы любим,
Упитья счастьем не даем.
Пусть нас никто не любит слишком,
Когда достичь награды хочет:
Любимые, мы презираем,
Отвергнутые, любим мы.
Не больно мне, что он не любит,
А больно, что меня он бросил.
Он здесь упал, за ним я кинусь.
Но это лестница? О, да!
Какое страшное мечтанье!
Остановись, воображенье,
Не устремляй меня с обрывов;
Раз я с тобою соглашусь,
Я совершаю преступленье.
Но Эусебио влюбленный
Не для меня ль сюда ворвался?
И не было ли сладко мне
Из-за себя его увидеть
В такой опасности? Так что же
Я сомневаюсь? Что ж колеблюсь?
Уйдя, я то же совершу,
Что сделал он, сюда вступая:

И раз одно с другим сравнится,
Он будет рад, меня увидя
В опасности из-за него.
Согласие ему давая,
Я тот же самый грех свершила;
Зачем же счастье будет меньше,
Когда вина так велика?
Когда согласие я давала,
И Бог свою десницу отнял,
Моя вина не прощена ли?
Чего ж должна еще я ждать?

(Спускается по лестнице.)

Нет больше в сердце уваженья
Ни к миру, ни к стыду, ни к Богу,
Когда с закрытыми глазами
Иду к великой слепоте.
Я ангел, павший с высей неба,
Я демон, потому что, павши,
Раскаянья не ощущаю,
Хоть нет надежд вернуться ввысь.
Уже стою я вне святыни,
И мертвое молчанье ночи,
Меня окутывая мраком,
Тревожит ужасом мечту.
Настолько путь затянут тьмою,
Что я о сумрак спотыкаюсь
И, падая, не замечаю,
Что я в объятиях греха.
Куда иду? Чего хочу я?
Боюсь, что в смуте этих страхов
Восстанет каждый волос дыбом
И возмутится кровь моя.
Воображение в тревоге
Рождает в воздухе виденья,
И голос эхо глухо вторит
Неумолимый приговор.
То преступление, что прежде

Меня соделало надменной,
Меня не возбуждает больше
И заставляет трепетать.
Едва передвигаю ноги,
Они стеснились кандалами,
И на плечах я слышу тяжесть,
Она мучительно гнетет;
И вся я точно льдом покрыта,
Я не хочу идти отсюда,
Я в монастырь хочу вернуться
И замолить свой страшный грех;
Я верю в милосердьe Бога,
Нет стольких звезд на небе дальнем,
Нет у морей песчинок стольких,
Нет стольких атомов в ветрах,
Что, если б сочетать их вместе,
Они не были бы ничтожны
Перед числом грехов, которым
Сумеет дать прощенье Бог.
Сюда идут, я слышу шорох,
Я спрячусь здесь, чтоб не видали
Меня прохожие, и после
Немедленно вернусь наверх.
(Прячется.)

СЦЕНА 15-я

*Рикардо, Селио.— Юлия,
спрятанная так, что ей их не видно.*

Рикардо

Так Эусебио, упавши,
Испуган был, что мы забыли
Здесь лестницу, а день уж близко,
Пойдем, возьмем ее скорей.
(*Берут лестницу и уходят; Юлия возвращается
туда, где была лестница.*)

Ю л и я

Ушли: теперь могу подняться.
Нет никого. Но что же это?
Ведь лестница была у этой
Стены? Но нет, она вон там.
Но нет и там. О, силы неба!
Как без нее смогу подняться?
Но я несчастье понимаю:
Мне небом прегражден возврат.
Раскаявшись, хочу подняться,
И не могу. Нет милосердия.
Мне в нем отказано. Так пусть же
В отчаяньи я совершу,
Как женщина, дела такие,
Что небеса им изумятся,
Века, и мир, и грех смутятся,
И устрашится самый ад.

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ

СЦЕНА I-я

Гора.

*Хиль, с множеством крестов
и с одним очень большим на груди.*

Хиль

Велела Менга дров достать мне,
Я на гору сюда пришел,
А чтоб опасности избегнуть,
Такую штуку изобрел:
Наш Эусебио, я слышал,
Благоговеет пред Крестом.
Что ж, с ног до головы прикроюсь,
И значит по дрова пойдем.
Сказал и сделал: тут как тут он.
Нигде я места не найду,
Где безопасность достоверна;
Нырнул в кусты, дрожу и жду.
Ну, этот раз меня не видел,
Пока пройдет, побуду тут.
В терновнике укрыться можно.
Ай, ай! колючки так и жгут.
Спаси, Создатель! Так и колют,
Сильнее, чем презренье той,
Кто всех мужчин к себе пускает,
Сильней, чем ежели какой
Глупец вас ревностью ужалит.

СЦЕНА 2-я

Эусебио. — Хиль, спрятавшийся.

Эусебио

Не знаю я, куда идти:
Как долги дни того, кто грустен;
И смерть не встретишь на пути,
Когда тяжка дорога жизни.
Ты, Юлия, была моей,
Я был в твоих объятьях нежных,
И силу ласковых цепей
Могла любовь из них соделать,
Но я, блаженства не познав,
Бежал от этих чар волшебных;
И все ж я пред тобою прав:
Не я причина перемены,
Я не в себе ее носил,
Моею волей овладело
Влияние сокрытых сил;
Мне что-то высшее велело
Крест на груди твоей почитать,
И я с таким Крестом родился;
Связующая эта нить,
О, Юлия, ведет нас к тайне,
Ее лишь Бог один поймет.

Хиль (в сторону)

Нет, больше я терпеть не в силах,
Терновник рвет, терновник жжет.

Эусебио

Кто там? Меж веток кто-то скрылся.

Хиль (в сторону)

Не выгорело ничего.

Эусебио

Тут кто-то к дереву привязан,
И Крест на шее у него:
Согласно моему обету,
Молитву должен я свершить.

Хиль

Ты, Эусебио, кому же
Здесь молишься, позволь спросить.
Коль мне, зачем меня ты вяжешь?
Коль вяжешь, молишься зачем?

Эусебио

Кто ты?

Хиль

И Хиля не признаешь!
Я тут стоял и глух, и нем,
С тех пор как ты меня оставил;
Сперва кричал, не помогло,
Никто не поспешил на помощь
И не услышал, как назло.

Эусебио

Но я тебя не здесь оставил.

Хиль

Сказать по совести, сеньор,
Ты правду говоришь, но, видя,
Что я один меж этих гор,
Как был привязанным, так прямо
Я от ствола к стволу и шел,
И таким манером значит
До этих самых мест добрел.

Эусебио (в сторону)

(Он Дурачок, и при расспросах

Пригоден будет он для нас.)
Тебя я помню, Хиль, с тех пор как
Тебя я видел в первый раз.
Так будем же вперед друзьями.

Хиль

Друзьями? Ладно. И тогда
К себе туда уж не пойду я,
А значит перейду сюда.
Давай разбойничать¹; я слышал,
Здесь, что ни день, то пир горой;
Не то что целый год работать.

Эусебио

Так оставайся здесь со мной.

СЦЕНА 3-я

*Рикардо, бандиты; Юлия, одетая
в мужскую одежду, лицо у нее закрыто.—
Эусебио, Хиль.*

Рикардо

На той тропинке, что пониже
Пересекает горный склон,
Добыча в руки нам попалась,
Ты ей не будешь огорчен.

Эусебио

Сейчас поговорим об этом.
А к нам пристал еще солдат.

Рикардо

Откуда? Кто он?

Хиль

Хиль: не видишь?

Э у с е б и о

Он, правда, очень простоват,
Но знает гору превосходно
И будет нам проводником.
Лазутчиком его отправлю,
Чтоб шпионил за врагом.
Пускай оденется бандитом,
Вручить ему мушкет.

С е л и о

Бери.

Х и л ь (в сторону)

Ну, заразбойничаем славно.
А страшно, что ни говори.

Э у с е б и о

Кто этот, что лицо скрывает?

Р и к а р д о

Откуда он, не говорит,
И как зовут его, не знаем,
Сказал, что все он сообщит
Лишь атаману.

Э у с е б и о

Без помехи

Открыться можешь предо мной.
Скажи с какой приходишь целью?

Ю л и я

Ты атаман?

Э у с е б и о

Да.

Ю л и я (в сторону)
Боже мой!

Эусебио

Зачем же ты пришел и кто ты?
Скажи.

Юлия

Скажу наедине,
Когда лицом к лицу мы будем.

Эусебио

Все отойдите к стороне.

СЦЕНА 4-я

Юлия, Эусебио.

Эусебио

Одни остались мы с тобою;
И лишь цветы, и лишь деревья
Свидетели твоей беседы.
Сними же маску и скажи:
Кто ты? Зачем сюда приходишь?
Что ты замыслил? Отвечай мне.

Юлия

Чтоб сразу ты узнал, зачем я
Сюда пришел, и кто таков,
(обнажает шпагу)
Вынь шпагу; этим сообщаю,
Что я убить тебя намерен.

Эусебио

Твоя решительность пугает;
Сильней, чем голос мог пугать;
Я отражу твои удары.

Юлия

Сражайся, трус, и ты узнаешь,

Что я могу, тебя убивши,
Твои сомненья разрешить.

Эусебио

Я боюсь, но не затем, чтоб ранить,
А для того, чтоб защититься,
Я жизнь твою сберечь хотел бы;
Когда бы я тебя убил,
Я сам не знал бы основанья,
И то же самое случится,
Коль ты меня убьешь. Откройся,
Прошу, не откажись.

Юлия

Ты прав.

Когда мы мстим за честь, отмщенье
Тогда лишь верно,— оскорбленный
Тогда лишь примириться может,
Коль оскорбитель будет знать,
Кем он караем².

(Открывает лицо.)

Ну, скажи мне,

Меня ты знаешь? Испугался?
Что ж так глядишь?

Эусебио

Сомнений полный,

И видя правду пред собой,
Я изумлен тем, что я вижу,
Испуган тем, что созерцаю.

Юлия

Теперь меня ты видел?

Эусебио

Видел.

И оттого, что увидал,
Так возросло мое смущенье,

Что, если чувствами своими
Смятенными желал я раньше
Тебя увидеть, я теперь,
Когда они узнали правду,
То, что отдать я мог бы прежде
За то, чтобы тебя увидеть,
Охотно отдал бы за то,
Чтобы тебя я не увидел.
Ты, Юлия, в ущельи горном?
Ты, измененная двойкою?
Ты, в одеянии мирском?
И как сюда одна пришла ты?
Что это значит?

Ю л и я

Это значит,

Что миг разоблаченья правды
С презреньем встретился твоим.
И чтоб ты мог теперь увидеть,
Что женщина, когда стремится
В погоню за своим желаньем,
Есть выстрел, молния, стрела,
Узнай, что мне не только было
Усладой — делать преступленья,
Но мне желанно повторять их.
Я из обители ушла,
Один пастух в горах сказал мне,
Что я иду путем опасным,
И я в каком-то глупом страхе,
Чтобы опасность устранить,
С лукавостью, ножом, который
На поясе его болтался,
Его убила. Тем же самым
Ножом был путник умерщвлен:
С учтивостью он предложил мне
Сесть на его коня, на крупе,
Чтоб я немного отдохнула,

И так как он хотел свернуть
В одну деревню, для ночлега,
Я случай выждала и смертью
Благодеянье отплатила
В пустынном месте. И три дня,
Три ночи я в глуши безлюдной
Стеблями диких трав питалась
И на камнях спала холодных.
Я к бедной хижине пришла,
Ее соломенную кровлю
Шатром сочла я позлащенным,
Для чувств моих успокоеньем,
С гостеприимностью меня
Ее хозяйка приютила,
И муж ее, пастух, с ней спорил
В приветливом гостеприимстве.
Я отдохнула там вполне
И голод пищей утолила,
Хотя и скромною, но вкусной.
Но прежде, чем расстаться с ними,
Чтоб не могли они сказать
Тем, кто за мной пошел бы следом:
«Ее мы видели», — решилась
Я указанья уничтожить:
Пастух со мною шел в горах,
Чтоб показать, куда идти мне,
И я, убив, немедля
Вернулась в хижину, где то же
С его случилось женой.
Но, принимая во вниманье,
Что в собственной моей одежде
Был мой доносчик достоверный,
Ее переменяла я.
Один охотник спал в ущельи,
И сон его я обратила
Не в тень, а в точный снимок смерти;
Его оружие взяла,

В его одежду нарядилась,
И после разных приключений,
Среди препятствий и ловушек,
Сюда бестрепетно пришла.

Э у с е б и о

Дивлюсь, твоим словам внимая,
Пугаюсь, на тебя взирая,
И ты для слуха — чародейство,
Хотя для взора — василиск.
Нет у меня к тебе презренья,
О, Юлия, но опасуюсь
Возмездий, возвещенных небом,
И потому я ухожу.
Вернись в покинутую келью,
За монастырскую ограду;
Мне страшен Крест неизъяснимо.
Уйди.— Но что это за шум?

СЦЕНА 5-я

Рикардо и бандиты.— Те же.

Р и к а р д о

Сеньор, скорее на защиту:
Чтоб захватить тебя в засаде,
Приходит Курсио с толпою
Крестьян окрестных деревень.
И множество их столь обширно,
Что на тебя восстали старцы,
И дети малые, и жены,
И говорят, что отомстят
Пролитую твоей рукою
Кровь юноши твоею кровью;
Клянутся, что они за это,
И за обиду стольких мстя,

Тебя, живым или убитым,
Но схваченным сведут в Сиену.

Эусебио

Мы, Юлия, с тобою после
Поговорим. Закрой лицо.
Иди со мною: непригоже,
Чтоб твой отец и враг мой лютый
Тобою овладел.— Солдаты,
Сегодня достославный день,
Чтоб показать им нашу храбрость.
Дабы никто не колебался,
Заметьте, что они приходят
Убить нас, или, что одно,
Взять в плен; коль мы не будем храбры,
Себя без чести мы увидим,
Узнаем горькие несчастья
И будем ввержены в тюрьму.
Итак, когда мы это знаем,
За жизнь и честь кто побоялся
Узнать сильнейшую опасность?
Пускай не думают они,
Что мы боимся их: навстречу
Скорей им выйдем; потому что
Судьба всегда стоит за храбрость.

Рикардо

И нечего нам выходить:
Они сюда приходят сами.

Эусебио

Я вас предупредил; так пусть же
Никто из вас не будет трусом:
А если — небом я клянусь!—
Кто побежит или отступит,
Я острее вот этой стали

В его груди окрашу кровью
Скорее, чем в груди врага.

СЦЕНА 6-я

Курсио и народ, за сценой.— Те же.

Курсио (за сценой)

Среди запутанных ущелий,
За скалами, как за стенами,
Сокрылся безнадежно дерзкий
Изменник Эусебио.

Голоса (за сценой)

Вот, вот, они за чашей веток.

Юлия

Вперед, на них!

(Уходит.)

Эусебио

Остановитесь,
Презренные,— клянуся Богом,—
Иначе склоны этих гор,
Окрасив красной вашей кровью,
Я превращу в сплошные реки.

Рикардо

Трусливые в числе безмерны.

Курсио (за сценой)

Ты скрылся, Эусебио!

Эусебио

Не скрылся, а иду на зов твой.

*(Все уходят, и за сценой слышатся
выстрелы из мушкетов.)*

СЦЕНА 7-я

*Другой склон горы,
в глубине его виден Крест.*

Ю л и я

Едва меж горных трав ступила,
Как страшные я слышу вопли
И вижу схватку пред собой.
Пороховые переклички,
И острия блестящей стали.
Одни мое смущают зренье,
Другие — возмущают слух.
Но что я вижу? Неприятель
Своей превосходящей силой
Разбил и гонит в беспорядке
Отряды Эусебио.
Пойду и соберу их снова,
И ободрю их смелой речью,
И если я опять сплочу их,
В его защиту буду я
Страх мира, гневный бич их жизней,
Свирепый нож зловещей парки,
И ужас для времен грядущих,
И удивленье этих дней.

(Уходит.)

СЦЕНА 8-я

*Хиль, одетый как бандит; потом
Менга, Брас, Тирсо и крестьяне.*

Х и л ь

Чуть новоявленным бандитом
Для верности я записался,
И вот, за то, что я разбойник,

Опасность на меня идет.
Крестьянином я был с друзьями
На положеньи побежденных;
Пришел к ворам, вступил в их шайку,
И то же самое со мной.
Хоть и не скряга я, а всюду
Ношу несчастье за собою;
И много раз мне приходилось
Вообразать в такой беде,
Что будь я жид, и на жидов бы
Тогда несчастье простерлось.

*(Выходят Менга, Брас, Тирсо
и другие крестьяне.)*

Менга

Они бегут! Вперед, за нами!

Брас

Всех истребим до одного.

Менга

Вот здесь один.

Брас

Пускай умрет он.

Хиль

Глядите, это я.

Менга

Мы видим

И по одеже, что разбойник.

Хиль

Моя одежда наврала,
Как самый гадостный мошенник.

Менга
Лупи его.
Брас
Вали смелее.
Хиль
Уж тут лупили и валили,
А ты заметь...
Тирсо
Чего заметь?
Разбойник ты.
Хиль
Христианин я,
И при крещеньи назван Хилем.
Менга
Чего ж ты раньше не сказал нам?
Тирсо
Ты Хиль, зачем же ты молчал?
Хиль
Уж как молчал,— спервоначалу
Вам говорил, что я такой-то.
Менга
Ты что здесь делаешь?
Хиль
Не видишь,
Я против Бога восстаю,
И в пятой заповеди грешен:
Один я больше убиваю,
Чем летний зной и лекарь вместе ³.

Менга

Какое платье на тебе?

Хиль

А дьявол. Одного убил я,
В его одежду и облекся.

Менга

Так как же крови нет на платье?
Была бы, если б ты убил.

Хиль

А дело было очень просто:
Как, значит, он меня увидел,
От страху тут же он и умер.

Менга

Идем. Мы одержали верх.
Разбойники от нас бежали,
И мы спешим за ними следом.

Хиль

Ну, хоть от голода помру я,
Теперь одежду эту прочь.

(Уходят.)

СЦЕНА 9-я

Эусебио. Курсио, сражаясь.

Курсио

Вот мы одни. Да примет небо
Благодарение за то, что
Оно сегодня даровало
Отмщение моей руке,

Чужим рукам не доверяя
Возмездье за мою обиду
И казнь твою.

Эусебио
Я полагаю,
Что, встретив, Курсио, тебя,
Благодарить я должен небо;
Сюда придя как оскорбленный,
Наказанным и окорбленным
Уйдешь отсюда. Но сказать
Поистине, я сам не знаю,
Каким нежданным уваженьем
К тебе душа моя прониклась,
Страшнее мне твой гнев, чем сталь:
И хоть меня пугать могла бы
Твоя испытанная храбрость,
Лишь эти строгие седины
В моей душе рождают страх.

Курсио
Я, Эусебио, признаюсь,
Что ты мой гнев сумел умерить,
Сумел уменьшить оскорбленность,
Но не хочу, чтоб так слегка
Ты думал, что седин боишься,
Когда моя пугает храбрость.
Сражайся, чтоб звезда какая
Или благоприятный знак
Не воспрепятствовали мести,
Сражайся!

Эусебио
Я и страх? Как глупо,
В почтеньи ты увидел страх!
Но, если говорить по правде,
Победа, о которой мыслю,—

Припасть к твоим ногам покорно
И о прощении молить;
И потому мое оружие,
Что было ужасом столь многих,
К твоим ногам я повергаю.

К у р с и о

Не думай, Эусебио,
Что, преимущество имея,
Тебя убить я пожелаю.
Вот, я в ножны влагаю шпагу.

(В сторону.)

(Так повода я избежал
Его убить). Давай сразимся
С тобою в рукопашной схватке.

(Обнимаются и борются.)

Э у с е б и о

Не знаю, от каких влияний сердце
В груди моей забилося в этот час
И, вопреки желаньям гневной мести,
Оно в слезах как бы глядит из глаз.
И чтоб ты был отмщенным в этой смуте,
Я умертвить хотел бы сам себя,
К твоим ногам я жизнь свою слагаю,
Осуществляй же месть, прошу тебя.

К у р с и о

Кто благороден, тот и оскорбленный
Того, кто покорился, не убьет;
Иначе кровью блеск своей победы
В значительной он степени сотрет.

Г о л о с а *(за сценой)*

Здесь, здесь они.

К у р с и о

Отряд мой, победивши
Твоих людей, спешит меня найти;
Твои солдаты в бегство обратились.
Беги и ты, хочу тебя спасти,
От мщения крестьян тебя не в силах
Я защитить, а биться одному
С такой толпой нельзя.

Э у с е б и о

Врагов бояться
Как прикажу я сердцу моему?
Нет, Курсио, мне бегство незнакомо,
Со мною шпага, пусть начнется бой,
Для этих у меня найдется храбрость,
Которой не имел я пред тобой.

СЦЕНА 10-я

*Октавио, Хиль, Брас
и другие крестьяне. — Те же.*

О к т а в и о

Нигде, от самой низменной долины
До высшей точки этих диких скал,
Ни одного живого нет бандита;
И только Эусебио бежал...

Э у с е б и о

Солгал ты, никогда он не был трусом.

В с е

Он здесь? Так пусть же он умрет сейчас!

Э у с е б и о

Ну, ну, я жду.

Курсио

Октавио, помедли.

Октавио

И ты, сеньор, удерживаешь нас?
Мы думали, что ты-то нас ободришь.

Брас

Защитой ты становишься тому,
Кто кровь твою и честь твою похитил?

Хиль

Ты благосклонен к дерзкому — к нему,
Кто в эти горы внес опустошенье,
Кто стольких умертвил, что и не счесть,
И ни одну девицу не оставил,
Не подмарав девическую честь?
Зачем же за него ты заступился?

Октавио

Что ж, недруга хранишь ты своего?

Курсио

Послушайте, постойте (о, несчастье!):
В Сиену лучше отведем его.
Отдайся, Эусебио, во власть нам;
Как благородный клятву я даю
Быть для тебя в твоей беде защитой,
Не ставя в счет тебе вину твою.

Эусебио

Как Курсио тебе я мог бы сдаться,
Но как судье я сдаться не могу:
Почтенье в первом, во втором же трусость.

Октавио

Так пусть же он погибнет. Смерть врагу!

Курсио

Постойте...

Октавио

Защитить его желаешь?
А родину предашь?

Курсио

Предатель — я?
Прости мне, Эусебио, но этой
Обидой сражена душа моя,
И первый я убить тебя желаю.

Эусебио

Прошу тебя, владыка, отойди,
Чтоб не был устрашен твоим я видом.
А то, когда ты станешь впереди,
Ты для своих щитом надежным будешь.
(Все уходят, сражаясь с ним.)

Курсио

Теснят его, теснят со всех сторон.
О, если б жизнь твою сберечь от смерти,
Хотя б с своею был я разлучен!
Он ранен насмерть тысячью ударов,
Облитый кровью, по горе идет,
Бросается в долину, отступая,
Лечу туда. Та кровь меня зовет,
В сомнении пугливо холодея;
В ней что-нибудь из крови есть моей,
А то б она меня не призывала,
И слух мой не стремился б жадно к ней.

СЦЕНА 11-я

Эусебио, спотыкаясь, спускается вниз.

Эусебио

С вершины самой дерзновенной,
Над жизнью теряя власть,
Я падаю, и вот не знаю,
Где, мертвый, я могу упасть.
Но, если о грехах помыслю,
Не то мне жаль, что жизнь моя
Потеряна: я размышляю,
Как мог бы этой жизнью я
Загладить все грехи. Повсюду
Грозит мне вражеская рать.
И так как жить мне невозможно,
Мне остается убивать
Иль умереть. Но было б лучше
Пойти в одно из скрытых мест
И помолиться о прощеньи;
Дорогу преградил мне Крест.
Так пусть убьют меня скорее,
Он жизнь мне вечную дает.
О, древо, на котором небо
Взрослило достоверный плод,
Съеденье первого исправив,
Эдема нового цветок,
Свет радуги, под чьей дугою
Бежит стремительный поток,
В глубинах с миром примиренный,
Отдохновение от гроз,
О, арфа нового Давида,
О, виноградник новых лоз,
Скрижаль второго Моисея!
Я грешник, я молю, в борьбе,
В последней, окажи мне помощь;
Бог принял пытки на тебе
За грешников. Ты мне обязан

Лучом небесного огня:
Когда б весь мир во мне был только,
Бог смерть бы принял за меня.
О, Крест, ты для меня воздвигся,
Бог не страдал бы на тебе,
Когда бы грешником я не был!
Не будь же глух к моей мольбе,
Всегда, к тебе дыша любовью,
Я ждал, в игре страстей пустой,
Что умереть без покаянья
Ты мне не дашь, о, Крест святой.
Не первый буду я разбойник,
Который с Богом примирен
Был на тебе; нас двое, двое,
И мною не отвергнут он,
Так не отвергни же — с мольбою
Тебя просящего теперь,
Спаси меня тем самым чудом.
Лисардо, я, как дикий зверь,
Мог растерзать тебя, когда ты
Всецело был в моих руках,
Но я помог тебе пред смертью
Открыться Богу во грехах,
И ты покаялся, пред тем как
Тебя окутал смертный сон.
Я вспоминаю и о старце,
Хотя бы может умер он.
О, сжальтесь оба надо мною,
Уж я живу и не живу!
Взгляни, Лисардо, умираю!
Услышь, Альберто, я зову!

СЦЕНА 12-я

Курсио. — Эусебио.

К у р с и о

Здесь где-нибудь он, верно скрылся.

Э у с е б и о

Коль ты пришел меня убить,
Возьми последний проблеск жизни.

К у р с и о

Кто мог бы непреклонным быть
При виде этой жгучей крови?
Отдай мне шпагу.

Э у с е б и о
Дать? Кому?

К у р с и о

Мне, Курсио.

Э у с е б и о

Тебе — охотно.

(Отдает ему шпагу.)

И эти ноги обниму,
И умолять тебя я буду,
Чтоб ты обиду мне простил.
Но рана порвала дыханье,
И говорить нет больше сил,
В душе боязнь и смутный ужас.

К у р с и о

Могу ли чем тебе помочь
Как человек?

Э у с е б и о

О, нет, я слышу,
Что смертная подходит ночь,
Лишь Бог душе моей помог бы.

К у р с и о

Скажи, куда ты ранен?

Э у с е б и о

В грудь.

К у р с и о

Быть может есть еще дыханье
И есть надежда; дай взглянуть.

*(Осматривает рану
и видит Крест.)*

О, Боже! Что за знак прекрасный,
Божественный? Мой дух смущен.

Э у с е б и о

То герб, он мне Крестом дарован,
Перед которым я рожден;
Я о своем рожденьи больше
Не знаю, ничего не знал.
Отец мой мне не показался
И в колыбели отказал;
Предчувствовал, должно быть, ясно,
Что буду я таким дурным.
Я здесь родился.

К у р с и о

И довольство

Сравнится с горем здесь моим.
Печаль сравнится здесь с блаженством,
Одна их создала звезда,
Рок благодатный и враждебный.
О, сын мой! Раньше никогда
Тебя не мог назвать я сыном.
Ты, Эусебио, мне сын,
И все приметы замечая,
Я вижу, что теперь один
Я буду плакать, сокрушаться,
Найдя тебя лишь для того,

Чтоб сына своего увидеть
И вдруг похоронить его.
Твои слова лишь подтвердили,
Что я угадывал душой:
Ты матерью был здесь оставлен,
Где снова был отыскан мной.
Где совершил я прегрешенье,
Там и наказан навсегда;
Уж это место говорит мне,
Что ошибался я тогда.
Но в чем сильнее указанье,
Чем в этом знаменьи святом?
И грудь у Юлии таким же
Навек отмечена Крестом.
Нет, не без некой высшей тайны
В вас небеса тот Крест зажгли:
Они хотели, чтоб вы оба
Явились чудом для земли.

Э у с е б и о

Отец, я более не в силах
С тобою говорить. Прости!
Вкруг тела слышу холод смерти.
Как бешен бег ее пути,
Пресекла все, и не могу я
Тебе заветных слов сказать,
Нет жизни, чтоб тебя утешить,
Души, чтобы тебе отдать.
Удар последний подступает,
Подходит достоверный сон.
Альберто!

К у р с и о

Смерть того оплачу,
С кем в жизни был разъединен.

Э у с е б и о

Приди, Альберто!

К у р с и о

Рок неверный!
Несправедливая война!
Судьба!

Э у с е б и о

Альберто! О, Альберто!
(Умирает.)

К у р с и о

Ударом смертным сражена
Жизнь юного: так пусть седины
За эту скорбь заплатят мне.
(Рвет свои волосы.)

СЦЕНА 13-я

*Брас и тотчас вслед за ним
Октавио.— Курсио. Эусебио, мертвый.*

Б р а с

Рыдание твое и скорбь напрасны.
Ужель судьба суровою рукой
И мужество твое сразить сумела?

К у р с и о

Я никогда не знал беды такой.
В моих глазах не слезы, жгучий пламень,
Так пусть же вспыхнут склоны этих гор.
О, мрачная звезда! О, боль печали!
О, тягостный, суровый приговор!
(Входит Октавио.)

О к т а в и о

Судьба сегодня, Курсио, решила
Тебе послать такую бездну бед,

Какую только вынесет несчастный.
Как рассказать? В душе уменя нет,
И тяжко мне, тому свидетель небо.

К у р с и о

Что ж приключилось?

О к т а в и о

Юлия ушла.

В монастыре ее не оказалось.

К у р с и о

Скажи мне, разве мысль сама могла
Изобрести подобное терзанье?
Себе представить даже я не мог,
Чтоб за одним несчастьем другое
Так ниспослал мне беспощадный рок.
Октавио, вот этот труп остывший
Мой сын. Теперь ты можешь сам решить,
Не мог ли из ударов этих каждый
Над жизнью смертный приговор свершить.
Терпенья дай мне небо, или жизни
Меня лиши, — в ней слишком много мук.

СЦЕНА 14-я

Хиль, Тирсо, крестьяне. — Те же.

Х и л ь

Сеньор...

К у р с и о

Еще несчастье?

Х и л ь

Разбежавшись,

Разбойники соединились вдруг,
Спешат сюда, схватить тебя желают,

Какой-то демон служит им вождем,
От них самих свое лицо скрывает.

К у р с и о

В печальном злополучии моем
Так возросли души моей страданья,
Что мне услада — новая беда.
Возьмите это горестное тело,
Чтоб сохранить до времени, когда
Остывший прах его найдет могилу.

Т и р с о

Ты хочешь, чтоб в святой ограде он
Нашел себе могилу между верных?
Забыл, что он от церкви отлучен?

Б р а с

Такою смертью ежели кто умер,
Пусть гроб найдет он между этих скал.

К у р с и о

О, мстительность людей по крови низких!
Ваш гнев настолько душу вам сковал,
Что он предел последний самой смерти
Готов без колебанья перейти?

(Уходит, рыдая.)

Б р а с

Пусть в хищных птицах и зверях свирепых
Могильщикова сумеет он найти.

Д р у г о й

Чтобы достойно кару увеличить,
В ущелье сошвырнем его скорей.

Т и р с о

Давайте лучше кое-как схороним
Усопшего в траве между ветвей.

(Кладут между ветвей тело Эусебио.)

Уж ночь идет, закрыта в мрачный саван;
Ты, Хиль, останься здесь, посторожи
Покойника; а коль придут бандиты,
Ты криком нам об этом расскажи.

(Уходят.)

Х и л ь

Недурно. Эусебио спокойно
Они в траве меж веток погребли,
Меня к нему приставили как стража
И бросили в горах, и все ушли.
Почтенный Эусебио, припомни,
Тебе я другом был в те дни, когда...
Но что это? Обман воображенья?
Или толпа людей идет сюда?

СЦЕНА 15-я

Альберто. — Хиль, Эусебио, мертвый.

А л ь б е р т о

Теперь из Рима возвращаясь,
В безмолвии застывшей ночи,
Среди ущелий этих горных
Вторично заблудился я.
Здесь Эусебио от смерти
Освободил меня, и ныне,
Как думаю, его солдаты
Весьма мне могут угрожать.

Э у с е б и о

Альберто!

А л ь б е р т о

Чей дрожащий голос,
Чье еле слышное дыханье
Ко мне мое домчало имя
И зовом в слух ко мне вошло?

Э у с е б и о

Альберто!

А л ь б е р т о

Вот, я снова слышу,
Меня зовут, и полагаю,
Что этот зов идет отсюда;
Давай посмотрим.

Х и л ь

О, Творец!

То Эусебио взывает,
И страх мой всех страшнее страхов.

Э у с е б и о

Альберто!

А л ь б е р т о

Зов раздался ближе,
О, голос, бьющийся в ветрах,
Меня по имени зовущий,
Ответь мне и скажи мне, кто ты?

Э у с е б и о

Я Эусебио, Альберто;
Прошу тебя, приди сюда,
Где схоронен я между веток;
Приподними их, и не бойся.

А л ь б е р т о

Я не боюсь.

Х и л ь

А мне так страшно.

(Альберто открывает его.)

А л ь б е р т о

Разъяты ветви, ты открыт.
Скажи же мне, во имя Бога,
Чего ты хочешь?

Э у с е б и о

И во имя

Его, Альберто, я взывал,
Моя к тебе взывала вера,
Чтоб пред тем, как умереть мне,
Ты исповедь мою услышал.
С минуту как уж умер я;
И дух от тела был свободен,
Но роковой удар, смертельный,
Обычность действий их нарушил,
Но их еще не разделил.

(Поднимается.)

Иди со мной, чтоб мог; Альберто,
Тебе я все грехи поведать,
Их больше, чем песчинок в море,
Пылинок в солнечных лучах.
Так много значит поклоненье
Кресту — для умягченья неба.

А л ь б е р т о

Итак, тебе все покаянья,
Что совершил я до сих пор,
Я отдаю, чтобы служили
Они твоей вине защитой,
Хотя немного.

(Эусебио и Альберто уходят.)

Х и л ь

Помереть мне
На месте — он ведь сам идет.
И, чтоб его яснее видеть,
На небе показалось солнце,
Свои лучи распростирает.
Пойду и всех оповещу.

СЦЕНА 16-я

*Юлия, несколько бандитов;
потом Курсио и крестьяне. — Хиль.*

Ю л и я

Теперь, победу одержавши,
Они беспечно погрузились
В объятия сна, и этим самым
Нас к нападению зовут.

О д и н

Когда ты хочешь захватить их
Врасплох — вот здесь всего удобней;
Они сюда идут толпою.
(Выходят Курсио и крестьяне.)

К у р с и о

Да, явно, что бессмертен я:
Среди убийственных несчастий
Печаль меня не убивает.

Х и л ь

Со всех сторон толпятся люди;
Так пусть теперь узнают все
Событие, из всех чудесных
Наичудеснейшее в мире.
Оттуда, где похоронен был

Меж веток Эусебио,
Он встал и, громко призывая
Священника, пошел. Но что же
Рассказывать о том я буду,
Что каждый может увидеть?
Вон там, коленапреклоненный,
Он молится.

К у р с и о

Мой сын! О, Боже!
Какие чудесе мы видим?

Ю л и я

Кто больше чудо видеть мог?

К у р с и о

И только что благой тот старец,
Во отпущенье прегрешений,
Святой обряд свершил, вторично
К его ногам он мертвый пал.

СЦЕНА 17-я

Альберто.— Те же.

А л ь б е р т о

Среди величий столь обширных
Пусть мир преклонится пред дивным,
Пред самым наибольшим чудом,
Которое я возвещу.
Как Эусебио скончался,
С соизволенья неба, в теле
Замедлил дух его, покуда
Не исповедал он грехи;
Так много значит преклоненье
Перед Крестом — в решеньях Бога.

К у р с и о

О, милый сын мой, сын родимый!
Нет, не несчастен тот, кто мог
Такое заслужить блаженство
В трагической своей кончине.
Когда бы Юлия умела
Так искупить свои грехи!

Ю л и я

Отец небесный! Что я слышу?
Какое чудо предо мною?
Я Эусебио искала,
Я Эусебио сестра?
Пусть знает Курсио, отец мой,
Пусть знает мир и все пусть знают
О прегрешениях тяжелых,
Свершенных мною: я сама,
Такому ужасу подвластна,
Во всеуслышанье об этом
Провозглашу: пусть все узнают,
Кто только в этот миг живет:
Я — Юлия! в числе позорном
Дурных — я худшая из худших.
У всех в виду был грех мой явный,
И буду каяться при всех;
Прося смиренно снисхожденья
И умоляя о прощеньи
У мира — за пример постыдный,
У Бога — за дурную жизнь.

К у р с и о

Нагроможденность злодеяний!
Своею собственной рукою
Тебя убью, дабы жестокой
И смерть твоя была, как жизнь.

Ю л и я

О, Крест святой, будь мне защитой!
Тебе даю я обещанье
По возвращении в обитель
Покаяться в своем грехе.

*(Курсио хочет ударить ее шпагой,
она обнимает Крест, находящийся
на могиле Эусебио, и исчезает.)*

А л ь б е р т о

О, чудо!

К у р с и о

И пред этим чудом
Благоговеньем проникаясь,
Счастливый автор завершает
Здесь Поклонение Кресту.

ЛЮБОВЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Альваро Тусани
Дон Хуан Малек, старик
Дон Фернандо де Валор
Алькускус, мориск
Кади, старик—мориск
Дон Хуан де Мендоса
Сеньор Дон Хуан Австрийский
Дон Лопе де Фигероа
Дон Алонсо де Суньига, коррехидор
Гарсес, солдат
Донья Исабель Тусани
Донья Клара Малек
Беатрис, служанка
Инес, служанка
Слуга
Мориски, того и другого пола
Солдаты, христиане
Солдаты, мориски

Сцена в Гранаде и в различных пунктах Альпухарры.

ХОРНАДА ПЕРВАЯ

СЦЕНА 1-я

Зала в доме Кади, в Гранаде.

*Мориски¹ в казакиных и шароварах,
женщины — мориски в белых корсажах
и с музыкальными инструментами; Кади и Алькускус².*

Кади

Что, двери заперты?

Алькускус

И крепко.

Кади

Без знака пусть никто не входит.
И весело продолжим пляски,
Сегодня пятница, и мы
Ее отпразднуем согласно
Обыкновеньям наших предков,
Тайком от христиан враждебных,
Среди которых мы живем,
Теряя счет несчастьям стольким.
Они оклеветать не смогут
Обряды наши.

Все

Начинайте

Алькускус

Ну, если в пляс и я пушусь,
Так шуму значит будет много.

О д и н (поет)

Хоть пред Аллахом мы как тени,
Хоть горько плачем в нашем плене
О нас постигшей перемене,
Хоть африканский дух смущен...

В с е (поют)

Да здравствует его закон!

О д и н

И да хранит воспоминанье
То незабвенное деянье,
Что силой нашего влиянья
Испанец был века пленен.

В с е

Да здравствует его закон!

А л ь к у с к у с (поет)

Того мы не забудем танца,
Когда во славу африканца
Так заплясали мы испанца,
Что больше не кичился он.

В с е

Да здравствует его закон!

(За сценой слышен сильный стук.)

К а д и

Хотят нас захватить в собраньи,
Сомненья нет. Король в указе
Собрания наши запретил³,
И правосудие, увидев,
Что в этот дом вошло так много
Морисков, уловить нас хочет
На месте.

(Стук.)

Алькускус

Ну, так что ж, бежать.

СЦЕНА 2-я

Дон Хуан Малек. — Те же.

Малек (за сценой)

Как можете вы медлить, если
Так громко в вашу дверь стучатся?

Алькускус

Напрасно тот зовет у двери,
Кто раньше душу не позвал.

Один

Что делать?

Кадди

Спрячьте инструменты,
Откройте двери и скажите,
Что навестить меня пришли вы.

Другой

Да, это будет хорошо.

Кадди

Не выдавайте же друг друга.
Ну, Алькускус, открой. Что медлишь?

Алькускус

Да опасаясь, вдруг откроешь,
А там за дверью альгвасил,
Ударов сто в живот мне влепит
Своею палкой, а живот мой
Не очень уважает палку,
Он больше почитает рис.

*(Алькускус открывает,
и входит Дон Хуан Малек.)*

М а л е к

Не бойтесь.

К а д и

Кто бы мог подумать?
Ты, Дон Хуан, что кровью светлой
Малека мог добиться чести,
Хотя и африканец, стать
Двадцать четвертым гранадинцем,
Ты в этот час приходишь в дом мой?

М а л е к

И не ничтожная случайность
Велит мне отыскать тебя,
Довольно, ежели скажу я,
Что привлекли меня несчастья.

К а д и (*в сторону, к морискам*)

Наверно хочет он бранить нас.

А л ь к у с к у с

Коль так, беда не велика.
Нас взять гораздо было б хуже.

К а д и

Что повелишь нам?

М а л е к

Успокойтесь,
Друзья; пускай вас не смущает
Мой неожиданный приход,
Сегодня, в айюнтамиенто, —
Из залы короля Филиппа
Второго, — президент прислал нам
Бумагу, чтобы город знал,
Что исполнение решений,
В ней заключающихся, будет

Его ответственностью. Вскрывши
Бумагу, начал секретарь
Ее читать пред заседаньем.
И все ее постановления
Направлены неумолимо
На очевидный ваш ущерб.
Как верно время называют
Сопутником судьбы неверной:
На колесе одном стремятся
И на проворных двух крылах,
К добру и злу они несутся,
И бег свой вечно продолжают.
Одни из тех постановлений
Уж раньше были введены,
Другие — новые, но цель их
Одна: суровое решенье,
Чтобы никто из африканцев,
Чей род теперь лишь теплый прах,
Лишь искра яркого пожара,
Который жег страну испанцев,
Не соблюдал свои привычки:
Нельзя ни праздники блюсти,
Ни собираться вам для плясок,
Ни одеваться в шелк, ни мыться
В публичных банях; ни беседу
Вам на арабском языке
Нельзя вести в своем же доме,
А говорить лишь по-кастильски.
Как самый старший, я был должен
Начать, и потому сказал,
Что справедлива эта мера,
Что от привычек африканских
Отвыкнуть надо постепенно,
Но что не следует их гнать
С таким неистовством жестоким;
Что надо в этом быть воздержным,
И что насилие излишне,

Где изменился самый нрав.
Тут Дон Хуан, Хуан Мендоса,
Из рода знатного маркесов
Мондехар, мне в ответ промолвил:
«Конечно, Дон Хуан Малек
Пристрастно говорит, затем что
Сама природа побуждает
Его любовь своих по крови;
Вот он и хочет оттянуть,
Замедлить примененье кары
К морискам, темным, низким, подлым».
Я молвил: «Дон Хуан Мендоса,
Когда Испания была
В своем отечестве плененной
И угнетенною от мавров,
Те христиане, что смешались
С арабами и что теперь
Название носят мосарабов,
Себе в бесчестие не ставят,
Что это было, потому что
Порою претерпеть судьбу —
Почетнее и благородней,
Чем одержать над ней победу,
И ежели мориски темный,
Приниженный и рабский люд,
Заметь, что рыцари из мавров
Ничуть не ниже христианских
С того мгновенья, как с водою
Крещенья приняли они
И католическую веру;
В особенности те, чьи предки
Столь часто были королями,
Как у меня». — «Да, молвил он,
То были короли — из мавров».
«Как будто, — я ему ответил, —
Кровь мавров, ставши христианской,
И царской перестала быть,

Раз это кровь Сегри, Валоров,
И кровь Венег и Гранады». —
От слова к слову, спор зажегся,
И так как были мы без шпаг...
Будь проклят, проклят этот случай —
Без шпаги спор вести словами,
То наизлейшее оружие,
Оно сильнее стали бьет,
И рана заживет скорее,
Чем может позабыться слово.
Да, что-нибудь ему должно быть
Такое в споре я сказал,
Что дерзновенно (тут дрожу я!)
Из рук моих (о, что за пытка!)
Он палку вырвал, и... Но будет;
Есть вещи: пережить их — боль,
Их рассказать — еще большее.
Я встал в защиту вас, я вынес,
Как ваш защитник, оскорбленье,
Вы значит все оскорблены,
И у меня, увы, нет сына,
Чтоб смыть позор с моих печальных
Седин; есть дочь, в ней утешенье,
Но более всего — забот.
Проснитесь, храбрые мориски,
Обломки славы африканской,
Вас христиане угнетают,
В вас видят лишь своих рабов.
Смелей, вся наша — Альпухарра⁴,
(Скалисто-гордая сиэрра,
Что лик свой к солнцу поднимает,
И с островами городов
Являет море трав зеленых
И бездну дикую утесов,
Среди серебряных туманов,
Откуда имя этих мест —
Галера, Гавия и Берха.)

Так удалимся в Альпухарру,
С оружием и с провиантом,
Назначьте для себя вождя
Из остающихся в Кастилье
Потомков доблестного рода
Воинственных Абенумейев,
И прочь позорное ярмо
На вас наложенной неволи.
И я, ценой тревог бессонных,
Всех буду убеждать, что подлость,
Что унижение и позор
Терпеть такое оскорбленье,
Которое на всех простерто,
Хоть месть моя не всех коснется.

К а д и

Коль это замышляешь ты...

Д р у г о й

Коли такое ты задумал...

К а д и

Бери и жизнь, и все богатства.

Д р у г о й

Бери и душу у меня.

О д и н

И все мы возвещаем то же.

О д н а м о р и с к а

А я от всех морисок, сколько
Их только есть во всей Гранаде,
Уборы наши отдаю.

(Малек и часть морисков уходят.)

А л ь к у с к у с

А я, имея в Виварамбе⁵
Свою лавчонку мелочную,
Где масло продаю и уксус,
Орехи, фиги, миндали,
Изюм, чеснок, и лук, и перец,
Бичевки, пальмовые щетки,
Иголки, нитки, вместе с белой
Листки бумаги пропускной,
Ошейники, табак, и трости,
Коробки для хранения перьев,
Облатки для заклейки писем,
Всю лавку, целиком как есть,
На собственной спине стащу я,
Чтоб быть, коль сбудется надежда,
Маркизом, герцогом иль графом
Всех Алькускусов на земле.

О д и н

Молчи, я вижу, ты рехнулся.

А л ь к у с к у с

Еще рехнуться не собрался.

Д р у г о й

А ежели ты не рехнулся,
Так нет сомнения, ты пьян.

А л ь к у с к у с

Я пьян? Помилуй, в алькоране
От господина Магомета
Заказано нам было строго,
Чтобы мы не пили вина.
И в жизни не пил я... глазами;
А ежели придет охота,
Дабы не нарушать обычай,
Я больше выпиваю ртом.

(Уходят.)

СЦЕНА 3-я

Зала в доме Малека.

Донья Клара, Беатрис.

Д о н ь я К л а р а

Нет, Беатрис, пусть буду плакать,
Самой себя в беде мне жаль,
Пускай рыдания утешат
Хоть несколько мою печаль.
Раз не могу того убить я,
Кто дерзко опорочил честь,
Пусть выплачу над оскорбленьем
Все слезы, сколько их ни есть.
Пусть я от скорби умираю,
Коль не могу его убить.
Природа низкая велела
Нам столь обиженными быть,
Что ум и красоту давая,
Нам красоту она дала,
Которая легко темнеет
В том самом, чем светла была,
А раз темна, светлей не станет.
У мужа и отца отнять
Честь красотой легко мы можем,
Мы им ее бессильны дать.
Когда б мужчиною была я,
Гранада знала б теперь,
Мендоса будет ли надменным,
Мендоса будет ли как зверь.
И с юным, как он был со старым...
Да и теперь сумею я
Дать знать ему, что за обиду
Его постигнет месть моя.
Кто мог со стариком бороться,
И с женщиной он вступит в бой.
Но я надеюсь безрассудно,

Я только говорю с собой.
О, если б отомстить могла я!
Так велика моя беда,
Что в день единый (о, несчастье!)
Я потеряла навсегда
Отца и мужа: не захочет
Теперь со мной делить он дни,
Я никогда теперь не буду
За Дон Альваро Тусани.

СЦЕНА 4-я

Дон Альваро.— Донья Клара, Беатрис.

Д о н А л ь в а р о

За знак худой считать я должен,
Когда, печаль свою кляня,
О, Клара нежная, так скорбно
В слезах ты назвала меня.
Когда наш голос эхо сердца,
Мы в звуках тешим скорбь его;
Я значит скорбь твоя: я вышел
Как звук из сердца твоего.

Д о н ь я К л а р а

Не отрекаюсь от печали,
Омрачены мои мечты,
И меж скорбей, меня смутивших,
Не наименьшая есть ты.
С тобой разлучена я небом:
Не скорбь ли ты из всех скорбей?
Любовь моя столь необъятна,
Что мне не быть женой твоей,
Чтоб ты не связан был с женою,
Отец чей опозорен был.

Д о н А л ь в а р о

Напоминать не буду, Клара,

Как я почтительно любил
И как твою любовь ценил я;
Лишь оправдать хочу себя,
Что я сюда придти решился,
Не отомстивши за тебя.
Но в том, что с мезтью я замедлил,
Есть высший дар, что мог я дать.
И если с женщиной нельзя нам
О поединке рассуждать,
И если я тебя утешить
Могу, сказав: «Не плачь, пойми,
Что не должна ты сокрушаться,
И во внимание прими,
Что там, где не было оружия,
(И главное в виду суда),
Нас действие не оскорбляет
И не позорит никогда», —
Однако ж этих оправданий
Не выставляю я теперь,
И, если не убив Мендосу,
Я прихожу сюда, поверь,
Вполне я прав перед тобою
И прав перед твоим отцом:
Не видит должной кары наглый,
Коль мстителя не встретил в том,
Кому несет он оскорбленье,
Иль не был сыном он убит,
Или наказан младшим братом;
И если мщением горит
Отец твой, — чтобы невозможной
Ему не показалась мезть,
Восстановлю я Дон Хуану
Его утраченную честь,
И попрошу его, чтоб отдал
Тебя он, Клара, в жены мне:
Когда ему я буду сыном,
Он будет отомщен вполне.

Вот почему сюда пришел я;
И если, зная свой удел,
Доныне, — будучи столь бедным, —
К тебе я свататься не смел,
Теперь, раз это с ним случилось,
Я смело выскажу ему,
Что только это оскорбленье
Я как приданое возьму,
И это будет справедливым.
Известно миру с давних пор,
Что не напрасно утвержденье:
Наследство бедного — позор.

Д о н ь я К л а р а

И я не буду, Дон Альваро,
Напоминать, когда скорблю,
Как искренно я обожаю,
Как сильно я тебя люблю.
Не говорю, что, умирая,
Двойко я оскорблена,
Что я, любви твоей отдавшись,
Навеки ей подчинена,
Что ты души моей стал жизнью,
Что жизни ты моей душа;
Но лишь одно хочу сказать я,
От горя к горести спеша,
Что та, которая покорной
Вчера была тебе рабой,
Не может быть твоей женою,
Не может нынче быть с тобой:
Коль ты вчера не мог быть смелым,
А нынче ждешь меня, любя,
Я не хочу, чтоб мир смеялся,
Чтоб он злословил про тебя,
Решив, что лишь тогда могла я
Вступить в супружество с тобой,
Когда такое дополненье

Мне было послано судьбой.
Я, окруженная почетом,
В богатстве, думала, что я
Твоей женой быть недостойна;
Но в том была мечта моя,
Я думала об этом счастье.
Реши же, как могу, любя,
Взамену милости желанной,
Быть горькой карой для тебя
И мир соделать очевидцем,
Что именно случилось так:
Мне нужно было быть без чести,
Чтобы вступить с тобою в брак.

Д о н А л ь в а р о

Я мстить хочу, и в этом просьба.

Д о н К л а р а

Я не могу принять — губя.

Д о н А л ь в а р о

Но Клара, ведь тебя люблю я.

Д о н ь я К л а р а

Альваро, я ценю тебя.

Д о н А л ь в а р о

Ты отказать не в состоянии...

Д о н ь я К л а р а

Убью себя, и ты уйдешь.

Д о н А л ь в а р о

Так я откроюсь Дон Хуану.

Д о н ь я К л а р а

А я скажу, что это ложь.

Дон Альваро

И это верность?

Донья Клара

Долгу чести.

Дон Альваро

И в том внимание?

Донья Клара

К любви.

Клянусь, пред этим ликом неба,

Меня наверною зови,

Коль буду я кому женою,

Не искупивши свой позор;

Лишь этого хочу достичь я.

Дон Альваро

Но что же, если...

Беатрис

Мой сеньор

Идет внизу по коридору

С большою свитою сюда...

Донья Клара

Здесь, в этой комнате укройся.

Дон Альваро

Вот злополучье!

Донья Клара

Вот беда!

(Дон Альваро и Беатрис уходят.)

СЦЕНА 5-я

*Дон Алонсо де Суньига,
Дон Фернандо Валор и Дон Хуан Малек.—
Донья Клара; Дон Альваро, спрятавшийся.*

М а л е к

Ты, Клара...

Д о н ь я К л а р а

Мой сеньор...

М а л е к

(в сторону)

(О, горе!

Уж лучше не встречаться нам!)

Побудь в той комнате.

Д о н ь я К л а р а

Что будет?

М а л е к

Узнаешь все, услышишь там.

*(Донья Клара уходит в ту комнату,
где находится Дон Альваро,
и стоит за полуоткрытой дверью.)*

Д о н А л о н с о

В Альамбре Дон Хуан Мендоса

Под стражею; и оттого,

Пока не разъяснится случай,

Ты должен дома своего

Не оставлять...

М а л е к

Я принимаю

Арест, и слово вам даю

Не выходить.

В а л о р

Ты не надолго
Свободу потерял свою;
Сеньор Коррехидор сказал мне
(В вопросы чести никогда
Не входит суд), пусть я устрою,
Чтобы окончилась вражда.

Д о н А л о н с о

Двоякой истиной мы можем
Все разрешить, сеньор Валор:
Нет оскорбления, нет закона,
Тут возникать не может спор
Ни во дворце, пред государем,
Ни в заседании суда;
Мы все оттуда, — оскорбленье
Проникнуть не могло туда.

В а л о р

Так значит средство...

Д о н А л ь в а р о (*в сторону, к Донье Кларе.*)

Слышишь?

Д о н ь я К л а р а

Слышу.

В а л о р

Вернейшее, какое есть,
Нашли мы.

М а л е к

Горе, если средством
Должна излечиваться честь!

В а л о р

Как знаем, Дон Хуан Мендоса
Из рода знатного, и он

Супружеством ни с кем не связан;
Всеобщим мнением вознесен.
И Дон Хуан Малек, в чьих жилах
Кровь от гранадских королей;
А дочь его умом известна
И дивной красотой своей.
Коли за честь он хочет мщенья,
Кто на себя посмеет взять
То дело мести, как не близкий,
Не самый близкий, то есть зять.
И потому, коль с Доньей Кларой
Соединится Дон Хуан,
Тогда...

Дон Альваро (*в сторону*)
О, горе мне!

Валор

Не ясно ль,
Что, раз такой нам случай дан,
Само собою оскорбленье
Не может быть отомщено:
Он неизбежно — оскорбитель
И оскорбленный заодно,
Как сын и вместе как противник;
И если нет того, кем он
Мог оскорбленным быть, — тем самым
От мести он освобожден.
Равно, в подобном затрудненьи,
Не может Дон Хуан убить
Себя же; и свою обиду
В себе он должен заключить:
И коль собою быть обижен
Не может человек, тогда
И Дон Хуан свою обиду
В себе сокроет навсегда.
Так честь обоих будет чистой,

И спорить нам нельзя о том,
Что оскорбитель с оскорбленным
Не могут вместе быть в одном.

Дон Альваро
(в сторону, к Донье Кларе)

Я дам ответ свой.

Донья Клара
Умоляю,
Не погуби, остановись.

Дон Алонсо
Да, выгоды сторон обеих
В таком решении сошлись.

Малек
Как думаю, не состоится
Решенье это, оттого,
Что Клара, дочь, его расстроит...

Донья Клара (в сторону)
Есть значит кара для него:
Дает судьба мне в руки мщенье.

Малек
Он ненавистен ей; она
Его в супруги не захочет.
(Донья Клара выходит.)

Донья Клара
Нет, захочу, раз я должна.
Ты думаешь о том, быть может,
Что счастлива не буду я:
Но пусть не будет счастья в жизни,
Была бы честь жива твоя.

Когда б твоим была я сыном,
Меня бы призывал мой гнев,
Чтоб я отмстила, убивая
Или достойно умерев;
Но раз тебе не сын, а дочь я,
Я заключаю из того,
Что чем могу, служить мне нужно,
И значит выйду за него:
Отсюда ясно, что желаю
Я честь твою восстановить.

(В сторону.)

*(И раз я убивать бессильна,
Я буду, умирая, мстить.)*

Дон Алонсо

Твой только разум был способен
Вложить в понятие одно
Такое смелое решенье.

Валор

И случай победит оно.
Итак, запишем на бумаге,
Чтобы оформить все, о чем
В согласьи мы договорились.

Дон Алонсо

Ее мы оба понесем.

Малек *(в сторону)*

Пока готовится восстанье,
Прибегнуть к этому хочу.

Валор

Все кончится благополучно,
Раз я об этом хлопочу.

(Уходят втроем.)

Донья Клара

Теперь, пока писать бумагу
Они ушли в другой покой,
Тебе уйти, Альваро, можно,
Никто не встретится с тобой.

СЦЕНА 6-я

Дон Альваро.— Донья Клара.

Дон Альваро

Уйду, уйду, с решеньем твердым
Не возвращаться никогда,
Чтобы не видеть, что измена
Гнездится может иногда
В груди настолько благородной;
И если я, в твоих словах
Увидев смерть, не поднял бурю,
То не почтенье и не страх,
А удовольствие, затем что
Такою низкою...

Донья Клара

Горе мне!

Дон Альваро

Которая одновременно,
Отдавшись лживости вполне,
Скрывая у себя мужчину,
С другим желает в брак вступить,
Такой не дорожу я больше
И не хочу ее любить.

Донья Клара

Альваро, удержи свой голос,
Ты ошибаешься, грозя;
Все объясню тебе я после.

Дон Альваро

Нет, это объяснить нельзя.

Донья Клара

Быть может, можно.

Дон Альваро

Не сама ли,
Я слышал, объявила ты,
Что руку отдаешь Мендосе?

Донья Клара

Решили так мои мечты.
Но их конец ты разве знаешь?

Дон Альваро

Какой конец? Меня убить!
Скажи, какое оправданье
Еще ты можешь сочинить?
Он твоего отца унизил
И вместе с тем убил меня.

Донья Клара

Альваро, я надеюсь твердо,
Что мы того дождемся дня,
Когда вполне ты убедишься,
Что злой пример не мной был дан,
Что изменяешь ты...

Дон Альваро

Кто видел

Такой утонченный обман?
Ему свою дала ты руку?

Донья Клара

Дала.

Дон Альваро
Чтоб стать женой его?

Донья Клара
Нет.

Дон Альваро
Ну, так как же ты сумеешь?..

Донья Клара
Я не отвечу ничего.

Дон Альваро
Как сможешь, Клара, руку давши,
Не сделаться его женой?

Донья Клара
Когда мою возьмет он руку,
Тем самым будет он со мной,
И он в моих руках, как в петле,
Быть может смерть свою найдет.
Так что же, ты теперь доволен?

Дон Альваро
Нет. Если только он умрет
В твоих руках, он этой смертью
Тебя, живую, осквернит,
И руки у тебя, о, Клара,
Чрезмерно хороши на вид,
Чтобы казнить. Но если в этом
Твое намеренье, заметь,
Что перед тем как он успеет
В твоих объятьях умереть,
Его убивши, от сомнений
Я буду быстро излечен.

Донья Клара
И в том любовь?

Дон Альваро
То голос чести.

Донья Клара
Вниманье?

Дон Альваро
Ревности закон.

Донья Клара
Смотри, отец писанье кончил.
Кто удержать бы мог тебя!

Дон Альваро
О, как немного было б нужно,
Чтобы остался я, любя!
(Уходят.)

СЦЕНА 7-я

Зала в Альгамбре.

Дон Хуан де Мендоса, Гарсес.

Мендоса

Гнев никогда ни в ком не может быть разумен.

Гарсес

Не извиняй себя. Ты прав был в этот миг,
Поддавшись гневу и его ударив.
Христианин вчерашний, он — старик,
И потому он счел вполне возможным,
Чтоб был Гонсалес де Мендоса оскорблен.

Мендоса

Есть множество людей, что, пользуясь почетом,
Надменны и заносчивы, как он.

Гарсес

Для этих кондестабль Дон Иньиго,
(Который нам пример прекраснейший явил),
Одною шпагою всегда был опоясан,
Другою же с собой как палку он носил.
И будучи однажды спрошен,
Зачем две шпаги у него,
Он отвечал: «Одну, которой опоясан,
С собой ношу я для того,
Кто сам у пояса всегда имеет шпагу,
Другую же, что служит мне как трость,
Ношу я для того, кто, шпаги не имея,
Своею наглостью во мне пробудит злость».

Мендоса

Он вправду доказал, что каждый кабальеро
Две шпаги должен бы носить, с игрой двойной,
И раз исход игры всегда решает шпага,
Чтоб здесь внезапно надо мной
Какой-нибудь не посмеялся случай,
Дай шпагу мне свою: хоть и под стражей я,
Пушай не буду без оружия.

Гарсес

Я счастлив, что судьба моя
Сегодня быть с тобою мне велела,
И буду близ тебя, коли придет твой враг.

Мендоса

Скажи, Гарсес, а как пришел ты из Лепанто⁶?

Гарсес

Домой я возвратился так,
Как с поля бранного приходит
Солдат, увидевший победные полки
И бывший в деле столь блестящем,

Под мановением властительной руки,
Служа рожденному орлом непобедимым⁷
Что, крылья протянув над царством многих
стран,

Был в гордой мощи вне сравненья.

Мендоса

Как прибыл повелитель Дон Хуан?

Гарсес

Своим довольный предпрятьем.

Мендоса

И было доблестным оно?

Гарсес

Так слушай же. С союзным войском...

Мендоса

Мне нынче твой рассказ узнать не суждено.
Там женщина пришла, закрытая вуалью.

Гарсес

Да, значит мне молчать пора:
Коль этот козырь показался,
Тогда окончена игра.

СЦЕНА 8-я

*Донья Исабель Тусани,
закутанная вуалью. — Те же.*

Донья Исабель

Пусть скажет Дон Хуан Мендоса,
Раз женщина сюда приходит
Узнать, как чувствует себя он
В тюрьме, — он может дать ответ?

Мендоса

Зачем же нет? — Гарсес, оставь нас.

Гарсес

Заметь, сеньор, быть может это...

Мендоса

Ее по голосу узнал я,
Не бойся.

Гарсес

Я иду.

Мендоса

Ступай.

(Гарсес уходит.)

СЦЕНА 9-я

Донья Исабель, Дон Хуан де Мендоса.

Мендоса

Одновременно сомневаюсь
Я в зрении своем и в слухе,
Не знаю, что из них солгало
И что мне правду говорит:
Коли глазам своим доверюсь,
Твой вид не то, что ты на деле;
А если я поверю слуху,
Так ты не то, что ты на вид.
Мое желанье не отвергни
И совлеки туман воздушный,
Сними с себя покров свой черный,
Пусть скажет слух мне и глаза,
Что, если ты предстала свету,
Сегодня дважды встало солнце.

Д о н ь я И с а б е л ь

Чтоб ты не сомневался больше,
Кто Дон Хуан, к тебе пришел,
Должна открыть свое лицо я;
А то встревоженная ревность
Не хочет, чтоб, догадки строя,
Ты думал, кто бы это был.
Я, видишь...

М е н д о с а

Исабель, сеньора!
Ты у меня, в такой одежде,
В наряде, столь с тобой несхожем,
Ты так являешься ко мне!
Да как же мог я, как же мог я
В подобное поверить счастье?
Мне нужно было сомневаться?

Д о н ь я И с а б е л ь

Как только все узнала я,
Узнала, что ты здесь, под стражей,
Любовь не захотела медлить,
И, прежде чем домой вернулся
Мой брат Альваро Тусани,
Сюда пришла я со служанкой,
(Благодари!) она осталась
У двери.

М е н д о с а

Исабель, несчастье
Мне было счастьем, лишь ему...

СЦЕНА 10-я

Инес, в мантилье, испуганная. — Те же.

И н е с

Сеньора!

Д о н ь я И с а б е л ь
Что, Инес, случилось?

И н е с
Идет сеньор мой, Дон Альваро.

Д о н ь я И с а б е л ь
Хоть я пошла переодетой,
Быть может он меня узнал?

М е н д о с а
Какой непобедимый случай!

Д о н ь я И с а б е л ь
Коли за мной пришел он следом,
Погибла я.

М е н д о с а
Раз ты со мною,
Чего бояться можешь ты?
Войдите в этот зал соседний
И поскорее там запритесь;
Хотя бы он намеревался
Найти тебя, он не найдет,
Меня не умертвивши прежде.

Д о н ь я И с а б е л ь
В какой опасности великой
Я так неожиданно очутилась.
О, помогите небеса!

(Обе прячутся)

СЦЕНА 11-я

*Дон Альваро. — Дон Хуан де Мендоса;
Донья Исабель, спрятавшаяся.*

Дон Альваро

С тобою, Дон Хуан Мендоса,
Я без свидетелей хотел бы
Поговорить.

Мендоса

Нас здесь лишь двое.

Донья Исабель

(в сторону, за занавесом)

В его лице кровинки нет.

Дон Альваро *(в сторону)*

Закрою дверь.

Мендоса

Закрой.

(В сторону) (Прекрасно!)

Дон Альваро

Закрыта дверь. Теперь внимай мне.
Сейчас услышал я случайно,
Что для того, чтоб увидеть
Тебя, приходит...

Мендоса

Это правда.

Дон Альваро

В тюрьму...

Мендоса

И ты обманут не был.

Дон Альваро

Тот, чьей душой и самой жизнью
Моя душа оскорблена.

Донья Исабель
(в сторону, за занавесом)

Возможно ли сказать яснее?

Мендоса (в сторону)

О, небо, больше нет надежды!

Дон Альваро

И потому сюда пришел я,
(Опередивши всех других,
Чтоб помешать осуществленью
Подобной непристойной дружбы),
Дабы за честь свою вступиться.

Мендоса

Не понимаю слов твоих.

Дон Альваро

Я объясню тебе подробно.

Донья Исабель
(в сторону, за занавесом)

Он не за мной; могу волненье
Выдохнуть.

Дон Альваро

Коррехидор надумал, —
И Дон Фернандо де Валор,
В родстве с Малекон состоящий, —
Что будто бы необходимо
Обосновать такую дружбу;
Мне надлежит ей помешать.

А почему, причин есть много,
Но говорить их не желаю;
И будь что будет, все равно мне,
Я лишь по прихоти пришел,
Взглянуть, что, храбрый с престарелым,
Настолько ли бесстрашен с юным,
И, словом, я пришел увидеть,
Кто будет из двоих убит.

Мендоса

Меня ты очень обязал бы,
Когда бы рассказал короче.
В чем состоит твое желанье,
А то, смутившись, думал я,
Что здесь замешано другое
Соображенье, посерьезней;
В том, что сказал ты, нет причины,
Чтоб озабоченным я был.
И так как должен я сражаться,
Кто б ни желал со мною биться,
Пред тем как с предложеньем дружбы,
О чем ты мне сказал, придут, —
Чтобы ты мог ее расстроить,
Скорей за шпагу.

Дон Альваро

Лишь за этим
Сюда пришел я; чтоб ты умер
Скорей, чем мог предположить.

Мендоса

Так поле битвы перед нами.
(Бьются.)

Донья Исабель
(в сторону, за занавесом)

От затрудненья к затрудненью

Меня влекут мои несчастья.
Случалось ли еще кому
Возлюбленного видеть с братом,
Дерущихся, и быть лишенной
Возможности в их спор вмешаться?

Мендоса *(в сторону)*

Как смел он!

Дон Альваро *(в сторону)*

Как искусен он!

Донья Исабель
(в сторону, за занавесом)

Что делать? за игрой слезу я,
И выигрыша я б желала
Обоим, потому что оба
Настолько связаны со мной...

*(Наткнувшись на стул, Дон Альваро падает,
Донья Исабель выходит, закутанная в вуаль,
и удерживает Дон Хуана.)*

Дон Альваро

Я падаю, о стул споткнувшись.

Донья Исабель *(к Дон Хуану)*

Остановись!

(В сторону.)

(Но что со мною?

Так чувство сердцем овладело.)

(Уходит.)

Дон Альваро

Ты дурно сделал, не сказав,
Что за стеной скрывались люди.

Мендоса

На что ж ты жаловаться можешь,
Коль жизнь тебе она дарует?
Раз помогла она тебе,
Она моим врагом явилась,
А не союзником. Но все же
Ее поступок был излишним,
Я знаю хорошо и сам
Законы рыцарства, и так как
Твое падение — случайность,
Тебе бы дал я встать спокойно.

Дон Альваро

Двойко благодарен я
Той даме: жизнь она дала мне,
И прежде чем ее успел ты
Мне дать, — так значит я свободен
От обязательства к тебе
И, подчиняясь чувству гнева,
Могу с тобою биться снова.

Мендоса

Кто ж нам мешает, Дон Альваро?

(Бьются.)

Донья Исабель

(в сторону, за занавесом)

О, если б я могла кричать!

(За сценой слышится стук в дверь.)

Дон Альваро

Стучат.

Мендоса

Как быть?

Дон Альваро
Живой откроет,
Другой умрет.

Мендоса
Отлично.

Донья Исабель (*выходя*)
Прежде
Я им открою, чтоб впустить их.

Дон Альваро
Не открывать.

Мендоса
Не открывать.
(*Донья Исабель открывает дверь.*)

СЦЕНА 12-я

*Дон Фернандо де Валор, Дон Алонсо; потом Инес.—
Донья Исабель, закутанная в вуаль, Дон Альваро,
Дон Хуан де Мендоса.*

Донья Исабель
Сеньоры, этот кабальеро
И этот, оба ищут смерти.

Дон Алонсо
Остановитесь; раз мы видим,
Что бьются меж собой они
И раз ты здесь, нам очевидно,
Что ты причина их раздора.

Донья Исабель (*в сторону*)
О, горе! Где найти спасенье
Хотела, гибель я нашла.

Д о н А л ь в а р о

Чтоб дама, жизнь моя которой
Обязана своим спасеньем,
Не подвергалась подозренью,
Я, не скрываясь, объясню,
Чем побужден я был к дуэли.
В ней не любовь была причиной,
Но я как родственник явился,
Чтоб в чести Дон Хуан Малек
Был этой мезтью восстановлен.

М е н д о с а

И это правда, потому что
Ко мне случайно эта дама
Пришла сюда.

Д о н А л о н с о

Ввиду того,
Что примирением, в котором
Установили мы условия,
Раздор улажен будет,— лучше,
Чтоб был окончен этот спор
Без крови, так как побеждает
Вдвойне, кто победил без крови.

(Выходит Инес)

Ступайте же, сеньоры, с Богом.

Д о н ь я И с а б е л ь (в сторону)

Лишь в этом выиграла я.

(Обе уходят)

СЦЕНА 13-я

*Дон Алонсо, Дон Альваро, Дон Хуан
де Мендоса, Дон Фернандо де Валор.*

В а л о р

Твоим родным, а также нашим,
Казалось, Дон Хуан Мендоса,

Что лучше, если этот случай
(Как мы в Кастилье говорим)
Останется в стенах, и ссора
Союзом мирным завершится,
Установив родство двойное;
И если с Доньей Кларой ты,
С прекрасным фениксом Гранады,
Соединишься, — как участник
Тогда...

Мендоса

Умолкни, Дон Фернандо
Валор: препятствия здесь есть.
Коль феникс — Донья Клара, может
Она в Арабии остаться;
Затем что в царстве гор кастильских
До фениксов нам дела нет.
И, как считаю, не пристало
Таким, как я, союзом брачным
Выплачивать за честь чужую,
И непристойно было б нам
Смешать с Мендосой кровь Малека,
Нет благозвучья в сочетаньи
Имен Мендосы и Малека.

Валор

Малек такой же...

Мендоса

Как и ты.

Валор

Да, потому что происходит
Он от властителей Гранады;
Ты так сказал; царями были
Малека предки и мои.

Мендоса

Мои же, и не быв царями,

Владык знатнее мавританских,
Мои воинственные предки
Из царства Астурийских гор.

Д о н А л ь в а р о

Все, что сеньором Дон Фернандо
Здесь будет сказано об этом,
Я подтверждаю на поле битвы.

Д о н А л о н с о

Я быть судьей перестая
И предстаю как кабальеро;
Я был в Кастилии Суньига,
Пред тем как был судьей назначен.
И потому, оставив жезл,
Где б ни было и как захочешь,
Я буду рядом с Дон Хуаном
И докажу...

СЦЕНА 14-я

Слуга.— Те же.

С л у г а

Сюда приходят.

Д о н А л о н с о

Все примем достодожный вид.
Я вновь в свою вступаю должность.
Ты, Дон Хуан, здесь оставайся
Под стражею.

М е н д о с а

Я повинуюсь.

Д о н А л о н с о

Вы оба можете идти.

М е н д о с а

И раз хотите вы ответа...

Д о н А л о н с о

Меня и Дон Хуана всюду...

М е н д о с а

Нас можете найти со шпагой...

Д о н А л о н с о

С одной защитой — с плащом.
(Дон Алонсо уходит, Дон Хуан де Мендоса
уходит, сопровождая его.)

В а л о р

И я на это соглашаюсь!

Д о н А л ь в а р о

И это допустить могу я!

В а л о р

За то, что стал христианином,
Я так глубоко оскорблен?

Д о н А л ь в а р о

Раз я его закон воспринял,
Так обо мне никто не вспомнит?

В а л о р

Свидетель Бог, я буду трусом,
Когда я не измыслю мечь!

Д о н А л ь в а р о

Клянусь, что буду я бесчестным,
Коль за себя не отомщу я!

В а л о р

Пусть только небо даст мне случай...

Д о н А л ь в а р о

Пусть только случай даст судьба...

В а л о р

Раз только небо мне позволит...

Д о н А л ь в а р о

Раз только рок меня допустит...

В а л о р

Узнаете, как многократно...

Д о н А л ь в а р о

Испания оплачет вся...

В а л о р

Бесстрашие...

Д о н А л ь в а р о

Непобедимость

Руки надменной и могучей...

В а л о р

Бесстрашно-царственных Валоров.

Д о н А л ь в а р о

Неустрасимых Тусани.

В а л о р

Мои слова ты слышал?

Д о н А л ь в а р о

Слышал.

В а л о р

Так пусть язык теперь умолкнет,
Пусть слово начинают руки.

Д о н А л ь в а р о

А кто ж не хочет начинать?

ХОРНАДА ВТОРАЯ

СЦЕНА 1-я

Горная цепь Альпухарры. — Окрестности Галеры.

*Бой барабанов и звуки труб;
выходят солдаты, Дон Хуан де Мендоса
и Сеньор Дон Хуан Австрийский.*

Д о н Х у а н

Мятежные обрывы гор,
Чья высь чрезмерная, чья дикость
Смущает взор,
Нагроможденностью своей ты давишь землю,
Тяжелой глыбою, как неоглядный склеп,
Стесняешь воздух и сужаешь небо;
Берлога, воровской вертеп,
Чье лоно, мятежи зачавши,
Рождает молния с грохочущим дождем
И вплоть до Африки далекой
Бросает голос свой, как гром;
День роковой сегодня, да, сегодня,
Для хитрости твоих измен:
Сегодня с карою, как мститель,
Я прихожу к оплотам горных стен.
Хоть я стыжусь, что столь ничтожной славой
Украшен буду: воевать
С бандитами не будет значить
Их побеждать, а убивать.
И для меня в том мало чести —
Среди угрюмых этих гор
Разбить своим оружием шайку,
В которой каждый — плут и вор.

Так пусть же временам грядущим передастся,
Что, честью своею дорожа,
Зову я это карой, не победой.
Но знать хотел бы я причину мятежа.

Мендоса

Итак, внимай повествованью,
Орел властительно-геройский,
Перед тобою Альпухарра,
Оплот пустынно-диких скал,
Пред нами горная твердыня,
Где ныне собрались мориски,
Чтоб вновь, как горцы-африканцы,
Испанию завоевать.
Она по высоте опасна,
По скату стен крутых упорна,
По положенью неприступна,
Непобедима по тому,
Какие силы в ней сокрыты.
В окружности она простерта
Миль на четырнадцать, с прибавкой
Еще пятидесяти миль,
Благодаря ее провалам;
Между вершиной и вершиной
Прекрасные лежат долины,
Пестреют пышные сады,
Глядят поля с обильной жатвой,
И вся громада гор покрыта
Селеньями и деревнями
Настолько, что, когда закат
Свое сиянье разбрасает,
Они глядят как глыбы камня,
Что в глушь с вершины оборвались,
Но вниз не падают с горы.
Важнейшие из наилучших —
Галера, Гавия и Берха,
Сосредоточья бранных воинств

Тех трех, что ныне правят всем.
Всех в общей сложности морисков
Там тридцать тысяч, не считая
Детей и женщин, и имеют
Они обширные стада.
Хотя они по большей части
Едят не мясо, а лесные
Плоды, и овощи, и хлебы
С своих разделанных полей.
Они в искусстве земледелья
Так опытни и так усердны,
Что даже камни заставляют
Произрастанья им давать,
И раз у них в руке мотыга,
Для них плоды рождают скалы
Позволь мне обойти молчаньем,
Что может быть отчасти я
Причиной был для возмущенья.
Хоть лучше мне сказать, что был я
Причиной первой, потому что
Ей не были для мятежа
Суровые постановления,
Которые их столь стеснили;
Я должен так сказать, затем что,
Коль на одном вина всего,
Пускай она моею будет.
Но оттого ли, что случилась
Та ссора, где я был несдержан,
Иль оттого, что, день спустя,
При входе в айюнтамиенто,
Начальник главный альгвасилов
Из-под плаща взял у Валора
Кинжал, который спрятал он,
Иль оттого, что ежедневно
Из сфер придворных исходили
Распоряженья, цель которых
Была все больше их стеснять,

И вот, отчаявшись, и в гневе,
Они поднять мятеж решились, —
Что б ни было, но, сговорившись,
Они постановили так,
Что, тайну свято соблюдая,
Они сберутся в Альпухарре,
Перенеся туда богатства,
Оружие и провиант.
Три года заговор скрывался,
Три года полное молчанье
Хранили знавшие измену,
Хотя так много было их:
Не поразительно ли это,
Что из собранья в тридцать тысяч,
Замысливших деянье это,
Не оказалось никого,
Кто разгласил бы эту тайну
Столь многих дней, умов столь многих.
Как заблуждается глубоко,
Кто говорит, что меж троих
Опасность постигает тайну.
Меж людных толпищ в тридцать тысяч,
Коль меж собой они согласны,
Опасности для тайны нет.
Как первый знак раскатов грома
От бури, что таилась в недрах
Угрюмых этих гор, где дерзость
С изменой прятались в тени,
Возникли грабежи, убийства,
И ограбленья многих храмов,
И вероломство, и кощунства,
И, словом, целый ряд злодейств,
Таких, что, вся в крови, Гранада
Стенанья к небу посылая,
Злосчастным сделалась театром
Трагедий и жестоких бед.
Пришло на помощь правосудье,

Но претерпело поражение,
И тотчас встало в оборону,
И превратило посох в меч.
Где раньше было уважение,
Там появилось насилие,
И гневный миг сопротивления
Гражданской кончился войной.
Коррехидора утерли,
И город, чувствуя опасность,
Воззвал к оружию, собирая
Всех ополченцев для борьбы.
Их оказалось недовольно,
Судьба всегда стоит за новость:
Принявши сторону мятежных,
Нам неудачи лишь дала.
А неудачи и несчастья
Настолько глупы и упрямы,
Что, раз упорствовать желают,
Так не предвидишь им конца.
У нас в рядах забота встала,
И наши возросли потери,
А в их рядах возникла гордость,
И возросла для всех беда.
Из Африки, как мы узнали,
Ждут их дружины подкрепленья,
И ежели оно прибудет,
Чтобы ему отрезать вход,
Дробить нам нужно будет силы.
И сверх того, коли пред нами
Они свою проявят гордость,
Другим морискам в том пример
Достойный будет подражанья;
Уже в Валенсии мориски,
В Кастилье и в Эстремадуре,
Чтобы немедленно восстать,
Ждут хоть какой-нибудь победы.
И чтоб ты ясно мог увидеть,

Что, хоть они и очень дерзкий,
Весьма решительный народ,
Но в то же время понимают
И государственную мудрость,
Скажу, какое их правленье;
Разведали об этом мы
От нескольких шпионов взятых.
Важнейшее, что нужно было
И что они сперва решили,
Избранье одного вождя.
И хоть касательно избранья
Был некий спор, меж Дон Фернандо
Валором, знатности особой,
И Дон Альваро Тусани,
Таким же знатным, — спор был кончен.
И Дон Хуан Малек придумал,
Что Дон Фернандо будет править,
Взяв в жены Донью Исабель,
Сестру родную Дон Альваро.
(В сторону.)

(О, как мне тягостно припомнить
Об этом Тусани, который
Так уважаем меж своих,
Что если сам Царем не выбран,
Его сестра Царицей стала!)
Итак, Валор, чуть был он выбран,
Как дал немедленно приказ, —
Чтобы противопоставить нашим
Распоряжениям суровым
Свои решенья, иль затем, чтоб
Сильнее угодить своим,
И тем вернее ими править, —
Приказ, чтобы никто меж ними
Обрядов христианской веры
Не исполнял, и чтоб имен
Они не знали христианских:
Желая первый дать пример им,

Он подписал — Абенумейя,
Как звались прежние цари,
Владыки Кóрдовы, которых
Наследник он. Затем в приказе
Стояло, чтобы говорили
Все на арабском языке,
Ни на каком другом; чтоб всюду
В одеждах были мавританских;
Чтоб только секты Магомета
Держались впредь. Издав приказ,
Распределил он тотчас силы:
Галеру, самый ближний город,
Который видишь пред собою,
Чьи стены мощные и рвы
Построены самой природой
Так поразительно искусно,
Что без пролитья многой крови
Ей невозможно овладеть,
Он передал во власть Малеку,
Отцу прекрасной Доньи Клары,
Зовущейся теперь Малекой.
Для Дон Альваро Тусани
Он выбрал Гавию, что ими
Зовется Гавией Высокой.
А сам обосновался в Берхе,
В том сердце, чьим огнем живет
Весь этот исполин из камня.
Таков их общий план, — насколько
Его отсюда можно видеть;
И здесь перед тобой, сеньор,
Вся Альпухарра, чьи высоты
В своем величии свирепом
Как бы сползают по уступам,
Чтобы упасть к твоим ногам.

Д о н Х у а н

Рассказ твой, Дон Хуан, достоин

Тебя и имени Мендосы,
В нем верноподданность двойная.
(*За сценой призыв к оружию.*)
Но чу! я слышу барабан.
Что б это значило?

Мендоса

Солдаты

Проходят на смотру.

Дон Хуан

Какие

Отряды это?

Мендоса

Из Гранады

И изо всех селений, где
Хениль стремится свое течение.

Дон Хуан

А кто командует над ними?

Мендоса

Маркес Мондехар, граф Тендилы,
Алькайд пожизненный земель
Гранады, и алькайд Альгамбры.

Дон Хуан

Его воинственное имя
Гроза для мавров африканских.

(*Призыв к оружию.*)

Откуда этот новый строй?

Мендоса

Из Мурсии.

Дон Хуан

А им кто правит?

Мендоса

Маркес великий Де лос Велес.

Дон Хуан

Пусть будут летописью громкой
Деянья славные его.

(Призыв к оружию.)

Мендоса

А те отряды — из Баэсы,
Начальник их — вояка brave,
Ему поставить нужно было б
Такие ж статуи, как он,
Бессмертные по бранной славе,
Санчо де Авила.

Дон Хуан

И сколько б
Ты ни хвалил его, все мало,
Пока не скажем, что в боях
Его учитель — герцог Альба,
Чья школа — быть всегда победным
И никогда не побежденным.

(Призыв к оружию.)

Мендоса

А этот полк сюда идет
Из Фландрии, простор Мааса
Меня на простор Хениля,
На этот Юг меняя Север,
Как жемчуга на жемчуга.

Дон Хуан

Кто с ним приходит?

Мендоса

Знаменитый —
Чудовище по благородству
И по решимости — Дон Лопе
Де Фигероа.

Дон Хуан

Много мне
Слышать случалось о великой
Его решимости и малом
Терпении.

Мендоса

Страдая тяжкой
подагрой, он нетерпелив,
Из-за того, что он не может
служить войне, как он хотел бы.

Дон Хуан

Мне хочется его увидеть.

СЦЕНА 2-я

Дон Лопе де Фигероа. — Те же.

Дон Лопе

Клянусь, в желании таком
Тебе, мой светлый повелитель,
Не уступлю я ни на иоту:
Лишь оттого свои я ноги
Терпел, чтобы припасть к твоим.

Дон Хуан

Как чувствуешь себя, Дон Лопе?

Дон Лопе

Как тот, кто, Фландрию покинув,

До Андалузии добрался,
Чтоб только быть твоим слугой.
Раз ты во Фландрию не хочешь
Идти, — вполне необходимо,
Чтоб Фландрия к тебе явилась.

Д о н Х у а н

Пусть соизволят небеса,
И я приду. Ну, как солдаты?

Д о н Л о п е

А так, что, если б Альпухарра
Была не менее как адом,
И в ней алькайдом — Магомет,
Они, сеньор, в нее вошли бы...
За исключением тех, конечно,
Что по скалам не могут ползать,
подагру тяжкую терпя...

СЦЕНА 3-я

Солдат, Гарсес, Алькускус. — Те же.

С о л д а т (за сценой)

Остановитесь.

Г а р с е с (за сценой)

Прочь: я должен

Пройти туда.

(*Входит Гарсес, на спине у него Алькускус.*)

Д о н Х у а н

Что там такое?

Г а р с е с

Я на посту стоял, у склона
Вон той горы, услышал шум

Среди ветвей, иду и вижу,
Вот этот пес там притаился,
Шпион, конечно. От мушкета
Ремнем я руки у него
Скрутил, и чтоб собачьим лаем
Он рассказал нам, что такое
У них творится, за горами,
Вмиг за спину его к себе,
И здесь мы.

Д о н Л о п е

Молодец, ей Богу!
И есть солдаты здесь такие?

Г а р с е с

А ваша милость полагает
Что все во Фландрии они?

А л ь к у с к у с (*в сторону*)

Ну, Алькускус, дела важны,
Вкруг шеи чувствую, как будто
Ее давливает что-то.

Д о н Х у а н

Тебя я знаю, ты храбрец
И не впервые отличился.

Г а р с е с

О, как владыки награждают
И без наград, когда похвалят!

Д о н Х у а н

Поди сюда.

А л ь к у с к у с

Мне говоришь?

Д о н Х у а н

Тебе.

А л ь к у с к у с

Так слишком много чести,
Побуду здесь.

Д о н Х у а н

Ты кто?

А л ь к у с к у с
(в сторону)

(Мне нужно
На хитрости теперь пуститься.)
Я Алькускус, мориск; меня
Насильно взяли в Альпухарру;
По совести христианин я,
Я знаю Троицу и Credo,
Pan Nostro, Salve Reina,
И заповеди разумею,
Числом четырнадцать; сказал я,
Что я христианин, другие
Меня решили — прочь с земли;
Ну, я от них скорее тягу,
Бегу, и тут же попадаюсь
В другие руки. Если только
Меня помилуют, я вам
Все расскажу об них и место
Вам покажу, где вы войдете,
Не встретивши сопротивленья.

Д о н Х у а н

(в сторону, к Мендосе)

Как полагаю я, он лжет,
А может, говорит и правду.

М е н д о с а

Сомненья нет, что между ними
Есть много христиан. Я знаю

Одну, которую они
С собою увели насильно.

Д о н Х у а н

Итак, всему не будем верить,
Во всем не будем сомневаться.
Гарсес, мориска удержи
Как пленника...

Г а р с е с

И дам отчет я

О нем.

Д о н Х у а н

Из слов его увидим,
Обман ли это или правда.
Теперь стоянки обойдем,
Дон Лопе, и решим, откуда
Начать удобней наступленье.

М е н д о с а

Пусть Ваша Светлость все рассмотрит
Внимательно: на вид легко
Пойти на приступ, а на деле
Предстанет много затруднений;
И предприятия есть, как наше:
Их выиграть — почета нет,
Их проиграешь — униженье;
Итак, не выигрыш нам важен,
А важно, чтоб не проиграть нам.
(Уходят Дон Хуан Австрийский, Дон Хуан
де Мендоса, Дон Лопе и солдаты.)

СЦЕНА 4-я

Гарсес, Алькускус.

Г а р с е с

Ты, как зовут тебя?

А л ь к у с к у с

Я Рис.

Я Алькускус между морисков,
Так по-хрестьянски буду Рисом.
Из мавританской знать похлебки
Мне в хрестиянской быть судьба.

Г а р с е с

Ну, Алькускус, ты мой невольник:
Смотри, не ври.

А л ь к у с к у с

Прошу покорно.

Г а р с е с

Ты обещался Дон Хуану
Австрийскому...

А л ь к у с к у с

Так это он?

Г а р с е с

Что ты ему покажешь место,
Где может он войти в сиэрру.

А л ь к у с к у с

Да, господин.

Г а р с е с

Хоть это правда,
Что он пришел вас покорить,
И с ним маркесы, Де лос Велес
И де Мондехар, — и Дон Лопе
Де Фигероа с ним, — и Санчо
Де Авила, — но я хочу,
Чтобы вступленье в эти горы

Лишь мне благодаря случилось:
Веди меня туда, хочу я
Все осмотреть и рассудить.

А л ь к у с к у с (*в сторону*)

(Христианина проведу я
И ворочуся в Альпухарру.)
Идем со мной.

Г а р с е с

Постой минутку.

Когда я выходил на пост
И в кордегардии оставил
Обед свой на огне; с собою
Его в суме теперь возьму я
(Чтобы времени нам не терять),
И в путь.

А л ь к у с к у с

Отлично.

Г а р с е с

Так идем же.

А л ь к у с к у с (*в сторону*)

О, Магомет! Услышь, пророче,
Спаси, и я отправлюсь в Мекку,
Хоть не пойму ни бе, ни ме.

(*Уходят.*)

СЦЕНА 5-я

Берхе.

*Мориски и музыканты; и вслед за ними
Дон Фернандо Валор и Донья Исабель Тусани.*

В а л о р

Здесь, на зеленом этом склоне,
Где, пышноцветна и нежна,

Цветы на всенародный праздник
Сзывает ясная весна,
Чтобы в собраньи этом ярком,
Сильнейшей в чарах красоты,
Царице — розе присягнули
В повиновении цветы, —
Моя прелестная супруга,
Сядь здесь; вы пойте: может быть
Влиянье музыки сумеет
Ее унынье победить.

Д о н ь я И с а б е л ь

Воинственный Абенумейя,
Тебя дубовые листья
С могучих склонов Альпухарры
Венчают, — столь победен ты;
Тебя да увенчает также
Священный лавр, дитя измен
Пред солнцем, — в час когда Испанец
Оплачет свой жестокий плен:
Знай, не презрение к блаженству
Любви и доблести твоей
Меня печалью исполняет
В течение этих долгих дней,
Но в этом рок мой; потому что
Так переменчив рок всегда,
Что чуть нам радость улыбнется,
Глядишь, за ней идет беда.
И скорбь моя не от причины,
(О, если б Бог желал того!),
А от такой непостоянной
Измены рока моего.
Раз не могу не быть счастливой,
Как не бояться мне, что вслед
За этим счастьем вдруг настанет
Грядущий миг сокрытых бед?

В а л о р

Коль оттого ты так печальна,
Что миг бежит, легко скользя
Меж радостей, — мне жаль, Лидора,
Тебя утешить мне нельзя.
Ты будешь, я боюсь, печальней
И все печальней с каждым днем:
Ведь власть моя с моей любовью
Все новым светятся огнем.
Так пойте в честь ее звучнее,
Прославьте образ дорогой:
Печаль и музыка, в созвучьи,
Всегда идут рука с рукой.

(Музыка.)

О, нет, не говорите, чьи вы,
Мои восторги в забытьи:
Вы так неверно торопливы,
Что нет сомненья, вы мои.

СЦЕНА 6-я

Малек, говорит с Доном Фернандо, преклонив колено; с двух разных сторон Дон Альваро и Донья Клара, в мавританских одеждах; они остаются у дверей; Беатрис. — Те же.

Д о н ь я К л а р а *(в сторону)*

«О, нет, не говорите, чьи вы,
Мои восторги, в забытьи...»

Д о н А л ь в а р о *(в сторону)*

«Вы так неверно торопливы,
Что нет сомненья, вы мои».

(Музыка не перестает звучать, хотя сцена идет своим чередом.)

Д о н ь я К л а р а (в сторону)

Какую боль я ощутила,
Услышав музыку едва!

Д о н А л ь в а р о (в сторону)

Каким смущеньем я проникся,
Услышавши ее слова!

Д о н ь я К л а р а (в сторону)

Когда отец сюда приходит,
Затем чтоб завершить мой брак...

Д о н А л ь в а р о (в сторону)

Когда любовь сулит мне счастье
И подает мне тайный знак...

Д о н ь я К л а р а (в сторону)

Пусть вы, мечты мои, счастливы...

Д о н А л ь в а р о (в сторону)

Пусть вы горите в забвении...

(Музыка)

В с е (в сторону)

Вы так неверно тороптивы,
Что нет сомненья, вы мои.

М а л е к

Сеньор, под громкий шум оружия
Любовь не устает мечтать,
И я, мечтанья эти видя,
Решил Малеке мужа дать.

В а л о р

Скажи мне, кто счастливец этот?

М а л е к

Твой храбрый шурин, Тусани.

В а л о р

Вполне благоразумный выбор,
Друг к другу так идут они,
И так звезде единой служат,
И так ведут мгновеньям счет,
Что без нее он жить не мог бы,
И без него она умрет.
Что ж их не видно?

Д о н ь я К л а р а

С легким сердцем
Я прихожу к твоим стопам.

Д о н А л ь в а р о

Я жду, счастливый, чтобы дал ты
Властительную руку нам.

В а л о р

Тысячекратно обниму вас,
И так как мудрый алькоран
Освободил нас от обрядов,
И лишь один закон нам дан, —
Чтобы взаимными дарами
Друг другу предались они, —
Пускай отдаст теперь Малеке
Свои подарки Тусани.

Д о н А л ь в а р о

Все слишком мало для волшебной,
Столь лучезарной красоты;
Ей солнце самое подвластно,
В лазури, дивной чистоты.
И я боюсь, что, бриллианты

Отдав небесному царю,
Лишь то, что от него исходит,
Ему я этим подарю.
Вот Купидон с своим колчаном;
Хотя из бриллиантов он,
Все ж пред тобою преклонился,
Как раб покорный, Купидон.
Вот ожерелье из жемчужин;
Заря их утром пролила
Как слезы, но подумать можно,
Что это ты их собрала.
Вот здесь орел; в нем цвет роскошный
Моей надежды; только он
Взглянуть на солнце может смело
И будет солнцем озарен.
Вот здесь для головной накидки
Заколка, радостный рубин;
Он больше мне служить не будет,
Закончен круг моих судьбин.
А это память... Но не нужно,
Чтоб ты ее теперь брала;
Хочу, чтоб без моих усилий
Она всегда с тобой была.

Донья Клара

Твою любовь, твои подарки
Я принимаю, Тусани,
Всю жизнь, тебе я обещаю,
Со мной останутся они.

Донья Исабель

Я счастья вашему союзу
Желаю. (*В сторону.*) (Мне же
Суждено скорбеть.)

Малек

Друг другу дайте руки,
Пусть будут две души — одно.

Дон Альваро

К твоим ногам я повергаюсь.

Донья Клара

Навек обнимемся с тобой.

Оба

О счастье...

*(В то время как они дают друг другу
руки, за сценой слышен барабанный бой.)*

Все

Что там такое?

Малек

Испанский барабанный бой,
Не наши это барабаны.

Дон Альваро

Кто был в смущении таком?

Валор

Помедлим с празднованьем свадьбы,
Пока не разузнаем, в чем
Причина случая такого...

Дон Альваро

Еще не догадался ты?
Причина в том, что стал я счастлив,
И только солнце с высоты
На это счастье посмотрело,
Как предо мною в сей же час
Под звон испанского оружия
Тот свет пленительный погас.

(Новый призыв к оружию.)

СЦЕНА 7-я

Алькускус, за плечами у него сума.— Те же.

Алькускус

Благодаренье Магомету,
Аллах молитву услышал,
И я до ног твоих добрался.

Дон Альваро

Где, Алькускус, ты пропадал?

Алькускус

Все здесья.

Валор

Что с тобой случилось?

Алькускус

Был на посту я, сторожил,
А супостат один постылый
Подкрался сзади и схватил
Меня за шиворот; не медля
Меня представил значит он
К какому-то там Дон Хуану;
Я так и сяк со всех сторон,
Християнин, мол, верю в Бога;
Он мне пощаду; а солдат
Християнин впросак попался:
Ты, дескать, пленник, ну-ка, брат,
Скажи, какие есть тропинки;
А я сейчас и говорю,
Что знаю вход, мол, в Альпухарру;
А он — давай-ка посмотрю;
От всех товарищей укадкой
Дает мне эту вот суму
Пошли мы по ущельям значит,
Я все, мол, на себя возьму,

Вошли мы в гору, я и тягу,
Ему за мной догадки нет,
Сума его со мной осталась,
Пропал и пленник и обед;
За мною он погнался было,
А на него сейчас отряд,
Выходят значит наши мавры,
Ну, он немедленно назад;
А я сюда, и с извещеньем,
Что с войском к нам идет большим
Сам Дон Хуан Австриндустрийский,
Большой маркес Мондехо с ним,
А с ним маоец Велец, а вместе
Гроза прохладных всех сердец,
Дон Лопе, по-фигуре — Рोजа,
И Санчо Дьявол наконец:
Все нынче значит в Альпухарру
И прямо на тебя.

В а л о р

Молчи,

Во мне уж загорелась гордость,
И вспышки гнева горячи...

Д о н ь я И с а б е л ь

Вот, с тех возвышенных утесов,
Где солнце, чуть роняя след,
Бойтся, что лучи погаснут
И что померкнет яркий свет,
Глядят в неясных очертаньях
Ряды враждебных нам дружин,
К пределам нашим подступают,
Как тени сумрачных вершин.

Д о н ь я К л а р а

Великое приходит войско
От стен Гранады к нам сюда.

Валор

Пускай миры сюда приходят,
Я им не сдамся никогда.
Хотя бы даже тот, кто правит
Всем лабиринтом тех дружин,
И сыном был планеты пятой,
Как Карла Пятого он сын.
Пусть воздух этих горизонтов
Смутится тысячью знамен,
Меж этих гор найдет костер он
И будет в них похоронен.
И так как случай к нам подходит,
Пусть не внезапно он придет,
Сберемте наши силы; каждый
Пусть у себя испанцев ждет.
Пускай Малек идет в Галеру,
Пускай Альваро Тусани
Засядет в Гавии, я — в Берхе,
Зажги, Аллах, свои огни
И сохрани того, кто встретит
Свирепость вражеских полков:
Твое мы дело защищаем.
Так в Гавию, и ждать врагов.
А торжество любви успеем
Достойно справить мы потом,
Когда отпразднуем победу
Над наступающим врагом.
*(Уходят Дон Фернандо, Валор, Донья
Исабель, Малек, мориски и музыканты.)*

СЦЕНА 8-я

*Дон Альваро, Донья Клара;
Алькускус и Беатрис, в стороне.*

Донья Клара *(про себя)*

«О, нет, не говорите, чьи вы,
Мои восторги, в забытьи...»

Дон Альваро (*про себя*)

«Вы так неверно торопливы,
Что нет сомненья, вы мои».

Донья Клара (*про себя*)

Не пережитые блаженства,
Что, чуть родившись, отошли...

Дон Альваро (*про себя*)

Цветы, что сорваны до срока,
Чуть расцвели, уж отцвели...

Донья Клара (*про себя*)

Когда вы сразу так опали
В дыханьи легком ветерка...

Дон Альваро (*про себя*)

Не говорите, что цвели вы...

Донья Клара (*про себя*)

Лишь почувствуйте, что смерть близка...

Дон Альваро (*про себя*)

О, нет, не говорите, чьи вы,
Мне это говорит тоска.

Донья Клара (*про себя*)

Восторги сердца, что разбилось,
Мертворождения мечты,
Едва на свет вы появились,
Вы снова в царстве темноты.
Быть может просто вы ошиблись,
Меня сочтя совсем другой;
Тогда прошу вас, ни мгновенья
Не будьте более со мной,
Ищите своего владыку,

Кто вас признает за свои;
Не замедляйте вашу ласку,
Мои восторги, в забытьи.

Дон Альваро (*про себя*)

О, радости, я вас считаю
Непостижимым чудом дня;
Вы оттого так мало жили,
Что были чудом для меня.
Я был безумен от блаженства,
И вот безумен от тоски;
Мои восторги, ясно вижу,
Как от меня вы далеки.
Ищите же владельца, чьи вы.
Не медлите: коль вы мои,
Вы так неверно тороптивы.

Донья Клара (*про себя*)

Раз вы зажгли огни свои,
Восторгом вы могли назваться...

Дон Альваро (*про себя*)

Вы дважды были торжеством,
И сразу быть им перестали.

Донья Клара (*про себя*)

Двойко вы изменны в том.

Оба (*про себя*)

Затем, что, будучи красивы,
Умчали прочь огни свои...

Дон Альваро (*про себя*)

И так вы в бегстве тороптивы...

Донья Клара (*про себя*)

Что нет сомненья, вы мои.

Дон Альваро

Я говорил здесь сам с собою;
Такой охвачен я борьбой,
Что сомневался я, могу ли,
Малека, говорить с тобой.
Когда любовь моя победу
Готовилась торжествовать,
Я вижу, снова нужно ждать мне,
Сейчас блаженству не бывать.
Итак, молчу теперь, чтоб слово
Не брало чувство у души.

Донья Клара

Легко сказать другому — смолкни,
И трепет сердца утиши.
Над словом дух наш полновластен,
Затем что можем мы молчать;
Но в разуме чужом — возможность:
Внимать нам или не внимать.
Но в этот миг настолько скорбью
Душа поглощена моя,
Что, если б говорить и мог ты,
Тебе бы не внимала я.

Дон Альваро

Царь в Гавию велит идти мне,
Должна в Галеру ты идти;
Моя любовь с моею честью
Должна неравный спор вести.
Останься здесь, моя супруга,
И я взываю к небесам,
Чтоб нападение и осада,
Грозящие бедою нам,
Явились в Гавию за мною,
К тебе в Галеру не пришли.

Донья Клара

Итак, пока война Гранады,
Взметая дольний прах земли,
Продлится, я с тобой не встречусь?

Дон Альваро

О, нет, видаться можно нам:
До Гавии всего отсюда
Две мили, буду по ночам,
Покорный своему желанью,
К тебе, как птица, прилетать.

Донья Клара

Любовь и большие пространства
Сумела бы уничтожать.
Я буду ждать у тайной двери,
Ты знаешь, в городской стене.

Дон Альваро

Любя, там буду каждой ночью.
Приди ж в объятия ко мне.

(Барабанный бой.)

Донья Клара

Опять грохочут барабаны.

Дон Альваро

Тоска!

Донья Клара

Беда!

Дон Альваро

Несчастье вновь!

Донья Клара

Любовь ли это?

Дон Альваро

Умиранье!

Донья Клара

О, что же, как не смерть, любовь?

(Оба уходят.)

СЦЕНА 9-я

Беатрис, Алькускус.

Беатрис

Ну, Алькускус, поди поближе,
Теперь остались мы одни.

Алькускус

А нежности твои, Сарилья,
К суме или ко мне они?

Беатрис

Не можешь зубы ты не скалить,
Хоть мы погибни все в чуме.
Послушай же.

Алькускус

А эта нежность,
Она ко мне или к суме?

Беатрис

К тебе; но так как над любовью
Ты издеваешься моей,
Хочу увидеть, что в ней скрыто.

Алькускус

Так значит не ко мне, а к ней.

Б е а т р и с

Вот ветчина... не одобряю,
(*Вынимает то, что поименовано
в стихах.*)

Она обманчива на взгляд.
А вот вино. Несчастье! Все здесь,
Что ты принес с собою, яд.
И прикасаться не желаю,
И предсказать тебе берусь,
Коль это пробовать ты будешь,
Тогда помрешь ты, Алькускус...

(*Уходит.*)

СЦЕНА 10-я

А л ь к у с к у с

Все это яд? Сказала Сара,
И значит верь без лишних слов:
Она змея, и понимает
Насчет отравы и ядов.
И то, что есть она не стала,
Мне об отраве говорит:
У Сары доложить могу вам,
Весьма изрядный аппетит.
Каков злодей! Но Магометом
Избавлен я от смертных уз.
Он спас меня за то, что в Мекку
На кость его пойду взирать.

(*Барабанный бой.*)

Но вижу я, по склонам горным
Идет воинственная рать,
И шум совсем вблизи раздался,
Последую за Тусани,
Яды пускай возьмет кто хочет,
Авось не пропадут они.

(*Уходит.*)

СЦЕНА 11-я

Окрестности Галеры.

*Дон Хуан Австрийский, Дон Лопе
де Фигероа, Дон Хуан де Мендоса, солдаты.*

Мендоса

Отсюда все расположенье
Рассмотрим лучше мы, покуда,
Уже склоняясь к закату,
Повисло солнце в небесах.
Тот город, что лежит направо,
И на основе из гранита
Так много сотен лет, с утеса
Сорвавшись, все не упадет,
Зовется Гавией Высокой.
Тот город, что лежит налево,
Чьи башни со скалами вечно
Непримиримый спор ведут,
Зовется Берхой; здесь — Галера,
Ее зовут так, потому что
Она похожа на галеру,
А может быть и потому,
Что в океане из утесов,
Разбивши волны трав цветущих,
Она как бы плывет, мелькая,
Меж скал, покорствуя ветрам.

Дон Хуан

Из двух твердынь одну нам нужно
Осадой оковать.

Дон Лопе

Рассмотрим,
Какая более подходит,
Чтоб нашу цель осуществить,

И больше даст рукам работы;
Ногам же нечего здесь делать.

Дон Хуан

Теперь мориска приведите,
Который к нам попался в плен.
Правдивость слов его проверим.
Его с Гарсесом я оставил.
Куда же с пленником он скрылся?

Мендоса

Его с тех пор я не видал.

СЦЕНА 12-я

Гарсес.— Те же.

Гарсес (за сценой)

О, горе мне!

Дон Хуан

Взгляните, что там.

(Гарсес, раненый, входит, падая.)

Гарсес

К твоим ногам я не посмел бы
Явиться иначе как мертвым.

Мендоса

Гарсес!

Дон Хуан

Но что произошло?

Гарсес

Ошибку да простит властитель
За извещение.

Дон Хуан

Говори же.

Гарсес

Мориск пленный, что тобою
Был для надзора отдан мне,
Сказал, что он сюда явился
Вести тебя на Альпухарру,—
И я, сеньор, узнать желая
Проход и первым в этом быть,
(Ведь честолюбье по корысти)
Сказал ему, чтоб он немедля
Проход мне этот показал.
Один по горным лабиринтам,
Где солнце, хоть оно и всходит,
Порою вовсе пропадает,
Пошел я по следам за ним.
И только между двух утесов
Мы очутились, он проворно
Вскочил на горный срыв и крикнул,
И вот в ответ на этот крик,
Иль может быть в ответ на эхо,
Отряд ответил мавританский;
Они спускались по утесу,
И на добычу понеслись,
Как подобает, как собаки,
Напрасно было защищаться;
Покрытый кровью, побежал я
Вдоль по горе, среди листов,
Ища в листве как бы прикрытья,
Достиг до самых стен Галеры,
И что же вижу, под стеною
Пролом: как будто бы утес,
Поддерживая тяжесть зданий,
Стенанье издал, пасть разъявши,
Как застонал, так и остался,

Полураскрыв свой грубый рот.
Туда я бросился, и то ли,
Что из виду у них я скрылся,
Или им просто показалось,
Что я разбился в глубине.
Но я оставлен был в покое
И мог, осматривая местность,
Увидеть ясно, что теченьем
И скрытой силой долгих дней
Как бы подкоп образовался
Под основанием Галеры
(В осаде гор скалистых время
Есть самый лучший инженер);
Воспользуйся провалом этим,
Не дожидаясь продолженья
Осады, и легко ты сможешь
Произвести там сильный взрыв;
Тебе я ныне предлагаю
За жизнь одну все жизни, сколько
Их скрыто между стен Галеры;
И пусть пред бешенством моим
Не встанут ни участие к детям,
Ни милосердьe к престарелым,
Ни жалость к женщинам — настолько
Непримиримости во мне.

Дон Хуан

Возьмите этого солдата.

(Его уносят.)

Как кажется мне, предвещанье
Благоприятно нам, Дон Лопе
Де Фигероа, что насчет
Галеры мы узнали это.
С тех пор как только я услышал,
Что в Альпухарре есть Галера,
Ее немедля осадить
Я пожелал, чтобы увидеть,

Не буду ль я на суше счастлив
С галерами, как был на море².

Дон Лопе

Так что ж откладывать? Идем,
Займем посты. Ночной порою,
Без шума, в этот час мы можем
Приблизиться к врагам заснувшим.
Ведем же на Галеру полк.

Солдат

Так передайте по отрядам
Пароль условный. Слушай.

Другой
Слушай.

Солдаты

К Галере.

Дон Хуан

Небо, дай успех мне
На суше, как и на воде,
Чтобы, сравнив морскую битву
С предпринятою мной осадой,
И там и здесь меня познавши,
Сказали все, что на земле
И в море сразу две победы
Я одержал, сам не заметив,
Что было славною осадой,
Что было битвою морской.
(Уходят.)

СЦЕНА 13-я

Стены Галеры

*Дон Альваро, Алькускус;
потом Донья Клара.*

Дон Альваро

Жизнь, Алькускус, и честь сегодня
Тебе я смело доверяю;

Ты понимаешь, коль узнают,
Что я из Гавии ушел
И что пришел сюда в Галеру,
В единый миг я потеряю
И жизнь и честь. Ты здесь останься,
За кобылицей присмотри,
А я отправлюсь в сад и вскоре
Оттуда выйду, потому что
Нам в Гавию вернуться нужно,
Пока не хватятся нас там.

Аль к у с к у с

Тебе всегда слуга я верный;
И хоть сюда мы так поспешно
Направились, что не успел я
Суму оставить у себя,
Отсюда с места я не стронусь.

Дон Альваро

Коль только ты уйдешь отсюда,
Клянусь, ты с жизнью распростишься.

*(Через потаенную дверь
выходит Донья Клара.)*

Донья Клара

Ты?

Дон Альваро

Кто бы мог столь верным быть?

Донья Клара

Входи скорей; а то пожалуй
Тебя здесь у стены увидят.

(Уходят.)

СЦЕНА 14-я

Алькускус, потом солдаты.

Алькускус

Клянусь Аллахом, засыпаю.
Какой ты надоедный, сон!
Нет должности такой подлеишей,
Как сводничеством заниматься:
Всяк для себя во всем трудится,
Один лишь сводник для других.
Но, но, кобыла! — Продолжаю;
А то меня дремота клонит.
Сапожник новые порою
Себе готовит сапоги,
Портной бывает в новом платье,
И повар пробует, что соус,
Хорош ли будет, и пирожник
Свое пирожное едал,
Все в выгоде, один лишь сводник
Без прибыли ведет работу,
Что шьет, того носить не будет,
Что стряпает, того не съест.
Но... — Отвязалась. Вот так штука!
Пустилась прочь бежать отсюда.

(Убегает и говорит за сценой.)

Тпру, тпру, остановись, кобыла,
Весьма тебя о том прошу;
Коли мою исполнишь просьбу,
И ты проси, что ни захочешь.
Нет, не угнаться мне за нею,
Простыл и след... — Ах, Алькускус!

(Выходит на сцену.)

И дело же теперь я сделал.
На чем вернется мой хозяин?
Меня убьет он, нет сомненья,

Поспеть нам в Гавию нельзя.
Вот выйдет он сейчас и молвит:
«Поддай кобылу». — «Нет кобылы».
«Что ж с ней случилось?» — «Убежала».
«Куда?» — «Туда вон, по горам».
«Убью тебя». Фить... И кинжалом
Меня ударит прямо в сердце.
Так если, Алькускус, нам нужно
С тобой от стали умереть,
И ежели в смертях есть выбор,
Уж лучше умереть от яду;
Смерть будет слаще. Начинаем,
Жизнь опостылела мне... Эх!

(Вынимает из сумы мех с вином и пьет)

Так умереть куда пригоже,
По меньшей мере, умирая,
Своей не вымажешься кровью.
Ну, как дела? Да ничего.
Вот только яд не больно силен,
И если умереть нам нужно,
В себя побольше яду впустим.

(Пьет.)

Не холодна отрава, нет,
Покуда пьешь ее, тепленько,
Да и внутри подогревает:
Еще давай-ка яду впустим.

(Пьет.)

Как замечаю я, весьма
Мало-помалу умираю.
Вот, забирает, забирает,
Должно, теперь вступило в силу;
Мутиться начало в глазах,
И в голове как будто густо,
И чувствую во рту железо,
И заплетается язык мой.

(Пьет.)

Раз умираю я теперь,

Допьем весь яд, а то пожалуй
Другие отравиться могут.
Покажем милосердь. Где же
Мой рот? Никак не попаду.

(За сценой барабаны.)

Солдаты *(за сценой)*

Сторожевые у Галеры,
К оружию!

Алькускус

Что там такое?
Ну, если молния блеснула,
Услышим значит мы и гром.

СЦЕНА 15-я

Дон Альваро и Донья Клара, испуганные. — Алькускус.

Донья Клара

С высоких башен часовые
Огонь открыли.

Дон Альваро

Нет сомненья,
Воспользовавшись мраком ночи,
Все христианские полки
Теперь к Галере подступили.

Донья Клара

Иди скорей, спеши. Ты видишь?
Все в крепости пришло в движенье.

Дон Альваро

И это было б хорошо,
Чтоб обо мне сказали: «Даму
Свою он в городе оставил,

Который обложило войско
Враждебное...»

Донья Клара

О, горе мне!

Дон Альваро

И отступлю я пред врагами?

Донья Клара

Во имя Гавии ты должен,
Так честь твоя повелевает;
И может быть они теперь
Уж на нее идут рядами.

Дон Альваро

Кто видел большее смущенье,
Что в миг один меня объяло?
Моя любовь и честь моя
Зовут меня одновременно.

Донья Клара

Ответь же на призывы чести.

Дон Альваро

Хочу ответить я обеим.

Донья Клара

Каким же образом?

Дон Альваро

Таким:

Я увезу тебя с собою;
Равно себя могу сгубить я,
Тебя оставив здесь, иль взявши
Тебя с собой: так пусть любовь
И честь одну судьбу узнают,

Одну опасность повстречают.
Беги со мной: умчит нас лошадь,
Она летит быстрее ветров.

Донья Клара

С моим супругом ухожу я:
И если дом я покидаю,
Опасности не подвергаюсь.
Я вся твоя.

Дон Альваро

Эй, Алькускус!

Алькускус

Кто там зовет?

Дон Альваро

Скорее лошадь.

Алькускус

Хм. Лошадь?

Дон Альваро

Живо. Что ж ты медлишь?

Алькускус

А значит лошадь дожидаю,
Сказала, тотчас, мол, вернусь.

Дон Альваро

Так где ж она?

Алькускус

Да убежала;

Вот я и жду, она вернется,
Раз честным словом обязалась.

Дон Альваро

Изменник! Видят небеса...

Алькускус

Постой, ко мне не прикасайся:
Как значит я вконец отравлен,
Дыханием я убиваю.

Дон Альваро

Немедля я тебя убью.

Донья Клара

Остановись. Ай!

(Удерживает его и ранит себе руку.)

Дон Альваро

Что такое?

Донья Клара

Кинжала твоего коснувшись,
Себе обрезала я руку.

Дон Альваро

И стоит жизни эта кровь.

Донья Клара

Так я во имя этой крови
Тебя, мой милый, умоляю,
Не убивай его.

Дон Альваро

Чего бы

Не получила ты, прося?

Что, много крови?

Донья Клара

Нет.

Дон Альваро

Скорее

Перевяжи платком.

Донья Клара

Ты видишь,

Я не могу идти с тобою:

Спешу к себе; в течение дня

Они не завоюют город,

А завтра я уйду с тобою,

Для нас проход, как прежде, будет

Свободным с этой стороны.

Дон Альваро

С таким условием соглашаюсь.

Донья Клара

Аллах тебя сохраняет.

Дон Альваро

Зачем, когда мне жизнь противна?

Алькускус

Здесь средство есть расстаться с ней:

Еще немного тут осталось

Наипленительной отравы.

Донья Клара

Ступай же.

Дон Альваро

Ухожу печальный.

Донья Клара

Я огорченной остаюсь.

Дон Альваро

Поняв, что лик звезды враждебной...

Донья Клара
Поняв, что рок неумолимый...

Дон Альваро
Меж мною и моей любовью...

Донья Клара
Меж мною и моей мечтой...

Дон Альваро
Всегда встает...

Донья Клара
Всегда грозитя...

Дон Альваро
Внимательный к моим несчастьям.

Донья Клара
И христианское оружие
Нас разлучает каждый миг.

Алькускус
Что ж это, смерть или дремота?
Как говорят, одно и то же;
Оно и правда: я не знаю,
Я умираю или сплю.

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ

СЦЕНА 1-я

Окрестности Галеры.

*Дон Альваро, не замечающий Алькускуса,
который спит на земле.*

Д о н А л ь в а р о

Холодный бледный сумрак ночи,
Твоим молчаньем ободрен,
Тебе свою надежду доверяю,
Восторг моей любви и мой заветный сон.
Пусть столько звезд во мгле твоей сияет,
Малека лучший свет зажжет, и вся блеснет,
Когда она, в моих объятьях,
Ко мне влюбленная прильнет.
На четверть мили от Галеры
Заботою я принесен;
Здесь безыскусственной природой
Из листьев лабиринт глухой расположен,
Не слишком спутанный, ни слишком
очевидный;
Пусть будет он ночным приютом для коня;
Я привяжу его к стволу, и так как ночью
Никто не видит здесь меня,
На поводу теперь надежнее он будет,
Чем был вчера он со слугой.

(Натыкается на Алькускуса.)

Но нет случайности, которой не испуган
Тот, кто терзается любовною тоской.
И храбрым будучи, могу я опасаться:
Едва к стене я подхожу,
Как наступаю я на что-то

И труп злосчастный нахожу.
Все, что сегодня я увидел, все, что встретил,
Есть изумление и страх.
О, ты, печальный, ты, несчастный,
Кто гроб себе нашел в горах...
Но нет, счастливый ты, что смертью
Свой рок переменял, свою печаль гоня!
Меня тревожат привиденья.

(Пробуждает Алькуску.)

Алькуску

Кто наступает на меня?

Дон Альваро

Что вижу я и что я слышу?

Кто здесь?

Алькуску

Кто? Алькуску, конечно,
Меня оставил ты с кобылой,
Так я и оставался здесь,
И тут меня никто не видел.
Коль в Гавию вернуться нужно
Сегодня же, зачем так поздно
Приходишь ты? Но, впрочем, что ж,
Всегда влюбленные ленивы,
Когда им надо расставаться.

Дон Альваро

Что здесь ты делал?

Алькуску

Как что делал?

Тебя все ждал, с тех пор как ты
Пошел к Малеке тайным ходом.

Дон Альваро

Кто видел что-нибудь такое?

Так значит со вчерашней ночи
Ты здесь был?

Алькускус

Что тут говорить
О ночи, да еще вчерашней?
Не спал я ни одной минуты,
Так мучил яд меня, который
Я выпил, чтоб себя убить.
Из страха, что твоя кобыла
Гулять отправилась в ущелья.
Но раз кобыла возвратилась,
И яд меня не умертвил,
(Аллаху было так угодно),
Идем же.

Дон Альваро

Что за вздор ты мелешь!
Ты пьян был.

Алькускус

Если есть такие
Яды, которые пьянят,
Пожалуй пьян... Так надо думать:
Во рту я чувствую железо,
Язык и губы — как огниво,
И небо — точно как фитиль,
И словно уксуса набрал я.

Дон Альваро

Ступай отсюда: не хочу я,
Чтобы ты вторично помешал мне,
Какой я случай потерял
Из-за тебя вчерашней ночью!
Недостает еще, чтоб снова
И этот случай я утратил.

Алькускус

Ну, в этом не моя вина,
А Сары: мне она сказала,
Что это яд, его и пил я,
Чтоб умереть.
(Шум за сценой.)

Дон Альваро

Я слышу, люди.
Побудем здесь, пока пройдут.
(Уходят.)

СЦЕНА 2-я

Гарсес, солдаты.

Гарсес

Вот здесь подкоп к стене выходит:
Нас не видал никто, тихонько.
Уже зажжен огонь, мы можем
С минуты на минуту ждать,
Что треснет камень скал, извергнув
Пороховые тучи к небу.
Чтобы никто, как взрыв услышим,
Не медлил ни минуты здесь,
Займем скорей провал, который
Откроется, и будем биться
Из-за него, пока другие
К нам из засады не придут.
(Уходят.)

СЦЕНА 3-я

Дон Альваро, Алькускус; потом мориски и Дон Лопе.

Дон Альваро

Ты слышал что-нибудь?

Алькускус
Ни слова.

Дон Альваро

Ночной дозор обходит гору.
Мне нужно от него сокрыться.
Ушли?

Алькускус

А что же ты ослеп?

Дон Альваро

Теперь к стене пойду поближе.
(За сценой звук выстрела.)
Но что случилось?

Алькускус

Нету глотки,
Чтобы так ясно говорила,
Как в пушке говорит жерло,
Хоть я не знал бы этой речи.
(Взрыв подкопа.)

Мориски *(за сценой)*
Да ниспошлет нам помощь небо!

Алькускус

И да поможет Магомет мне,
Его же да хранит Аллах!

Дон Альваро

Как будто бы с бессмертных осей
Весь шар содвинулся кристальный,
Сошла вся сфера из алмаза.

Дон Лопе *(за сценой)*

Взорвало славно. Все скорей
Спешите к горному пролому.
(Барабаны.)

Дон Альваро
Какие Этны, Монхибелы,
Каких Везувиев вулканы
Скрывала в чреве у себя
Скала, родившая их сразу?

Алькускус
Где тут бездетные монашки,
И таракашки, и букашки?
Я вижу лишь огонь и дым.

Дон Альваро
Кто видел большее смятенье?
В неразличимых лабиринтах
Весь город закипел сраженьем,
И чтобы ужасы рождать,
Ехидна из смолы и аспид
Из пороха, вдруг разорвавшись,
Являют, что у них во чреве.
Испания взметнула бич.
Ни благородным, ни влюбленным
Я не был бы, когда на помощь
К моей возлюбленной, бесстрашно,
Не устремился бы в огонь,
Взобравшись на стену, ломая
Ее зубцы; когда Малеку
Я вынесу в своих объятьях,
Пусть крепость вся сгорит дотла,
Пусть целый мир сгорит с Галерой.

(Уходит.)

Алькускус
Ни благородным, ни влюбленным
Не буду я, коль только Сара
В такой останется беде.
Но что за важность оказаться

Ни благородным, ни влюбленным?
Довольно этих благородных,
Влюбленных прямо отбавляй.
Коли я сам беды избегну,
Пускай в пожаре гибнет Сара,
Пускай сгорит и вся Галера,
Мое тут дело сторона.
(Уходит.)

СЦЕНА 4-я
Развалины Галеры.

*Дон Хуан де Мендоса, Дон Лопе
де Фигероа, Гарсес, солдаты;
потом Малек, мориски и Донья Клара.*

Дон Лопе

Всех убивайте без пощады,
Карайте их огнем и кровью.

Гарсес

Иду, чтоб разбросать поджоги.
(Уходит.)

Первый солдат

Я за добычею иду.
(Выходят Малек и мориски.)

Малек

Довольно, чтобы для защиты
Я встал стеною городскою.
(Бьются.)

Мендоса

Перед тобой алькайд, владыка,
Ладин.

Дон Лопе

Оружие сложи.

Малек

Я буду складывать оружие?

Донья Клара (за сценой)

Ладин, сеньор, отец, владыка!

Малек (в сторону)

Зовет Малека: если б мог я
Разъединиться пополам.

Донья Клара (за сценой)

Я умираю от ударов
Христианина.

Малек

Так от этих
Себя не буду защищать я,
Пусть оба сразу мы умрем.

Дон Лопе

Умри, собака, и поклон мой
Снеси немедля Магомету.
(Христиане нападают и оттесняют морисков.)

СЦЕНА 5-я

*После того, как за сценой окончилась
битва, выходят солдаты, Гарсес,
Дон Лопе и Дон Хуан де Мендоса.*

Первый солдат

Такой добычи не видал я.
Алмазов сколько я набрал!

Второй солдат

Я этот раз обогатился.

Гарсес

Пощады никому не дам я,
Руби направо и налево,
Будь женщина или старик.
Вот только бы еще найти мне
Того бесчестного мориска,
Достойно буду отомщен я.

Дон Лопе

Теперь Галера вся в огне,
Скажи, чтоб били к отступленью,
Пред тем как, зарево увидев,
Придут на помощь.

Мендоса

К отступленью.

Отбойный марш.

Солдаты

Отбойный марш.
(Уходят.)

СЦЕНА 6-я

Дон Альваро; потом Донья Клара.

Дон Альваро

Меж гор огней, морей из крови,
Ежеминутно спотыкаясь
О трупы, но влеком любовью,
Пришел я к дому, где живет
Малека,— дом ее разрушен,
Он и оружием и пожаром

Двойко сделан жалкой жертвой.
Супруга милая моя,
Коль прихожу я слишком поздно,
Умру сейчас же. Где Малека?
Не видно никого.

Донья Клара (за сценой)

О, горе!

Дон Альваро

Тот зов, по воздуху летя,
Исполнен еле внятных жалоб
И повторенных восклицаний,
В ветрах вздохнув, как отзвук эхо,
В меня, как молния, проник.
Кто видел большее несчастье?
При свете сумрачном пожара,
Там женщина лежит, и кровью
Она смирят жар огней...
Святое небо! То Малека.
Убей меня иль жизнь спаси ей.

*(Уходит и выносит Донью Клару,
с распущенными волосами,
с окровавленным лицом и полураздетую.)*

Донья Клара

Солдат испанский, ты, что гнева
И милосердия лишен:
Без милосердия, потому что
Жестокою нанес мне рану,
Без гнева, раз я не убита:
Еще вонзи мне в грудь кинжал.
Заметь, что это гнев чрезмерный,
Коль в действиях твоих не видно
Ни милосердия, ни гнева.

Дон Альваро

О, божество во власти бед,
(Есть божества во власти бедствий,
Ты всем об этом возвещаешь,
Им судьбы знать даешь людские),
Кто на руках тебя несет,
Тебя убить совсем не хочет;
Напротив, жизнь свою хотел бы
Разъединить он на две части.

Донья Клара

Твои слова мне говорят,
Что ты араб и африканец;
И если я взываю в горе
И женщиной к тебе взываю,
Тебя двояко обязав,
Я об одной прошу услуге.
Альваро Тусани, супруг мой,
Алькайдом в Гавии остался:
Скорее отыщи его
И от меня объятье это
К нему снеси, как дар последний;
Скажи ему: «Твоя супруга,
В своей омытая крови,
Убитая рукой испанца,
Который более был жаден
К ее алмазам и нарядам,
Чем к чести девственной ее,
Теперь лежит в Галере мертвой».

Дон Альваро

Объятие, что ты даешь мне,
Не нужно твоему супругу
Передавать: он вышел сам
Навстречу радости последней;
Несчастье никогда не медлит.

Донья Клара

Твой голос, о, мое блаженство,
Мне новое дыханье дал
И сделал смерть мою счастливой.
Дай, дай скорей с тобой обняться.
Пусть у тебя в руках умру я,
И пусть умру.

(Испускает последний вздох.)

Дон Альваро

О, как неправ,
Как тот неправ, кто говорит нам,
В своем незнании глубоко,
Что будто бы любовь умеет
Две жизни превратить в одну!
Будь это чудо достоверным,
Не умерла бы ты, и я бы
Не жил; вот в этот миг бегущий
Я, умирающий, и ты,
Живая, были бы мы равны.
Ты, небо, видя это горе,
Вы, горы, видя эти беды,
Вы, ветры, слыша грусть мою,
Ты, пламя, скорбь мою увидев,
Как все вы допустить решились,
Чтоб лучший светоч был погашен,
Чтоб лучший ваш цветок завял,
Чтоб лучший вздох ваш был развеян?
И вы, кто был в любви испытан,
Скажите мне в моем сомненьи,
Скажите мне в моей беде,
Что должен делать тот влюбленный,
Который, приходя увидеть
Свою возлюбленную ночью,
Чтобы испить до дна любовь,
Так долго ждавшую награды,
Ее внезапно он находит

Свою кровью обагреной,
Лилей нежную эмаль
Встречает в гибельной оправе,
Встречает золото в горниле
Неукоснительно суровом?
Как должен, горький, поступить,
Кто ждал, любя, постели брачной
И встретил гроб, где образ милый,
Что божеством ему являлся,
Пред ним явился как мертвец?
Но нет, советов не давайте,
И что бы мне сказать могли вы?
Кто в положении подобном
Не действует, руководясь
Тоской, плохое руководство
Ему советы. О, вершины
Неисследимой Альпухарры,
Театр, где явлена была
Игра трусливейшего дела,
Игра победы самой подлой,
И славы самой низко-грязной!
Пусть никогда бы, никогда
Твои высокие вершины,
Пусть никогда бы, никогда бы
Твои пленительные доли
Лик самой скорбной красоты
Не видели в своих пределах!
Но что я жалуюсь напрасно?
И самый ветер не внимает
Воскликновениям моим.

СЦЕНА 7-я

*Дон Фернандо Валор, Донья Исабель Тусани,
мориски.— Дон Альваро, Донья Клара, мертвая.*

Валор

Хоть огненными языками

Галера нас звала на помощь,
Явились поздно мы.

Д о н ь я И с а б е л ь

 Так поздно,
Что как зажженные костры
Все улицы ее пылают,
И пламенем пирамидальным
Угрозы шлют далеким звездам.

Д о н А л ь в а р о

Что удивительного в том,
Что вы пришли сюда так поздно,
Коль опоздал и я в Галеру?

В а л о р

Какое скорбное предвестье!

Д о н ь я И с а б е л ь

Какой нежданный лик беды!

В а л о р

Что это?

Д о н А л ь в а р о

 Высшее несчастье,
Печаль, которой нет сильнее,
И зоключение, с которым
Ничто сравнить не можем мы:
Увидеть, что внезапно умер,
И умер смертью столь злосчастной,
Тот, кто с тобой любовью связан,
Есть точка высшая скорбей,
Есть завершение несчастий,
Есть величайшее из бедствий.
Та, кто пред вами (о, мученье!),

Вся бледная (о, горький рок!),
И в собственной (о, беспощадность!)
Крови омытая (о, пытка!),
Моя жена, моя Малека.
Рукою подлой в грудь ее
Удар направлен был смертельный,
Среди огня. Кто не смутится,
Кто не увидит с изумленьем,
Что гасится огонь огнем,
И что алмаз разрушен сталью?
Вы все, да, все вы — очевидцы
Наикошунственного дела,
В котором зверство без конца,
В котором самый мрачный ужас,
И испытанье без пощады,
Любовь и рок непобедимый;
И потому вас всех, вас всех
Зову теперь я в очевидцы
Великой, самой величайшей
И самой благородной мести,
Какую только сохранит
В бессмертных летописях вечность
Неразрушающейся бронзы,
И долголетье твердой яшмы;
Пред этой мертвой красотой,
Пред этой сломанною розой,
В которой смерть сама есть чудо,
Как было чудом и рожденье,
Пред этим я цветком клянусь
И, верный чувствам, обещаю,
Что отомщу ее кончину;
И ежели теперь Галера,
Недаром названная так,
Свое крушенье потерпела,
И тонет в бездне вод пурпурных,
И в море пламени крутится,
И от вершины в темный дол

Как бы на дно морей нисходит,
И если барабан испанцев
Чуть слышится в неясной дали,
И если полчища врагов
Теперь поспешно отступают,
Я по пятам пойду за ними,
Пока меж всех солдат испанских
Ее убийцу не найду;
Не отомщу ее кончину,—
Так отомщу свой гнев жестокий;
Дабы огонь, что это видит,
И мир, который это зрит,
И ветер, это услышавший,
И рок, чьей волей это было,
И небо, давшее согласие,
И чтобы вместе с ними вы,
О, люди, звери, птицы, рыбы,
Цветы, созвездья, месяц, солнце,
Вода, земля, огонь и воздух,
Увидели, сказали всем,
Узнали, поняли, постигли,
Что в сердце у араба скрыта,
Что в верном сердце у араба
Непобежденная живет
Любовь и после смерти,
Да похвалиться смерть не сможет,
Что власть ее разъединила
Двух верных, в чьей душе любовь.

(Уходит.)

В а л о р

Остановись, стой!

Д о н ь я И с а б е л ь

Скорее

Течение молний остановишь!

В а л о р

Возьмите мертвую отсюда
Красавицу. Пусть никого
Не устрашит такая Троя,
Такая варварская жертва,
Что в страхе рушится на землю
И пеплом по ветрам летит.
Смелей, мориски Альпухарры,
Владыка ваш Абенумейя,
Во имя мшенья за несчастья,
Недаром поднял этот меч.

(Уходит.)

Д о н ь я И с а б е л ь *(в сторону)*

О, если б небо пожелало,
И эти гордые Атланты
Огня, который их сжигает,
Ветров, которые их бьют,
В своих основах сокрушились
И, с места сдвинутые, пали,
Чтоб вместе с этим столько бедствий
Нашли в их гибели конец!

(Уходят.)

СЦЕНА 8-я

Лагерь около Берхи.

*Дон Хуан Австрийский, Дон Лопе,
Дон Хуан де Мендоса, солдаты.*

Д о н Х у а н

Одни развалины Галеры
Отныне будет видеть взор:
Она собою, в теплом прахе,
Являет Феникс и костер.

И в этой сфере распаленной
Средь жадных вспышек мы следим,
Как пламя служит Минотавром
И лабиринтом — черный дым.
Нам нечего здесь дожидаться,
Но прежде чем, светло горя,
Жемчужины на пену моря,
Заплавав, изольет заря,
Идем на Берху; дух мой бранный
Тогда насытится войной,
Когда падет Абенумейя
Живой иль мертвый предо мной.

Дон Лопе

Коль хочешь, чтоб судьбу Галеры
Узнала Берха, — хоть сейчас
Идем, сеньор, туда: для схватки
Довольно бранных сил у нас.
Но если примем во вниманье
Приказ, нам данный Королем,
Увидим, что его желанье
Не в том, что смело мы убьем
Его врагов, а что вассалов
Должны возможно мы щадить
И, наказав их, в самой каре
Уметь виновного простить.

Мендоса

С Дон Лопе я вполне согласен:
Твой гнев умеет укрощать,
Так покажи теперь виновным,
Что ты умеешь и прощать.
Умерь, сеньор, свою суровость,
И пусть тебя увидит свет
Великим в том, что ты — прощаешь,
В том, чтоб убить — величья нет.

Дон Хуан

Мой брат послал меня (то правда),
Чтоб я окончил этот спор,
Но безоружным не умею
Просить я, чтоб утих раздор.
Однако он вполне доверил
Прощение и кару мне;
Так пусть же мир теперь узнает,
Что, храбрым будучи в войне,
Умею я прощать с оружием,
Просить умею, покарав.
Ты, Дон Хуан...

Мендоса

Сеньор...

Дон Хуан

Отправься

К Валору, в Берху, и, сказав,
Что я на Берху направляюсь,
Ты вместе возведишь ему,
Что я, добро и зло сравнивши,
Лишь побужденью одному
Теперь душою повинуюсь:
Когда он мирно сдастся мне,
Я общее даю прощенье
Всем, кто участвовал в войне,
С тем, чтоб мятежники вернулись
К своим занятиям и делам,
И большей мести не желаю
За вред, что причинен был нам;
А коль он сдаться не желает,
Тогда, чтоб прекратить беду,
Как ветер, в Берху я закину
Пожар Галеры.

Мендоса

Я иду.
(Уходит.)

СЦЕНА 9-я

Дон Хуан Австрийский, Дон Лопе, Солдаты.

Дон Лопе

Такой добычи мне увидеть
Не приходилось: из солдат
Нет никого, кто б, возвратившись,
Доволен не был и богат.

Дон Хуан

Такой роскошный клад скрывала
В себе Галера?

Дон Лопе

Сам взгляни,
Как веселы твои солдаты.

Дон Хуан

Из той добычи, что они
С собою принесли, хочу я
Все, что есть ценного, купить,
Чтобы сестре и Королеве
Как знак вниманья подарить.

Дон Лопе

С намереньем таким же точно
Я кое-что уже купил;
Вот ожерелье; у солдата,
Который сам его добыл,
Его купил я и охотно
Тебе, властитель, отдаю.

Д о н Х у а н

Оно прекрасно; принимаю,
Чтоб просьбу выполнить твою,
Когда ты с нею обратишься.
Подарком учишь ты своим
Давать,— учишь же брать.

Д о н Л о п е

Награда —
В том, что служу собой — и им.

СЦЕНА 10-я

Дон Альваро, Алькускус.— Те же.

Д о н А л ь в а р о
(*не замечая Дон Хуана*)

Сегодня, Алькускус, с тобою
Мы сотоварищи, друзья,
Лишь на тебя я полагаюсь.

А л ь к у с к у с

Тебе всецело предан я;
Хотя мне вовсе неизвестно,
Зачем ты ищешь новых стран.
(*В сторону, к Дон Альваро.*)
(Тсс! Тут величина большая!)

Д о н А л ь в а р о
Скажи, пред нами Дон Хуан?

А л ь к у с к у с
Он самый.

Д о н А л ь в а р о
Славного в деяньях,

Приятно видеть и врага,
В него впиваюсь жадным взором.

Дон Хуан

Как ровны эти жемчуга!

Дон Альваро (*в сторону*)

И если б не хотел ему я
Внимание отдать вполне,
Впиваться взором должен, должен:
То ожерелье (горе мне!),
Что держит он в руке (о, сердце!),
Узнал я тотчас же: его
Я подарил моей Малеке.

Дон Хуан

Идем, Дон Лопе. Отчего
Застыл в каком-то изумленьи,
Меня увидев, тот солдат?

Дон Лопе

Так кто ж, сеньор, не изумится,
Твой лик увидевши и взгляд?
(*Дон Хуан, Дон Лопе и солдаты уходят.*)

СЦЕНА 11-я

Дон Альваро, Алькускус.

Дон Альваро

Я был охвачен немотою.

Алькускус

Остались мы одни, сеньор.
Скажи, зачем сюда пришел ты
Из Альпухаррских наших гор?

Дон Альваро

Узнаешь скоро.

Алькускус

Что узнаешь?

Я знаю, в чем моя беда:
О том пришел я сокрушаться,
Что провожал тебя сюда.

Дон Альваро

Как так?

Алькускус

А так: христианинчик
Меня взял в плен, я убежал,
Так если он меня увидит,
Тогда конец мне, я пропал.

Дон Альваро

Раз ты пришел переодетым,
Хотя б он встретился с тобой,
Тебя никак он не признает.
Мы здесь окружены толпой,
Как мы одетою, не бойся.
Кто может видеть наш обман?
Мы на морисков не похожи,
Нас все сочтут за христиан.

Алькускус

Ты по-испански наострился,
Ты на испанца сам похож,
Ты в плен не попадал к солдату,
Так ты за своего сойдешь;
Я по-испански еле-еле,
Я попадался в плен врагу,
Я в первый раз в таком костюме,
Как наказанья избегу?

Дон Альваро

Коль ты слуга, никто не будет
Тебе значенья придавать.
Не говори ни с кем.

Алькускус

А если
Кто спросит, как мне быть?

Дон Альваро

Молчать.

Алькускус

Да кто же может не ответить?

Дон Альваро

Кто знает, что грозит ему.

Алькускус

Связать язык мой удалось бы
Лишь Магомету одному,
Так я болтлив.

Дон Альваро

Я знаю, знаю,
В чем крайности моей любви.
Влюбленный, как язычник, в солнце,
Зашедшее в своей крови.
Вхожу я в войско в тридцать тысяч,
Чтобы найти в нем одного,
И, не имея указаний,
По ветру я ищу его.
Но может быть случится чудо,
Последний луч мой не исчез:
Что будет значить — чудом больше,
Где столько предо мной чудес?

Мне слишком хорошо известно,
Что невозможна месть моя;
Но, не задавшись невозможным,
Что больше мог бы сделать я?
Увидев первый знак столь ясно,
Как бы напав на верный след,
Его тщету я понимаю,
Мне указания в нем нет.
Та вещь была у Дон Хуана,
Он тот, кто он, кем должен быть,
И благородный, это ясно,
Не мог бы женщину убить;
Тот доблести не обличает
И благородства тот лишен,
Кто красотой не очарован
И чарами не восхищен;
В самом себе защиту носит
Очарованье красоты:
Так был не он ее убийцей.
Тот знак солгал,— солгала ты,
Любовь, неясным указаньем;
О, нет, ее убил другой.
Иной был низким, диким, подлым.

Алькускус

Так вот зачем я здесь с тобой?

Дон Альваро

Да.

Алькускус

Ну, тогда домой скорее,
Здесь оставаться смысла нет:
Как можешь отыскать убийцу,
Раз не имеешь ты примет?

Дон Альваро

Хоть нет надежды, я надеюсь.

Алькускус

Так пишут письма иногда:
«В столицу, моему Хуану,
Что в черное одет всегда».

Дон Альваро

Тебе лишь нужно...

Алькускус

Пред другими
Беседовать руками.

Дон Альваро

Да.

Алькускус

Аллах, молю тебя, да будет
На языке моем узда!

СЦЕНА 12-я

Солдаты.— Те же.

Первый солдат

Так — верно выигрыш разделим;
Хотя бы за двоих играл я,
Раз выиграл, немного должен
Я лишку в доле получить.

Второй солдат

Ведь проигрыш мы пополам бы
С тобой делили, отчего же
Не должен выигрыш быть равным?

Третий солдат

Он справедливо говорит.

Первый солдат

С товарищами из-за денег
Я не хотел бы пререкался:
Пусть только кто-нибудь найдется,
Кто этот довод подтвердит,
И я настаивать не буду.

Второй солдат

Чтоб кто-нибудь сказал нам то же?
Товарищ!

Алькускус (*в сторону*)

Ну, теперь терпенье.
Он говорит со мной,— молчок.

Второй солдат

Ты что же, отвечать не хочешь!

Алькускус

А, а!

Третий солдат

Немой!

Алькускус (*в сторону*)

Когда б вы знали!

Дон Альваро (*в сторону*)

(Ну, он меня совсем погубит,
Коль я на помощь не приду.
Вмешаюсь в разговор).— Идальги,
Прошу прощенья, что слуга мой
Желанье ваше не исполнил,
Но он немой.

Алькускус (*в сторону*)

Нет, не немой.

А я,— коль мы в пикет играем,—

Пик, девяносто, и ни взятки:
Какой же тут ответ возможен!

Второй солдат

Так ты быть может разрешишь,
О чем его хотел спросить я.
Насчет игры у нас сомненье.

Дон Альваро

Охотно, если я сумею.

Первый солдат

Я выиграл, но за двоих,
И был на ставке, между денег,
Вот этот Купидон...

Дон Альваро (*в сторону*)

О, горе!

Первый солдат

Из бриллиантов.

Дон Альваро (*в сторону*)

О, Малека!

Те драгоценности, что ты
Должна была носить на свадьбе,
Твое надгробное наследство.
О, как же мстить мне, как же мстить мне,
Коль между крайностей таких
Меж Принцем и простым солдатом
Приметы смутно возникают?

Первый солдат

При дележе я Купидона
Ему даю за счет того,
Что получил; он говорит мне,

Что драгоценностей не хочет:
Так вот, не справедливо ль будет,
Раз выигрыш достался мне,
Чтоб я при дележе был первым?

Дон Альваро

Придя так вовремя, хочу я
Уладить ваше разногласье;
За сколько был поставлен он,
За то его и покупаю;
С одним условием: чтоб раньше
Сказали мне, откуда взят он,
И сомневаться б я не мог.

Второй солдат

Тут сомневаться невозможно:
На что сегодня мы играем,
Все добыто при разграбленьи
Галеры, у поганных псов.

Дон Альваро *(в сторону)*

Я должен это слушать, небо!

Алькускус *(в сторону)*

Не только убивать нельзя мне,
Но даже говорить не смею!

Первый солдат

Надежный поручитель есть:
К тебе солдата приведу я,
Который эту драгоценность
Взял у красавицы-мориски,
Убив ее.

Дон Альваро *(в сторону)*

О, горе мне!

Первый солдат
Пойдем; он сам тебе расскажет.

Дон Альваро (*в сторону*)
(Он рассказать мне не успеет:
Как только я его увижу,
Вонжу в него кинжал).— Идем.
(*Уходят.*)

СЦЕНА 13-я

Внешний вид кордегардии.

*Солдаты и тотчас вслед за ними
Гарсес, Дон Альваро и Алькускус.*

Солдаты (*за сценой*)
Постойте.

Другие (*за сценой*)

Прочь.
(*За сценой дерутся.*)

Солдаты (*за сценой*)
В его защиту
Пусть встанет целый мир, его я
Убью.

Другой солдат
Он за врага вступился.

Другой
Он против нас — так смерть ему.

Гарсес (*за сценой*)

Хоть и один я, что за важность,
Пусть все со мною в бой вступают.
(*Выходят, в схватке, Гарсес и солдаты,
Дон Альваро удерживает их, сзади Алькускус.*)

Дон Альваро

Все против одного, солдаты?
Какая низость! Видит бог,
Коль не хотите удержаться,
Я удержаться вас заставлю.

Алькускус (*в сторону*)

Пришел за делом: видеть ссору
И быть безмолвным.

Солдат

Я убит!
(*Падает на сцену.*)

СЦЕНА 14-я

Дон Лопе, Солдаты.— Те же.

Дон Лопе

Что тут такое!

Один солдат

Ранен насмерть;
Бежим, чтоб нас не захватили.
(*Все принимавшие участие в схватке убегают.*)

Гарсес (*к Дон Альваро*)

Товарищ, я тебе обязан
Своею жизнью: я в долгу.
(*Уходит.*)

Дон Лопе

Постой-ка.

Дон Альваро

Я стою.

Дон Лопе

Оружье

Взять у обоих. Сдать мне шпагу.

Дон Альваро *(в сторону)*

(О, небо!) Я прошу заметить,
Что я не ссорился ни с кем
И шпагу вынул для того лишь,
Чтобы уладить эту ссору.

Дон Лопе

Одно известно мне: тебя я
У кордегардии нашел,
С оружием, а возле — мертвый.

Дон Альваро *(в сторону)*

Мне невозможно защищаться.
Кто видел что-нибудь такое?
Прийти, затем чтобы убить,
Дать жизнь другому и за это
Попасть в подобную опасность.

Дон Лопе

А ты? Где шпага? Речь ведешь ты
Посредством знаков? Хорошо.
Насколько помню, ты иначе
Умел когда-то изъясняться.
Взять в кордегардию обоих,
Пока других не отыщу.

Алькускус *(в сторону)*

Две неприятности мне были:
Молчать и видеть ссору; стало
Их три, коли считать умею:
Тюрьма, молчанье, ссора — три.

(Их уводят.)

СЦЕНА 15-я

*Дон Хуан Австрийский.— Дон Лопе;
потом Дон Хуан де Мендоса.*

Дон Хуан

Что там произошло, Дон Лопе?

Дон Лопе

Повздорили из-за чего-то
И в ссоре одного убили.

Дон Хуан

Коль это так оставим мы,
Без наказания,— ежедневно
Мы будем видеть ряд трагедий;
Но все же будем в правосудьи
Не слишком строги.

(Выходит Дон Хуан де Мендоса.)

Мендоса

Дай припасть
К твоим ногам, о, повелитель.

Дон Хуан

Что нового принес, Мендоса?
Что говорит Абенумейя?

Мендоса

Пред Берхою глухой трубой
Был подан знак для перемирья,
И знамя белое, на зов мой,
Немым ответом развернулось.
Свободный пропуск был мне дан,
И я пришел к престолу, к небу
Абенумейи... Справедливо

И так сказал: он был как с солнцем
С прекрасной Доньей Исабель,
Зовущейся теперь Лидорой,
Царицей их. Согласно нравам,
Я на подушку был посажен
И был отмечен как посол
Большими знаками вниманья.

(В сторону.)

(Любовь, как неразумно будишь
Ты задремавшие мечтанья!)
А сам он был как пышный царь.
Я передал твоё желанье,
И только что распространилось
Известие, что ты прощенье
Даруешь ныне, в тот же час
На улицах возникла радость,
На площадях и смех и песни,
Но, дерзкий и неустрашимый,
Абенумейя, увидав,
Что так прощенье изменило
И взволновало всех морисков,
Свирепостью воспламенившись,
Такой мне гордый дал ответ:
«Я царь над всею Альпухаррой;
И хоть мала такая область
Мне, храброму,— увижу вскоре
Испанию у ног моих.
Коль не желаешь Дон Хуана
Увидеть мертвым, так скорее
Скажи ему, чтоб уходил он,
А ежели какой мориск
Захочет, как трусливый ястреб,
Принять подобное прощенье,
Ты можешь взять его с собою.
Пускай Филиппу служит он,
Одним врагом сразу я больше».
С таким отпущенный ответом

Я в путь отправился, оставив
Междоусобье за собой:
Вся Альпухарра на отряды
В войне гражданской разделилась,
Одни «Испания» зывают,
Другие «Африка» кричат.
И наибольшую опасность,
Тяготы наибольшей брани
Они, объятые расколом,
Теперь скрывают у себя.

Дон Хуан

Да, никогда не может дольше
В своем захвате удержаться
Тиран-владыка, потому что
Те самые, в которых он
Увидел первую поддержку,
И первые его покинут,
Его же кровью обогренным,
Когда ему конец придет.
И так как ныне Альпухарра
Объята смутною раскола,
Спешим, иначе, как ехидны,
Они убьют самих себя.
Пусть все полки идут на Берху,
И их победу над собою
Соделаем победой нашей,
Коль нашей может быть она.

(Уходит.)

СЦЕНА 16-я

Тюрьма при кордегардии.

Алькускус и Дон Альваро, со связанными руками.

Алькускус

Теперь, покуда мы с тобою

В тюрьме остались одни,
Хотел бы знать я, Расскажи-ка,
Синьор любезный Тусани,
Решив покинуть Альпухарру,
Сюда пришел на что смотреть?
Ты убивать сюда явился?

Дон Альваро

Не убивать, а умереть.

Алькускус

Кто думал ссору миром кончить,
Тому досталось больше всех.

Дон Альваро

Не будучи виновным в ссоре,
Я не боролся против тех,
Кто окружил меня; иначе,
Тебе неложно я скажу,
Я тысячу солдат прогнал бы.

Алькускус

Все ж я за тысячу держу.

Дон Альваро

В конце концов я не увижу
Того, кто подлостью пленен,
Убийством женщины хвалился,
Которую ограбил он?

Алькускус

Ну, в этом не было бы худа,
Грозит иное в этот миг,
И худшее: как к детям Церкви,
Сюда придет к нам духовник.

Дон Альваро

Раз продавать себя мне нужно,
Я дорого себя продам.

Алькускус

И что же ты задумал делать?

Дон Альваро

Кинжал сослужит службу нам,
Который у меня остался
За поясом; не буду ждать
И с часовым пойду покончу.

Алькускус

А где же руки?

Дон Альваро

Развязать
Мне узел за спиной зубами
Не можешь разве ты?

Алькускус

Я ртом...
Зубами... узел за спиною?
Тут надорвешься над узлом.

Дон Альваро

Распутай, раскуси веревку...

Алькускус

Ну, хорошо.

Дон Альваро

Я посмотрю,
Чтоб не пришли сюда внезапно.

Алькускус

Уж ладно, ладно, говорю.
(Развязывает его.)
Вот и распутал, ты свободен.
Займись теперь узлом моим.

Дон Альваро

Нельзя. Идут.

Алькускус

Я значит буду
С своей веревкой и немым.
(Отходят в глубину.)

СЦЕНА 17-я

*Солдат, стоящий на часах;
Гарсес, в наручниках.— Те же.*

Солдат (к Гарсесу)

Вот твой товарищ и заступник,
И с ним слуга его немой,
Тому, кто за тебя вступился,
И быть приходится с тобой.

Гарсес

Хотя приходится жалеть мне,
Что схвачен я толпой солдат,
Но в то же время я отчасти
Беде, меня постигшей, рад:
Тому, кто жизнь мне спас, могу я
Помочь в несчастьи его,
Дав показанье. Извести-ка,
Прошу, сеньора моего,
Оповести, брат, Дон Хуана
Мендосу, как я взят сюда;

Ко мне, за выслуги и храбрость,
Он был расположен всегда,
Скажи, молю его прихода,
Чтоб он мне эту милость дал,
И пред владыкой Дон Хуаном
За жизнь мою похлопотал.

Солдат

Как только кто придет на смену,
Пойду немедленно к нему.

Дон Альваро

(в сторону, к Алькускусу)

Взгляни туда, как бы случайно,
Кто с часовым пришел в тюрьму.

Алькускус

Взгляну.

(Видит Гарсеса.)

О, горе!

Дон Альваро

Что такое?

Алькускус

Как что? Сюда...

Дон Альваро

Скорей! Я жду.

Алькускус

Я в ужасе.

Дон Альваро

Да продолжай же.

Алькускус

Теперь наверно пропаду.

Дон Альваро

Ну, говори.

Алькускус

Пришел тот самый,
Который в плен меня забрал;
Я у него стащил отраву;
Сомненья нет, что он узнал...
Но да иль нет, лицо я скрою,
Вот так, теперь я слеп и нем.

(Ложится, как будто хочет спать.)

Гарсес *(к Дон Альваро)*

Хоть в первый раз тебя я вижу,
И не служил тебе ничем,
Ты дал мне жизнь своею шпагой,
Итак, я огорчен вдвойне,
Тебя в таком несчастьи видя.
Но если здесь осталось мне
Хоть что-нибудь для утешенья,
Так эта мысль, что голос мой
Тебя освободит отсюда,
Клянусь.

Дон Альваро

Да будет Бог с тобой.

Алькускус *(в сторону)*

Тот самый, что затеял ссору,
Теперь пришел в оковах к нам?
Его и не признал я в схватке,
Уж больно прыток был он там.

Гарсес

Ну, словом, ты, идальго бравый,
Легко расстанешься с тюрьмой;
Я там, во время этой стычки,

В долгу остался пред тобой,
И жизнь свою скорей отдам я,
Ее скорее прокляну,
Чем допустить, чтоб заплатил ты
Своею — за мою вину.

Д о н А л ь в а р о

На доблесть я твою надеюсь;
Но наихудшее из зол
Не мой арест, а то, что случай,
Из-за чего сюда пришел,
Утрачен мной.

С о л д а т

Не бойтесь оба:
Смерть не пришла еще для вас;
Слышать мне часто приходилось,
Вы сами слышали не раз,
Что ежели в одном убийстве
Двух соучастников найдут,—
И рана лишь одна,— и случай,
А не изменничество тут,
Умрет всего один,— тот самый,
Кто гаже по лицу из двух.

А л ь к у с к у с *(в сторону)*

Чтобы тебе за это лопнуть,
Чтоб испустить тебе твой дух!

С о л д а т

И потому из трех сегодня
Немой умрет, уверен я.

(Уходит.)

СЦЕНА 18-я

Дон Альваро, Гарсес, Алькускус.

Алькускус (в сторону)

Еще бы, ясно: в целом мире
Нет хари гаже, чем моя.

Гарсес

Меня уж обязал однажды
Великодушный твой порыв;
Еще мне одолженье сделай.

Алькускус (в сторону)

Чтоб умер тот, кто некрасив!

Гарсес

Скажи, кому я так обязан.

Дон Альваро

Кто я? Не больше как солдат,
Сюда пришедший добровольцем...

Алькускус (в сторону)

Кто гадок, так того казнят!

Дон Альваро

Единственной задавшись целью,
Найти солдата одного:
Лишь для того сюда пришел я.

Алькускус (в сторону)

Кто мерзок, так казнить его!

Гарсес

Тебе быть может указанья
Я дал бы. Как его зовут?

Дон Альваро
Не знаю.

Гарсес
А под чьей командой,
В каком полку он служит тут?

Дон Альваро
Не знаю.

Гарсес
А его приметы —
Тебе они известны?

Дон Альваро
Нет.

Гарсес
Ну, если имени не знаешь,
Полка не знаешь и примет,
Тогда его найдешь, конечно.

Дон Альваро
Решила так судьба моя,
Что, ничего о нем не зная,
Уж с ним почти столкнулся я.

Гарсес
Кто эти странные загадки
Уразумет, разгадав?
Но не смущайся: я надеюсь,
Его Высочество, узнав,
Что я захвачен, во вниманье
К заслугам, выпустит меня:
И стоит: без меня, пожалуй,
Он и до нынешнего дня
Не мог бы овладеть Галерой;
Раз на свободе мы, вдвоем
За поиски с тобой принявшись,

То, что утрачено, вернем;
Коль пред тобою я обязан,
Клянусь, без хитрости и лжи,
В добре и зле с тобой я буду.

Дон Альваро

А это правда, расскажи,
Что ты вошел в Галеру первый?

Гарсес

О, если б не случилось так!

Дон Альваро

Жалеешь о своем геройстве?

Гарсес

С тех самых пор, как первый шаг
В нее я сделал, я не знаю,
Какая строгая звезда,
Какое темное влиянье
Меня преследует всегда:
С тех самых пор, как то, что было,
Со мною там произошло,
Нет ничего, что для меня бы
Не обратилось во зло.

Дон Альваро

А почему такие мысли?

Гарсес

Не знаю, верно потому,
Что я убил одну мориску,
И этим небу самому
Жестокою нанес обиду:
Чудесной красотой дыша,
Она была как образ неба.

Дон Альваро

Так необычно хороша?

Гарсес

Да.

Дон Альваро (*в сторону*)

(О, погибшая супруга!)

А как же было это?

Гарсес

Так.

Я на часах стоял однажды,
Среди запущенных деревьев,
Чьи ветви на покровы ночи
Свою накидывали тень,
Случайно захватил мориска...
О том рассказывать не буду
(Чрезмерно было б это длинно),
Как пленник обманул меня.
Завел в ущелье гор и криком
Созвал морисков Альпухарры,
Как я бежал и как в пещере
Я спрятался; скажу одно:
Пещера и была подкопом,
В скале обрывистой возникшим
Чудовищем, в себе зачавшим
Такое множество огней.
И я сеньору Дон Хуану
Австрийскому сказал об этом,
И это я был ночью главным,
Кто произвел тот страшный взрыв,
И я провал хранил, чтоб был он
Свободным для других проходом,
Я наконец вступил в тот город
Среди пылающих огней,
Как будто был я саламандрой,

И все вперед я шел бесстрашно,
Среди шаров воспламененных,
Пока я дома не достиг,
Который, сильно укрепленный,
Должно быть складом был оружия:
Там вражьи полчища столпились.
Но кажется, что мой рассказ
Тебе совсем не интересен
И ты его не хочешь слушать.

Дон Альваро

Нет, нет, я слушаю, я только
Своей тоской был отвлечен.
Рассказывай.

Гарсес

На самом деле,
Исполнен ярости и гнева,
Достиг я своего желанья,
Я до дворца хотел дойти,—
Передо мной был дом Малека:
В тот самый миг к нему пришел я,
Когда Дон Лопе Фигероа,
Свет чести родины своей,
С отрядом в альказар ворвался,
И был алькайд убит, и пламя
Со всех сторон уже пылало.
Не только славою прельщен,
Но и добычей,— хоть добыча
Живет всегда в раздоре с честью,—
Я быстро обошел все залы,
Чрез все покои пробежал
И комнаты достиг последней,
Где был альков, уют заветный
Такой красивой африканки,
Какой я в жизни не видал.
Кто описать ее сумел бы!

Но места нет живописаньям.
Она смутилась, растерялась,
Меня увидев пред собой,
И спряталась за занавеской
Алькова, точно занавеска
Была ей крепкою стеною.
Но слезы у тебя в глазах,
Ты побледнел.

Дон Альваро

Я вспоминаю

О собственных моих несчастьях,
Они на эти так похожи.

Гарсес

Смелей. Ты случай потерял,
Но он вернется: он приходит
Тогда, когда его не ищешь.

Дон Альваро

Да, это правда. Продолжай же.

Гарсес

За ней вошел я, и она
В таком была наряде пышном,
Так в драгоценностях блистала,
То, чудилось, ждала влюбленно
Не похорон, а жениха.
Такую красоту увидев,
Решил ее не убивать я,
Чтобы она мне в благодарность,
Как выкуп, душу отдала.
Но чуть, в желаньи, я решился
Ее руки коснуться белой,
«Христианин,— она сказала,—
Коль хочешь смерти ты моей,
Заметь, что в том не столько славы,

Как дерзости, и сталь оружия
Не просветится кровью женской,
А будет ей затемнена;
Так драгоценности быть может
Вполне твою насытят жадность,
Оставь постель мою не смятой
И мысль, которая — в груди,
Не знающей свою же тайну». —
Я за руку ее схватился...

Дон Альваро

Остановись, постой, послушай,
Не тронь. Но что я говорю?
Моим мечтаньям подчинился
Мой голос. Продолжай. Рассказ твой
Меня несколько не волнует.

(В сторону.)

(Да пощадит меня любовь!
Не столько то меня терзает,
Что он убил ее, как то, что
Ее он любит).

Гарсес

Защищая

От посягательств жизнь и честь,
Она в испуге закричала,
Я, слыша, что идут другие,
И потеряв одну победу,
Обеих не хотел терять,
И, не желая, чтоб другие
Со мной добычу разделили,
Любовь преобразивши в мщенье,
(От крайности бежит к другой
С великой быстротою чувство),
Объятый сам не понимаю
Какую яростью слепою
(Бесчестье даже рассказать),

Чтоб бриллианты взять и жемчуг,
На белизну изливши пурпур,
Пронзил ей грудь своим кинжалом.

Дон Альваро

Ее ударил ты вот так?

(Выхватывает кинжал и поражает его.)

Гарсес

О, я несчастный!

Алькускус

Чисто сделал.

Дон Альваро

Умри, предатель.

Гарсес

Ты палач мой?

Дон Альваро

Я, потому что свет погасший,
Тобой растоптанный цветок
Был для меня душою жизни
И жизнью стал души печальной.
Тебя ищу, тебя желал я,
Я гнался за тобой, в мечте,
Что отомщу за смерть прекрасной.

Гарсес

Меня застиг ты без оружия,
Предательски.

Дон Альваро

Нет правил в мести.

Я Дон Альваро Тусани,
Знай, ты убит ее супругом.

Алькускус

Знай, христианская собака,
Я Алькускус, который, помнишь,
Тебя лишил твоей сумы.

Гарсес

Скажи, зачем мне жить давал ты,
Когда меня убить был должен? —
Эй, часовой!

(Умирает.)

СЦЕНА 19-я

*Дон Хуан де Мендоса, солдаты. — Дон Альваро,
Алькускус; Гарсес, мертвый.*

Мендоса *(за сценой)*

Чьи это крики?
Откройте: то зовет Гарсес,
Освободить его пришел я.

(Выходят Дон Хуан де Мендоса и солдаты.)

Что тут такое?

*(Дон Альваро вырывает у одного солдата
шпагу.)*

Дон Альваро

Дай мне шпагу.
Бесстрашный Дон Хуан Мендоса,
Ты изумлен? Я Тусани,
Чья кличка — буря Альпухарры.
Зачем я здесь? Во имя мщенья
За смерть красавицы небесной;

Затем что кто не отомстит
За боль того, кого он любит,
Так он не любит. Я, ты помнишь,
Тебя искал в тюрьме, не этой,
И мы с тобой лицом к лицу
Померялись оружием равным.
Коль ты в тюрьму пришел затем, чтоб
Меня найти, довольно было б,
Когда бы ты пришел один,
Раз ты есть ты: все в этом слове.
Но если ты пришел случайно,
Пусть благородное несчастье,
Кто благороден, защитит:
Позволь чрез эту дверь мне выйти.

Мендоса

Мне, Тусани, приятно было б,
При обстоятельствах столь странных,
Достойным образом прикрыть
Твое отсюда отступление;
Но сам суди, мне невозможно
Пред Королем свершить небрежность:
Во имя службы Королю,
Когда в его войсках ты найден,
Ты должен быть убит, и первый
Я должен быть твоим убийцей.

Дон Альваро

Мне все равно: ты дверь закрыл,
Но шпагой сам найду я выход...

(Бьются.)

Один солдат

Я ранен, я убит.

(Убегает и падает за сцену.)

Другой

Здесь бездна

С своей свирепостью раскрылась.

Дон Альваро

Теперь увидите вы все:

Я Тусани и буду назван

В столетях — мстителем за даму.

(Солдаты убегают.)

Мендоса

Ты прежде смерть свою увидишь.

Алькускус

А мерзкий так-таки умрет?

СЦЕНА 20-я

*Дон Хуан Австрийский, Дон Лопе
и солдаты. — Дон Альваро, Дон Хуан
де Мендоса, Алькускус, Гарсес, мертвый.*

Дон Лопе

Откуда это возмущенье?

Дон Хуан

Что, Дон Хуан, здесь приключилось?

Мендоса

Такое странное событие,

Какого я не знал, сеньор.

Один мориск из Альпухарры

Пришел сюда, чтоб человека

Убить, который, как сказал он,

Ту, что любил он, умертвил

При разграблении Галеры;

Чтоб отомстить ее убийство,
Его он заколол кинжалом.

Дон Лопе

Убил твою он даму?

Дон Альваро

Да.

Дон Лопе

Так поступил ты превосходно.
Властитель, дай ему свободу;
Не порицания достоин
Такой поступок, а хвалы.
Когда б твою убил кто даму,
Его бы ты убил конечно,
Иль ты не Дон Хуан Австрийский.

Мендоса

Заметь, что это Тусани,
И взять его нам было б важно.

Дон Хуан

Так сдайся.

Дон Альваро

Мне повелевает
Твоя испытанная доблесть,
Но думаю иначе я;
И пусть во имя уваженья
Перед тобой, моя защита
Лишь будет в том, что ухожу я.
(Уходит.)

Дон Хуан

За ним, скорее все за ним.
(Все уходят следом за Дон Альваро.)

СЦЕНА 21-я

*Донья Исабель и солдаты-мориски
на крепостной стене, потом Дон Альваро.
Дон Хуан Австрийский и солдаты.*

Донья Исабель

Пусть христианский лагерь видит,
Что белым флагом мы зываем
О перемирьи.

(Выходит Дон Альваро.)

Дон Альваро

Я прорвался
Меж острых пик и алебард
И до горы дошел.

Один солдат *(за сценой)*

Покуда

В лес не вошел он, из мушкета
Стреляй в него.

Дон Альваро

Вас слишком мало:
Я биться против всех могу.

Один мориск

Идемте в Берху.

Донья Исабель

Стой, помедли.
Ты, Тусани?

Дон Альваро

Смотри, Лидора,
Все эти люди, это войско
Идет с оружием за мной.

Донья Исабель

Не бойся.

(Она и мориски сходят со стены.)

Дон Хуан *(за сценой)*

Осмотреть все ветки,
И на кустах и на деревьях,
Чтобы нигде не мог он скрыться.

*(Выходят Дон Хуан Австрийский
и солдаты и с другой стороны Донья
Исабель и мориски.)*

Донья Исабель

О, сын красивого орла,
Чей взор бестрепетен пред солнцем,
Бесстрашный Дон Хуан Австрийский,
Всю эту гору, где таится
Противовес твоих надежд,
У ног твоих как бы низложит
То, что стоит перед тобою,
Коль выслушать ее захочешь.
Я Донья Тусани и здесь
Была мориской поневоле,
В душе оставшись католичкой¹
Супруга я Абенумейи,
Чья неожиданная смерть
Его корону обагрила
Его же собственной кровью;
Мориски, видя, что прощенье
Ты всем мятежным обещал,
Решили сдаться: так у черни
Намеренья непостоянны:
То, что замыслила сегодня,
Назавтра вычеркнет она.
Когда же стал Абенумейя
Их порицать за эту трусость,

Вдруг во дворец отряд гвардейцев
Вступил, и капитан его,
Занявши вход, до тронной залы
Дошел и, пред Царем представши,
Во имя общего желанья,
Промолвил: «Сдайся Королю
Испании». — «Как? — он ответил, —
Меня лишать свободы?» Шпагу
Хотел он обнажить, но криком
«Да здравствует Австрийский дом!»
Внезапно огласились своды,
И из толпы один мятежный
Солдат по голове венчанной
Его ударил бердышом;
Где был венец, не только счастье,
Но и несчастье там скрывалось.
На землю он упал, и пали
Такие чаяния с ним,
Которые весь мир дивили,
Затем что он в своих деяньях
Мог не грозой, а лишь угрозой
Испанию поколебать.
Коли к твоим стопам, властитель,
Могучего Абенумейи
Сложив венец окровавленный,
Я заслужила что-нибудь,
Теперь, когда ты всем даруешь
Великодушное прощенье,
Пускай твою получит милость
И благородный Тусани, —
И я, к ногам твоим припавши,
Сочту, что радостнее быть мне
Твоей рабой, чем быть царицей.

Дон Хуан

Пленительная Исабель,
Ты попросила слишком мало:

Встань, Тусани прощен. Да будет
Записано на бронзе славы
Деянье лучшее любви,
Какое только было в мире.

Дон Альваро

К твоим ногам я повергаюсь.

Алькускус

А мне как быть? Прощен я тоже?

Дон Хуан

Прощен.

Дон Альваро

Да завершится здесь
Любовь и после самой смерти,
Или осада Альпухарры.

ЧИСТИЛИЩЕ СВЯТОГО ПАТРИКА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эгерно, царь Ирландии
Патрик
Людовико Энио
Паулин, крестьянин
Леогарно
Филипо
Капитан
Неизвестный, закутанный в плащ
Два инока
Старик - крестьянин
Добрый ангел
Злой ангел
Полония
Лесбия
Льосия, крестьянка
Стража, солдаты, иноки, крестьяне
и крестьянки.

ХОРНАДА ПЕРВАЯ

Берег моря.

СЦЕНА 1-я

*Царь Эгерио, одетый в звериную шкуру;
Леогарио, Полония, Лесбия, Капитан.*

Царь (в исступлении)

Нет, дайте умереть мне!

Леогарио

Государь!

Капитан

О, рассуди!

Лесбия

Остановись!

Полония

Подумай!

Царь

Оставьте, если мне возвещены
Такие муки, пусть я сброшусь в волны,
С утеса, что граничит с ликом солнца,
Венчающим его вершину блеском;
Пусть, в бешенстве живя, умру, беснуясь!

Лесбия

Стремишься к морю бурному?

Полония

Ты спал,
О, государь! Скажи нам, что с тобою?

Царь

Со мною пытки бешеного ада,
Всегда ненасытимого,— исчадья,
Что породил семиголовый зверь¹,
Дыханьем затемняющий пространство
Четвертой сферы,— ужас и мученья
Такие, что с самим собой борюсь,
И дикий сон моей владеет жизнью,
И я в его объятьях — труп живой.
Я видел бледный грозный призрак смерти.

Полония

Что ж видел ты во сне, чтоб так смущаться?

Царь

О, дочери мои, приснилось мне,
Что изо рта у юноши (хоть это
Был жалкий раб, но что-то мне мешает
Его бранить),— что изо рта раба
В сияньи тихом пламя исходило,
Обеих вас оно касалось кротко,
Пока вы, ярко вспыхнув, не зажглись.
Желая защитить вас, между вами
И пламенем живым я встал,— напрасно:
Огонь меня не трогал и не жег.
Исполненный отчаянья слепого,
Я вырвался из этой бездны сна,
Страхнул оковы этой летаргии,
Но пыткой так исполнен я, что снова
Мне чудится, что предо мною пламя,
И вы горите, но сгораю — я.

Л е с б и я

То призраки воздушных сновидений
Роняют в души к нам толпу химер.

(Звучит рожок.)

Но вот звучит рожок!

К а п и т а н

Он возвещает,
Что к гавани приблизился корабль.

П о л о н и я

О, государь, позволь мне удалиться,
Ты знаешь, звук военного рожка
Меня влечет сильнее, чем зов сирены;
Когда гремят военные доспехи,
Я музыкой такой побеждена,
Моя душа стремится жадно к Марсу;
В той музыке моя да будет слава,
И вместе с ней на огненных волнах
Мое да улетает имя к солнцу,
И, рея там на крыльях быстролетных,
Вступает в состязание с Палладой.
Хоть я должна сказать, что мне всего

(в сторону)

Важней узнать, приехал ли Филипо.

(Уходит.)

Л е о г а р и о

Сойди на берег моря, государь,
Взгляни, как о подножие утеса
Оно курчавой бьется головой;
Едва тюрьму кристальную покинув,
Оно дрожит в темнице из песков.

К а п и т а н

Рассей свое волнение созерцаньем

Владыки вод, окутанного снегом,
Взгляни, как, волны синие взметнув,
Те зеркала из темного сафира
Он заключил в серебряные рамы.

Ц а р ь

Ничто меня обрадовать не может;
Так глубоко тоска владеет мной,
Что грудь моя — вулкан, а сердце — Этна.

Л е с б и я

Что может быть прекрасней, чем веселый
Вид корабля, когда своею грудью
Он разрезает водное стекло?
Качаясь на своей лазурной сфере,
Он мчится, быстрый, рыба для ветров,
И птица для волны, скользит, воздушный,
Легко двумя стихиями объятый,—
Плывет по ветру,— по воде летит!
Но наших глаз теперь он не ласкает.
Чело нахмутив, море возмутилось
И бездны громоздит, как глыбы гор.
С разгневанным лицом Нептун свирепый
Взмахнул своим трезубцем; и моряк
Ждет бури, увидав, что прямо к небу
Взметнулись пирамиды изо льда,
Восстали горы влаги, башни снега,
Блистательные замки пенных брызг.

(Входит Полония.)

П о л о н и я

Несчастье! несчастье!

Ц а р ь

Что случилось?

Полония

Вздымавшийся до неба Вавилон,
Изменчивый и жадный (кто поверит,
Что жаждать может водная стихия?)
Такой исполнен ярости слепой,
Что захотел сокрыть в глубоких недрах
Толпу людей, где только что замкнул их
В коралловых гробах, в могилах снежных,
Средь склепов серебристых. Бог ветров
Освободил все ветры из темницы,
И тотчас, беззаконные, они
Накинулись без предуведомленья
На тот корабль, которого рожок
Пропел, как лебедь, песню перед смертью.
За ним с высот спокойно я следила,
Глядя с горы, ушедшей в небеса:
Я думала, что едет там Филипо;
В дыхании обманчивых ветров
Твои гербы дрожали на знаменах,
Как вдруг я вижу быстрое крушенье,
Все голоса слились в протяжный крик,
Исчез Филипо, меж обломков, первый,
И, силой слез и горьких стонов, я
Соединилась с ветром и волнами.

Царь

Так вот как, боги! Вы такой угрозой
Терпенье испытуете мое!
Хотите, чтобы в гневе я низринул
Ваш свод? Чтоб, как второй Немврод,
взметнул
Себе на плечи этот мир громадный,
Смеясь над тем, что молнии и гром
На части разрывают глубь лазури?

СЦЕНА 2-я

Те же. — Патрик и за ним Людовико.

Патрик (за сценой)

О, Господи!

Леогарио

Какой печальный голос!

Царь

Что там такое?

Капитан

Спасся вплавь один.

Лесбия

И захотел спасти еще другого,
Меж тем как тот в волнах уж погибал.

Полония

Несчастный странник, брошенный судьбою
В края чужие, — голос мой услышь!
Я говорю, чтобы тебя ободрить.
Сюда, сюда!

*(Входят Патрик и Людовико,
держа друг друга в объятиях.)*

Патрик

Господь мне да поможет!

Людовико

Мне — дьявол!

Лесбия

Жаль глядеть на них.

Царь

Не мне.

Я жалости не знаю.

П а т р и к

Умоляю,
Во имя Бога, сжальтесь. Если даже
Рассказ о горе трогает сердца,
Не думаю, чтоб кто-нибудь нашелся
Такой жестокосердый, что при виде
Несчастливого не тронется.

Л ю д о в и к о

А мне —
Не надо милосердия. Не прошу я
О жалости ни Бога, ни людей.

Ц а р ь

Скажите, кто вы, чтобы мы узнали,
Какое милосердие оказать вам,
Какое быть должно гостеприимство.
И чтоб узнали вы, с кем говорите,
Я имя назову свое сперва,
Чтоб, говоря со мной, вы оказали
Моей особе должное почтение.
Меня зовут Эгерю, я царь,
Владыка царства малого; его я
Считаю малым, раз оно мое,
И до тех пор в себя я не поверю,
Пока не станет целый мир моим.
И я одет не в царскую одежду,
На мне одежда варвара, я — зверь,
И пусть для всех кажуся диким зверем.
Имен богов не знаю я; не верю
Ни в одного; их нет здесь между нами,
Мы никому не молимся, не верим;
Мы верим лишь в рождение и смерть.
Теперь, мое величие узнавши,
Узнав, кто я, скажите мне, кто вы?

Патрик

Меня зовут Патрик. Моя отчизна —
Ирландия, ее другое имя —
Гибберния; родимое селенье
Мое зовется Токсом, и едва ли
Ты слышать мог о нем когда-нибудь,
Незнатное и бедное селенье.
Меж севером и западом оно
Ютится на горе, и всюду снизу
Шумит свирепо море, замыкая
В тюрьму тот горный остров², что зовется
Для вечной славы Островом Святых:
Столь многие, о, властный повелитель,
Как мученики, кончили там жизнь,
Ревнителями веры выступая,
В чем есть предел для совершенства верных.
Родители мои — ирландский рыцарь
И верная спутница его,
Одна из благородных дам французских.
Они не только эту жизнь мне дали,
Но благородства высшего другую,
Рассвет первоначальных лет моих:
Свет веры и правдивое ученье
Христа, — тот храм, в который нас ведут
Врата небес, крещение святое,
Из таинств церкви первое. Отдав
Супружеству ту дань, что служит общей
Для всех, кто в узы брака заключен,
Родители мои, из благочестья
Покинув мир, вступили в монастырь,
В две разные обители замкнулись,
Где жили в целомудрии, пока
Последней грани жизнь их не коснулась.
Тогда, тысячекратно показав,
Как сильно правоверное их рвенье,
Они душою с небом сочетались,

А прах телесный предали земле.
Пять лет, как сирота, я оставался
На попеченьи женщины святой,
Пять раз двенадцать знаков зодиака
В единой сфере солнцем озарились,
Как Бог взыскал меня своим вниманьем,
Во мне явив могущество свое:
Всегда своим орудьем избирает
Он существа смиренные, дабы
Величие свое соделать явным
И чтоб Ему здесь в мире надлежала
Лишь одному божественная слава.
И вот однажды,— Небо призываю
В свидетели, не суетная гордость,
А только ревность веры побуждает
Меня повествовать о сих делах,
Не мной, а небесами сотворенных,—
Приходит к двери дома моего
Один слепой, чье имя было Гермас,
И говорит: «Сюда я послан Богом,
Он повелел, чтоб именем Его
Ты даровал мне зрение». Покорно
Велению такому повинуюсь,
Я сотворил над мертвыми глазами
Таинственное знаменье креста,—
И вдруг из тьмы они вернулись к свету.
В другой же раз, окутавшись, как дымом,
Густыми облаками, небеса
Вступили в распрю с миром, посылая
Потоки снега быстрые в таком
Непобедимом множестве, что только
Растаял он под жгучим светом солнца,
Как улицы в каналы превратил
И затопил селение, и стали
Дома как бы суда из кирпичей,
Как корабли чудесные из камня.
Кто видел, чтобы можно было плавать

По высям гор? и кто по зыби водной
Носиться мог среди лесных вершин?
Я сотворил над дикими водами
Таинственное знаменье креста,
Замерзшим языком я повелел им
Во имя Бога вновь туда вступить,
Где прежде им приют был предначертан,
И воды, повинуюсь, отошли,
И в миг одна земля сухою стала.
О, кто хвалы не вознесет Тебе,
Великий Боже! Кто не возжелает
Тебя любить и сердцем исповедать!
И большее я мог бы рассказать,
Но голос мой смирением удержан,
Молчат уста, немеет мой язык.
Я вырос наконец, не столько склонный
К военным браням, сколько к правде знания,
Священному Писанию и чтенью
Житий святых, чья школа учит нас
Благоговенью, вере, упованью
И милосердной сладости любви.
И вот,— в те дни, как этим я был занят,—
Однажды вышел я на берег моря,
С кой-кем из сотоварищей моих,
Вдруг там, где находились мы у взморья,
Пристал корабль какой-то, и с него
Толпой вооруженною сорвались
Корсары, бич морей, и взяли в плен
Меня и всех других! И чтоб добычей
Не riskовать,— поднявши паруса,
Они, не медля, снова вышли в море.
Был капитаном этого судна
Филипо Роки, дерзостный настолько,
Что если бы с земли исчезла дерзость,
Ее нашли бы в сердце у него.
Уж много дней опустошал он море
И берега Ирландии, повсюду

Производя убийства и грабеж.
Из всей толпы захваченной меня лишь
Оставил он в живых: как говорил он,
Меня тебе отдать он был намерен,
В знак подданства, как твоего раба.
О, как бывает горестно обманут
В своих желаньях темный человек,
Замыслив что-нибудь помимо Бога.
Прямой свидетель этому — Филипо,
На дне морском. Не дальше как сегодня,
В безветрие, уже в виду земли,
Возникшей над спокойной гладью моря,—
В одно мгновенье рухнул план его.
Встал ветер и завыл в своих глубоких
И впалых недрах, море застонало,
На волны — волны быстро взгромозились,
Как горы над горами, и с вершин
Обрызгали соленой влагой солнце,
Гася его прекрасные огни.
Фонарь наш корабельный, вплоть у неба,
Казался нам блуждающей кометой,
Огнисто-дымным выброском паров,
Или звездой, упавшей из оправы.
Еще одно мгновенье, и корабль
Низринулся в раскрывшиеся бездны,
Морского дна коснулся, и распался,—
И вокруг него губительные волны
Восстали, как надгробный алебастр,
Среди кораллов пышных и жемчужин.
Не знаю, для чего меня хранит
Святое Провиденье,— бесполезен
И скуден я, но Небо пожелало,
И у меня дыхания хватило,
Не только для того, чтобы спастись,
Но снова встал лицом к лицу со смертью,
Спасая жизнь того, кто пред тобою,
Бесстрашного и юного. К нему

Меня влечет неведомая тайна.
И думаю, когда-нибудь воздаст
Он мне сторицей этот долг. А ныне
Мы, спасшись оба милостию Бога,
Теперь стоим пред вами, как рабы,
В несчастьи своем, быть может в счастье,
Мы ждем, чтоб вы смягчились нашей долей,
Чтоб в вас возникла жалость к нашим мукам,
Чтоб наше зло у вас нашло конец.

Ц а р ь

Молчи, молчи, христианин постыдный,
Не знаю, что за власть объяла душу:
Твои слова она впивает жадно,
И, против воли, я тебя боюсь,
Перед тобой невольно преклоняюсь.
Мне чудится, что ты тот самый раб,
Что мне в моем тревожном сне явился,
Выбрасывая пламя изо рта,
Стремительные искры выдыхая
И привлекая силою огня
Полонию и Лесбию, как ночью
Влечет костер безмолвных мотыльков.

П а т р и к

То вещий сон, и пламя изо рта
Есть истина евангельского света,
Который я несу; слова Христовы
Я буду проповедовать тебе
И твоему народу; через них-то
И станут христианами отныне
Полония и Лесбия.

Ц а р ь

Молчи,

Замкни скорей уста свои, позорный,
Меня ты оскорбляешь.

Лесбия

Успокойся.

Полония

Ты за него вступаешься?

Лесбия

Конечно.

Полония

Пусть лучше он умрет.

Лесбия

Нехорошо,

Чтоб он рукою царской был убит. *(В сторону.)*

Мне жаль его. Я христиан жалею.

Полония

Пусть он толкует сны, второй Иосиф³,
Не думай и не бойся, государь.
Он думает, что, если в сновиденьи
Горели мы, я стану христианкой,—
Напрасно, это так же невозможно,
Как стать живой вторично после смерти.
Забудь свой гнев, хоть он и справедлив,
И чтоб развлечься, выслушаем, что нам
Расскажет о себе второй из них.

Людовико

Внимай же, неземная красота.
Я так начну мое повествованье.
Эгерно, великий царь ирландский,
Я Людовико Энио, и тоже
Христианин, но только в этом сходство —
Меж мною и Патриком, хоть и в этом
Друг с другом мы расходимся настолько ж,

Как свет и тьма, иль как добро и зло.
Но, честь Христовой веры защищая,
Тысячекратно отдал бы я жизнь.
Так я ценю ее. Клянуся Богом!
Клянусь Им, потому что в Бога верю.
Тебе не расскажу я никаких
Деяний благочестья, ни небесных
Чудес, через меня свершенных Богом,
Но целый ряд убийств и злодеяний,
Предательство, и низость, и кощунство:
Я рад не только сделать преступленье,
Но рад сказать, что я его свершил.
Родился я на острове, средь многих
Ирландских островов. Подозреваю,
Что, слитые в губительном влияньи,
Все семь планет присутствовали свыше
При горестном рождении моем,
Смятенные в своем разнообразьи.
Луна послала мне непостоянство,
Меркурий дал мне разум: я его
Употребил во зло, и лучше б было
Мне вовсе не иметь его! Венера,
В обычном сладострастии своем,
Дала мне блеск обманных вожделений;
Марс дал жестокость сердца, — и чего
Не могут дать Венера вместе с Марсом?
От Солнца получил я, как черту
Обычную во мне, желанье — вечно
Быть пышно-расточительным, и вот,
Когда нет денег, я краду и граблю.
Юпитер дал надменность мне и роскошь
Причудливых мечтаний, а Сатурн
Гнев бешенства, и мужество, и душу,
Готовую на тысячи измен.
Из этих черт возникла цепь их следствий.
Отец мой, по причинам, о которых
Молчу из уважения к нему,

Был изгнан из Ирландии. Он прибыл
В один испанский город, Перпиньян ⁴;
Тогда мне было десять лет, не больше;
Когда ж он умер, минуло шестнадцать.
Да воспомянет Бог о нем на небе!
Я сиротой остался одиноким
Во власти снов и прихотей моих
И мчался я в просторе своеволья,
Как дикий конь, порвавший поводя.
В моем беспутстве все я основал
На женщинах и картах: это были
Два полюса мои. Заметь, какие!
Невластен все поведать мой язык,
Узнай хоть краткий перечень событий.
Чтоб обесчестить девушку одну,
Я умертвил отца ее и я же,
Когда один достойный рыцарь спал
С своей женой, убил его в алькове;
Я честь его омыл его же кровью
И превратил постель его в подмости
Зловещие, где братскою четой
Прошлись убийство с прелюбодеяньем.
Итак отец и муж за честь свою
Мне заплатили жизнью: и у чести
Случается, что мученики есть.
Да воспомянет Бог о них на небе!
От кары за убийство убегая,
Во Францию я прибыл, где доньне,
Как думаю, мои деянья помнят.
Меж Францией и Англией тогда
Была война ⁵, и я сражался храбро
Под знаменем Эстефано, в рядах
Французских; и однажды в жаркой схватке
Так отличился я, что сам король
За храбрость дал мне чин знаменоносца.
Не стоит говорить тебе о том,
Как оправдал его я ожиданья.

Я был осыпан знаками отличья,
И раз, когда вернулся в Перпиньян,
Зашел я в кордегардию и, в карты
Играя, из-за вздора я ударил
Сержанта, капитана умертвил
И ранил трех еще среди игравших.
На крики их толпой сбежались стражи,
Я бросился в один соседний храм,
Какой-то сыщик стал мне на пороге,
И тотчас был убит: средь злодеяний
И доброе я дело совершил.
Да воспомянет Бог о нем на небе!
Я выбежал за стены городские,
И в чистом поле дали мне приют
В обители священной инокини.
И там в уединении я жил
Спокойно, мирно; между тех монахинь
Одна была из родственниц моих,
Она-то и сочла священным долгом
Взять на себя такое попеченье.
Но сердце у меня, как василиск,
Весь этот мед в отраву превратило.
От света благодарности меня
Швырнуло к вожделению, и встало
Желание,— чудовище, чья пища —
Все то, что невозможно,— яркий пламень,
Что хочет ярче вспыхнуть, если ты
Его задуть захочешь,— раб лукавый,
Убийца господина своего,—
Желанье, говорю я, в человеке,
Что презирая Бога и людей,
Чудовищное любит потому лишь,
Что вот оно чудовищно,— и ужас,
Как самый ужас, любит. Я дерзнул...
Но только что до этого дойду я
В своем воспоминаньи, государь,
Душой моей смущение владеет,

Мой голос умолкает, звук его
Печально замирает на устах,
И сердце разрывается на части,
Ему как будто душно там в груди,
И волосы встают от страха дыбом,
Как будто я средь сумрачных теней,
И, весь исполнен смутных колебаний,
Я рассказать тебе не в силах то,
На что хватило мужества, чтоб сделать.
Ну, словом, в этом гнусном преступленьи
Так много омерзительных сторон,
Кошунства, богохульства, что порою
(Довольно, если это я скажу!)
Я чувствую раскаянье. Однажды,
Когда молчанье ночи создавало
Непрочные гробницы сна для смертных;
Когда лазурь задернулась покровом
Из мрака, этой траурною тканью,
Что ветер расстилает по кончине
Блистательного солнца, и кругом
Ночные птицы пели панихиды,
И трепетно в волнах сафира звезды
Мерцаньем освещали небосвод,—
С двоими из друзей своих (на это
Друзья всегда найдутся) я пробрался
Через ограду сада в монастырь.
Охваченный волнением и страхом,
По тени смертной с ужасом ступая,
Достиг я кельи (вымолвить боюсь),
Достиг я кельи той, где находилась
Монахиня, с которой я был связан
Священной связью кровного родства.
Я имени ее не называю,
Из уваженья к ней, коль не к себе.
Она лишилась чувств, меня увидев,
И на землю упала, а с земли
Тотчас же перешла в мои объятия,

И прежде чем опомниться могла,
Она была далеко за стенами
Обитатели, в пустынном, диком месте,
Где небо хоть помочь ей и могло,
Помочь не захотело. Впрочем — что ж:
Все женщины легко прощают, если
Их убедить, что дикие поступки
Лишь вызваны одной любовью к ним.
Поплакала, помучилась, простила,
И для беды нашлось утешенье,
А так была беда ее громадна,
Что ей пришлось увидеть вместе слитым
В одном ее возлюбленном — уродство
Грехов таких, как воровской захват,
Насилие, и грязь кровосмешенья,
И мрак любодееянья, и измена
Пред Богом, как супругом, и кощунство.
На двух конях, сынах проворных ветра,
К Валенсии помчались мы, и там,
Как будто бы жена и муж, предались
Совместной жизни, полной разногласий.
Я быстро прожил все, что только было
В моем распоряжении. Без денег
И без друзей, надежды не имея
На что-нибудь другое, я решился
Прибегнуть к красоте моей жены —
Любовницы, как к средству. О, когда бы
Стыдиться мог поступков я своих,
Лишь этого я б одного стыдился!
Пустить в продажу честь! Назначить цену
За сладость ласк — какая это низость!
Последний грех последнего из подлых!
Когда я ей сказал об этом плане,
Бесстыдному, она дала согласие,
Ничем не выражая удивленья,
Но только я ушел, она бежала
И спряталась в одном монастыре.

Там под началом инока святого
Она нашла приют от бурь мирских
И умерла, раскаяньем сердечным
Свою вину примерно искупив.
Да вспомянет Бог о ней на небе!
Стал тесен мир для дерзких преступлений,
И увидав, что больше нет земли,
Которая б меня к себе приняла,
На родину вернуться я решил;
Казалось мне, что здесь, по меньшей мере,
Найду я безопасность от врагов,
Найду свое прибежище. Я прибыл
В Ирландию и принят ею был
Как матерью, но скоро оказалась
Она лихою мачехою. В бухте
Попутного искал я корабля,
В засаде там корсары притаились,
Их капитаном был Филипо. Он
Взял в плен меня, но после долгой схватки;
И эта-то отчаянная храбрость
Его расположила так, что он
Меня в живых оставил. Дальше все
Ты знаешь сам. Поднялся ветер гневный,
Он поднял смуту меж морей и гор,
И бездны посмеялись над горами.
Разрушил взрыв кристальных стрелометов
Основы всех окрестных городов.
И рухнули они, и море билось
Презрительно о землю, устремляя
Из недр своих глубоких жемчуга
В их нежном перламутре, порожденья
Стремительной зари, дохнувшей в пену,
Сверканья слез из снега и огня.
И наконец,— чтоб времени не тратить
В одном живописании,— скажу,
Что все, кто был тогда застигнут бурей,
Отправились поужинать в аду.

Я тоже был в числе гостей почетных,
И вслед за ними также бы ушел,
Когда б Патрик (не знаю, почему я
Боюсь его, люблю и почитаю)
Не выхватил меня из волн морских,
В то время как, совсем изнеможенный,
В себя впивал я смерть с отравой моря.
Вот все, что я хотел сказать. Теперь
Ни жизни, ни пощады не прошу я
И не хочу, чтоб ты моим страданьем
Смягчился или тронут был мольбой,
Скорее дай мне смерть, чтоб вместе с этим
Окончил жизнь свою такой злодей,
Который вряд ли может стать хорошим.

Ц а р ь

Хоть, Людовико, ты христианин,
Я ж христиан всем сердцем ненавижу,
Так храбрость я ценю твою, что ныне
Хочу и на тебе и на Патрике
Одновременно выказать всю власть,
Могу карать, могу я и возвысить,
Могу смирать, могу и награждать.
Тебя в свои объятия заключаю,
Ты будешь приближенным у меня,
Тебя к моим ногам я повергаю.
*(Повергает Патрика и становится на него
одной ногой.)*

И ты, и ты, вы будете отныне
Две чаши равновесья моего.
И чтобы ты, Патрик, мог ясно видеть,
Как много я значенья придаю
Твоим угрозам, ты казнен не будешь.
Живи и, если хочешь, извергай,
Как пламя, слово Бога, не боюсь я
Ни всех чудес его, ни божества.
Живи, но навсегда останься нищим,

Неси тяготы рабского удела,
Как существо, в котором пользы нет.
Ты будешь исполнять работы в поле,
Ты будешь сторожить мои стада,
Пасущиеся вон по тем долинам.
Увижу я, избавит ли твой Бог
Тебя от рабства, будешь ли ты в силах
Распространять везде его огонь.

(Уходит.)

Л е с б и я

Мне жаль Патрика. *(Уходит.)*

П о л о н и я

Мне не жаль нисколько.
Я жалости не знаю, и уж если
Кто трогает меня, так Людовико. *(Уходит).*

СЦЕНА 3-я

Патрик, Людовико.

П а т р и к

О, Людовико, я повергнут наземь,
Ты вознесен, и все же я исполнен
Не зависти, а скорби за тебя.
И говорю тебе одно лишь слово:
Не забудь, что ты христианин.

Л ю д о в и к о

Патрик, позволь мне насладиться первой
Улыбкой переменчивой судьбы.

П а т р и к

Что ж, насладись. Но дай мне обещанье.

Лю до ви ко

Какое?

Па тр и к

В этой жизни ты меня,
Живой иль мертвый, раз еще увидишь.

Лю до ви ко

Такое должен дать я обещанье?

Па тр и к

Прошу тебя.

Лю до ви ко

Я обещаю.

Па тр и к

Помни. (*Уходит.*)

Деревня в окрестностях столицы Эгеро.

СЦЕНА 4-я

Филипо, Льюсия.

Лью сия

Не обессудьте, если не сумела
Вам угодить.

Фи ли по

Вы более виновны,
Чем можно заключить из ваших слов.
Смотря на вас, я полон наслажденья
И боли, и поэтому я должен
Одновременно вас благодарить
И упрекать. Вы жизнь мне даровали,
И вместе с тем вы даровали смерть.

Ль о с и я

Ответить вам я, право, не умею:
Я так проста, я ничего не знаю,
Но чтоб избежать долгих рассуждений,
Вот вам мои объятия, они,
Безмолвные, вам за меня ответят.
(Обнимаются.)

СЦЕНА 5-я

Те же.— Паулин.

П а у л и н (в сторону)

Ай, батюшки! Родимые! Что вижу!
Жену мою целуют! Что тут делать?
Убить их? что ж, убью. Да вот беда,
Боюсь, она меня убьет, пожалуй.

Ф и л и п о

Красавица пустынных этих гор,
Не зная, чем твое гостеприимство
Вознаградить, прошу — возьми кольцо,
Звезду небес тебе в нем дать хотел бы.

Ль о с и я

Беру лишь потому, что это ваше,
Не из корысти.

П а у л и н (в сторону)

Ей дают кольцо.

И я, как муж, увидел: что тут делать?
Как муж, я должен, кажется, молчать.

Ль о с и я

Вторично отдаю в своих объятьях
Всю душу вам, другого не имею
Сокровища.

Ф и л и п о

В объятых этих нежных
Легко забыть все зло, что вынес я
От ярости кристальной влаги моря.

П а у л и н *(в сторону)*

Ай, ай! Опять объятая. *(К Филипо.)*

Сударь, сударь!

Вы, кажется, не видите, что это
Моя жена?

Ф и л и п о

Ваш муж нас увидал.
Я уйду, но я вернусь сейчас же.

(В сторону.)

Полония, ты верно б огорчилась,
Когда бы увидала, до чего
Меня доводит рок мой беспощадный.
О, море, ты дерзаешь посягать
На небо, и в каких глубоких недрах
Сокрыты жизни, взятые тобой!

(Уходит.)

СЦЕНА 6-я

Паулин, Льосия, потом Филипо.

П а у л и н *(в сторону)*

Ушел. Поговорим теперь погромче.

(К Льосии.)

На этот раз, Льосия, я тебя
Поймал с поличным и да буду проклят,
Когда тебя я палкой не побью.

Л ь о с и я

Вот злюка! Чтоб тебе со света сгинуть!

Паулин

Так, так. Вы — обнимаетесь, я — злюка.
Не мог же я не видеть. Где ж тут злость?

Льосия

Вот то-то где! Не знаешь положенья,
Что муж не должен видеть все, что видит:
Он должен видеть только половину.

Паулин

Что ж, хорошо, условие принимаю.
И так как ты проклятого солдата,
Которого к нам выбросило море,
Два раза обняла, я буду думать
Что это было только раз, не больше;
И если за двойное обниманье
Тебе намеревался дать я прежде
Сто палочных ударов, — за один раз
Тебе по счету надо пятьдесят.
Ну, слава Богу, приговор составлен
Тобою же самую, получай
По счету пятьдесят ударов палкой.

Льосия

Нет, ты не муж, а прямо мужичище.
Довольно, если муж увидит четверть.

Паулин

Так приговор обжалован? Отлично.
Согласно апелляции, тебе
Придется ровно двадцать пять ударов.

Льосия

Иначе должен делать тот, кто любит.

Паулин

А именно?

Ль о с и я

Совсем тому не верить,
Что увидал, а верить лишь тому,
Что я скажу.

Паулин

Проклятая Льосия,
Ты прямо порожденье Вельзевула.
Уж лучше ты бери скорее палку
И бей меня. Так будет хорошо?
С другим два раза можешь полюбовно
Обняться, мне же сто ударов палкой.

(Филипо возвращается.)

Филипо *(в сторону)*

Однако до сих пор он не уходит.

Паулин

Вы вовремя изволили прибыть.
Быть может, господин солдат, вам будет
Теперь угодно выслушать меня.
Я вам весьма признателен за ваше
Ко мне благоволенье, очень тронут,
Вы снизошли ко мне и пожелали
На хижину мою и на жену
Взглянуть, как на свое добро. Спасибо.
Но хоть премного вам я благодарен,
А все ж, как примечаю, вы теперь
И живы и здоровы,— значит, в путь,
Как говорится, скатертью дорога.
Нимало я к тому не расположен,
Чтоб, смуту у меня поднявши в доме,
То, что из моря выброшено было,
Как рыба, стало плотью на земле.

Ф и л и п о

Меня подозреваете вы злостно.
Ни повода к тому нет, ни причины.

П а у л и н

Причина-то причиной, а вот лучше
Скажи мне,— что, муж я или нет?

СЦЕНА 7-я

Леогарио, Старик-крестьянин, Патрик.

Л е о г а р и о

Таков приказ. И вы должны смотреть,
Чтоб он всегда без отдыха работал!

С т а р и к

Как сказано, так сделано и будет.

Л е о г а р и о

Но что я вижу, — это ведь Филипо?
К твоим ногам, владыка, припадаю.

П а у л и н

Его владыкой назвал?

Л ь о с и я

Да, владыкой.

Теперь тебе достанется за все.

Ф и л и п о

Позволь тебя обнять.

Л е о г а р и о

Такая честь...

Возможно ли: так ты в живых остался?

Ф и л и п о

Здесь морем бурным выкинут я был;
Найдя приют среди крестьян, здесь жил я,
Как жалкое игралище судьбы,
Пока не исцелился от недугов.
Однако ж и еще была причина.
Ты знаешь нрав царя, ты знаешь, как он
Честолюбив и как он страшно вспыльчив.
Его нельзя смягчить упоминаньем
О крайностях изменчивой судьбы.
И я его боялся, жил надеждой,
Что кто-нибудь в отсутствие мое
Настолько умягчит его суровость,
Что он позволит мне предстать пред ним.

Л е о г а р и о

Ты можешь это сделать хоть сейчас же.
Твоею смертью мнимой он настолько
Был огорчен, что с радостью примет
Тебя, узнав, что ты в живых остался.
Отправимся. Я на себя беру
Вернуть тебе его расположение.

П а у л и н

Прошу не осудить мой вздорный гнев.
Как господин Филипо верно помнит,
Я — Паулин. Да снизойдет ко мне он,
Коль чем-нибудь его я оскорбил.
Я говорил, как глупый гусь, не больше.
И я всегда готов ему служить.
В его распоряженьи днем и ночью —
Мой дом и в нем жена моя Льюсия.

Ф и л и п о

Благодарю за все гостеприимство,
Надеюсь уплатить вам долг сполна.

Паулин

Так для начала я прошу, возьмите
С собой Льюсию: двум тогда вы сразу
Доставите весьма большую радость,
Ей — дав возможность быть ей вместе с вами,
А мне — меня оставив без нее.

(Филипо и Леогарио уходят.)

Льюсия *(в сторону)*

Любил ли кто, как я, такой любовью
Несчастной: чуть блеснула — позабыта.

Старик

Теперь мы, Паулин, совсем одни,
Так будь же добрее с этим новым
Работником.

Патрик

Я ваш покорный раб,
Смотрите на меня, прошу, не больше,
Как на раба, сюда пришел затем я,
Чтоб самому смиренному служить,
И потому давайте приказанья.

Старик

Вот скромность!

Паулин

Вот смиренность!

Льюсия

И как он

Хорош собой! Его лицо невольно
Сочувствием исполнило меня.

Паулин

Льюсия, между нами, этих чувствий
Так много у тебя, что, сколько помню,

Кто б ни пришел сюда, в тебе наверно
Он чувства пробудит.

Ль о с и я

Грубиян!

Уж если ревновать меня ты вздумал,
Во всех мужчин влюблюсь я.

(Уходит.)

С т а р и к

Паулин,

Теперь тебе я дело доверяю
Первостепенной важности.

П а у л и н

Готов

Исполнить все, когда вам так известно,
Что ловок я.

С т а р и к

Мне кажется, что раб,
Которого ты видишь пред собою,
Не очень-то надежен; между тем
Я должен наблюдать за ним,— скажу я
Тебе потом, зачем и почему.
Итак, смотри за ним, да, братец, в оба.
Следи за ним. Будь с ним всегда. Смотри!
(Уходит.)

СЦЕНА 8-я

Патрик, Паулин.

П а у л и н (в сторону)

Могу сказать и порученье дали!
(К Патрику.)

Я страж и охранитель ваш. Доселе
Я ничего еще не охранял.
Теперь придется с отдыхом проститься.
Не есть, не пить, не спать, и потому,
Коль только вам угодно удалиться,
Рекомендую сделать это тотчас.
Вы даже мне окажете весьма
Большое одолжение, избавив
Меня от этих тягостных забот.
Идите с Богом.

П а т р и к

Нет, не беспокойтесь,
Хоть я и раб, но я не убегу.
О, Господи, с какой отрадой буду
Я жить отныне в этой тишине!
Здесь, пред Тобой, Всевышним, преклоняясь,
Душа отдаться может созерцанью,
Смотря на ясный лик Твоих чудес
Божественных! В немом уединеньи
Возникла человеческая мудрость,
В немом уединеньи я хотел бы
В божественную мудрость заглянуть.

П а у л и н

Скажите, с кем теперь вы говорите?

П а т р и к

О, Боже! Ты всего первопричина!
Те небеса хрустальные, что светят,
С их звездами, с их солнцем и луной,
Не суть ли это ткани и завесы
Возвышенных твоих пределов горних?
Стихии разногласные, огонь,
Вода, земля и ветры — не движенья ль
Твоей руки? Они не говорят ли,
Как велики хвалы Твои повсюду,

Как велико могущество Твое?
Земля не записала ли строками
Цветными пышность светлую Твою?
И ветер, повторенный звуком эхо,
Не вторит ли, что создан он Тобой?
Не славит ли Тебя огонь хвалами,
Не славит ли вода, — и не затем ли
Язык есть у огня и у воды?
И потому, о, Боже Всемогущий,
Тебя искать я лучше буду здесь,
Затем что здесь Тебя во всем найду я.
Тебе, Господь, моя открыта вера,
Знак моего Тебе повиненья,
Давай мне повеленья, как рабу,
Или скорей возьми меня отсюда —
Туда, где мог бы я Тебе служить!

*(С неба опускается Ангел, в одной руке
у него щит и в нем зеркало, в другой руке
письмо.)*

СЦЕНА 9-я

Те же. — Ангел

А н г е л

Патрик!

П а т р и к

Чей зов я слышу?

П а у л и н

Зов? Ничей!

(в сторону.)

Однако ж он рассеян! Видно, это
Поэт.

А н г е л

Патрик!

П а т р и к

Чей зов я слышу?

А н г е л

Мой!

П а у л и н (*в сторону*)

Он говорит. Я никого не вижу.
Что ж, пусть поговорит. Я не приставлен
Ко рту его.

(*Уходит.*)

СЦЕНА 10-я

Ангел. Патрик.

П а т р и к

Так велико блаженство,
Что я в него поверить не могу.
Передо мною облако; из дымки
Жемчужно-алой солнце выплывает;
Окружено нетленными звездами,
Среди кустов жасмина и цветов
Оно идет, сиянье разливая,
Оно идет, неся с собой зарю.

А н г е л

Патрик!

П а т р и к

Меня пугает этот блеск,
Меня страшит неведомое солнце.
О, кто ты?

А н г е л

Друг Патрик, я Виктор, Ангел —

Хранитель твой, и ныне Бог меня
Послал к тебе, чтоб передать вот это.

(Отдает ему письмо.)

П а т р и к

Прекрасный благовестник, пусть вовек
Ты будешь окружен небесной славой!
Ты, предстоящий там, средь высших сил,
Пред Господом, к Которому с другими
Взываешь в гимне звучном: Свят! Свят! Свят!

А н г е л

Патрик, прочти послание.

П а т р и к

Я вижу

Слова: «К Патрику». — Чем же мог такое
Блаженство заслужить смиренный раб?
Ничем!

А н г е л

Прочти послание.

П а т р и к

Дерзаю. *(Читает.)*

«Патрик, Патрик, приди, освободи нас
От рабства». Что-то высшее здесь скрыто:
Не знаю, кто зовет меня. О, верный
Хранитель, разреши недоуменье.

А н г е л

Взгляни сюда.

(Показывает ему зеркало.)

П а т р и к

О, Боже Всемогущий!

А н г е л

Что видишь?

П а т р и к

Вижу множество людей,
Толпу разнообразную, из старцев,
Детей и жен и все меня зовут.

А н г е л

Так поспеши, спаси их от тревоги.
Толпа, что ты увидел, есть народ
Ирландии; он жаждет благовестья
Из уст твоих, правдивого ученья.
Покинь тяготы рабского удела,
Господь взыскал тебя своим вниманьем,
Тебе велит Он веру проповедать,
Которую так хочешь ты возвысить.
Да будешь ты посланником Его,
Апостолом Ирландии. Отправься
Во Францию, там есть епископ Герман,
Иди к нему и облекись в одежду
Монаха, отправляйся после в Рим,
Тебе дадут там буллы Селестина ⁶,
Послание, чтоб ты достиг счастливо
Блаженной цели странствий; посети
Мартина, он теперь епископ Турский.
Умчись со мною, в вихре унесенный;
Бог повелел, чтоб ныне ты узнал
Через меня, каков удел твой в мире, —
И ты со мной пуститься должен в путь.

(Улетают.)

ХОРНАДА ВТОРАЯ

Зал в башне, принадлежащей ко дворцу Эгерю.

СЦЕНА 1-я

Людовико, Полония.

Л ю д о в и к о

Полония, кто в замыслах любви
Чрезмерен, тот и сетовать не должен,
Когда ему другого предпочтут.
Он сам себе придумал наказание.
Случалось ли когда, чтобы надменный,
Возвысясь, не был сброшен с высоты?
Так я теперь Филипо вытесняю.
Моя любовь должна его убить.
Пусть он меня превысил в благородстве,
Которое даровано природой,
Еще есть благородство, что дается
Заслугами, и в этом я, не он,
Достоин называться благородным.
Он честь свою наследовал от предков,
Моя же честь действительно — моя.
В свидетели зову я это царство,
Что сделалось безумным от побед,
Через меня одержанных. Три года
Прошло с тех пор, как прибыл я сюда,
(Мне кажется — сегодня), три уж года,
Как я тебе служу, — и не сумею
Исчислить все, что для Эгерю
За это время взял я в правой битве.
Мне мог бы позавидовать сам Марс,
Я — страх земли, я — грозный ужас моря.

П о л о н и я

Твой благородный дух, о, Людовико,
Наследовал ли ты его иль добыл,
В груди моей не только будит страх
И дерзновенье, но еще другое,
Не знаю что, быть может, это нужно
Назвать любовью, может быть и нет:
Мной стыд овладевает неизменно,
Когда душа почувствует, что я,
В борьбе, ему готова покориться.
Пока одно могу тебе сказать:
Твое желанье было б обладаньем,
Когда б я не боялась пробудить
Жестокий гнев в отце. Но жди, надейся.

СЦЕНА 2-я

Те же. — Филипо.

Ф и л и п о *(в сторону)*

Когда я смерть здесь должен был увидеть,
Зачем пришел искать ее? Но кто же
Настолько терпелив, чтоб не глядеть
На то, в чем быть должно его несчастье?

Л ю д о в и к о

Но кто мне поручиться может в том, что
Моей ты будешь?

П о л о н и я

Вот моя рука!

Ф и л и п о

Нет, этого я вынести не в силах!

П о л о н и я

О, горе мне!

Ф и л и п о

Ты руку отдаешь
Какому-то пришельцу. Так? Не правда ль?
А ты на солнце хочешь посягнуть,
Чтоб собственный заемный блеск утратить?
Да как же ты посмел противоречить
Желаниям моим? И как же мог ты
Не вспомнить, что ты был моим рабом?

Л ю д о в и к о

И смел, и смею: я теперь не то уж,
Чем, может быть, был раньше. Это правда,
Я был твоим рабом. Кто в мире мог
Избегнуть переменчивости рока ¹?
Но не забудь, что у меня есть храбрость,
И честь моя с твоей сравнялась в ней,
Быть может — превзошла.

Ф и л и п о

Как? Дерзкий! Низкий!

Л ю д о в и к о

Филипо, ты ошибся.

Ф и л и п о

Не ошибся.

Л ю д о в и к о

А если нет, тогда...

Ф и л и п о

Тогда?

Л ю д о в и к о

Солгал.

Ф и л и п о

Изменник! (*Дает ему пощечину.*)

П о л о н и я

Боже!

Л ю д о в и к о

Это оскорбленье
Оставить без отмщения? О, нет!
В моей душе свирепствуют вулканы!
(*Они обнажают шпаги.*)

СЦЕНА 3-я

Те же. — Эгерю, солдаты.

Ц а р ь

Что тут случилось?

Л ю д о в и к о

Вырвалось из ада
Живущее в нем бешенство, несчастье,
Свирепость пыток, вечность оскорбленья.
Пусть, государь, никто мне не мешает
Отмстить. Пред самой смертью не склонюсь я.
Нет ничего важней, чем честь моя.

Ц а р ь

Схватить его.

Л ю д о в и к о

Пусть тот, кто хочет смерти,
Приблизится. За эту дерзость он
В награду пред тобой умрет.

Ц а р ь

Я дожил

До этого! за ним!

Л ю д о в и к о
Омытый кровью,
В отчаяньи, ее пролью я столько,
Что за Филипо буду гнаться вплавь.
(Уходит, отражая удары.)

СЦЕНА 4-я

Ц а р ь

Лишь этого еще недоставало.
О, дерзкий раб! — Другой, как мне сказали,
Тот самый, что был сослан и бежал,
В Ирландию из Рима возвратился
И веру проповедует Христову.
Столь многие, как говорят, вступили
В ряды учеников его, что мир
Весь разделен на партии. Я знаю,
Что он колдун. Он к смерти присужден был
В другой стране, и спасся, поселяя
В сердцах людей смущение и страх.
К позорному столбу он был привязан,
Как вдруг земля, хранящая в себе
Так много мертвецов, затрепетала,
И воздух застонал, и облик солнца,
Затмением кровавым облекаясь,
Не захотело дать свой блеск луне.
Колдун! В своих руках судьбу он держит.
В том нет сомненья. Так мне рассказали.
И все кто ни пришел смотреть на казнь,
Пошли за ним, а ныне он приходит,
Чтоб волшебство испытывать на мне.
Что ж, пусть придет и твердо убедится
В тщете своих намерений. Посмотрим,
Что из себя являет этот бог,
Зовущийся меж ними христианским.
Он примет смерть из рук моих, — войдет
В пределы узкой сферы, из которой

Не вырвется, — епископ и пастух,
Дерзающий прийти во имя Папы².

СЦЕНА 5-я

*Капитан, солдаты; Людовико, под стражей.—
Царь.*

К а п и т а н

Вот, мы его схватили. Он убил
Троих телохранителей и ранил
Еще других.

Ц а р ь

Скажи, христианин,
Ты можешь не дрожать передо мною?
Моей руки подъятой ты не видишь?
Но нет, все злоключения мои
Заслужены, я заслужил их больше,
И впредь да будет проклят тот, кто сделал
Добро кому-нибудь из христиан.
Ты заслужил не кары, а награды,
Я кары заслужил за то, что сделал
Тебе добро. — Держать его под стражей,
До казни. Больше милостей не жди,
Не будет их, христианин бесстыдный,
Умри, как жертва гнева моего,
Не потому, что ты бесстыдно-дерзок,
А потому, что ты христианин.
(Уходит.)

СЦЕНА 6-я

Л ю д о в и к о

Итак, умру, и будет смерть блаженной,
Тот, кто умрет за честь, умрет за Бога,
И кто умрет средь мук и огорчений,
С признательностью должен смерть встречать,

Как ту черту, что им пределом служит.
Так пусть же оборвет он жизнь мою,
Безумную настолько, что как будто
Она порочной стала лишь сегодня;
Она родится фениксом нетленным
Из пепла оскорбления моего.
Вся жизнь моя отравкою бы стала,
Мое дыханье сделалось бы ядом,
В Ирландии я столько б крови пролил,
Что смыл бы ею весь позор обиды.
О, честь моя! ты вражеской рукой
Повержена! так пусть и я с тобою
Умру навек. С тобой соединившись,
Над варварами этими одержим
Победу. Мне осталось жить лишь миг,
Кинжал послужит мне, как честный мститель.
Но да поможет Бог мне! Что за демон
Толкает руку? Я христианин,
Во мне душа, а надо мной сияет
Свет веры милосердной. Так достойно ль
Христианину ныне замышлять,
Среди толпы языческой, деянье,
Противное религии его?
Какой же я пример теперь им дал бы
Своею смертью жалкой, — лишь одно
Опровержение славных дел Патрика!
Все те, что чтут одни свои пороки
И отрицают вечность воздаянья
И вечность славы, разве не сказали б:
«Ну, что там проповедует Патрик
О вечности души! Ведь Людовико —
Христианин, а он себя убил,
Так значит, он, как все, теряя душу,
Не ведал о бессмертии ее».
И были б мы, в делах несогласимых,
Как свет и тень. Довольно и того,
Что в совершенных мною преступленьях

Я так и не раскаялся, хотел
Свершить еще другие, потому что,
Клянусь, когда б бежать мне удалось,
Я стал бы диким ужасом и страхом
Для Азии, для Африки, Европы.
Я приступил бы к мщению немедля,
Такому беспощадному, что здесь,
На островах Эгерии, не стало б
Ни одного, на ком я б не насытил
Своей неумолимой жажды крови!
Когда захочет молния порвать
Небесный свод, — предупреждает громом,
И после, меж теней и клубов дыма,
Является змеею из огня,
Прорезывая воздух задрожавший.
Не то же ли и я: удар громовый
Моей души уже услышан всеми,
Недостает лишь молнии теперь.
Но горе мне! Ей больше нет исхода,
И, прежде чем достигнуть до земли,
Она, увы, игрушкой ветра стала.
Не потому мне горько умереть,
Что смерть моя позорной смертью будет,
А потому, что, умерев до срока, —
До срока кончу я свои грехи.
Я жить хочу, чтобы начать отныне
Ряд новых величайших дерзновений, —
О, небо, только этого хочу!³

СЦЕНА 7-я

Полония. — Людовико.

Полония (в сторону)

Мое решенье твердо.

(Обращаясь к Людовико.)

Людовико,

Лишь в крайних обстоятельствах любовь

Себя являет в блеске несомненном.
Тебе грозит смертельная опасность,
Отец мой в страшном гневе на тебя,
От ярости его ты должен скрыться.
Я щедро наградила стражей, злато
Их сделало глухими. Так спасайся
И убедись, как женщина способна
Решительно быть, забыть свой стыд,
Как может пренебречь своею славой.
Бегу с тобой, отныне я решаюсь
С тобою жить, с тобою умереть:
Мне без тебя не жизнь, ты в самом сердце,
В моей груди живешь. Со мною деньги
И много драгоценностей, их будет
Достаточно, чтобы мы могли бежать
К далеким странам Индии, где солнце
Попеременно жжет и леденит.
Две лошади у выхода нас ждут,
Не лошади, а кошки, духи ветра,
Или, еще вернее, взмахи мысли —
Они так быстры, что хотя мы будем
Теперь спастись бегством, нам с тобой
Не будет представляться, что за нами —
Погоня. Так решайся же! О чем
Ты думаешь и что тебя смущает?
Не нужно ни сомнения, ни слов.
И чтоб судьба, встающая всечасно
Помехой для любви, не помешала
Прекрасным сочетаниям таким,
Пойду вперед, а ты иди за мною;
Тем временем я отвлеку вниманье
Тюремных стражей, и побег наш скрою.
И самое к нам солнце благосклонно,
Оно, нисшедши в волны, умягчает
Свою усталость, влагой оросив
Густую сеть своих волос курчавых.

(Уходит.)

СЦЕНА 8-я

Л ю д о в и к о

Как кстати все случилось. Видит Бог,
Что выказанный мною пыл любовный
К Полонии притворством был одним:
Хотел я, чтоб она со мной бежала,
И с помощью ее запястий ценных
И разных драгоценностей я мог бы
Покинуть этот подлый Вавилон,
Затем, что хоть и был здесь окружен я
Почтением, я все же был рабом,
А жизнь моя безумная желала
Свободы, — и ее дарует небо.
Но женщина была бы мне помехой:
Любовь во мне — лишь беглая услада,
Лишь чувственная жадность, и едва
Насыщено такое побужденье,
Как женщина, хотя б она была
Скромнейшей и красивейшей, претит мне.
Но раз уж так мой дух вольнолюбив,
Что значит смертью больше или меньше?
Полония умрет от рук моих:
Она мне отдалась в такое время,
Когда никто не любит и не ценит, —
Как все, она в беспечности жила бы,
Когда она любила бы как все.
(Уходит.)

СЦЕНА 9-я

Капитан; потом Царь, Филипо, Леогарио.

К а п и т а н

Я прихожу сюда с приказом царским,
Чтоб смертный приговор свой Людовико
Узнал... Но что такое? Дверь открыта?

И в башне никого? Что это значит?
Сюда, солдаты! Нет ответа! Стражи!
Измена! Эй, сюда!

(Входят: Царь, Филипо и Леогарио.)

Ц а р ь

Что ты кричишь?

Что это значит?

К а п и т а н

Людовико скрылся,

И стражи убежали.

Л е о г а р и о

Государь,

Я видел, как сюда пред тем входила
Полония.

Ф и л и п о

О, Боже мой, так это
Она ему доставила свободу.
Тебе известно, что ее желал он
И ей служил. Я ревностью подвигнут
Последовать за ними. Ныне станет
Гиберния твоя второю Троей.

(Уходит.)

Ц а р ь

Дать мне коня, я сам лечу в погоню.
О, кто ж они, кто эти христиане:
Сомнительными разными делами
Один смутил покой мой, а другой
Похитил честь мою! Но им обоим
Придется жертвой мести стать моей.
Сам Папа в Риме мне за них заплатит!

(Уходит.)

Лес, в глубине которого — хижина Паулина.

СЦЕНА 10-я

*Полония убегает, раненая;
Людовико, с обнаженным кинжалом в руке.*

П о л о н и я

Сдержи порыв руки окровавленной,
О, сжался надо мной, не как любовник,
А как христианин, и, взявши честь,
Оставь мне жизнь.

Л ю д о в и к о

Полония, ты знаешь,
Что красоте всегда награда — горе,
Не могут красота и счастье жить
В согласии; я твой палач, и дерзко
Над головой твоей вздымаю сталь,
Чтоб жить спокойно, жизнь твою порвавши.
Возьму тебя с собой — возьму с собою
Свидетеля моих злосчастных дней,
И чрез него за мною могут гнаться,
Преследовать меня, узнать, найти.
Тебя в живых оставлю я — оставлю
Разгневанной тебя и оскорбленной,
То будет — лишний враг мой (и какой!).
И значит, взять тебя с собой иль бросить —
Равно оплошность. Лучше если я,
Исполненный предательства и низкий,
Презрев законы Бога и людей,
Тебя убью теперь собственноручно.
Пусть между диких скал, в их мощных недрах,
Я схороню навек мою беду;
И вместе с тем пусть мстительная ярость
Достигнет этим новых насыщений:
Убью с тобой Филипо, если он

Живет в твоей груди, — убью с Филипо
И твоего отца. В моем бесчестьи
Ты первую причину была,
Будь первой между жертв, казненных мною.
П о л о н и я.

О, горе мне, своими же руками,
Как червь, я создала себе гробницу.
И ты не зверь? И ты христианин?

Л ю д о в и к о

Я демон. Кончи. Все запечатлеешь.

П о л о н и я

О, да поможет мне Господь Патрика!
*(Людовико поражает ее кинжалом,
она падает за сцену.)*

Л ю д о в и к о

Упала на цветы, облившись кровью
И ужасы кругом распространяя.
Теперь могу я скрыться без помехи.
Богатств со мной довольно, чтобы жить
В Испании, нужды не ощущая.
Поздней, в другой одежде, измененный
Теченьем дней, вернусь я отомстить
Предателю: обида не задремлет.
Но где мой путь? Повсюду тени смерти.
С дороги сбился я и, может быть,
Спасаясь от погони, сам я брошусь
В предательские руки. Если только
Я не обманут внешним жалким видом,
Передо мною сельская лачуга.
Спрошу-ка здесь, куда держать мне путь.

(Стучится.)

СЦЕНА 11-я

Паулин, Льосия, Людовико.

Льосия (за сценой)

Кто там?

Людовико

Я странник, сбившийся с пути,
Слепой и темный. Пробудись, приятель!

Льосия (за сценой)

Эй, Паулин, проснись! Зовут у двери.

Паулин (за сценой)

Мне хорошо и здесь. Иди сама,
Тебя зовут.

Льосия (за сценой)

Кто там стучится?

Людовико

Странник.

Паулин (за сценой)

Ты странник?

Людовико

Да.

Паулин (за сценой)

Так странствуй. Здесь, любезный,
Не постоянный двор.

Людовико
Вот мужчина!

Сейчас тебе сломаю дверь.
(Срывает дверь.)

Готово!

Л ь о с и я (за сценой)

Эй, Паулин, проснись! Сломали дверь!

П а у л и н. (за сценой)

Ну, ну! Уж на один я глаз проснулся,
Вот на другой проснуться не могу.
Пойдем-ка вместе. Что-то страшновато.
(Выходит Паулин и Льюсия.)

Кто тут зовет?

Л ю д о в и к о

Молчите, мужичье,
Не то я вас убью своей рукою.
Здесь на горе я потерял дорогу,
Набрел на дом твой. Укажи мне, где
Путь к гавани. Оттуда, полагаю,
Могу я с безопасностью спастись.

П а у л и н

Так вон по той тропинке вы идите,
И ежели вам встретится гора,
Вот с этой стороны, так вы взойдите,
Где будет поровнее, там спуститесь,
И уж тогда, как к гавани придете,
Пред вами, значит, прямо будет гавань.

Л ю д о в и к о

Нет, лучше ты иди со мной, не то,
Свидетель Бог, окровавлю я землю.

Л ь о с и я

Не лучше ли вам, рыцарь благородный,
У нас остаться на ночь до звезды?

П а у л и н

Да вы совсем расчувствовались, женка!
Он чувствам успел в вас пробудить?

Л ю д о в и к о

Ну, выбирай: или иди со мною,
Иль смерть тебе!

П а у л и н

Ах, сударь, не сердитесь.
Я первое, конечно, выбираю,
И, если вам угодно, потащу вас
Хоть на плечах, — и не из страха смерти,
А чтоб Льюсии сделать неприятность.

Л ю д о в и к о

Чтоб никому не мог он рассказать,
(в сторону.)

Куда я путь направил, сошвырну я
Его с горы, когда достигнем моря.

(К Льюсии.)

Прошу, не беспокойтесь. Спите с миром.
Супруг ваш не замедлит к вам прийти.

(Уходят: Людовико и Паулин в одну
сторону, Льюсия — в другую.)

СЦЕНА 12-я

Царь Эгеро, Лесбия, Леогарио, Капитан, потом Филипо

Л е с б и я

Простыл и след их: гору осмотрели,
Долину, и холмы, и лес, и все,
Но нет нигде ни знака, ни намека,
Что здесь они сокрылись.

Ц а р ь

Нет сомненья,
Что самая земля их проглотила,
Чтоб только убережь их от меня.

Им в небесах приюта не нашлось бы,
Я их настиг бы там, клянуся небом.

Л е с б и я

Уж солнце простирает над горами
И над лесами пряди золотые
Разметанных волос, чтоб день явился
Тебе путеводителем в исканьях.

(*Входит Филипо.*)

Ф и л и п о

О, Государь, я вам пришел сказать
О величайшем горе, о несчастьи
Чудовищном настолько, что такого
Ни вымыслы судеб, ни время нам
Не рассказали. В поисках тревожных
В дремучий лес зашел я и провел
Всю ночь в лесу; в час утра показалась
На небе полусонная заря,
Вся трауром покрытая, меж дымных
И черных облаков, и звезды с неба
Впервые отлучились — не жалея,
Довольные отсутствием. Идя,
То там, то сям, в дремучих чащах леса,
Мы увидали чашечки цветов,
Обрызганные кровью, и меж ними
Обрывки разных женских одеяний.
Идя по следу, мы холма достигли,
И там, на ложе роз, как раз у склона,
Мы мертвую Полонию нашли.

СЦЕНА 13-я

Те же. — Полония, мертвая; вскоре за этим Патрик.

Ф и л и п о

Взгляни, и ты увидишь красоту,
Исторгнутую с корнем, побледневший

И горестный цветок, огонь потухший,
Увидишь распростертым то, что жило,
Как светлый сон, прекрасный и подвижный, —
Ты мертвую Полонию увидишь.

Ц а р ь

Молчи, Филипо, замолчи, молю,
Во мне нет сил такие пытки встретить,
Нет мужества принять такое горе.
О, дочь моя несчастная, утрата,
Найдённая в такой недобрый час!

Л е с б и я

От скорби я лишилася дыханья
И жалобы смолкают, не излившись.
О, пусть твоя несчастная сестра
Сопутствует тебе в твоих несчастьях!

Ц а р ь

Какая беспощадная рука
Подъяла смертоносное оружие
На эту неземную красоту?
Пусть жизнь моя порвется в этой скорби.

П а т р и к

Вострепещи, Гиберния, покаяся,
Край злополучный, край несчастный! Горе!
Коль ты слезами землю не омочишь,
И в горести рыдая дни и ночи,
Не умягчишь небесные врата,
Замкнутые твоим непослушаньем, —
Тогда дрожи, Гиберния, и бойся!
Край злополучный, край несчастный! Горе!

Ц а р ь

О, небо, что за вопли скорби слышу!
Что за печальный голос! Он пронзает

Мне грудь, он проникает прямо в сердце!
Узнайте, кто препятствует теченью
Моей печали? Кто скорбеть здесь может
Сильней, чем я? Кто жаловаться может?

Леога́рио

То, государь, Патрик. Он, как ты знаешь,
В Ирландию из Рима возвратился
И, получив от Папы посвящение
В ирландские епископы, и вместе
Достоинства верховные, обходит
Все острова, пророчествуя так.

Патрик

Вострепещи, Гиберния, покайся!
Край злополучный, край несчастный! Горе!

(Входит.)

Царь

Патрик, зачем мешаешь мне в печали,
Удваивая ныне грусть мою
Поддельностью своих воззваний скорбных,
Отравой позлащенных слов твоих?
Зачем меня преследуешь нещадно?
Зачем мутишь мои моря и земли
Обманами и новшествами? Мы
Лишь умирать умеем и рождаться.
Единственная в этом наша мудрость,
Наследие, полученное нами
От праотцев. И что это за Бог,
Которого ты нам благовествуешь,
Уча, что после жизни преходящей
Он вечную дает нам? Как душа,
Лишенная телесности, способна
Иметь другую жизнь и там за гробом
Испытывать страдания и радость?

П а т р и к

Душа, расставшись с телом, отдает
Природе человеческое, — малость
Из праха и земли; а дух восходит
К пределам высшим, где скорбям конец,
Коль человек скончался примиренным;
А милость примирения ему
Дается чрез крещение сначала,
Потом чрез покаяние.

Ц а р ь

Так значит

Вот это красота, что здесь простерта
В кровавом одеянии, теперь
Живет — не здесь?

П а т р и к

Да.

Ц а р ь

Дай мне указанье,
Дай несомненный знак, что это правда.

П а т р и к *(в сторону)*

Вступишь теперь за честь Свою, о, Боже!
Здесь надлежит Тебе представить явным
Могущество величья Твоего.

Ц а р ь

Безмолвствуешь?

П а т р и к

С соизволенья Неба,
Она сама ответит.
(Простирает руки над телом Полонии.)
Труп недвижимый,

Во имя Бога я повелеваю
Тебе вернуться к жизни на земле
И, с прежним духом воссоединившись,
Дать истины прямое указанье,
Благовествуя слово правой веры.

Полония (воскресая)

О горе! Да поможет Небо мне!
Как много тайн моей душе открылось!
Господь, Господь, сдержи свою десницу,
Орудье правосудья Твоего!
Не устремляй на сдавшуюся молний
Карающего гнева, укроти
Порыв Твоих громов победоносных!
О, если гнев Тобою овладел,
От лика Твоего куда мне скрыться?
Да свергнутся высоты на меня:
Врагинею самой себя я ныне
Хотела бы во глубь земли сокрыться
От взора Твоего, — но как могу,
Когда везде, куда мое несчастье
Меня ни повлечет, я повлеку
С собой вину мою? Вот, вот, смотрите,
Не отошли ли в страхе эти горы,
Вершина их не дрогнула ли там?
Трепещет небо, с осей содвигаясь,
И, полный совершенства, свод его
С высот своих заоблачных и грозных
Не хочет ли сорваться на меня?
Незримый, предо мной темнеет ветер,
Замкнулся путь, моря бегут. Лишь звери
Идут и приближаются ко мне
И растерзать хотят меня на части.
Пощады мне, о, Господи, пощады!
О, сжапись, Боже, сжапись надо мной!
Молю, взыщи меня святым крещеньем.
Пусть я умру, с Тобою примиренной,

И пусть умру. О, смертные, внемлите,
Внемлите: жив Христос, Христос царит,
Христос есть Бог. Покайтесь, покайтесь!

(Уходит.)

СЦЕНА 14-я

Те же, кроме Полонии.

Филипо

Какое чудо!

Лесбия

Что-то неземное!

Капитан

Великое!

Леогарно

И странное!

Царь

То ковы,

То чары волшебства! Ужели ныне
Я допущу их здесь?

Все

Христос есть Бог!

Царь

Народ слепой, народ непостоянный,
Ужель обман настолько будет силен,
Чтоб совершать такие чудеса,
А у тебя достоинства не станет,
Чтоб видимость и ложь разоблачить!

Так я же сам желаю покориться,
Пусть ныне убедит меня Патрик,
Его победа будет достоверной.
Наш диспут начинается. Внимайте.
Когда б душа бессмертною была,
Никак нельзя б ей было оставаться
Без действия хотя одно мгновенье.

П а т р и к

Так. Несомненность истины подобной
Мы видим в сне: на самом деле сны,
Со всем обильем образов неясных,
Являются движеньями души,
Но так как чувства в снах несовершенны,
Нередко в сновиденьях видим мы
То, в чем одно с другим несогласимо.

Ц а р ь

Но если так, то в данное мгновенье
Полония была мертва иль нет?
Коль не была мертва, а это только
Был обморок, так в чем же было чудо?
Но даже я о том не говорю.
Она была мертва, пусть это верно,
Ее душа тогда необходимо
Должна была быть в небе иль в аду,
В одном из этих двух пределов скрытых:
Ты сам, Патрик, так учишь нас. Но если
Она была в раю, немилосердно
Бог поступил бы, если бы вернул
Кого-нибудь из рая в мир, где может
Вернувшийся подвергнуться опять
Опасности быть вечно осужденным
И в ад сойти, изведав радость неба.
Правдивость утвержденья очевидна.
Когда ж душа была в аду, тогда
Нарушена простая справедливость:

Возможно ль допустить, чтоб человек,
Достойный кары, вновь туда вернулся,
Где может милость неба он снискать.
А так как в Боге милость с правосудьем
Одно и то же, где ж, Патрик, поведай,
Была душа Полонии теперь?

П а т р и к

Вот мой ответ, Эгерно. Согласен,
Что местопребывание крещеной
Души всегда в аду или в раю,
Откуда по особому веленью
Ей выйти невозможно, если мы
Обычную возможность разумеем.
Когда же говорить об абсолютной,
То душу Бог извлечь из ада мог.
Но не об этом речь у нас. Конечно,
Душа идет в одно из этих мест,
Когда она разъединится с телом
В разлуке смертной, чтоб не возвратиться
В него уж никогда; но если ей
Вернуться суждено, она витает,
Как странница, в особом состояньи,
И, ожидая, медлит во вселенной,
Как часть ее, хотя и не имея
В ней точно предначертанного места.
И правду, всемогущество Господне
Предвидело — все, что должно случиться,
От самого мгновения, когда
Из сущности своей оно исторгло
Законченное это мирозданье,
Создав его по образцу своей
Первоначальной мысли. Бог предвидел
Тогда и этот случай, и, провидя,
Что эта просветленная душа
Должна вторично в тело возвратиться,
Решил, что нужно быть ей в ожиданьи,

Без места в мире, но имея место.
Так учит теология святая,
И вот тебе ответ на довод твой.
Но нечто есть еще совсем другое,
Что должен ты принять в соображение:
Мест славы и возмездья в мире больше,
Чем думал ты. Узнай, себе на благо,
Что есть еще чистилище, куда,
Скончавшись в состояньи примиренья,
Душа для очищения вступает,
Чтоб от грехов своих освободиться,
Соделанных при жизни, в этом мире;
С грехами же никто не вступит в небо.
Там, как металл, сквозь пламя проходящий,
Душа с себя все пыльное свергает,
Чтоб, навсегда очищенной и ясной,
Предстать пред светлым ликом Божества.

Царь

Так ты мне говоришь, и у меня
Нет знака достоверней и надежней,
Чем голос твой. Дай мне намек, черту,
Дай проблеск этой истины, чтоб мог я
Руками прикоснуться к ней и ясно
Увидеть, что в ней скрыто. Если ты
Столь многого достигнуть в состояньи,
С соизволенья Бога своего,
Проси Его о милости, прибегни
К Нему, чтоб дал тебе Он что-нибудь,
К чему мы все могли бы прикоснуться,
Что не было бы только рассужденьем,
Дабы и я уверовал. И знай,
Что час один тебе дается сроку.
В течение его ты должен дать мне
Какой-нибудь нелицемерный знак,
Что ад и рай не выдумка пустая, —
Или умрешь. Пускай, пускай Твой Бог

Придет сюда с Своими чудесами,
Чтоб мы на них не издали взглянули.
А если не заслуживаем мы
Ни адских мук, ни райского блаженства,
Тогда свое чистилище нам дай,
Пусть все Его могущество познаем.
Честь Бога от тебя теперь зависит.
Скажи Ему, пусть защитит ее.

(Все уходят, кроме Патрика.)

СЦЕНА 15-я

П а т р и к

Теперь, о, Боже, сильный, бесконечный,
Твой гнев, Твое возмездие и мщенье
Да ниспровергнут вражеский оплот
Невежества и суетных ошибок.
Забудь благоволение, ибо тщетно
Взираешь на врагов, как на друзей;
И поелику ныне восхотели
Свидетельства величья Твоего,
Десницею карающей низвергни
На них молниеносный гром. В дни оны
Тебя молило рвенье Илии
О строгости, и вера Моисея
О чудесах молилась, и хотя
Не их уста теперь к Тебе взывают
Через мои, пусть этот зов достигнет
Небес, и днем и ночью умоляет,
О, Господи, Тебя о чудесах
И строгости, чтоб с муками и славой,
В тенях и формах, миру возвестились
Чистилище, и ад, и небеса.

СЦЕНА 16-я

*Добрый Ангел, с одной стороны;
с другой — Злой Ангел. Патрик.*

З л о й А н г е л (*про себя*)

Исполнен опасенья, чтобы Небо
Не сообщило как-нибудь святому
Патрику это чудо, это диво,
Ценнейшее сокровище земли,
Сюда пришел я, ненависти полный,
Как будто ангел света, возмутить
Его моление, влить в него отраву
И бешенство.

Д о б р ы й А н г е л (*к Злому Ангелу*)

Не сможешь, ты бессилен,
Жестокое чудовище; я здесь,
Как верная его защита. Больше
Ни слова. Замолчи.

(*К Патрику.*)

Патрик, услышав
Твою мольбу, Всевышний пожелал
Тебе свое открыть благоволение
Такой благою вестию. Найди
На острове, лежащем здесь, пещеру,
Возникшую на дальнем горизонте
Как впадина горы и как преграда
Для озера; кто, полный дерзновенья,
Войдет в нее, покаявшись заране
И исповедав все свои грехи,
Тот может в ней пройти, еще при жизни,
Чистилище. Он в ней увидит ад
И муки, присуждаемые душам,
Греховностью своею заслужившим
Свирепость пытки вечного огня.
Он узрит рай и лучезарность рая.

Но я тебе свидетельствую также,
Что кто войдет туда без покаянья,
Из любопытства, с целью увидеть
Сокрытия в пещере этой тайны,
С собою принесет он смерть свою, —
Войдет туда, чтобы терпеть мученья,
Покуда Бог есть Бог, Который ныне
Своею новой милостью желает
Тебя спасти от утомлений жизни.
И оба вы увидите себя
В возвышенности горного предела,
Туда взойдешь, и будешь гражданином
Небесного Сиона, здесь оставив
Свидетельство прекраснейшего чуда,
Чистилище, что наречется в мире
Чистилищем Патрика. И затем,
Чтоб истинность божественного чуда
Немедленно была подтверждена,
Вот этого назойливого зверя,
Пришедшего сюда смутить твое
Святое благочестие, я ныне
В глубокую пучину низвергаю,
В темницу, в средоточье заключенья,
Чтоб, завистью своей терзаясь там,
Он отравился собственной отравой.

(Исчезают.)

П а т р и к

Да возвеличит небо лучезарность
Щедрот Твоих, о, Боже Вездесущий,
За честь Свою вступающийся чудом
Таким многозначительным. *(Зовет.)*

Сюда,

Эгерно!

СЦЕНА 17-я

*Царь, Филипо, Лесбия, Леогарио, Капитан,
народ, Патрик.*

Ц а р ь

Ты звал?

П а т р и к

Иди со мной

Вон к той горе, и все пускай тебя
Сопровождают, все они увидят
Там образы, в которых воплотились
Награды и возмездие, увидят
Подобие отсроченного чуда,
Что все растет и будет продолжаться,
Великого, скрывающего тайну,
И дивной сокровенностью своей
Взывающего к нашему восторгу;
Увидят полосой сверкнувший свет,
Хранимый здесь, увидят ад и славу.
(Уходит, все следуют за ним.)

*Отдаленная часть горы, с отверстием
страшной пещеры.*

СЦЕНА 18-я

Те же.

Ц а р ь

Остановись, Патрик, идешь туда,
Куда не проникало даже солнце;
Горы, что пред собой теперь ты видишь,
Еще никто среди людей ни разу
Не победил. В течение столетий,
Ни человек, ни зверь не проходил здесь,
По этим перепутанным путям.

Ф и л и п о

Живя здесь постоянно, не дерзаем
Мы тайны, здесь сокрытые, увидеть.
И доступ к той горе настолько труден,
Что никого нет, кто бы перешел
За грань обрывов этих и за волны
Того немого озера.

Ц а р ь

Здесь только
Угрюмым предвещанием звучат
Напевы птиц ночных, могильно-темных.

Ф и л и п о

Остановись.

П а т р и к

Не поддавайтесь страху.
Хранится здесь сокровище небес.

Ц а р ь

Бояться? Страх душе моей неведом.
Ни пропасти, ни кратеры не страшны.
Хотя бы средоточие земли
Метало ужас, пламя выдыхая,
Бросало токи дыма и огня.
Я знаю, я от этого не дрогну.

СЦЕНА 19-я

Те же. — Полония.

П о л о н и я

Остановись, о, варварское племя,
Безумное, пусть дальше не идут
Шаги твои заблудшие, ты видишь
Несчастье свое лицом к лицу.
Самой себя поспешно убегая,

Проникла я в глухую чащу леса,
Что гору покрывает; высь ее,
Увенчанная мощными дубами,
Грозит закрыть лучистый облик солнца.
В лесной глуши я схоронить хотела
Навеки преступление свое,
Чтоб жить отныне в пристани спокойной,
Морей мирских неистовство забывши,
На лоне этой мирной глубины.
Я прибыла сюда без указаний,
Никем не провожаемая, ибо
Так неприступна гордость этих мест,
Что здесь еще ни разу не осталось
Ничьих сопровождаемых следов.
Неясный искаженный лик вершины,
Когда его увидишь, изумляет,
И страхом наполняет, изумив:
И было б тщетно с ужасом бороться,
Здесь скрыто чудо, здесь сокрылась тайна.
Вон видишь ту скалу? Она как будто,
Повиснув в бездне, держится с трудом,
Идут века, а ей упасть все страшно.
Она собой загородила пасть,
Раскрытую под ней: разъяв отверстие,
Угрюмая гора под той скалою
Как будто бы зевает. Меж устами
Утесов этих двух, окружена
Печальными стволами кипарисов,
Восходит смутно горная глава,
Покрытая растительностью чахлой;
Как волосы, разметанные ветром,
На ней растет бесплодная трава,
До чьих стеблей не прикасалось солнце;
А там в неясном сумраке, вдали,
Раскинулось открытое пространство,
Там пустота, там ужас дня, там ночь.
Приблизиться хотела я к пещере

И поселиться в ней. Но не могу
Рассказ свой продолжать, в душе смущенье,
Мой голос замирает, силы гаснут.
Когда б не этот страх, я вам могла бы
Поведать о неслыханном, о страшном,
О новом, изумительном, но в сердце
Недвижный холод, голос мой застыл,
И больше нет во мне свободной воли.
Едва хотела я войти в пещеру,
Как быстрые отчаянные крики
Услышала под сводами ее,
Как будто кто-то жаловался горько
На боль, но муки были безнадежны.
И слышала я только богохульства,
Проклятия; упорно повторялись
Рассказы о жестоких преступлениях,
Таких, что небо, верно, пожелало
В темницу эту все их заключить,
Чтобы о них не слышать. Кто не верит,
Пусть сам войдет в пещеру, пусть узнает,
Кто отрицает, пусть приступит сам,
Сомнения исчезнут, он увидит,
Услышит и узнает о мученьях,
О ужасах и о свирепых пытках.
Что до меня, мой голос в изумленьи
И в ужасе пред этой новизной,
Слабея, заключается в молчаньи.
И не добро, чтоб люди посягали
На тайны сокровенные небес.

П а т р и к

Эгерю, перед тобой пещера,
Где жизнь и смерть свою сокрыли тайну.
Но надобно сказать тебе, что сильно
Тот ошибется, кто на эту тайну
В греховном состоянии посягнет.
А кто, откинув страх и исповедав

Свои грехи, войдет в нее, увидит
Свою вину прощенной, и при жизни
Познает здесь чистилище.

Ц а р ь

Так что же,
Ты думаешь, Патрик, что, вопреки
Высокому рождению, я, смутившись,
Как женщина, затрепещу от страха?
Ответьте, кто из вас войдет в пещеру?
Молчишь, Филипо?

Ф и л и п о

Государь, боюсь.

Ц а р ь

Ты, капитан?

К а п и т а н

Одно название этой
Пещеры наполняет душу страхом.

Ц а р ь

Ты, Леогарио?

Л е о г а р и о

О, государь,
Нельзя хотеть, чего не хочет небо.

Ц а р ь

О, низость! Трусы, подлые рабы!
Вы недостойны меч носить, вам нужно
Надеть скорее бабьи украшения!
Так я же сам, презренные, войду,
Разоблачу я первый эти ковы
Христианина, чары колдуна.
Смотрите на меня, мой дух бесстрашен,

Передо мной бессилен Бог его.
(Эгерю идет к пещере и, при вступлении в нее,
проваливается с грохотом; из нее выбрасывается
пламя и слышится множество голосов.)

Полония

О, ужас!

Леогарио

Что за диво!

Полония

Что за чудо!

Капитан

Из самых недр земных исходит пламя!
(Уходит.)

Леогарио

Я видел, оси неба сотряслись.
(Уходит.)

Полония

То небеса свой гнев освободили.
(Уходит.)

Лесбия

Земля дрожит и ветер стонет.
(Уходит.)

Патрик

Боже,

Твои враги тобой поражены.
(Уходит.)

Филипо

Кто будет столь глубоко безрассуден,
Чтобы вступить в чистилище Патрика!
(Уходит.)

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ

Улица. — Ночь

СЦЕНА 1-я

Паулин, одетый в шутовской солдатский костюм, и Людовико, погруженный в раздумье.

Паулин

Когда-нибудь должно было случиться,
Когда-нибудь я должен был спросить
О том, что я хочу узнать. Послушай.
Я вышел из своей лачуги, помнишь,
Чтоб показать тебе дорогу к морю,
И проводил до пристани тебя.
Там ты опять мне повторил, что только
Два выбора есть у меня: идти
С тобой или убитым быть тобою.
И так как ты мне предоставил выбор,
На большем я из зол остановился:
С тобою быть. Куда бы ни пошел ты,
И я, как тень, иду. И сколько стран
Мы обошли! В Италии мы были,
В Испании, во Франции, потом
В Шотландии и в Англии, ну, право,
Такой далекой нет земли, чтоб ты
Не устремился к ней. И после этих
Бесчисленных скитаний мы вернулись
В Ирландию. Я, Паулин,— увидя,
Что бороду себе ты отрастил,
И волосы, и изменил свой голос,—
К тебе взываю: что за основанье,
Чтобы такой затеять маскарад?

Весь день сидишь в гостинице, а ночью
Пускаешься на тысячу проделок
И безрассудств, забыв, что мы вернулись
В страну, где все теперь переменялось,
И ничего нет так, как было прежде.
Эгерю погиб, ему на троне
Преемницею Лесбия осталась.
Полония...

Л ю д о в и к о

Не говори о ней,
Не убивай меня, не рань смертельно
Упоминаям имени ее,
Рассказом о событии, что может
Меня заставить к крайностям прибегнуть.
Я знаю, умерла она.

П а у л и н

Мне это
В гостинице рассказывал хозяин.
Он рассказал мне также, как ее
Убитою нашли, и как...

Л ю д о в и к о

Молчи.
Я не хочу об этой смерти слышать,
Я не хочу оплакивать ее.

П а у л и н

Он мне сказал еще, что вся страна
Оставила язычество, и всюду
Теперь здесь христианство. Дело в том,
Что некто, называемый Патриком,
Теперь уже умерший...

Л ю д о в и к о

Как? он умер?

Паулин

Так мне сказал хозяин.

Людовико *(в сторону)*

Плохо ж я
Исполнил обещанье. *(К Паулину.)*
Продолжай.

Паулин

Он возвестил им свет Христовой веры,
И чтоб они уверовали в вечность
Души, открыл им некую пещеру,
И что за ужас в ней,— послушать страшно!

Людовико

Я знаю. Слышал. При одном рассказе
Душой такой овладевает ужас,
Что волосы встают внезапно дыбом.
Там ежедневно видят чудеса.

Паулин

Но ты ни с кем не видишься, ты вечно
Сидишь теперь средь ужасов и страхов
Наедине с тоской своей. И значит
Не мог ты видеть этого и слышать.
Не в том, однако, дело. Разреши,
Прошу, мои сомненья, расскажи мне,
Зачем мы здесь.

Людовико

Отвечу по порядку.

Когда тебя я из дому увел,
Намереньем моим сокрытым было
Убить тебя и труп оставить в поле,
Но я решил, что будет лучше, если
Возьму тебя с собой, чтобы впредь ты был

Товарищем моим и верным другом,
Чтоб мог того избегнуть я, чего
Боялся: до того дойти, что не с кем
Мне будет говорить. И, наконец,
Отправившись со мной, ты становился
Моим сподручным. Помнишь, Паулин,
Мы были в разных землях, и ни разу
Не чувствовал ни в чем ты недостатка.
В ответ на твой вопрос, зачем мы здесь,
Узнай, что я хочу убить злодея,
Что некогда нанес мне оскорбление.
И потому, так тщательно скрываясь,
Я изменил одежду и наружность.
И умертвить его хочу я ночью,
Ввиду того, что здесь, во всей стране,
В могуществе никто с ним не сравнится.
Теперь, тебе свою доверив тайну,
Я расскажу, зачем мы здесь сегодня.
Три дня тому назад, переодетый,
Я прибыл в этот город, как ты знаешь,
И вот две ночи, как закутан в плащ,
Искал врага на улице и в доме,
Где он живет, но дважды, неизвестный,
Закутанный до самых глаз плащом,
Приблизясь, помешал мне это сделать.
Меня он подзывает, но едва
Я подхожу, он тотчас исчезает
С такой непостижимой быстротой,
Как будто бы его уносит ветер.
Я взял тебя нарочно с тою целью,
Чтоб он не мог сегодня ускользнуть,
Когда захочет вновь сюда явиться.
Стеснивши с двух сторон его, узнаем,
С кем мы имеем дело.

Паулин

С двух сторон?

Людовико

Ну, да, нас двое.

Паулин

Я никто.

Людовико

Никто?

Паулин

Совсем никто, и даже неспособен
Сойти за половину, если правда —
Все, чем меня сейчас ты напугал.
Я с господами призраками? Нет,
Благодарю покорно. Я с почтенным
Чистилищем? О, нет, я никогда
Не путался в дела другого мира.
На это есть достаточно причин.
Пусть тысяча людей меня захочет
Убить, — я убегу от всей толпы, —
От одного бежать сумею даже:
И, правда, не безумие ли это,
Не глупость ли, достойная людей
Свихнувшихся, — желать своей же смерти
Из нежеланья тягу дать, меж тем как
Так мало это стоит. Жизнь свою
Ценю я очень. Лучше, если можно,
Позволь, я здесь останусь, а потом
За мной вернись.

Людовико

Вот дом его. Сегодня
Хочу убить Филипо. Посмотрю я,
Угодно ль будет небу дать ему
Защиту, — защитит ли. Здесь постой.

СЦЕНА 2-я

*Неизвестный, закутанный в плащ.—
Людовико, Паулин.*

Паулин

Стоять не стоит. Вон идет там кто-то.

Людовико

Какое счастье, если мне удастся
Отмстить обоим сразу. Прежде чем
Убить Филипо, с этим рассчитаюсь.
Один. Да, это он. Я узнаю
Его походку, может быть, вернее,
Я потому узнал его, что в нем
Есть что-то, что страшит меня, что в душу
Внедряет изумленье.

Неизвестный

Людовико!

Людовико

Уже вторая ночь, как я вас, рыцарь,
Встречаю здесь. Зачем, зовя меня,
Вы в бегство обращаетесь,— желая
Меня увидеть, для чего же вы
Так быстро исчезаете?

Неизвестный

Идите

За мной, и вы узнаете, кто я!

Людовико

Есть кое-что, чем я удержан здесь,
Я должен, вас убив, убить другого.
(Обнажает шпагу.)

Хотите ль вынуть шпагу или нет,

Мои две мести так осуществлю я.
*(Ударяет шпагой;
удары приходятся в воздух.)*
Но что это! я ударяю воздух.
Отрежь ему дорогу, Паулин.

Паулин

Я резать не умею.

Людовико

Так за вами
Пойду, не уклоняясь ни на шаг,
И я узнаю, кто вы? *(В сторону.)*
Но напрасно
Его хочу убить я. Видит Бог,—
Как молния, лишь ранит воздух шпага,
Его же я не в силах поразить,
К нему мне невозможно прикоснуться.
*(Идет за ним, продолжая ударять его
шпагой, но не будучи в силах
прикоснуться к нему.)*

СЦЕНА 3-я

Филипо.— Паулин.

Паулин

Прошу покорно! Чуть один ушел,
(В сторону.)
Другой идет; подумать можно, право,
Что я святой Антоний¹,— все кругом
Виденья, привиденья. Давай-ка,
Я спрячусь здесь у двери,— он меж тем
Пройдет.

Филипо

О, дерзновенная любовь!

Ты делаешь меня — в любви счастливым,
Даруя мне властительное царство.
Полония в пустыню удалилась
И там живет одна среди утесов,
Гражданкой гор, островитянкой скал.
От царства отреклась она, сказавши,
Чтоб Лесбии престол принадлежал.
И я, не так взволнованный любовью,
Как тайною корыстью, ей служу,
Величество отныне обожаю.
Я подхожу к окну ее и слышу
Бесчисленные нежные слова.
Но что это? Как раз у двери дома
Я ночью натыкаюсь каждый раз
На незнакомца. Кто бы это был?

П а у л и н

Идет ко мне. Но что же, между прочим,
Влечет ко мне всех этих привидений?
(В сторону.)

Ф и л и п о

Скажите, рыцарь...

П а у л и н

Я не отвечаю
На данный возглас. Это не ко мне.

Ф и л и п о

Здесь дом мой.

П а у л и н

Ваш? Пускай и будет вашим,
Владейте им столетья, и да будет
Он навсегда свободен от постоя.

Ф и л и п о

Раз вам необходимо здесь остаться,—

В чем воля ваша полная,— прошу вас,
Посторонитесь, дайте мне пройти.

П а у л и н (*в сторону*)

Он говорит учтиво и с опаской.
Как кажется, и меж ночных теней
Порою можно видеть мокрых куриц.
Здесь дело у меня, или, вернее,
(*К Филипо.*)

Мне дела нет. Посторониться можно.
Несправедливо было бы мешать
Тому, кто спать идет.

Ф и л и п о

Располагайтесь.

(*В сторону.*)

И храбрые же призраки здесь бродят.
Когда домой я ночью возвращаюсь,
Какой-то человек ко мне подходит,
Но чуть в него внимательно взглянусь,
Как раз он на пороге пропадает.
А, впрочем, что мне в том?

(*Уходит.*)

(*Паулин обнажает шпагу и размахивает
ею в воздухе.*)

П а у л и н

Ушел. Теперь
Необходимо вот что! Хладный призрак,
Остановись, не уходи, скажи,
Ты женского или мужского рода!
Нет, видит Бог, убить его не в силах.
Я шпагою лишь разрезаю воздух.
Но если он и есть тот самый рыцарь,
Которого мы ожидаем здесь,

Счастливым же он человек, ей-Богу:
Он спать к себе пошел. Вот — вот опять
Я слышу голоса и звук оружия.
Оттуда шум, бегу, но не туда.

(Уходит в противоположную сторону.)

Другая улица.

СЦЕНА 4-я

Неизвестный, закутанный в плащ.— Людовико.

Лю до в и ко

Здесь улица другая; если прежде
Мешало поединку что-нибудь,
Здесь можно встать лицом к лицу свободно,
И так как вас ударить не могу я
Своею шпагой, я хочу узнать,
Кто вы. Ответьте мне сейчас же, кто вы?
Вы человек, иль призрак, или демон?
Молчание? Так я же с вас сорву
Ваш плащ, узнаю...

(Срывает с него плащ и видит скелет.)

Боже, что я вижу?

О, ужас, о, чудовищность, кто ты?
Застывший труп², живущий прах и дым?

Не и з в е с т н ы й

Не узнаешь? Я точный образ твой.
Я Людовико Энио. *(Исчезает.)*

Лю до в и ко

О, Боже!

Что вижу я, что слышу я, Создатель!
Коснулся до несчастий и теней.
О, смерть моя. *(Падает.)*

СЦЕНА 5-я

Паулин.— Людовико.

Паулин

Я слышал громкий возглас.
То голос господина моего.
Я вовремя явился. Господин мой!

Людовико

Чудовище, зачем ты вновь приходишь?
Ты видишь, звуком слов твоих сраженный,
Я побежден.

Паулин *(в сторону)*

Эге, он помешался. *(К Людовико.)*
Какое я чудовище? Я просто
Слуга твой, Паулин, глупец тот самый,
Что за тобой пошел, Бог весть зачем.

Людовико

А, Паулин, со мной случилось что-то,
Такое, что тебя я не узнал.
Но, впрочем, что ж тут странного, когда я
Себя не знаю. Ты, быть может, видел
Ужасного сухого мертвеца,
Умершего,— с душою человека,—
Не человека, только грубый остов,
Его костям отказано в одежде
Из плоти, руки холодны, недвижны,
Его нагое тело безобразно,
В глазных глубоких впадинах нет глаз.
Куда исчез он?

Паулин

Если бы его
И видел я, о том сказать не мог бы:

Я в тот же миг упал бы наземь мертвый,
Мертвей, чем он.

Л ю д о в и к о

Смерть овладела мною.
Смерть овладела всем. Дух занялся,
Немеет голос, грудь моя застыла,
В моих ногах я чувствую свинец.
Я видел, как два полюса всей мощью
Нависли надо мной, как на плечах
Я должен был поддерживать их тяжесть.
И мнится, что из каждого цветка
Вздывается, глядит подводный камень,
Из каждой розы смотрит исполин,
Разорвана земли глухая впалость,
Из чрева хочет выбросить она
Всех мертвецов, хранимых ей во прахе.
Я видел между ними Людовико.
О, небо милосердное, сокрой
Меня от самого меня, дозвожь мне
Исчезнуть в самом дальнем средоточьи.
Пусть я себя не вижу, ибо сам
Себя не знаю я! Но нет, я знаю
Я знаю, это я был тем безумным
Чудовищем надменности, что даже
На Бога посягнул; да, я — тот самый,
Я совершил так много темных дел,
Что, если б Бог ко мне был справедливым
И мне назначил пытки адских мук,
Чтоб я страдал, пока он будет Богом,
Я в малое вменил бы эту казнь.
Но также знаю я, что преступленья,
Соделанные мною против Бога,
Свершил я против Светлого Творца,
Такого милосердного, такого
Великого, что я могу снискать
Прощенье, если в муке покаянья

Я выплачу грехи мои. Я полон
Раскаянья, о Боже, и чтоб ныне
Представить доказательство того,
Что, став другим, я вновь рождаюсь в мире,
Себя в Твою десницу предаю.
Суди меня судом не правосудным,
Суди по милосердью Своему.
Воззри и укажи мне, о Творец мой,
Какую в покаянье взять мне кару, —
Я покорюсь. Что будет воздаяньем
За жизнь мою?

Музыка (за сценой). Чистилище.

Л ю д о в и к о

О Боже,

Что слышу? Эти звуки так певучи,
Они мне представляются лучом,
В них свет небес, таинственно блеснувший
Для грешника любовью состраданья.
В них узнаю внушение Господне,
Хочу вступить в чистилище Патрика,
И набожный, смиренный и покорный,
Сдержу я слово, данное ему,
Его увижу, если только будет
Даровано такое счастье мне.
О, пусть мое решение сурово,
И страшно, потому что выше сил
Противиться всем ужасам и пыткам,
Что демоны грехам уготовляют, —
Соделанные мною преступления
Настолько ж были страшны и суровы.
Врачи, леча опасную болезнь,
Всегда к опасным средствам прибегают.
Поди и ты со мною, Паулин:
Увидишь ты, как в горести я наземь
Повергнусь пред епископом, как я,

Чтобы сильнее был великий ужас,
Все, все грехи открою в громких воплях.

Паулин

Ну, нет, уж если так, ступай один,
Для храбрецов не нужен провожатый,
И никогда не слышал я, чтоб в ад
С лакеем уходили. Лучше снова
Отправлюсь я в родимую деревню
И буду жить в ней мирно, а насчет
Видений там и всяких привидений,
Так мне супруги хватит за глаза. *(Уходит.)*

Людовико

Открыто я творил мои грехи,
И пусть открытым будет покаянье.
Пойду как исступленный, громогласно
Крича о преступлениях моих.
О, люди, звери, горы, сферы неба,
Толпа утесов, нежные растенья,
Сухие вязы,— все вострепешите,
Я Людовико Энио,— дрожите
При имени моем, отныне я —
Чудовище смирения,— я, бывший
Чудовищем надменности. Я верю,
Надеюсь, что увидите меня
Вы более счастливым, если только
Патрик во имя любящего Бога
Поможет мне в чистилище своем.
(Уходит.)

*Лес, в средоточии которого виднеется гора;
с нее спускается Полония.*

СЦЕНА 6-я

Полония

О, Боже, мне хотелось бы, чтоб в этом

Пустынном одиночестве мой разум
С Тобою слил все помыслы мои,
И, радуясь быть щедрой пред Тобою,
Хотела б я, о, Господи, чтоб каждый
Из помыслов моих душою был.
Я для тебя хотела бы оставить
Не царство незаметное, а страны
Великие, над пышностью которых
Проходит в блеске царственное солнце,
Идя по многочисленным кругам.
Вот этот домик, скудный и смиренный,
Глухое порожденье этих скал,
Есть для меня как бы восьмое чудо,
Превосходя своим пространством тесным
Величие дворца с его сияньем.
О, лучше видеть первый проблеск дня,
Когда заря в объятиях рассвета
Роняет, плача, капли жемчугов,
И солнце, выплывая, гасит звезды:
О, лучше видеть ночь, когда она,
С высот спускаясь в яркой колеснице,
Нисходит к морю, в волны погружаясь,
Что плещут вокруг Испании; о, лучше
И днем и ночью в гимнах и молитвах
Тебе слагать немолчные хвалы,
Чем видеть блеск надменности, со свитой
Безумного тщеславия, меж тем как
(Что может быть ужасней?) эта жизнь
Есть только тень мерцаний преходящих.

СЦЕНА 7-я

Людовико. — Полония.

Людовико (в сторону)

Мой дух исполнен твердости и силы,
Он мне велит пещеру отыскать,

Где я найду, как Небо мне сказало,
Желанное спасение, пройдя
При жизни в ней чистилище.

(К Полонии.)

Ответь мне,
О, неземная,— чье жилище здесь,
Пред этим горизонтом, по соседству
С вершиной гор,— ты можешь ли сказать,
Где путь идет к чистилищу Патрика?

Полония

Счастливый странник, ныне возжелавший
Сокровища божественных святых,
Ни с чем в своем богатстве не сравнимых,
Тот путь я указать тебе могу,
Здесь для того лишь только и живу я.
Ты видишь гору?

Людовико

Вижу — (в сторону)
смерть мою.

Полония (в сторону)

Душа, что ты увидела? О, горе!

Людовико (в сторону)

Она ли это, нет, не верю.

Полония (в сторону)

Он ли?

Не в силах допустить.

Людовико (в сторону)

Полония.

Полония (в сторону)

То Людовико.

Людовико (в сторону)

Это был обман,
Чтоб отвратить меня от правой мысли.

(К Полонии.)

Так продолжай.

Полония (в сторону)

То общий враг людей
Хотел меня смутить обманной тенью.

Людовико

Что ж ты не продолжаешь?

Полония

Продолжаю.

В горе сокрыто чудо, там, внутри,
Но, по земле идя, никто не может
Достигнуть средоточия ее.

По водному пути его достигни,
По озеру ты можешь плыть в ладье.

(В сторону.)

И мстить хочу и жалость мне мешает.

Людовико (в сторону)

Передо мною новое блаженство,
Ее внимаю голос, на нее
Гляжу.

Полония (в сторону)

Веду борьбу сама с собою.

Людовико

Что ж ты не продолжаешь?

Полония

Продолжаю.

Со всех сторон гора окружена
Тем озером глубоким. Но спокойно
Достигнешь ты обители священной,
Что посредине острова стоит.
Там иноки живут, их попеченью
Доверена забота — неусыпно
Беседовать со всяким, кто захочет
При жизни пострадать, — молиться с ним,
Давать ему особые советы,
Узнать его грехи и заставляя
Пройти сквозь целый ряд предупреждений,
Сквозь многие обряды.

(В сторону.)

Пусть же этот
Свирепый враг не льстит себя надеждой,
Что сможет победить меня.

Л ю д о в и к о (в сторону)

Так пусть же
Надежда не отчаётся моя!
Тягчайший грех свой вижу пред собою,
И манит он меня и завлекает,
Чтоб о вину споткнулся я, — напрасно:
В борьбе с собой себя я покорю.

П о л о н и я (в сторону)

С каким врагом опасным я столкнулась!

Л ю д о в и к о

Что ж ты не продолжаешь?

П о л о н и я

Продолжаю.

Л ю д о в и к о

Но сократи рассказ свой, потому что
Душа мне говорит, что должен я
Скорей уйти.

П о л о н и я

И для меня так важно,
Чтоб ты скорей ушел.

Л ю д о в и к о

Так отвечай мне,
О, женщина, где путь мой сокровенный?

П о л о н и я

Никто в сопровождении другого
Отсюда не уходит. Потому
По льдистой сфере озера ты должен
Пройти в ладье, владыкой полновластным
Своих свободных действий. Сядь в ладью,
Она вон там, доверься Богу только,
И быстро путь направь по этой ясной
Поверхности кристальной глубины.

Л ю д о в и к о

Да, в этом жизнь моя! Итак, доверюсь
Ладье. О, что за ужас возникает
В моей душе! Ладья как будто гроб.
И я один отправлюсь в путь по снежной
Поверхности. (*Входит в лодку.*)

П о л о н и я

Смотри, не возвращайся,
Стремись вперед и будь исполнен веры.

Л ю д о в и к о (*за сценой*)

Полония, я победил тебя.
Я победил. Твой вид меня не тронул.

П о л о н и я

Я победила в этом Вавилоне
Смятение и гнев.

Л ю д о в и к о (за сценой)
Твой призрак ложный,
С правдивостью заемною его,
Меня не покори́л, хоть предо мною
Ты видимую форму приняла,
Чтоб я оставил цель свою, утратив
Надежду.

П о л о н и я

Ложно страх тебе сказал,
О, бедный духом, страхами богатый!
Нет, Людовико, пред тобой не тень,
А та, кого убил ты; здесь живу я
Счастливее, чем там, где я была,
Счастливая в печальном состояньи.

Л ю д о в и к о (за сценой)

О, если так, душа да скажет грех свой,
Да тяготит над ней ее вина!
Прости мне все грехи мои.

П о л о н и я

Прощаю.
Твое стремленье сердцем одобряю.

Л ю д о в и к о (за сценой)

Несу с собою веру.

П о л о н и я

Лишь она
Тебя освободит.

Л ю д о в и к о (за сценой)

Господь с тобою.

П о л о н и я

Прощай,
Господь с тобою.

Л ю д о в и к о (за сценой).

Да смягчит
Свою суровость Он.

П о л о н и я

И да исторгнет
Тебя из этих ужасов победно.
(Уходит.)

Вход в монастырь; в глубине пещера Патрика.

СЦЕНА 8-я

Два инока; потом Людовико.

И н о к 1-й

Хоть ветра нет, а волны поднялись.
Должно быть, ныне странник направляет
Путь к острову.

И н о к 2-й

Пойдем на берег, взглянем,
Кто сердцем так бесстрашен, что решился
В жилище наше темное прийти.
(Входит Людовико.)

Л ю д о в и к о

Ладью волнам я вверил, или гроб,
Сказать вернее. Кто в своей гробнице
Переплывал через огонь и снег?
Кто, как не я? О, как здесь все красиво!
Как будто бы на праздник свой весна
Созвала целый рой цветов, — и пышных,
И скромных по незнатности своей.
А как печальна та гора, другая!
Они настолько меж собой различны,
Что их контраст взаимный — между ними
Усиливает дружбу. Там поют

Печальные, неведомые птицы,
Внушая страх тоскою горьких жалоб,
Здесь радостные птички навевают
Своим веселым пением любовь;
Там с темных скал срываются потоки
И с ужасом грохочут и кипят;
Здесь тихие ручьи скользят, и солнце
Повторено в зеркальности их вод.
В середине, меж чудовищностью этой
И этой красотой чело свое
Вздывает зданье, полное величья,
Внушая мне смущенье и любовь.

Инок 1-й

Счастливый странник, ныне полный света
Решимости, приди в мои объятия.

Людовико

Скорее здесь, во прахе, я пребуду,
У ног твоих. Вот так. Прошу тебя,
Скажи, как настоятеля увидеть?

Инок 1-й

Он, недостойный, здесь перед тобою,
Скажи мне, в чем твое недоуменье.

Людовико

Боюсь, отче, вымолвить, кто я.
Боюсь, что в страхе прочь бежишь, услышав
Мое везде ославленное имя.
О, столь дела чудовищны мои,
Что даже солнце траурною тканью
Скрывает лик, чтоб только их не видеть.
Я мрачное вместилище грехов,
Я бездна, свиток, полный преступлений,
Я мрак, я величайший грешник в мире;
И, чтобы все сказать тебе в одном,

(И здесь меня дыханье покидает),
Я Людовико Энио. Пришел,
Чтобы вступить в пещеру. Если есть в ней
Для стольких прегрешений искупленье,
В ней дух мой да предастся покаянью.
Уж отпущенье я себе снискал,
Епископу Гибернии поведал
Грехи; мое намеренье узнав,
Меня он, полный кротости, утешил
И благосклонно дал к тебе посланье.
(Отдает письмо.)

И н о к 1-й

Решение такое, Людовико,
Нельзя принять в один короткий день.
Необходимо все это обдумать,
Побудь у нас здесь гостем; а потом
Дня через два пространно все обсудим.

Л ю д о в и к о

Нет, отче, нет! Не встану от земли,
Пока мне не даруешь разрешенье.
Благоволенье Божие меня
Направило сюда, внушенье свыше,
Не суетность, не гордость, не желанье
Распутать то, что тайной сделал Бог.
Не истолкуй моей мольбы превратно —
В ней высшее призвание мое.
Отец мой, милосердия, пощады!
Будь благосклонен к горести моей,
Дай облегченье скорби, утешенье
Моей тоске жестокой.

И н о к 1-й

Во вниманье
Того не принимаешь, Людовико,
Что многого ты просишь. Попытки ада

Перед тобой, ты должен их пройти.
Чтоб претерпеть их, мужества не станет.
И многие вошли, о, Людовико,
Туда, но мало кто оттуда вышел.

Л ю д о в и к о

Не устрашат меня угрозы эти.
Я говорю: меня грехи пугают,
Я от грехов очиститься хочу,
Число их превзошло пылинки солнца,
Песок морей. На Бога полагаю
Всю веру, светлым именем Его
Ад побежден.

И н о к 1-й

Увидев это рвенье,
Готов тебе я дверь открыть теперь же.
Вот, Людовико!

(Открывает вход в пещеру.)

Л ю д о в и к о

Господи помилуй!

И н о к 1-й

Уже поколебался?

Л ю д о в и к о

Нет, но ужас
На миг невольно сердцем овладел.

И н о к 1-й

Тебя вторично я предупреждаю,
Коль у тебя причины нет великой,
Коль только ты не думаешь достигнуть
Прощенья прегрешениям своим,
В пещеру не входи.

Л ю д о в и к о

Вот, я уж в ней,
Услышите громкий голос мой отсюда,
О, люди, звери, горы, небеса,
О, день и ночь, о, звезды, солнце, месяц,
Тысячекратно слово я даю,
Тысячекратно здесь я подтверждаю,
Что пытки претерпеть я жажду, ибо
Так грешен я, что это покаянье —
Ничто для искупления грехов,
Иду, чтоб здесь найти мое спасенье.

И н о к 1-й

Коль так, иди, и пусть в твоей душе
И на твоих устах пребудет имя
Христа.

Л ю д о в и к о

Да не оставит Он меня.
Господь, Господь! Вооруженный верой
В Тебя, в открытой битве нахожусь
С моим врагом; Твое святое имя
Да ниспошлет победу мне над ним;
Тысячекратно знаменье креста
Я сотворю. Господи помилуй!

(Входит в пещеру; вход за ним запирают.)

И н о к 1-й

Из всех, кто ни вступал сюда, никто
Не обладал таким бесстрашным сердцем.
О, дай ему, Христос, настолько сил,
Чтоб искушенья демонов распались,
О, дай ему, в Тебя, Владыко, верить!

(Уходят.)

СЦЕНА 9-я

Лесбия, Филипо, Леогарио, Капитан, Полония.

Л е с б и я

Нет, прежде чем туда пойти, куда
Зовут твои нас доводы, мы скажем,
Зачем сюда пришли; мы все хотели
Увидеться с тобой: одно решенье
Мы приняли.

П о л о н и я

Идемте; по дороге
Расскажете мне все. Я вас веду,
Чтоб удивились высшему вы чуду,
Какое только видел взор людской.

Л е с б и я

А мы тебе, Полония, хотели
Сказать одно. Ты пожелала здесь
Жить между гор и сделала меня
Пожизненной наследницею царства;
И я тебе хотела сообщить
Намеренье мое. Твоя пусть воля
Моею будет, жажду повелений,
А не советов. Женщина не может
Решений принимать, а потому
Ей нужно выйти замуж.

П о л о н и я

Справедливо

Ты говоришь, и если твой жених
Филипо, я сердечно одобряю.
Моя любовь тебя во всем обяжет,
Тебе даю я вместе с царством мужа.

Ф и л и п о

Да будешь жить ты целые века,
Все новые и новые, как солнце,

Что каждый день встречает смерть и снова
Рождается, или как светлый феникс,
Что восстает из своего костра.

П о л о н и я

Теперь желанье ваше совершилось,
Так слушайте ж внимательно меня,
Хочу сказать, зачем сюда веду вас.
Есть некий человек, всем вам известный,
Объятый крайним рвением, он пришел,
Чтоб отыскать чистилище Патрика
И претерпеть в нем пытки; в ту пещеру
Вступив, сегодня выйти должен он.
И чтобы с вашим страхом изумленья
Сравнялось, я сюда вас привела,
Да узрите святое это чудо.
Я раньше не сказала вам об этом,
Дабы испуг помехой не явился,
Вот почему вы здесь со мной теперь.

Л е с б и я

Сестра, ты справедливо поступила.
Я рада, хоть и страшно мне.

Ф и л и п о

Мы все
Хотим узнать, как много в этом правды.

П о л о н и я

Ему, быть может, смелость изменила,
Тогда не выйдет он из тех глубин,
И в этом мы его увидим кару;
А если из пещеры выйдет он,
Мы от него узнаем сокровенность,
Что скрыта здесь, — когда благополучно
Выходит тот, кто так объят испугом,
Что говорить не может, убегая

От всех людей, в пустынные места,
Чтоб быть наедине с самим собою.

Л е о г а р и о

Великие неведомые тайны!

К а п и т а н

Мы вовремя приходим. Вон, глядите,
Отшельники, безмолвствуя, в слезах,
Идут открыть угрюмый вход в пещеру.

СЦЕНА 10-я

*Инокки приближаются ко входу, ведущему
в пещеру, и открывают его; из нее выходит
Людовико, объятый изумлением. — Те же.*

И н о к 1-й

О, Господи, открой врата свои
Для наших слез и воплей. Этот грешник
Да победит жестокие темницы,
Где нет виденья лика Твоего.

П о л о н и я

Открыли!

И н о к 1-й

О, какое утешенье!

Ф и л и п о

Смотрите, Людовико!

Л ю д о в и к о

О, Всевышний,
Возможно ли, прошли века; и вновь
Я на земле и вижу свет небесный!

К а п и т а н

Как он смущен!

Л е о г а р и о

Как страшно он взволнован!

И н о к 1-й

Приди в объятия к каждому из нас!

Л ю д о в и к о

От сердца обниму вас всех. И видя,
Полония, тебя, я стану думать,
Что лишь по милосердью твоему
Моим грехам даровано прощенье.
И ты, Филипо, знай, что я хотел
Тебя убить, подстерегал две ночи,
Но ангел спас тебя от верной смерти.
Прости мою вину. И умоляю,
Дозвольте мне теперь уйти отсюда,
Бежать от самого себя со страхом,
Сокрыться в средоточие земли:
Хочу навек от мира удалиться, —
Кто видел то, что видел я, тот должен
Дожить остаток жизни в покаяньи.

И н о к 1-й

Итак, во имя Бога, Людовико,
Велю тебе, чтоб ты нам рассказал,
Что видел.

Л ю д о в и к о

Не противлюся такому
Святому повеленью, и чтоб в страхе
Проснулся мир, чтоб не жил человек
Умершим во грехе, и отозвался
На зов мой, — начинаю свой рассказ.
Пройдя сквозь целый ряд предупреждений,
Торжественных и требуемых в деле
Такой глубокой важности, — исполнен
И мужества и стойких упований,

Простился я со всеми, чтоб войти
В пещеру. Дух мой Господу я предал,
И в сердце многократно повторяя
Святые сокровенные слова,
Которых духи тьмы в аду страшатся,
Вступил я на порог и, ожидая,
Чтоб вход замкнули, так и оставался
Один, недвижно, несколько мгновений.
Замкнули, наконец, его, и я
Во мраке ночи темной очутился,
И так глаза о свете заскорбели,
Что я закрыл их: вечно так бывает
С тем, кто во мраке хочет видеть: я
Пошел вперед с закрытыми глазами,
Пока не прикоснулся до стены,
Что находилась прямо предо мною.
Не больше двадцати шагов прошел я,
Идя вдоль той стены, как натолкнулся
На темную скалу и там заметил,
Что в узкую расселину ее
Проходит свет, который не был светом,
Как то бывает в час, когда заря
Едва-едва займется на востоке, —
И думает в сомненьи полумрак,
Светает там вдали, иль не светает.
Я повернул налево, осторожно
Ступая по тропинке, и когда
Достиг ее конца, вдруг подо мною
Земля заколебалась, и как будто
Готовый провалиться, зашатавшись,
Я потерял сознание, но тут
Ужасный гром загрохотал во мраке
И пробудил меня от забытья.
Земля передо мной разверзлась, мне
Почудилось, что я низринут в недра,
До центра глубины, и глыбы праха,
И камни, полетевшие за мною, —

Моей могилой были. Я упал
И очутился в яшмовом чертоге,
Что создан был умелыми руками,
С искусством, полным знанья и ума.
Раскрылись тотчас бронзовые двери,
И подошли ко мне, числом двенадцать,
Какие-то неведомые люди,
Все в белое одетые, — меня
Приветствуя смиренно и учтиво.
Один из них, по-видимому, старший,
Сказал мне: «Упование свое
На Бога положи, и помни это,
Не падай духом, демонов увидя,
Хотя б они и мучили тебя;
И знай, что если только ты поддашься
Угрозам их иль обещаньям лживым,
Ты навсегда останешься в аду».
Казалось мне, что ангелов я вижу,
А не людей; меня их увещанья
Ободрили настолько, что как будто
Вторично пробудился я! И вот
Вся комната огромная внезапно
Заполнилась видениями ада
И духами мятежными, такими
Ужасными на вид, что их ни с чем
Сравнить нельзя. Один из них сказал мне:
«Глупец, неосмотрительный безумец,
До времени возжаждавший изведать
Возмездие, что ждет тебя, узнать
Заслуженные пытки; если так
Твои грехи велики, что ты должен
Быть осужден, — и, правда, нет тебе
Пред Богом милосердия! — зачем ты
Пришел за осуждением твоим?
Вернись, вернись на землю, чтоб исчерпать
Всю жизнь свою, и, как ты жил, умри.
Тогда приди взглянуть на нас, мы будем

Все в сборе, ад тебе готовит место,
Что вечно сохранится за тобой».
Ему в ответ не молвил я ни слова.
И вот, схватив меня и осыпая
Свирепыми ударами, они
Связали руки мне, связали ноги,
И стали жечь меня, и стали ранить
Стальными острями, волоча
По спутанным и темным переходам;
Зажгли костер и бросили в огонь.
«Спаси меня, Христос!» — воззвал я с верой, —
Бежали злые демоны, огонь
Утих, погас, и вмиг его не стало.
И тотчас увлекли меня к равнине,
Где вместо роз, взамен гвоздики алой,
Взрастила тёрны черная земля,
Росли волчцы. И ветер, пролетая,
Пронизывал насквозь, — в сравненьи с ним
Казалась вздохом — режущая шпага.
Во впадинах чудовищных пещер
Стонали осужденные угрюмо,
Отцов и дедов громко проклиная.
И столько было муки в голосах,
Произносивших нагло богохульства,
И столько там отчаяния было,
Когда тысячекратно повторялись
Проклятия и вопли без конца,
Что, им внимая, демоны дрожали.
Пройдя, я очутился на лугу,
Цветы там были пламенем, — как это
Бывает в знойном августе, когда
В полях поспеет жатва. И равнина
Была так велика, что глаз нигде
Не находил конца; там возлежали
Толпы людей на ложах из огня;
Один лежал, подвижными пронзенный
Гвоздями раскаленными; другой

Был крепко пригвожден к земле; иные
Лежали, а ехидны из огня
Их внутренности рвали; тот грызет
Зубами землю, бешенством объятый;
Иной готов изгрызть себя в куски,
Чтоб сразу умереть, — и оживает,
Чтоб умирать еще, еще, и снова.
Туда я брошен был рабами смерти,
Но ярость их смирилась и пропала,
Как дым, пред кротким именем Христа.
Пройдя вперед, я новое увидел:
От страшных пыток раненых лечили,
Прикладывая к ранам их свинец
Расплавленный, с пылающей камедью,
Иное прижигательное средство.
О, кто тут в сокрушенье не придет!
О, кто не воздохнет, не возрыдает!
О, кто не вострепещет, усомнившись!
И вот вокруг одного из этих зданий
Сквозь двери и дымящиеся стены
Прорвались ярко полосы огня;
Как будто дом внезапно загорелся,
И пламя выходило, где могло.
«Вот, — мне сказали, — дом увеселений,
Купальный замок женщин тех, что в жизни,
Желаниям бесстыдным повинуюсь,
Всем сердцем возлюбили ароматы,
Прикрасы, умашенья и купанья».
Вошел я внутрь и увидал в пруду
Из снега — женщин редкой красоты.
Их множество там было, все дрожали
В воде, среди ужей и змей, что были
Для этих волн — как рыбы и сирены;
Замерзшие их члены были видны
В кристальности прозрачной льдистых вод;
Стояли дыбом волосы и были
Оскалены их зубы. Вышел я,

И тотчас увлекли меня на гору,
Высокую такую, что она
Своим челом, пройти желая небо,
Когда не порвала, то отогнула
Покров небес лазурный. Посредине
Вершины той находится вулкан,
Он дышит и выбрасывает пламя,
Огонь кидает в небо, как слюну.
Из этого вулкана, из колодца,
От времени до времени исходит
Огнистый ток, и в том потоке души,
И выйдут, и войдут, чтобы снова скрыться,
И много их, и много-много раз
Восходят и нисходят эти души.
Подвижный воздух током раскаленным
Схватил меня и, от горы отторгнув,
Переместил внезапно в глубину.
Я вышел из нее, и вот примчался
Другой воздушный ток, неся с собою,
Толпами, легионы сотен душ,
И силою столкнувшихся порывов
Я был перенесен в иное место,
И мнилось мне, что, виденные мною,
Все души здесь собрались, и хотя
Их пытки были здесь еще сильнее,
Они на вид спокойные стояли,
Все с радостными лицами, и воздух
Не оглашали криком нетерпенья,
И в небеса вперив упорный взор,
Как тот, кто ожидает милосердья,
Роняли слезы нежные любви;
И понял я, что это место было
Чистилищем, и так в нем очищались
От прегрешений легких. Не смутили
Меня угрозы демонов, что я
Пройти сквозь все мученья эти должен,
Напротив, я ободрился. И, видя,

Как постоянно мужество мое,
Они мне приготовили возмездье
Страшнейшее из всех, чье имя — ад:
Они меня к реке широкой взяли,
На берегу росли цветы огня,
А по руслу ее бежала сера;
Кишели в ней уродливые гидры
И змеи, как чудовища морские,
И страшно широка была она,
А мост через нее тянулся узкий,
Как линия, не больше, и такой
Непрочный, что, казалось, невозможно
Пройти и не сломать его. Сказали
Мне демоны: «По этой-то дороге
Ты должен совершить свой переход.
Взгляни, как перейдешь; и чтобы ужас
Тебе сказал, — взгляни, как переходят».
Я посмотрел и явственно увидел,
Что все, кто этот мост хотел пройти,
Срываясь, низвергались в волны серы,
И змеи грызли их, и рвали гидры
Когтями их на тысячи кусков.
Я назвал имя Бога — Бог помог мне,
И мужество нашел я, чтоб свершить
Свой переход, и мне не страшны были
Ни волны, угрожавшие мне снизу,
Ни ветер, что свирепо бил меня.
Дошел я до конца и очутился
В лесу, таком пленительном и пышном,
Что я возликовал, и дух отвлекся
Ото всего, что было. Путь лежал
Среди деревьев райских — кедров, лавров,
Здесь бывших на своем достойном месте.
Земля была усеяна цветами,
Гвоздиками и розами, как будто б
То был узорный шелковый ковер,
Зеленый, белый, алый. Светлый воздух

Был полон пенья самых нежных птиц,
Звучавшего и сладостно и грустно,
В созвучьи с многотысячным журчаньем
Кристалльных вод ручьев. И вдалеке
Возвышенный возник пред взором город,
Венчало солнце башни и дворцы;
Врата его, из золота, сверкали
Огнями бриллиантов, изумрудов,
Рубинами и горным хрусталем.
Они раскрылись, прежде чем успел я
До них дойти, и вышла мне навстречу
Процессия святых; там были старцы,
И женщины, и юноши, и дети,
И были все объаты ликованием.
Под звуки сладко-нежных инструментов
Запели Серафимы звучный гимн,
И ангелы ответили им хором.
Вослед за всеми, блеском окруженный,
Пришел Патрик, великий патриарх,
И заключил меня в свои объятия,
За то, что обещанье я сдержал,
Его до смерти раз еще увидел, —
И радовались все на эту радость.
Ободрил он меня, и мы простились,
Он мне сказал, что смертные не могут
Войти в прекрасный град, где свет не меркнет,
И мне велел вернуться в этот мир.
Пройдя свою дорогу без помехи,
Вернулся я назад, и злые духи
Не смели прикоснуться до меня,
И только что успел достигнуть входа,
Как вы пришли, чтоб встретить здесь меня.
И так как из опасности я вышел,
Дозвольте, милосердные отцы,
Здесь жизнь дожить мне, смерти ожидая.
Да завершится здесь повествованье,
История события, о котором

Свидетельствует ясно Дионисий
Картезианец, Генрих Сальтаренский,
Матеус, и Ранульф, и Гейстербах,
Момбрицио, Марко Маруло, Рото,
И Беллярмин, Гибернии примас,
Бенедиктинец Бэда-проповедник,
И Фраи Димас Серпи, и Солино,
И Томас Мессингам³, и благочестье
Всех христиан, своим правдивым словом
Дающих подтверждение ему.
И посему да завершится драма,
И да начнутся громкие хвалы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

НА ПУТИ
К НЕ ОТКРЫТОМУ ДО КОНЦА
КАЛЬДЕРОНУ

1

КАК СЛОЖИЛОСЬ ЭТО ИЗДАНИЕ

Почти каждому великому, привлекающему к себе внимание читателей поэту грозит, что он станет предметом не только серьезного изучения, но и мифа. Причем в науке XX столетия, насыщенной страстной борьбой идей, такой миф — нередко «черная легенда». Целая научная школа, особенно в немецкой испанистике первой половины XX в., пыталась связать не только что Кальдерона, но и Сервантеса, и Лопе де Вега с самыми мрачными течениями испанской мысли XVI—XVII вв. Когда же пишут о Кальдероне, то, бывает, можно подумать, что ученый будто не знаком с испанской историей и вычеркнул из своей памяти острейшую за все века прежнего литературного развития идейную борьбу вокруг театра в Испании XVI—XVII вв. («Этот спор о комедиях,— писал в 1676 г. один из участников борьбы с «черной» стороны, отец Томас де Ресуррексон,— есть одна из самых кровавых и длительных битв в истории испанской нации»; а архиепископ Севильский Педро де Тапия твердил, «будто Лопе де Вега принес больше вреда Испании своими комедиями, чем Лютер Германии своей ересью»). Оглушенный пристрастием ученый имярек будто ничего не знает об обширнейшем географическом, техническом, научном,

культурном опыте, обновившем с конца XV по середину XVII столетия все представления испанцев; наконец, будто он и самого Кальдерона просматривал по методу «быстрого чтения», а уж о «Братьях Карамазовых» и рассказанной в них «Легенде о Великом инквизиторе» и не слыхивал. Ибо «черный миф» о Кальдероне в том и состоит, что поэта выводят чуть ли не собратом «великому инквизитору», врагом всякого гуманизма.

Не умалчивая ни о каких противоречиях Кальдерона, настоящее издание может тем более чувствительно поколебать «черное мифотворчество», что состав издания определен не подготовителями, а Константином Дмитриевичем Бальмонтом. В книге печатаются все десять пьес, переведенных им в 1900—1919 гг.

В числе задач серии «Литературные памятники» немаловажным также является издание двойных памятников, т. е. таких произведений мировой литературы, перевод которых осуществлен выдающимся писателем и представляет сам по себе значительное явление *русской* поэтической культуры — «Илиада» Гнедича, «Одиссея» Жуковского, трагедии Эсхила Вячеслава Иванова.

Это определило и характер предлагаемой книги. К. Д. Бальмонт (1867—1942) среди крупных русских поэтов конца XIX — начала XX в. больше всех занимался переводами: он первым дал русскому читателю полных Руставели и Шелли, переводил Калидасу, Словацкого, По, Уитмена и др. Но перевод Кальдерона был заветнейшей мечтой Бальмонта. Он напечатал в одном из лучших по тем временам издательств, соглашавшемся на научное комментирование текстов, у братьев Сабашниковых, три выпуска: 1900, 1902, 1912 гг и подготовил IV выпуск драм Кальдерона.

До торжественной сессии 1981 г. в Москве и Ленинграде по случаю 400-летия со дня кончины Кальдерона всерьез судьбой рукописи этого выпуска не занимались. Тем более, что главное здание издательства Сабашниковых на Никитском бульваре в Москве сгорело в 1917 г. и, казалось, сборник мог сохраниться лишь по булгаковскому принципу, что рукописи не горят, или в том доме Сабашниковых, на Плющихе 55, где вышли их первые послереволюционные издания («Великая хартия вольностей», 1918, и др.). Однако к 400-летию кончины Кальдерона В. Е. Багно обнаружил машинопись перевода «Волшебного мага», а вскоре Д. Г. Макогоненко нашла в Отделе рукописей Ленинской библиотеки машинописи всех четырех переведенных драм и документацию, показавшую, что завершение работы над IV выпуском относится не к 1917 г., а к 1919 г.

Таким образом корпус известных переводов Бальмонта увеличился сразу с шести до десяти драм Кальдерона. Поздние переводы Бальмонта, впервые публикуемые в настоящей книге, шедевры самого Кальдерона — комедия «Дама Привидение», историческая драма «Луис Перес Галиснец», философская — «Волшебный маг» и знаменитая народно-революционная драма «Саламейский алькальд», та самая, которая навела Герцена на мысли о величии испанского племени.

Переводы Бальмонта при их замечательных достоинствах подвергались критике за чрезмерную лиризацию текста, приводящую порой к некоторой вычурности. Но в случае с Кальдероном «коса находит на камень», ибо из мировых гениев европейской драматургии Кальдерон несомненно самый лирический, а порой, когда его увлекает волна поэтического монолога, может быть,

местами и самый «вычурный». Об этом мы будем говорить ниже, но «чрезмерности» Кальдерона специфичны для испанской культуры с ее многообразными столкновениями и сочетаниями «Запада» и «Востока». Этот андалузско-андалусийский, арабско-испанский колорит впоследствии пленил романтиков, очаровал Гете, ставшего горячим поклонником, пропагандистом и постановщиком Кальдерона, и весьма способствовал укреплению у Гете идеи «всемирной литературы» (Weltliteratur), идеи принципиального единства мировой культуры.

Поэтические качества Бальмонта находятся в некотором внутреннем согласии со стилем Кальдерона, что, вероятно, и породило такой страстный переводческий интерес. Что же касается точности в передаче мысли, философски весьма отточенной у Кальдерона, то Бальмонт, как правило, замечал и сохранял ее, и на его переводы в большинстве случаев можно опираться даже в исследовательских целях.

Если проследить содержание выпусков сочинений Кальдерона, то видно, что Бальмонт в своих переводах переходил от драм более спиритуалистических к произведениям более земным, проникая все дальше в конкретную связь Кальдерона с общественными проблемами его эпохи, час от часа увеличивавшей бедствия всего испанского народа, кроме ослепленной эгоизмом и наглым высокомерием малочисленной светской и духовной верхушки.

2

ВЗАИМНЫЙ АНТАГОНИЗМ КАЛЬДЕРОНА
И КОНТРЕФОРМАЦИИ.

«ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН»

И САМЫЕ «ТРУДНЫЕ» ДРАМЫ И АУТОС
КАЛЬДЕРОНА

Наших современников никак не должно вводить в смущение то обстоятельство, что Кальдерон писал духовные драмы и что среди переводов Бальмонта встретится, например, пьеса под заглавием «Поклонение кресту».

Кальдерон, написавший немало пьес религиозного содержания, однако нанес духовной диктатуре контрреформационной церкви своей эпохи еще более тяжкий удар, чем неукротимый Лопе де Вега и несокрушимо рассудительный Сервантес.

Не случайно именно после смерти Кальдерона в 1682 г. грянул еще более босхо-гойевский шабаш, чем после кончины Лопе, на этот раз затеянный иезуитскими деятелями о. Педро Фомперосой, о. Агустином де Эррерой и другими, которые в серии злых памфлетов стремились смешать с грязью, сжить со сцены и вообще из памяти испанцев Кальдерона, а заодно и весь театр испанского Золотого века — гордость нации.

Если когда-то, на своей заре, христианство было движением рабов и угнетенных, если долгие столетия полного господства веры, когда других идеологических форм практически не существовало, угнетенные в нем и в ересь искали правды и защиты, то противостоявшая этому церковь не выступала никогда в столь бесчеловечном и в столь бездуховном облики, как во время Контрреформации XVI — XVII вв. В Контрреформации доминировали, конечно, не вера,

даже не стремление упорядочить католицизм перед лицом успехов лютеранства и кальвинизма, а репрессивные тенденции, порожденные ужасом, который был вызван обрушением духовной диктатуры церкви в эпоху Возрождения.

У Достоевского в «Легенде о Великом инквизиторе» символически раскрыта создававшаяся в те века ситуация, когда иерархи церкви готовы были вновь казнить Христа, буде он вновь явился на земле, а великий инквизитор прямо объявил ему, что мы не с Тобой, а с *ним*, т. е. с дьяволом.

Между контрреформационной церковью и Кальдероном не могло быть точно таких отношений, как в притче Ивана Карамазова между Великим инквизитором и Христом, но антагонистическое соотношение казенной церкви с Кальдероном было весьма схожим с тем, которое гениально уловил и воспроизвел Достоевский.

Сторонники «черного мифа» не задумывались, есть ли что-либо похвальное для Кальдерона в том, чтобы быть с великим инквизитором и с *ним*, которому инквизитор служил.

Они совсем не задумывались и над художественным богатством барокко Кальдерона, которое вслед Возрождению было открыто не только гуманистическому антидогматизму и народному антицерковному представлению о вере, но и неумирившему в народе в Средние века индифферентизму к вере, особенно чувствительному в низах, а отчасти — и среди клириков, дворян, богатеев. Этот индифферентизм проявлялся в быту и в самых различных сферах жизни — в бесчисленных пережитках язычества, в суевериях, в неистребимости шуток, поговорок, светской песни и сказки, в искусстве бродячих певцов, плясунов, в вывернутых пародийных священнодействиях и т. д., во всем том, что М. М. Бахтин

PRIMERA PARTE
D E
COMEDIAS

VERDADERAS

DEL CELEBRE POETA ESPAÑOL

D. PEDRO CALDERON

DE LA BARCA,

CAVALLERO DEL ORDEN DE SANTIAGO,

Capellan de Honor de su Magellad , y de los señores Reyes Nuevos
en la Santa Iglesia de Toledo.

QUE NVEVAMENTE CORREGIDAS

PUBLICO

DON JUAN DE VERA TASSIS Y VILLARROEL,

SU MAYOR AMIGO.

Y LAS OFRECE

AL EXCELENTISSIMO SEÑOR DON JÚNGO MELCHOR
*Fernandez de Velasco y Tovar , Con lostable de Castilla . y de Leon . Cariato
Mayor del Reynuestro señar , su Copero Mayor , su Cazador Mayor , y su
Mayor domo Mayor , de los Corsejos de Eslado . y Guerra , Comendador de
Vjagra en la Orden . y Cavalleria de Santia^o , y Treze della,
Duque de la Cluaad de Erias , &c.*

CON PRIVILEGIO.

En MADRID: Por la Viuda de Blas oc Villanueva, año de 1726.

Se hallaran los nueve Tomos en la Libreria de Vicenie de Senofujn , en la
Puerta del Sol, frente los Peñeros.

Титульный лист Собрания драм Кальдерона, подготов-
ленного Доном Хуаном де Вера Тасис и Вилльяроэль.

Ч. 1. Мадрид. 1726

в увеличительной оптике своей концепции представил как «смеховую культуру». Проявления индифферентизма в культуре были куда шире, чем собственно «смеховая культура»: они касались всей светской литературы — героических песен, саг, куртуазной поэзии, фавлю, затем новеллистики, поэзии Возрождения не только в ее флорентинском «низе», в поэме «Большой Моргант» Пульчи, но и в ее феррарском «верхе», во «Влюбленном Роланде» Боярдо.

Такое явственное отражение так называемой «смеховой культуры», как у Пульчи или у Рабле в образах брата Жана, Панурга да и повсюду в «Гаргантюа и Пантагрюэле», у испанских писателей встречалось редко, но среди разных причин, почему драматический жанр именовался «комедия» и почему именно комедия преобладала среди всех видов «комедияс», был тот же народный индифферентизм, тяга к воле. Этого индифферентизма, этой тяги к воле у Кальдерона тоже более чем достаточно, чтобы порвалась и раскочилась ржавая цепь «черного мифа». Вскоре мы встретимся с отражением народного индифферентизма как с существенной третьей линией в драме «Поклонение кресту», где в основе философского конфликта лежит тема преодоления фарисейства официальной церкви личным благочестием отлученного от церкви разбойника Эусебио. Не «смеховой» ли это монолог в сцене, открывающей III действие драмы, когда крестьянин, посланный женой за дровами в лес, где действует благочестивый разбойник, появляется с множеством крестов и с одним очень большим на груди?

Велела Менга дров достать мне,
Я на гору сюда пришел,
А чтоб опасности избегнуть,

Такую штуку изобрел:
Наш Эусебио, я слышал,
Благоговееет пред Крестом
Что ж, с ног до головы прикроюсь
И значит по дрова пойдём...

Это пример, когда, пусть это и кажется странным, Кальдероново «Поклонение кресту» могло вызвать у публики лишь одну адекватную реакцию — смех.

А если вспомнить веселую комедию Тирсо де Молины «Хиль Зеленые штаны», где слуга, чтобы уберечься от нечистой силы, которая множила в его воображении Хилей в зеленых штанах, тоже весь обвешивается ладанками и вооружается кропилом? То есть и в веселой комедии и в философской драме о благочестии испанские поэты одинаково забавно изображали борьбу и с нечистью, и с пылким благочестием?

Трудно черным мифотворцам претендовать на познание до конца Кальдерона, на познание богатства его барокко.

Нечто выходящее за рамки можно встретить в любом произведении Кальдерона, и чем оно религиозно-философичнее, тем это вероятнее. «Волшебный маг» весь построен на соединении линий серьезных с линией смеховой и не слишком пристойной. В самой с виду «средневековой» драме Кальдерона, в «Чистилище святого Патрика», тоже есть народное объяснение, чего ради Патрик показал ирландцам вход в пещеру-чистилище:

И чтоб они уверовали в вечность
Души, открыл им некую пещеру,
И что за ужас в ней — послушать страшно!

Когда кающийся Людовико решается спуститься в пещеру, чтобы искупить свои бесконечные злодеяния, он приглашает с собой крестьянина, об-

ращенного им в слугу: «Поди и ты со мною, Паулин...»

Ну нет, уж если так, ступай один,
Для храбрецов не нужен провожатый,
И никогда не слышал я, чтоб в ад
С лакеем уходили. Лучше снова
Отправлюсь я в родимую деревню
И буду жить в ней мирно, а насчет
Видений там и всяких привидений,
Так мне супруги хватит за глаза.

А ведь пока ни слова не было сказано о порожистой, завихряющейся озорством реке смеха, перелившейся к Кальдерону от Лопе де Веги...

До XVIII в., до эпохи Просвещения, как известно, цельно атеистические системы взглядов были относительно редки. Для Контрреформации, а отчасти и для Реформации, которая реже, но тоже прибегала к кострам, казням, запугиванию и к модусу двух доктрин — одной для пастырской верхушки, а другой для прочих верующих, в XVI—XVII вв. более страшным, чем редкий и еще непонятный народу атеизм, были индифферентизм и сознательное или стихийное противопоставление догме правящих церквей евангельской этики, сохранявшей элементы социального протеста, имевшиеся в раннем христианстве. Противопоставление церкви, такой, какой она стала, Евангелию было стихийно свойственно многим еретическим учениям, а после научно обоснованной филологической критики текстов Писания итальянскими гуманистами, а особенно Эразмом Роттердамским (склонным, как и они, к острозубому индифферентизму «смеховой культуры» — «Похвала глупости!») приобрело характер системы взглядов. Вначале уроки Эразма, которые иногда именуют «христианским гуманизмом», бы-

ли использованы Лютером, но вскоре Эразм стал одинаково ненавистен и контрреформаторам и реформаторам. В Испании со второй половины XVI в. подозрение в эразмизме вело подозреваемого на суд инквизиции, а облик великого гуманиста был так искажен клеветой и шельмованием, что мог оттолкнуть людей, которые по сути мыслили в лучах его воздействия.

Контрреформация, однако, достигала своим жестким, догматическим курсом не только прямых, но и обратных ее целям результатов. Требование слепого повиновения, игнорирование нового гигантского практического и научного опыта, а с ним и происходившего под влиянием этого опыта необратимого раскрепощения сознания способствовало развитию в XVII в. рационалистического мышления. Естествоиспытатели, путешественники, а с ними Декарт, Спиноза, Гоббс, Локк пошли дальше Эразма и Монтеня в подготовке Просвещения XVIII в. Контрреформационное упрямое философское мракобесие в соединении с ненавистью ко всему человеческому вело к тому, что наиболее значительные деятели культуры, хотя они в Испании оставались верующими, веровали и творили совсем не по контрреформационной указке. Это прямо относится к Кальдерону, у которого комедии нередко продолжали озорное свободомыслие Лопе де Веги, а избыточная пышность стиха пела о радостях жизни, как в домоцартовской опере голоса и музыкальное сопровождение. Как ни странно, но именно в духовных произведениях — в ауто и в тех драмах, где большое значение имеет религиозное отречение, например в «Стойком принце», возникают ситуации и высказывания предпросветительского, иногда совсем не совместимого с религией характера: мы еще помянем финал чуд-

ного ауто «К Богу из государственных соображений».

Поэтому как ни эффектно крылатое слово, пущенное в ход немецкими романтиками, будто «Кальдерон — это католический Шекспир», оно верно только в отношении конфессиональной принадлежности героев и самого поэта, а по существу как суммарное определение творчества Кальдерона настолько же обманчиво, как если сказать, будто «Шекспир — это протестантский Кальдерон...»

Современные Кальдерону церковь и государство лучше Шлегелей разобрались в этом вопросе, когда в середине 1640-х заставили драматурга замолчать на несколько лет, а затем приковали позолоченными кандалами к придворному театру и, наконец, осыпав покойника неслыханной хулой, затормозили на полстолетия печатание его пьес, и наипаче пьес духовных.

И по переводу Бальмонта, и по переводу Пастернака видно, как в начале драмы «Стойкий принц» взгляд мавританского военачальника Мулея в несоответствии с его воинской профессией в грозном строе португальских боевых кораблей, шедших к берегам его родины, долго улавливал лишь видимости, а не формы, в неотличимых светотенях моря, облаков и волн. Между тем, в понимании творчества Кальдерона таятся опасности прямо противоположно направленного процесса. Как Мулею в конце, так читателю и исследователю в начале многое представляется ясным в драматургии Кальдерона, а затем вдруг ускользает, как переливающиеся и колышущиеся светотени.

Кальдерон, неоспоримо, величайший драматический поэт барокко. Идеи барокко будто закодированы в заглавии самой известной его дра-

мы «Жизнь есть сон» и разворачиваются в ее действии.

Чтобы разобраться в запутанном барочном соотношении видимостей и сути в поэзии Кальдерона, целесообразно предварить более или менее последовательную характеристику его творчества рассмотрением притворчивости ключевой его драмы «Жизнь есть сон» и самых далеких современному восприятию и могущих быть вначале понятыми как провозверно католические — драм «Чистилище святого Патрика» и «Поклонение кресту».

В драме «Жизнь есть сон» принц Сехисмундо по астрологическому предсказанию должен стать чудовищным злодеем, и отец будто мудро и предусмотрительно заточает собственного сына в башню, где тот в дикости и безлюдии проводит детство и молодость. Чтоб испытать верность провидения, сей мудрый отец, польский царь Василий (Басилио), приказывает усыпить сына, переодеть его в одежды принца и перенести во дворец. Предсказание сбывается — принц ведет себя безобразно: грозит оружием всем, вплоть до отца, выбрасывает одного человека из окна, готов проявить полную необузданность в отношении женщин. Отцу вроде бы ничего и не остается, как из государственной мудрости приказать усыпить Сехисмундо и вернуть его обратно в темницу. Очнувшись в тюрьме, принц «убеждается» в тщете мирской жизни, в том, что жизнь есть сон...

Это словно конспект, сгусток представлений, повторявшихся многими, в том числе и не самыми значительными, поэтами барокко в разных странах, даже до появления драмы Кальдерона.

На этот момент драма, ее аксиома: «жизнь есть сон» — прямой противовес гамлетовскому

ренессансному — в пользу решительных действий — преодолению сомнения «быть или не быть».

Будто все ясно. Но и в драму Кальдерона врывается вихрь реальности, развеивающий свойственные кризисной стороне барокко представления о тщете и сумятице земного существования; увидим, что ни в поэте барокко, ни в герое барокко — ни в Кальдероне, ни в Сехисмундо — не умирает, а лишь преображается, раздваивается неведомый им Гамлет.

Поверил Сехисмундо в то, что жизнь есть сон, однако не поверил он в то, что сном была и его любовь к Росауре.

Красота перевоспитала и его, как некогда у Боккаччо грубого простака Чимоне («Декамерон», V, 1; «Чимоне, полюбив, становится мудрым...»). «В ней больше красоты, чем в человеке», — размышляет Сехисмундо о женщине и кратко («Столетия — час, когда они прошли»¹) пробегает путь, который освобождающееся человеческое сознание совершило с XII—XIII по XVI—XVII вв.:

Лишь женщину одну любил...
И думаю то было правдой:
Вот все прошло, я все забыл,
И только это не проходит...

Идее тщеты всего земного противопоставлена истинность любви к женщине. Это пролом всей концепции жизни — сна, пролом жизнеутверждением, порожденным самой действительностью и утвержденным как принцип Ренессансом. Утвержденным с того момента, как Данте, внутренне

¹ Последняя строка сонета дона Фернандо в «Стойком принце» Кальдерона в переводе Бальмонта.

не согласившись с божьим приговором Франческе и Паоло, сказал об этом в «Божественной Комедии», а может быть, и несколько раньше в хрупких образах донн Гвиницелли, а на Востоке у таких мудрых побратимов Предвозрождения, как Саади.

Второй пролом представления, будто жизнь есть сон, сам Кальдерон свершает изображением вполне реального восстания. Народ восстал, узнав, что у Басилио есть сын, а государь, не спросив мнения народного, хочет навязать стране чужеземного принца Астольфо. Восставшие освобождают Сехисмундо, и он, возглавив их, разбивает войска, оставшиеся верными отцу, но, вопреки оракулам и ожиданиям, не творит расправу, а щадит отца, Росауру, Астольфо и объявляет политику, которая, по представлениям передовых людей того непростого времени, вменялась в обязанность национальному монарху-объединителю, пресекая одновременно возможность дальнейших междоусобиц.

Пролом третий — реальное восстание корнями уходит в самое начало пьесы и соответствует восстанию духа Сехисмундо в I акте, где он укорял небеса, что они даровали ему меньше свободы, чем всем другим тварям — «...А с духом более обширным // Свободы меньше нужно мне?...»

Тут уж не надо считать «проломы», ибо Кальдерон ходом действия раскрывает возможную двойственность оценок, обнаруживая, как посторонняя реальность вступает в противоречие с тем положением о суетности земной жизни, ответвлением которого является яркое сентенциозное заглавие «Жизнь есть сон»,

С реализацией внутренней свободы в предположительно возможную в абсолютистские вре-

мена политическую свободу (которая проглядывала в лучшие годы правления некоторых итальянских князей, Франциска I, Генриха IV, а в Испании оставалась лишь мечтой) в пьесе утверждается и победа «свободы воли» над предопределением. В сравнении с искомой Сехисмундо «свободой воли» оно выступает в довольно жалком виде, как насильственные меры ложно «мудрого» Басилио. «Свободу воли», эту заново обоснованную гуманистами философски-утопическую идею католицизм после тысячелетнего гонения был вынужден допустить хоть на словах, поскольку лютеране и кальвинисты сумели сделать на время эффективным пропагандистским орудием «несвободу воли», хотя ограниченность этого тезиса адекватно отражала социальную ограниченность целей протестантских вождей.

С идеей «жизнь есть сон» контрастирует и русско-польский сюжет, имевший в Испании особое конкретное наполнение после знаменитой драмы Лопе де Веги «Новые деяния Великого князя Московского» (1606). Удивительно подробно осведомленный о том, что происходило на Руси, но не знавший в момент написания драмы (видимо, конец мая 1606 г.), что Димитрий был уже убит, Лопе представил события Смутного времени как «великую революцию» (*grande revolucion*). «Великий князь Московский» Лопе де Веги, в котором, насколько нам пока известно, введено в международный политический лексикон оказавшееся таким знаменательным понятие «великой революции», дал модель множеству испанских драм и нескольким повествовательным произведениям для невозможного на испанском материале изображения чаемого переворота и установления приемлемой народу национальной государственности. Такой социально насыщенной

русско-польская тема вошла в испанскую литературу. Но затем и она, несмотря на удаленность событий, оказалась не проходящей цензурно, так как в положительном виде, в качестве образца выступала история не католического, а православного государства. Если Лопе и Сервантесу (в «Персилесе») было достаточно намеренного умолчания о религиозной розни, то Кальдерону (который обращался к польской и русской тематике до восьми раз) приходилось прибегать к, должно быть, им и придуманному хитроумному средству перемены мест русских и поляков. Так в его драмах появились русские с ремаркой, что они одеты а lo polaco, польские цари по имени Василий (Басилио), а с ними русские короли Казимиры. А ведь польский король Ян Казимеж (Казимир V, 1609—1672, правил в 1648—1668), современник Кальдерона, был хорошо известен на Западе. Знали и что Василий — имя русских царей. Так — Хуаном Басилио, или просто Басилио, испанцы называли Грозного, да и царь Василий Шуйский был современником Кальдерона.

При отвлеченной тематике «суеты сует» «Жизнь есть сон» грохочет отзвуками драмы Лопе. Здесь есть и победа восставшего народа, и призывание заточенного или изгнанного царевича, свергающего тирана (отзвук данных о Борисе Годунове), отстраняющего иностранного принца (Владислав), все это в драме идет от фантастического и реального понимания у Лопе «великой революции» на Руси XVII в.

Первым не какой-либо критик, а Сехисмундо сам высказал и в общем преодолел противоречие, таившееся в драме. Он пришел к выводу, выраженному в категориях, приемлемых в светской философии и в принципе пригодному и для

просветителей: «действовать во благо, вот что существенно» («*Obgar bien es lo que importa*»), независимо от того, есть ли жизнь сон, или нет.

Сехисмундо, запутанный предыдущими экспериментами отца, не уверен, «правда или сон» то, что он возглавил восстание, но произносит ответственное суждение, которое Бальмонт перевел следующим образом:

Что важно — оставаться добрым:
Коль правда, для того, чтоб быть им,
Коль сон, чтобы, когда проснемся,
Мы пробудились меж друзей.

«*Obgar bien*» («творить добро»), независимо от того, сон жизнь или не сон,— тезис этот, повторяемый Сехисмундо несколько раз и осуществляемый им на деле, еще глубже, чем о нем пишут. Сомнениям философской мысли Сехисмундо, а в данном случае заодно с ним и Кальдерон, противопоставляют необходимость действовать, как если жизнь есть несомненная реальность, т. е., выражаясь несколько модернизированно, поверяют философию критерием общественной практики.

С этим было бы бесполезно познакомиться самому Дидро. Но у Кальдерона и материалистические идеи могут быть выраженными в сложных барочных образах. Например, два последних стиха монолога Сехисмундо, заключающих II хорнаду, не удалось в алгебраической точности содержащегося в них отрицания отрицания передать даже Бальмонту. Отделенные точкой с запятой от предыдущего, эти стихи гласят: «*Que toda vida es sueño, // Y los sueños, sueños son*». «Поскольку (раз) вся жизнь есть сон, (то) и сны суть (тоже) сны». Таким образом, накануне III

СТАРИННЫЙ ТЕАТРЪ

ВЪ СОЛЯНОМЪ ГОРОДКЪ

(ВЫСТАВОЧНЫЯ ЗАЛЪ)

Открытие 18-го Ноября 1911 г.

ТРИ ВЕЧЕРА ИСПАНСКАГО ТЕАТРА ЭПОХИ РАСЦВѢТА
(XVI-XVII вв.).

18-го Ноября, I^е ВЕЧЕРЬ

ФУЭНТЕ ОБЕХУНА (ОБЕЧИЙ ИСТОЧНИКЪ)

Сценарій и постановка Лопе де Вега. Музыка С. Турбина. Переводъ и
режиссура В. К. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха.

Расписание спектаклей театра въ XVI стол.

ДВА БОЛТУНА

Постановка И. И. Рериха. Музыка А. И. Шестакова. Декораторъ
И. И. Васильевъ.

25-го Ноября, II^е ВЕЧЕРЬ

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МОСКОВСКІЙ ИЛИ ГОТТЫМЫЙ ИМПЕРАТОРЪ

Сценарій и постановка Лопе де Вега. Музыка С. Турбина. Переводъ и
режиссура В. К. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

ВЛАГОЧЕСТЕВАЯ МАРТА ИЛИ ВЛЮБЛЕННАЯ СВЯТОША

Сценарій и постановка Лопе де Вега. Музыка С. Турбина. Переводъ и
режиссура В. К. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Расписание спектаклей театра въ XVII стол.

1-го Декабря, III^е ВЕЧЕРЬ

ЧИСТИЛИЩЕ ПАТРИККА

Сценарій и постановка Кальдерона. Музыка И. И. Рериха. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Музыка И. И. Рериха. Директоръ В. Ф. Иванъ. Декораторъ И. И. Васильевъ.

Афиша Старинного театра с объявлением о постановке Сервантеса, Лопе де Вега, Тирсо де Молины и Кальдерона.

хорнады, хорнады решительных действий, опровергающих иллюзии и заблуждения предыдущих хорнад, из тезиса в иллюзию переходит главная эмблема драмы: «жизнь есть сон», но ведь «сны тоже суть сны»; следовательно минус на минус дал плюс. Утверждение, что «жизнь есть сон» тоже сон, следовательно: «жизнь *не* есть сон!»

Как это ни парадоксально, именно сомнения, поиски, смятение мысли, вся глубокая двойственность одной из величайших драм Кальдерона более субстанционально барочны, чем взятое само по себе, не без оснований принимаемое за квинт-эссенцию барокко и кажущееся такой квинтэссенцией положение «жизнь есть сон». Неразрешимость вопроса, действительно ли «жизнь есть сон», шаткость эмблематичности еще характернее для барокко, чем сама эмблематичность.

Этот вывод имеет общее значение для вершинных произведений барокко и прямо относится к двум «трудным» драмам, к которым мы переходим.

В особом объяснении нуждаются две переведенные Бальмонтом в самом начале 1900-х годов драмы, видимо казавшиеся переводчику в чем-то созвучными собственным настроениям и вообще модным тогда среди символистов томлению по непостижимому и увлечению мистическим познанием,— «Поклонение кресту» (ок. 1630—1634) и «Чистилище святого Патрика» (1634).

Эта пьеса, с которой Бальмонт и начал переводы Кальдерона, по году написания примерно современная философской драме «Жизнь есть сон», отличается занимательностью сюжета и лишена претензии на какое-либо правдоподобие действия. Она может быть поставлена на сцене

всерьез как реконструкция средневекового театра (в таком виде, в каком он никогда не существовал, но мог существовать в представлении поэта барокко) или как некая опера, «мистерия-буфф», как полная противоположность созданным по канве средневековых легенд и тоже реконструирующих их сурово сосредоточенным вещам, наподобие «Тангейзера» Вагнера.

Св. Патрик (ок. 389 — ок. 461), хотя его образ потонул в цветении раннесредневековых преданий, особенно пышном у кельтов, — лицо историческое. Этот миссионер, прошедший через рабство и ставший вдохновителем христианизации Ирландии, традиционно считается ее покровителем. От него дошли даже некоторые произведения, например «Исповеди». Одна из самых распространенных легенд о Патрике, растекшаяся по Западной Европе, возможно, повлиявшая и на ислам, а позже докатившаяся до Данте и до Кальдерона, — легенда об открытии Патриком близ Даунгела (Downgal) в Ирландии страшной и чудесной пещеры, через которую он проложил путь в загробный мир, — чистилища св. Патрика. Если верующий, какие бы грехи он ни совершил, отыщет пещеру и решится войти в нее не из любопытности (исследовательский дух в средневековом человеке был приглушен надолго), а как Патрик, с готовностью перенести при жизни истязания за грехи, он выйдет невредимым и отбывшим очищение. По дуализму сказок такой подвиг удается либо святым, либо раскаявшимся злодеям. Внести во все это дух ренессансной упорядоченности сумел лишь Данте — один из первых гуманистов, постигавший сошествие в загробный мир в «Энеиде» Вергилия почти так же естественно, как средневековые предания.

Как это бывает в произведениях барокко, дра-

ма, подобно эллипсу, имеет два фокуса. Фактически у Кальдерона главный герой не святой, не Патрик (по-испански Патрисио; Бальмонт писал «Патриkk», через два «к» не чтобы передать английскую орфографию, а чтобы закрепить необычное принятое им ударение на втором слоге, более соответствующее испанскому), а Людовико Энио — христианин сверхзлодей, убивавший, насилувавший, растлевавший не только ради выгоды или удовольствия, а просто так, без смысла, во утверждение своей независимости от морали, т. е. своей «свободы воли» в дурном смысле.

В эпоху первоначального накопления, становления национальных монархий, колониального грабежа образы таких выроdkов из знати и из выбивавшихся в люди простолюдинов были порождены жизнью, а не только миром сказок или театра Сенеки. Освобожденный индивидуализм имел и весьма темные стороны. Однажды даже один великий гуманист Италии в приступе отчаяния, порожденном неудачами в объединении родины, предположил, что такие темные стороны, если они сконцентрированы в воле государя, то и автоматически регулируемые масштабом и целесообразностью задачи объединения страны могут в какой-то исторический момент оказаться общественно полезными. Но и у тех, кто о таких проблемах не задумывался или, наученный многогорьким опытом, в такую пользу не верил, многообразие проявлений индивидуализма, в том числе и зловещих, поражало воображение, рождая, особенно в Испании и Англии, сотни драм с персонажами, удивительными своими преступлениями, включая властительного Тамерлана у Марло, а в более стройной художественной системе Шекспира — злодея Ричарда III, Яго и др.

В банальном варианте «злодейские» драмы выполняли функции, схожие с теми, которые в наш век переняли мелодраматически-детективные романы и фильмы.

Серьезные решения варианта «злодей» и «святой» в испанской драме могли различаться в зависимости от периода написания, литературного направления, художественной индивидуальности автора. У Тирсо де Молины, знаменитейшего мастера в этом деле, вопрос мог решаться то в ренессансном духе, то в духе художественных направлений, складывавшихся в более сложной обстановке XVII в. В «Осужденном за недостаток веры» Тирсо отчасти продолжает традицию Данте, решившегося поместить современных ему пап в ад. В драме примерный священнослужитель Паоло оказывается хуже свирепого разбойника Энрико. В конце концов, второй «спасается», а церковный деятель, как папы в дантовском «Аде», попадает в преисподнюю.

В «Севильском озорнике» вопрос о распределении в жизни людей вины и добродетелей усложнен. Даже женщины, становящиеся жертвами Дон Хуана, в отличие от персонажей близкого амплуа у Лопе, у «старшего», и Кальдерона, у «младшего», сами не безгрешны и попадают в беды и по собственной вине. В отношении главного персонажа Дон Хуана (Дон Жуана) в ходе действия ударение ставится не просто на том, что он не только озорник-соблазнитель, но и настоящий преступник — обманщик, использующий свою безнаказанность сына фаворита, а на том, что он превращается в героя, мужественно встречающего гибель, как только высшая справедливость предстает перед ним в виде косной каменной силы. Роль святого в драме многозначительно передана каменной статуе командо-

ра, также обитателя преисподней. Проваливаются туда оба, и тот, кто играл роль «злодея», и тот, кто выполнял функцию вершителя небесного суда. На будущие века такая развязка закрепила сочувствие не к высшему правосудию, а к герою.

Кальдерон в «Чистилище святого Патрика» разыгрывает в патетической и остросюжетной форме с виду как бы самый канонический вариант. Патрик сначала спасает Людовико после кораблекрушения, а затем косвенно способствует решимости злодея раскаяться и пройти при жизни пытки чистилища. В противоположность развязке «Севильского озорника» «спасаются» оба: и святой и злодей.

Вычеркивая в 1915 г. с афиши Старинного театра слово «святой» из-за того, что Патрик не числился среди православных святых, царская цензура будто была способна оценить теологическую противоречивость драмы. И католическому богословию, пусть в конце драмы большим списком перечисляются церковные авторитеты, на которых драма может опереться, тоже было не совладать с Кальдероном. На подходах к пещере Людовико во многом противоположен типу «кающегося» и ситуационно в некоторые моменты даже схож с Сехисмундо. Когда Людовико приближается к пещере-чистилищу, он встречается с некогда соблазненной и предательски им убитой дочерью ирландского короля Полонией (Патрик воскресил ее). Она — из смирения, но и из остатков былого чувственного влечения — объясняет своему убийце, как тот должен действовать, и что уже первые испытания — переправу через страшное озеро — ему нужно пройти по своей «свободной воле»:

По льдистой сфере озера ты должен
Пройти в ладье, владыкой полновластным
Своих свободных действий...

Перевод точен: «... Has de pasar, siendo absoluto dueño de tus acciones».

Таким решающим выступлением, такой решающей ролью «свободы воли» перевернута вся видимая («каноническая») концепция.

Но этого мало: из того кошмарного бреда, в который Людовико превратил свою жизнь, он вырвался, победил исключительно потому, что был обманут. «Спасся» обманом.

Но и этим не исчерпывается вопиющая неканоничность драмы, с виду религиозной. Со «спасением» обманом сочетается изображение власти земных страстей вплоть до порога потустороннего мира. Как страсть к Росауре преодолевала внушение, что жизнь есть сон, так в этой драме она сильнее будто запрограммированной сюжетом благостыни. Покаявшийся и твердо решившийся «спасаться» Людовико, встретив Полонию, устоял от чувственного искушения, «победил» (venci) тоже вследствие обмана. Напуганный до этого явившимся ему в виде его скелета призраком собственной смерти, он и Полонию принял за призрак, не поверив свидетельству чувств, что она вновь ему желанная живая женщина:

Твой призрак ложный
С правдивостью земною его
Меня не покори́л, хоть предо мною
Ты видимую форму приняла,
Чтоб я оставил цель свою, утратив
Надежду.

Это Людовико восклицает за сценой, с озера, когда он поплыл, и уже было невозможно повернуть назад. Религиозна драма, где отречение

от земного, возможность преодолеть страсть на пороге чистилища — следствие *обмана!*

Поэт, сквозь острый и запутанный сюжет, сквозь чередование богохульства и вдохновенной хвалы, ведет и в этой драме к ситуации контраста и противоречий. Их великий поэт барокко не сглаживал в пользу догмы, а оставлял такими же нерешенными, какими видел в жизни.

Пусть читатель вдумается в хорнаде III, сцена 7, в слова Людовико о противоположности, которая *сближает* противоположное — гору рая и гору ада. Бальмонт не вполне передает в данном случае уж слишком рассудочно-философский характер этих стихов, буквально означающих следующее: «Те две горы столь безмерно различны, // Что их теснейшим образом сближает // Противоречивое противостояние»:

Tan disformes son los dos,
Que les hace más amigos
La contraria oposición.

Идея единства неразрешенных противоположностей — это философский рывок поэтического всеведения барокко на полтораста лет вперед, к рубежу, где кончается диалектика по Канту и начинается диалектика по Гегелю.

Игра противоречий кальдероновского барокко, звонко раскалывающая чугуи догм, еще очевиднее в драме, названной будто правовернее всех других — «Поклонение кресту» (1630—1634). Но и здесь существенно не столько заглавие-эмблема, сколько те ножницы между преследовавшимся церковью личным благочестием (имя Эусебио означает «благочестивый») и казенной контрреформационной церковью, которые в этой драме доходят до предела или выходят за всякий предел, если можно так выразиться даже о метафори-

ческих «ножницах». Нечто подобное встречается у Кальдерона в необычайном «Волшебном маге», где языческий философ своим умом, без помощи откровения, доходит до основ христианства. Тезис, на который могло бы не хватить нескольких костров инквизиции, взятых вместе.

В «Поклонении кресту» Эусебио — изгой по рождению, так как отец, движимый ложной ревностью (чтобы задеть честь дворянина, признается он с осуждением, достаточно и «воображаемого подозрения»), решил накануне родов убить жену в глуши леса в горах. Окрававленного младенца нашли в лесу у подножия креста (такие кресты в католических странах часто ставились на перекрестках, на местах каких-то достопамятных событий), и это так же, как и родимое пятно в виде креста на груди, — единственные его свидетельства.

Драма начинается с того, что друг Эусебио Лисардо, обнаружив переписку Эусебио с сестрой, несмотря на все уговоры, вынуждает героя на поединок, в котором, однако, гибнет сам. Теперь Эусебио — совсем изгой. Хотя поединок был честным, и он сам отнес на плечах умирающего исповедаться, он официально вне закона, имущество его конфисковано, Юлия, его возлюбленная (к которой он, конечно, не прикоснулся), вопреки ее «свободе воли» (это составляет предмет разбирательства в драме), заточена отцом в монастырь. Схожая ситуация вынужденного разбойничества великодушного, рыцарственного героя воспроизведена Кальдероном в светском варианте в драме «Луис Перес Галиснец».

Одиночество Эусебио и человеческую отчаянность драмы усугубляет правдивое и важное для понимания мышления Кальдерона изображение того, что крестьяне, равнодушные к конфессио-

нальным проблемам, с одинаковым безразличием относятся и к церкви и к нецерковному благочестию разбойника:

Убьет и крест над ним поставит,
И грех свой, дескать, искупил.
Подумаешь, какая милость
Тому, кого он сам убил!

А тем временем против Эусебио, объявленного государственным преступником, мобилизованы военные силы (во главе отрядов поставлен суровый Курсио, отец Юлии). Он (и все это прямо, терминологически точно сказано в тексте и адекватно передано Бальмонтом (*отлучен от церкви*, что в те времена было тягчайшим наказанием, против Эусебио ведется «несправедливая война» («*Guerra injusta*»). Его не спасает ни удасть товарищей, ни отчаянные действия — проникновение в монастырь к Юлии (увидев у нее на груди такой же знак креста, как у него самого, он отказывается посягнуть на Юлию), но она, потрясенная всем происшедшим, также становится разбойницей.

С точки зрения эмблематики заглавия, «открытость» судьбы Юлии еще более загадочна, чем чудесное «спасение» Эусебио. Ведь у Юлии такой же знак, как у Эусебио, но он не движет ее судьбой. Насильно заточенная, затем оставшаяся вне стен монастыря, Юлия, разбуженная чувственность которой оскорблена внезапным отказом Эусебио, переодевшись в мужское платье, становится злым разбойником, покушается и на самого Эусебио, затем с отчаянной храбростью помогает ему, но знак креста не оказывает влияния на ее жизнь и поступки: чудо не становится законом. Кальдерон едва ли читал Декарта, но дышал тем же воздухом рационализма.

После самых драматических перипетий узнается, что Эусебио брат Юлии, сын гневливого Курсио, родившийся в лесу от израненной самим Курсио жены. Что-либо сделать поздно: Эусебио умирает, и его как отлученного не хоронят по обряду, а оставляют в лесу и «по случаю» близ того же креста, у которого начался его краткий и горестный жизненный путь. Жестокости церковной расправы — приговору к вечным мукам на том свете — противостоит лишь осуждаемое церковью личное, «эразмианское» благочестие. По Евангелию так, путем прямого обращения с креста к кресту, «спасся» один из разбойников, распятых рядом с Иисусом. Развязать драму может лишь повторение неповторимого чуда. Призыв умирающего, даже умершего, слышит священник Альберто, когда-то пощаженный разбойником. Он чудом оживляет мертвого на время, достаточное для исповеди.

Моральная победа отлученного, «спасенного» прямым вмешательством неба, «спасенного» вопреки церкви-отлучительнице, с помощью духовника нарушающего церковную дисциплину, обнаруживает зияющее, как его ни прикрывать, расхождение Кальдерона с «великоинквизиторской» Контрреформацией.

Сложность оценки драмы об Эусебио не только в том, что развязывается она жонглированием одного игольного острия на другом — неповторимым чудом, но и в том, что крестьяне, т. е. персонажи драмы, наиболее близкие тому простому и наивному зрителю, у которого нецерковное благочестие могло встретить стихийную поддержку, не понимают и не принимают милосердия разбойника Альберто — ни то, что он щадит их и всех тех, кто обратился к нему во имя креста, ставит кресты над могилами убитых,

ни то, что относит умирающих на исповедь: «Примерное благотворение — // Убил и тащит на плечах».

Свойственное барокко Кальдерона сосредоточение внимания на непримиренных противоречиях, правдивое отражение зыбкости, иллюзорности попыток их спиритуалистического разрешения, неприложение их к Юлии проявились в «Поклонении кресту» еще отчетливее, чем в драмах «Жизнь есть сон» и «Чистилище святого Патрика».

Когда рассеиваются мифы вокруг так называемых религиозно-философских драм Кальдерона, то не остается ли последняя возможность впустить темный луч в светлое царство? Не обнаружено ни одного бальмонтского перевода ауто Кальдерона, но ведь заказные, исполнявшиеся на площади в праздник Тела господня «действия о причастии» (*autos sacramentales*) составляют около третьей части драматического наследия Кальдерона. Оставим пока в стороне то, что они практически не издавались, что из-за них поэт терпел не меньше неприятностей, чем из-за других пьес, и поставим вопрос, не свидетельствуют ли хоть они одни о какой-то близости поэта официальному католицизму?

Церковной задачей ауто было укреплять главное, но все менее приемлемое в свете жизненного, географического, астрономического, вообще научно-технического опыта XV—XVII вв. для сознания нового человека «таинство веры». А именно то, что в ходе обедни (на Западе — мессы) осуществляется не символическое, а вещественное (материальное) пресуществление хлеба и вина в тело и кровь Христову, а верующие во время причастия (евхаристии) действительно приобщаются к Христу. Прямо показать это и в ауто было затруднительно, поэтому действие ауто строилось на отли-

чии Нового завета от Ветхого (Ветхий не знал причастия), на изложении чудес, связанных с причастием, на толковании истории, преданий, мифов, аллегорически соединяемых с евхаристической тематикой.

Ауто поэтому было обоюдоостро, а, скажем, у Лопе остро не в ту сторону, в которую требовалось. Это относится и к формально более осмотрительному Кальдерону. Ведь не мог же он удержаться даже в комедии «Дама Привидение», чтобы слуга, трепещущий от такой дьявольской дамы, завидев ее со светильником, не бросился бы пояснять, что дьявол, как «luci-fer», тоже означает «свето-носный»; а в ауто и чудеса и дьявол должны были являться на каждом шагу.

Бальмонт не переводил ауто Кальдерона. Но роль их в творчестве испанского драматурга велика, и если читателю хочется составить себе представление об их жанровой и идейной свободе, можно обратиться к изданной в 1986 г. в Ленинграде книге: «Iberica. Кальдерон и мировая культура». В данной статье мы перелистаем несколько страниц из этой специфической области испанского театра XVI—XVII веков.

Сначала остановимся на одном позднем, зрелом ауто, ошеломляюще озаглавленном «A Dios por razón de Estado» (1650—1660?), т. е. «К Богу из государственных соображений», что более литературно можно перевести: «К Господу блага государственного ради». Перед нами типичное Кальдероново ауто, но по существу это язычески-вольная комедия-фантазмагория, будто написанная неким не то Аристофаном, не то Лукианом, переместившимся, минуя XVII, прямо в XVIII столетие; неизмеримое остроумие сочетается в ауто не столько с «христианским гуманизмом» Эразма,

сколько с чем-то странно похожим на рационалистический деизм французских просветителей.

Действие ауто протекает от поры распятия Христа до открытия Америки и до века Кальдерона и задевает все континенты. Самым опасным из его аллегорических персонажей оказывается не первобытное индейское *Безбожие (Атеизм)*, играющее роль *Америки*; не выступающее как *Африка* будущее *Магометанство*, но играющий роль *Азии* Ветхий завет (*Синагога*). Ветхозаветность выступает намного хуже безбожия и магометанства, не говоря уж об античном язычестве, мгновенно преобразующемся в истинную веру. Европа представлена греко-римским *Язычеством*, притом не философским, а имперским, тем, которое по преданию и в действительности до IV в. обрекало на мученичество тысячи и тысячи христиан. В соответствии с выдвиганием *Язычества* на первый план *Дух*, человеческий разум, воплощен в Дионисии Аргите (I в.), т. е. в первом эллинском магистрате, который был, согласно Деяниям апостолов (17, 34), обращен апостолом Павлом в христианство. Странно, но персонаж этот, изображавшийся мудрецом (в Средние века ему приписывали сочинения философа-мистика VI в., ныне именуемого Псевдо-Дионисием), в честь которого названа ближайшая к Акрополю улица в Афинах, выведен Кальдероном молодым человеком, в амплуа «первого любовника» (*de galán*)!

В ауто выступает и апостол Павел, решительно облеченный поэтом, возможно вспомнившим римскую фреску Микеланджело и картину Караваджо, в римские одежды (*a lo romano*). На сцене происходит его обращение ударом молнии господней и его падение с коня. Чтобы поднять Павла на ноги, требуется не благодать, как в Писании, но

оказываются необходимыми совместные действия *Духа* и играющей роль шута *Мысли*. На весах догматизма, впрочем, как и на весах скептицизма, трудно сказать, что убийственнее: необходимость для обращения Павла (совершенного Христом уже после распятия, посредством чуда) *Мысли* или Шута: о, Кальдерон!

Синагога, любимцем которой был Павел, убедившись в его обращении, обнажает на него и на *Дух* меч (ветхозаветный закон поднимает меч на св. Духа!), но оба ищут защиты у ...*Язычества!* — «*Saca la espada y se amparan los dos de la Gentilidad*» (О. С., III, 867). Причем защищают христиан не философы, не поэты, а сама империя, Рим, который на вопрос, где Павел и Дионисий укроются, надменно отвечает: «*A mis pies*» («У моих ног»); основоположники христианства, спасающиеся у ног языческой империи Рима: такого не придумали бы худшие насмешники над христианством, ни острый Лукиан, ни серьезный Цельс!

В своем удалении от Ветхого завета в сторону язычества и его *государства* («К Богу из государственных соображений!») Кальдерон оставляет в этом ауто без внимания бесчисленные предания о кровавых гонениях христиан императорами и о казни Петра, а также и Павла в Риме. А Кальдерон видел темницу, куда заключали апостолов, видел храмы, воздвигнутые на предполагаемых местах казни. Поэтом нарушен даже тот вид равновесия, который царил у самых смелых художников Чинквеченто, например в фресках Микеланджело в капелле Паолина, где напротив «Обращения апостола Павла» символически помещено «Распятие св. Петра», осуществляемое (как и казнь Павла) *римскими* карательными войсками.

Кальдерон идет своим путем. После всех знамений, чудес, споров континентов, плясок Африки он выводит действие о вере на прагматическую деистически-рациональную прямую: большую часть мира — Азию и Африку — страшные знамения и христианские чудеса не убеждают, и они остаются врагами христианства. Обращаются Павел, Дух, Язычество-Европа и Индеец-Америка. Но обращаются в большинстве не верой, а деловыми соображениями, прагматическим разумом. Дионисий говорит, что «(новая) вера (св. Павла) не несет ничего такого, почему не было бы благом для всех уверовать в нее и полюбить ее, достигая этой веры и любви из соображений политических, если соображений самой веры недостаточно», если нет внутренней основы для веры:

nada su ley nos propone,
que bien a todos no esté
el creerlo y el amarlo,
llegando a amar y creer
por razón de Estado cuando
faltara la de la fe

(О.С., III, 868).

В жилах Кальдерона будто заиграла кровь будущих писателей предреволюционной Франции XVIII в. Шут — *Мысль*, пересмеивая все содержание ауто, готов «отметить празднествами и развлечениями истину этой истины», — а именно, что если веры недостаточно, в бога надо верить из политических соображений (О.С., III, 869).

И этого Кальдерону мало. Он кончает ауто обращением ко всем, «парабасой», как это называется в комедиях Аристофана. Притом у Кальдерона это нечто еще больше нарушающее сценическую иллюзию. Все (todos), т. е. актеры, а за ними, как в массовом театре, и зрители, толпив-

шиеся на площади, смеются реплике Шута, а если сумеют, подхватывают ее, пляшут и поют, весело завершая удивительную по тем временам пьесу о целесообразности любви к вере у неверующих:

Todos

I contigo
todos diciendo otra vez,
que debe el ingenio humano
liegarlo a amar y creer
por razón de Estado cuando
faltara la de la fe

(О.С., III, 869).

(В с е: И с тобой (с шутом) все мы будем веселиться, повторяя, что человеческий разум должен полюбить (веру) и поверить из политических соображений, коль для веры нет основы).

Нужно ли еще что-либо добавить, чтобы убедиться в широте диапазона жанровой и идейной свободы аутос Кальдерона, в том, чтобы убедиться, что они могут быть в согласии не только с его антидогматическим благочестием, но и с народным жизнерадостным свободомыслием, которое вело к просветительству XVIII в.

Глубокие противоречия наблюдаются также в аутос, написанных непосредственно на библейские темы. Ауто 1662 г., двусмысленно названное «Mística y real Babilonia» (заглавие можно понять и как: «Вавилон мистический и Вавилон царский», и как: «Вавилон в таинстве и в жизни»), написано по Книге пророка Даниила, рассказывающей о жестокостях царя Навуходоносора II (начало VII в. до н. э.) и о чудесном спасении Даниила, брошенного в ров со львами, и юношей, уцелевших в огненной печи.

Но самым удивительным в ауто являются не эти чудеса, но вплетение в него отсутствующих

в Библии стихов о свободе Рода Человеческого (прописные буквы имеются в автографе Кальдерона, стих 1899: «el Héнего Нумано»). Род Человеческий за шесть веков до Христа и до причастия, надеясь на это будущее, предполагает отстоять и от внешних притеснений, и от собственных пороков свою свободу (в автографе: «su livertad...», стих 1902).

Иными словами, в обязательное в каждом ауто сакраментальное восславление причастия Кальдерон ввел нечто еще большее, чем апология свободы воли, — *апологию свободы Рода Человеческого*.

В пределах обязательного не только для ауто, но принятого практически во всей литературе XV—XVII вв., формального хотя бы, согласования любого свободолобивого утверждения с христианским учением, Кальдерон пошел дальше Эразма, Вивеса и Монтеня и встал в утверждении свободы Рода Человеческого едва ли не впереди крайне светских итальянских мыслителей XV в.

В том же библейском цикле представляет интерес позднее, написанное к 1672 г., ауто «Вавилонская башня» («La torre de Babilonia»), которое основано на весьма вольном художественном истолковании гл. 8—11 библейской Книги Бытия.

В действии ауто тоже развивается идея свободы. Свой ковчег Ной определяет эпитетами едва не предромантическими — «свободный и надежный» («...libre y segura»), а открывая ковчег, провозглашает: «для всех настала свобода» («para todos ha venido la libertad»).

Ауто «Вавилонская башня» родственно так называемому «героическому пейзажу» XVII в. с гигантскими фигурами среди дикой природы. Оно во многом барочно, а в некоторых аспектах приближается к такому направлению в литературе и искусстве XVII в., придерживаясь которого,

поэты и художники, изображая сложность жизни, предпочитали не давать прописных ответов, ограничивающих свободу дальнейшего постижения поднятых в нем вопросов.

Героями ауто являются выступающие у Кальдерона как титанические в первоначальном мифологическом греческом смысле слова личности — сын Ноя бунтарь Хам и внук Хама Нимрод, первый самодержец, о котором и в Библии отмечено: «сей начал быть силен на земле» (Быт., 10, 8). Разные направления искусства XVII в. переняли от Возрождения страсть изображать титанизм не только в хорошем, но и в дурном, а также в их переплетении, не подлежавшем однозначной оценке.

Даже пресловутый Хам выведен Кальдероном в ауто «Вавилонская башня» далеко не однолинейно. Опустошенная потопом земля с развалинами и костями кажется его суровому нраву прекрасней солнца, ковчега, радуги. Ведь радугу Бог создал, чтобы она была «знамением вечного завета», обещания людям, что Бог больше не истребит землю потопом (Быт., 9, 8—17). Хам же не хочет прощать истребления людей потопом и поэтому не признает красоты радуги: его взгляд на прекрасное согласуется с его убеждениями.

Тематика ауто вплетена в пьесу странным и с вида не очень благочестивым способом. Сон о пресуществлении вина в кровь Ной видит, валяясь на полу нагим и пьяным, и даже сам, когда позже толкует его, признает, что в этом опьянении «было заключено и зло, и благо».

В свете общего господства в ауто духа противоречий, идеи переплетения добра и зла, центральной фигурой ауто стал внук Хама царь Нимрод. Кальдерон сгустил по сравнению с Библией

характеристику Нимрода. Основатель Вавилонии, Аккада, Ассирии, он царь — деспот и завоеватель, а в то же время организатор строения Вавилонской башни. Хотя и в Библии строительство башни — гордыня, но замысел относится к потомкам Ноевым вообще: «И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли» (Быт., 11, 4). За этим последовало смешение богом языков, воспрепятствовавшее совместному строительству.

Планы Нимрода — планы деспота на манер действий и мечтаний испанских монархов XVI—XVII вв., периода завоевания Америки и наступательных войн в Европе. Башня строится — только по произволу властителя, чтобы он мог обнять взглядом весь круг земель и узнать, есть ли у него возможность завладеть миром целиком, как подобает его великой гордыне.

Даже дикарь (*Salvaje*) понимает, что Нимрод положил начало «абсолютной монархии» («*la monarquía absoluta*»). Однако Кальдерон, хоть и сын века абсолютизма, не забывает тут же напомнить не совместимую с правовым мышлением монархии той эпохи истину, что «у каждого человека свобода — абсолютна».

Нимрод тоже старается найти общее обоснование своему замыслу. Он отрицает, что ковчег спасен от потопа чудом: «И раз мы видим, что свирепства // Неба человек без Бога // Может победить своим мастерством // ...Чтобы оградить себя от [гнева] неба // ...Построим башню // ...[И поднявшись] узнаем, из какого вещества сделана луна, // Пощупаем своими руками // Самые чистые звезды».

На фоне таких конфликтов и таких противоречий характеров обязательная мораль ауто имеет

не соответствующий масштабу действия и жалкий вид. Когда Бог посылает ангела, чтобы смешать языки и прекратить строительство башни, Нимрод, свергаемый среди развалин к ногам своих бывших рабов, не соглашается покориться и пред лицом ангела, гордо восклицает: «нет!», бросается в бездну и гибнет в пучине. Ангел же преподносит наставление, никак не согласное ни с ходом ауто, ни с опытом эпохи, — «пусть никто // в слепом заблуждении не осмеливается исследовать тайны неба, // вместо того, чтобы удивляться им».

На фоне встречающихся в ауто и необходимых по условиям времени и жанра догматических формул может быть еще отчетливее проявляется нескованность мысли Кальдерона. Это относится и к ранней пьесе вавилонского цикла «Пир царя Валтасара» («La cena del rey Baltazar», 1634), одному из наиболее известных и слывущих образцовыми ауто. Оно кажется соответствующими требованиями жанра. Ауто основано на гл. V Книги Даниила, по содержанию подходящей для драматизации. В этой главе рассказывается о роковом Валтасаровом пире. Когда царь и пирующие осквернили священные сосуды, таинственная рука начертала на стене слова «Мене, текел, перес (фареш)». Даниил объяснил Валтасару смысл непонятных слов: «Исчислил Бог царство твое и положил конец ему...» В ту же ночь Валтасар был убит, а царство его перешло к мидянам и персам.

В библейском рассказе четко противопоставлены надменный царь-идолопоклонник и суровый бог, карающий по одной своей воле: «И все, живущие на земле, ничего не значат, по воле Своей Он действует... и нет никого, кто бы мог... сказать Ему, что Ты сделал?» (см. Дан., 4, 32).

Кальдерон существенно изменил ситуацию, отказавшись от жесткого противопоставления. Он гибко, в духе Возрождения, воплотил разные степени моральной справедливости не в одной, а в двух различающихся между собой инстанциях. Поэт сочувствует не суровости Ветхого завета, которая воплощена им в Смерти, а той сравнительно большей гуманности раннего христианства, которую передовые люди Возрождения и XVII в. противопоставляли властолюбию, корысти, жестокости и распутству тогдашней церкви и которая в ауто олицетворена в дважды останавливающем *Смерть Данииле*. К этому важно добавить, что в ауто выведен мотив преемственной связи христианства с греко-римским язычеством. Художественная сила ауто выросла не на скупой почве догмы, но опирается на его внутреннюю неканоничность, на связь с ренессансным наследием и опытом XVI—XVII в.

Совершив экскурс в сферу ауто и самых трудных для человека XX в. так называемых религиозно-философских драм, проще с помощью переводов Бальмонта разобраться в тех загадках, которые, как в упомянутом выше монологе Мулея из «Стойкого принца», возникают перед читателем, сомневающимся, где видимость и где же суть в драматической поэзии Кальдерона.

ВЕХИ ТВОРЧЕСТВА КАЛЬДЕРОНА.
КОМЕДИИ, «ДРАМЫ ЧЕСТИ»

Дон Педро Кальдерон де ла Барка (а по фамилии матери: *и Энао*) родился в Мадриде 17 января 1600 г. и умер там же 25 мая 1681 г. Он происходил из средних дворян, по бедности вынужденных служить в правительственных учреждениях или принимать духовный сан. Учился сначала в Мадриде, в так называемом «Коллехио империаль», управлявшемся иезуитами, а затем в университетах Алькалá и Саламанки, но к 1620 г. оставил каноническое право и обратился к поэзии. Поэт участвовал в бывших тогда в ходу литературных состязаниях, например по поводу канонизации Исидора Пахаря, считавшегося покровителем Мадрида. К 1623 г. относится первая датированная пьеса Кальдерона «Любовь, честь и власть», и для него начинается увлекательная, но небезопасная жизнь профессионального драматурга. В те времена поэт не считался даже автором своих пьес, а так именовался (*auctor*) постановщик, купивший произведение. Возможность собственного авторского контроля над изданиями пьес также была проблематичной. Цензура могла легко перейти в инквизиционное расследование. Кальдерону и его братьям приходилось туго. Пришлось продать главный источник дохода — отцовское место в Совете (министерстве) по финансам. После смерти Лопе де Веги в 1635 г. власти делают попытки как-то привязать Кальдерона, теперь самого знаменитейшего драматурга, к своей колеснице. Его удостоивают звания рыцаря ордена Сант-Яго. Такие ордена, утратившие реальное значение, которое они имели в эпоху Реконкисты (семисотлетнего отвоевания

Испании от мавров), стали, как и монашеские ордена, посвящение в священники, для писателей своего рода «профессиональными союзами», обеспечивавшими минимальные права и легализованное общественное положение. Через это прошли и Сервантес, и Лопе, и Тирсо де Молина, которым также приходилось рано или поздно формально принимать священнический сан, совершенно не совместимый ни с их взглядами, ни с творчеством, ни с бытием в миру.

Внутреннюю жизнь Кальдерона едва ли возможно связно реконструировать по сохранившимся документам, драматическим произведениям. Он сам успел составить список из 110 произведений, но сохранилось их еще больше. Работал поэт много: он написал 120 драм и комедий, 80 ауто, несколько интермедий и драматические прологи (лоас). Биографические данные очень скудны. Дважды, в 30-е и в конце 40-х годов, он служил в армии. Существуют документы о его воинской храбрости и о том, что, служа в 30-е годы, Кальдерон побывал в Италии. И хотя жизнь в Италии не имела для Кальдерона такого значения, как для Сервантеса, Риберы или Веласкеса, такая поездка была очень важна для каждого деятеля культуры той эпохи. Кальдерон служил также во Фландрии, а затем во время войны с Францией и Каталонского восстания.

По причине ли скрытой темпераментности или раздражительности от жизненных невзгод, но поэт и его братья неоднократно вовлекались в дуэли и кровавые стычки, при которых бывали жертвы с обеих сторон. Однажды в ходе такого «сражения», в котором был серьезно ранен брат поэта, он в толпе друзей и альгвасилов, преследуя врагов, ворвался в монастырь монахинь-тринитариек. За это нарушение церковной неприкосновен-

ности Кальдерон был заклеен с амвона и рисковал оказаться в положении своих героев Эусебио или Луиса Переса Галисийца. Поэту подходило к пятидесяти, когда его жизнь вновь была омрачена личными неприятностями: новая дуэль, кончина возлюбленной, тревога за осиротевшего сына.

Гонения против театра продолжались постоянно. Второй, особенно неистойой со времен Филиппа II (с 1598 г.), была кампания за полное запрещение театра, открывшаяся с середины 1640-х годов при Филиппе IV. И хотя сам король увлекался пьесами Кальдерона, кампания была направлена и непосредственно против поэта как самого влиятельного драматурга эпохи. На пять лет, с 1644 по 1649 г., закрываются театры, а на 25 с лишним лет прерывается печатанье томов сочинений Кальдерона. Подлинные чувства поэта выразились в народно-революционной драме «Саламейский алькальд» и в имевшем характер публицистической статьи гневном письме 1652 г. в защиту поэзии патриарху Индий дону Алонсо Пересу де Гусман, то запрещающему театр, то осмеливавшемуся вновь заказывать Кальдерону духовные пьесы. Кальдерон в письме отстаивает восходящую к Возрождению концепцию единства светской и философско-духовной литературы как «украшения души и развития разума».

В 50—60-е годы Кальдерона продвигали в духовных синекурах и при дворе. Рукоположенный в священники, он с середины 60-х годов числился почетным духовником короля (что, правда, не предполагало реального исполнения этой должности). Как драматург Кальдерон оказался связанным всем этим и мог писать лишь для придворных постановок да духовные действия (аутос), исполнявшиеся в церковный праздник.

Официальное признание, обеспечивавшее

Кальдерону удовлетворительное материальное положение, было по существу внешним. Еще дважды, в 1665 г. и 1672 г., великому драматургу, все более убеленному сединой, пришлось пережить оскорбительные кампании за полное запрещение театра, воплощением которого в это время был он. Еще ясней истинное отношение церкви и двора выявилось через год после смерти поэта, когда именно выход посмертной «Пятой подлинной части комедий Кальдерона» (1682) вызвал, как мы уже говорили, ряд злобных антитеатральных проповедей и памфлетов, создававшихся, прежде всего, в среде иезуитов. Они полагали, что после смерти Кальдерона настала пора навек покончить с национальным театром. Как поношение веры и добрых нравов рассматривался и духовный театр, даже заказные, в той или иной мере навязанные Кальдерону произведения, но главный удар направлялся против комедий, в которых реакционеры чувствовали неумиравший ренессансный дух.

Комедия и после Лопе де Веги и смены Ренессанса новыми художественными направлениями XVII в. оставалась для реакционеров ненавистнейшим жанром национального театра. Пусть ее гуманистическая содержательность сузилась, а драматурги барокко прямо или косвенно перерабатывали комедии Лопе и его круга, внешне оттачивая и как бы формализуя их. И тем не менее комедии в противоположность, скажем, философской драме не могли быть «исправлены» цензурными изъятиями. Они всем текстом и всей постановкой утверждали чувство любви, искрились веселым остроумием, давали актрисам возможность развернуть их женское обаяние, влияли самим ходом действия и на искушенного и на неискушенного зрителя.

Бальмонт успел перевести лишь одну комедию

Кальдерона. Он точно передал ее заглавие — «Дама Привидение» («La dama duende» — буквально «Дама — домовой»; русское «домовой» точно и по этимологии соответствует лат. «domitus»). Проблема суеверия — антисуеверия очень важна в произведении и является одной из пружин его совершенно индифферентистского по отношению к вере комизма. На советской сцене произведение шло в выдающемся переводе Т. А. Шепкиной-Куперник, сделанном тогда, когда о существовании или, во всяком случае, о сохранности перевода Бальмонта не было известно, под ярким, но вольным заглавием «Дама невидимка».

«Дама Привидение» (1629) относится к стилизованным в духе барокко комедиям более или менее «лопевского» типа. Она начинается с сочувственно улыбчатых насмешек над любовными драмами круга Лопе. Конечно, свойственный Лопе де Веге ренессансный реализм, раскрывающий динамику освобождения личности, утверждающий свершающиеся преобразования как свершившиеся, у Кальдерона изменен в сторону более сдержанного и более печального правдоподобия в изображении дворянской семьи того времени. Трагический аспект положения женщины в семье Кальдерон осветил свинцовым лучом в так называемых «драмах чести», где прототипом ревнивого мужа — убийцы выступает царь Ирод. Для многих комедий Кальдерона характерна скрытая связь с трагической проблематикой «драм чести», а среди них — «Не всегда верь худшему», написанная около 1648—1650 гг., вскоре после одной из самых осуждающих из этих драм — «Живописец своего бесчестья», служит своего рода эпилогом к этим драмам.

Раннюю «Даму Привидение» можно тоже рассматривать как отражение жизненных «драм

чести», но в относительно оптимистическом зеркале, где все будто так, но все наоборот. Хотя действие комедии несется со сказочной быстротой, Кальдерон по-шекспировски много сообщает о судьбе и характере доньи Анхелы. Молодая женщина страдает от вдовой судьбы. С горечью говорит она одевающей ее в постоянный траур служанке: «Меня живой окутай в саван»...

Поистине я взаперти
Живу, лишённая свободы,
Вдова я моего супруга,
Двух братьев суженая строгих.
И в преступленье вменят мне,
Что, низости не совершая,
А отвергая лишь опеку,
До глаз закутана покровом
В тот славный я пошла театр...

Зритель узнает, что покойный муж Анхелы, начальник морской таможни, не отличался особой честностью и задолжал казне большую сумму. Так что в столице Анхела живет уединенно не только по воле братьев, но и чтобы уладить дело с долгами мужа и потому, что ей не на что жить.

Видит зритель и жизнелюбие, и целеустремленную решительность доньи Анхелы, завоевывающей сердце и руку человека, который пленил ее своей безрассудно донкихотовской храбростью, став по первому слову незнакомки на ее защиту со шпагой в руке. Анхелу строго блюдут два брата, будто она их жена (*casada*), и в комедии случай должен быть столь же благоприятен, сколь он был зловещ в «Поклонении кресту», а особенно в «драмах чести». Без этого и донья Анхела с ее завидной «лопевской» активностью и сообразительностью погибла бы. Девушку с кувшином у Лопе в роковой момент спасла слава о ее подви-

ге, донью Анхелу — трансцендентное вмешательство в его самой ненавязчивой форме — счастливый случай.

Донья Анхела

И все же не могу поверить,
Такой невероятный случай:
Едва сюда в Мадрид он [дон Мануэль]
прибыл,

Встречает тотчас даму он,
Которая защиты просит,
И брата — тот наносит рану,
И брата — тот его уводит
В гостеприимный дом к себе.
Стеченье обстоятельств
Настолько странно, что хотя бы
Все и случилось так, поверю,
Когда увижу я его.

Анхелу братья скрывают от гостя, а она пока не знает ни о соседстве комнат, ни о тайной двери. Так что «невероятный случай» («*Poqque caso extraño fuega...*») оказывается еще невероятнее.

Такой «невероятный случай» — эмблема комедии барокко, поскольку в жизни таяли реальные основы лопевской ренессансной комедии, кроме возрожденных Ренессансом характеров.

Анхеле стоила бы жизни встреча с вспыхивающим по любому поводу братом дон Луисом по пути из театра, не подвернись тут дон Мануэль — «Дон Кихот перекрестков», готовый по просьбе незнакомой дамы («... Прощайте. Мертвая иду.-- Что это? Дама или ветер?») вступить в поединок с неизвестным. Новый случай второй более рассудительный брат Анхелы, дон Хуан, друг дон Мануэля, поспекает точно вовремя, чтобы разнять сражающихся и пригласить друга остановиться у него в доме. Пусть он и друг, и верит другу,

он, конечно, скрывает, что в доме сестра, отделенная от комнаты гостя потайной дверью со стеклянным шкафом. Но аллегорическая деревянно-стеклянная дверь, воплощающая своей хрупкостью некую условность складывающейся комедии барокко, соединяет на театре то, что было бы разделено в действительной жизни (Дон Луис: Защита из стекла для чести.// Удар, и хрустнуло стекло...)

Дальше сквозь все препятствия действуют законы комедии «лопевского типа» и вступают в игру качества испанской женщины, воспитанной в духе Возрождения. Зритель знает больше героев, потому что сцена была разделена надвое, и он видел и слышал, что происходит в обеих комнатах. Анхелу, отделенную от спасителя тонкой перегородкой двери, нельзя удержать, а дон Мануэль, к ужасу слуги, решается вступить с привидением в донкихотски-галантную переписку. В комедии есть не только лопевские, но ясные каждому испанцу сервантесовские ассоциации. О доне Мануэле еще раз говорится, что «...странствующим подражает // Он рыцарям»; Косме — один из наиболее близких Санчо Пансе, хотя и с некоторым снижением мужицкой мудрости, слуг испанской комедии. Читатель сам удивится его запасу шуток, его систематике домовых, жалобам по поводу разделения между слугой и господином радостей и тумачков от призрачной дамы, его причитания по поводу покражи ворованных денег и т. п.

Со «смеховой культурой», с народным религиозным индифферентизмом связано наполняющее комедию чертыханье, перемешанное с обращениями к господу всеу, мысль, что привиденье монах-капуцин с рожками, что это крещенное привидение, богатейшая «демонология», развер-

нутая в беседе Косме с хозяином, незаметно переключаящаяся от ведьм и чародеев на неприкаянные души Чистилища и на отрицание доном Мануэлем сверхъестественного (*sobrenatural*) вообще. Дон Луис в разговоре с холодной к нему Беатрис не к месту говорит о земной любви — «Любовь есть Бог». А служанка Исабель восклицает: «Я первое из привидений, // которое взывает к Богу». Такой озорной перестановкой разных вопросов Кальдерон, отражая особенности мысли современников, как бы смешивает в осмеянии и суеверия и веру. Дон Мануэль, хотя по характеру полностью противоположен типу дон Жуана, по просвещенности воззрений сближается с ним. Опасный шаг за допустимый или допускавшийся предел — свойство барочных героев Кальдерона и, похоже, неистребимая черта их создателя!

В комедии Кальдерона все продумано и взвешено — это дух XVII в. Каждому событию противостоит противособытие, зритель еле успевает следить за причудливым ходом перипетий, но нити действия образуют четкий рисунок. При некоторых исходных условностях комедии поэт барокко создает в ней весьма реальную общую картину жизни.

«Дама Привидение» представляет один из типов комедии Кальдерона. Такая же комедия, как «Опасайся тихого омута» (1649), показывает, что за двадцать лет Кальдерон ближе подошел к свойственным XVII в. модификациям изображения жизни. Эта пьеса Кальдерона, которую, как видно из письма Бальмонта от 24 июля 1919 г. (см. наст. изд., т. 2), поэт собирался перевести («Бойтесь тихой воды»), близка комедии нравов и бытописательным жанрам французского классицизма. Действие, насколько это было мыслимо для испанца, родившегося при Лопе, замедлено.

Включение обширных монологов, повествующих о прибытии в Испанию Марии-Анны, невесты Филиппа IV, связано не только с назначением пьесы обезоружить врагов театра при дворе, но и с чисто художественными задачами. Описания были необходимы для решения возникшей перед Аларконом, Рохасом, Кальдероном задачи изображения на сцене не столько перспективы развития, сколько существовавшего статуса нравов и быта. Описания давали возможность не только в действии, но и в широкой экспозиции развернуть такие комические образы, как дон Торибю, чванный и хвастливый провинциальный идалго-богач. Он схож с появившимся у современников Кальдерона, например у Франсиско де Рохаса Сорильи (1607—1648), «фигуроном» — испанским вариантом огрубленно-комического и вместе с тем реального вплоть до бытовых штрихов типа, потребовавшегося сатире классицистов, а потом реалистов — Мольеру (Журден), Филдингу (Вестерн), Фонвизину (Простакова), и так вплоть до Гоголя, Диккенса, если не Флобера (Омэ в романе «Госпожа Бовари»). Ренессансный дух сохраняется в комедии в преображении тихой девушки Клары под влиянием любви в великого стратега семейных дел.

Элементы описания нравов и быта, включение в текст пьесы классицистических побасенок-притч характерны также для комедии «Не всегда верь худшему» (ок. 1650) — гуманистическому опровержению Кальдероном бесчеловечности «кодекса чести» дворянской семьи.

Этому посвящены вызывавшие много споров и нареканий «драмы чести», завершающиеся кровавой расправой над подозреваемой, но не виновной в измене женщиной. Три из них — «Ревность — ужаснейшее чудовище в мире», «За тай-

ное оскорбление — тайное мщение» и переведенная Бальмонтом самая знаменитая — «Врач своей чести» (переработка одноименного произведения 1620-х годов, приписываемого Лопе) — относятся к 1634—1635 гг. и одна, «Живописец своего бесчестья», к 1648—1649; анатомии чести посвящена также приведенная к благополучному концу драма «Последний поединок в Испании» (ок. 1651—1653).

Кальдерон в «драмах чести» (если не принимать во внимание весьма существенного параллельного действия среди слуг) далек от необобщающего изображения характеров и ситуаций впрямь такими, какими художник их встречает в тех или иных случаях повседневной жизни. Он далек от манеры изображения, которая была свойственна пикарескно-караваджистскому направлению в литературе и искусстве XVII в. Нет в этих драмах той особой ориентированности на общественную перспективу, на будущее, которую в XVII в. открыл в «Севильском озорнике» Тирсо де Молина. В этой драме уже отсутствует полнота воплощения ренессансного идеала, но есть жизненная перспектива превращения человека в героя, перспектива высветления героической возможности; есть тот земной свет человеческих возможностей, который светится у Веласкеса, Рембрандта, в величайших творениях Мольера, где, однако, нет возможности дать ренессансный ответ на вопрос, как быть?

«Драмы чести» должно рассматривать во вспышках молний барокко. Эти драмы не просто зеркало реальности, даже не концентрирующее лучи зеркало. В них реальность преломляется сквозь призму свойственного барокко эмоционального напряжения. Драмы погружены в атмосферу зловещего ожидания и предвидения зол. Здесь

даже «свобода воли», одна из главных опорных точек Кальдерона, отодвинута на второй план. Только внутреннее достоинство главной героини «Врача своей чести» спасено ее убеждением «Что воля — воля, и не властен // Над волею чужой никто».

«Драмы чести», если прибегнуть к выражению, нередкому у Лопе, протекают «без бога» (*sin Dios*). В веселом беге комедий такое качество подразумевается как бы само собой и связано с ренессансными традициями. «Драмы чести» оно погружает в безвыходность, обнаруживая трагизм разрыва жизненной практики со всякой моральной системой. Злодей Людовико Энио или вынужденный разбойник Эусебио в той или иной степени осознают свои преступления, а дон Гутьерре, «врач своей чести», большую часть времени находится во все более непроницаемой моральной темноте.

Глубже разобраться в нравственной позиции самого автора в «драмах чести» позволяет ключ, данный в одной из первых двух таких драм, изданных в 1637 г.: «Ревность — ужаснейшее чудовище в мире».

Свое отношение Кальдерон определил уже выбором главного персонажа, тем, что идею и исполнение кровавой расправы над невиновной женщиной поручил баснословному злодею истории и народных легенд тетрарху четырех иудейских земель царю Ироду Старшему (37 г. до н. э.— 4 г.). Это он, чье имя стало нарицательным, известен распоряжением об избииении младенцев, а сын его, тоже Ирод, — приказом отрубить голову Иоанну Крестителю и поднести ее на блюде Иродиаде. Кальдерон не придерживается буквы церковного предания, драма идет настолько «без бога», что он не упоминается. Кальдеронов Ирод

в ужасе от собственных злодеяний, поражений, неотвратимой казни и сам бросается в море почти за тридцать лет до того, как он мог осуществить избиение младенцев.

Действие развернуто вокруг безумной «любви» Ирода к жене, распоряжения тетрарха сразу после его смерти умертвить Мариамну, становящегося ей известным, и убийства жены самим Иродом.

Кальдерон, органически связанный с поэзией Востока, искусно окружает эти ужасы и портрет Ирода как специфически «восточного» деспота и злодея контрастным им пышным словесным плетением, эмфатичными «восточными» хвалами красоте Мариамны, придавая всей драме черты условности, оперный эффект, подчеркивающий трагизм, а в то же время «остранением» делающий его переносимым для слушателя и читателя.

Определение любви — безумия, данное в начале драмы самим Иродом, выражает не слишком скрываемый им импульс неистового властолюбия: дескать, Ирод так любит Мариамну и она так прекрасна, что ей не пристало завидовать ничьей судьбе, а, значит, ему надо стать повелителем мира. Марионеточный ставленник римлян, чужеземец, тетрарх четырех малозначительных провинций всерьез надеется захватить высшую власть в Римской империи. Он услужал Марку Антонию, но предательски злорадствует по поводу его поражения и гибели, теоретически обосновывает предательство и пользу от войн. Его одурманенному властолюбием мозгу мерещится, что теперь на пути к вселенскому престолу не два, а «одно» препятствие — надо лишь захватить и убить Октавиана.

Однако изложение предательского плана, а заодно и портрет прекрасной Мариамны попадает в руки противника, а оказавшийся в зато-

чении Ирод приказывает убить «любимую» жену, чтобы она после его смерти не досталась никому другому. Верная Мариамна, знающая о приказе, вымаливает, однако, Ироду прощение у Октавиана, но оказывается меж двух огней: мужубийца преследует ее ревностью, а Октавиан, выведенный отнюдь не в одних светлых тонах,— все более настойчивой любовью. Когда противники сходятся, то Ирод впотьмах убивает жену в нарушение задуманной им очередности...

Мужья-убийцы в других «драмах чести» — не Ироды по характеру, но в чем-то схожи с Иродом по самовластительности и жестокости.

Зловещие беседы дона Гутиерре «с честью наедине», идея кровавого «лечения чести» обдуманы, но скрыты от людей и чужды как гуманистическому, так и религиозному нравственному началу. Он будто чувствует, что убивает невиновную, даже якобы любит жену, не как Ирод, но его функция «врача своей чести», хоть он казнит не своими руками, это безотрадная функция палача, притом действующего не от имени государства или церкви, а палача самодовлеющего. Боязливый цирюльник, который под угрозой оружия совершает смертельное кровопускание и которого от предательского удара кинжалом дон Гутиерре спасает лишь случайная встреча на улице с королем, борется с преступлением, оставляя на всех дверях дома кровавый отпечаток руки, чтобы было легче найти место убийства. Шут-неудачник Кокин, кажется, думающий лишь о заработке, возвышается не только над пройдохами пикарескного романа, но и над доном Гутиерре, рискуя объявить королю о готовящемся его знатным сеньором преступлении.

То, что цирюльник и слуга нравственно выше и в чем-то героичнее дон Гутиерре, снимает

всякие домыслы о солидарности автора или зрителя с убийцей.

Во «Враче своей чести» кошмар возведен во вторую степень, ибо мрак мира дон Гутierre погружен в царство универсального кошмара царствования короля Кастилии Педро Жестокого (XIV в.). Этот образ был удивительно глубоко и разносторонне осмыслен испанским фольклором. Предания отдавали долг энергии и бесстрашию короля (он, например, бился с призраком зарезанного по его приказу человека, выступив в этом отношении предшественником героического начала в Дон Хуане). Но в то же время народная молва была беспощадна к жестокому монарху — ему сопутствуют голоса погубленных младенцев и народных певцов, настойчиво предупреждающих его о возмездии и бесславии; он останется истуканом в истории страны: «ты будешь камнем в городе Мадриде...»

В драме все это замешано густо. Есть и роковые песни. Оруженосец называет короля «странствующим мертвецом». Важную роль в драме играет домогающийся Менсии и погубивший ее этим инфант дон Энрике, брат короля, впоследствии убивший его. Зловещее предвещание есть в том, что, прощаясь с Менсией, инфант признается, что порывает с родиной. Иными словами, за действием «драмы чести» обрисовывается глубинное действие мрачной исторической драмы о каиновом предательстве брата короля. Можно сказать, что в крови Менсии как бы захлебывается все королевство.

Педро Жестокий хочет быть или слыть правосудным, но идет роковым путем жестокости, приводящей его к смерти. Отрезок этого пути в драме дан достаточно отчетливо. Среди других жалоб король получает жалобу доньи Леонор, оставлен-

ной Гутьерре ради брака с Менсией, а затем жалобу Гутьерре на инфанта: разрешения создавшегося положения найти король не может. Поэтому, хотя он внял предупреждению Кокина и ринулся спасать Менсию, он в глубине души доволен, что смерть Менсии избавляет его от трудного суда, и перед лицом необратимости свершенного втайне преступления думает по-своему овладеть ситуацией, и, ужасаясь жестокости мести, не оглашает преступления и приказывает дону Гутьерре немедленно (хотя тело Менсии еще не унесено) обручиться с Леонор. Определяя поступок Гутьерре, король употребляет то же слово, которым нарекли его самого — «жестокий» (*el cruel*), но находит способ действия мужа разумным (*cuerdo*).

Жестокое «благоразумие» не ведет короля к добру.

Сгущенность ужаса и мрака поражает в драме и потому, что главный персонаж воплощает не только жестокость кодекса чести, но и смятенность человека барокко. Дон Гутьерре изощренно барочен по способу мышления и выражения. Когда Менсия еще ревновала его к прежней любви, к Леонор, он так витиевато объяснял ей свой переход от «любви к луне» к «любви к солнцу», что она справедливо отвечает ему: «уж очень ты метафазичен» (*Muy parabólico estás*). Это проникновенное определение характера воображения человека барокко. Таков же Гутьерре и в конце драмы, когда, неистовый (*loco furioso*) от содеянного, показывает отвращающую и жестокого короля картину ложа с окровавленной Менсией:

Взгляни сюда и ты увидишь
Окровавленный облик солнца,
Луну, объятую затмением,

Покрытый тьмою звездный свод,
Лик красоты, печальной, горькой,
Тем более меня убившей,
Что вот она, мне смерть поспавши,
Меня оставила с душой.

Сквозь все эти кошмары барочного смятения Кальдерон и обнаруживает с беспощадной прямоотой не согласуемые между собой зияющие противоречия семейного устройства испанского дворянского общества. Общее кровавое смятение «драм чести», безнадежных, по его представлению, драм «без бога» не менее важный предмет, чем выведенный в них брак, чаще без любви со стороны женщины, выданной родителями замуж в момент, когда она обескуражена известием (обычно ложным) о гибели или об измене молодого человека, которого она втайне любила. Кальдерон в этих драмах всегда изображает женщину верной женой, ничем не запятнанной: жена сама воспитана в духе «кодекса чести», не изменяет мужу с любимым человеком, являя, в отличие от жизненной в своих страстях Кассандры из «Казни без мщения» Лопе, или некоторых героинь философских драм самого Кальдерона — Полонии или Юлии, о которых речь шла выше, характерную для героев барокко и классицизма «декартовскую» непреклонность воли.

Трагическая закономерность выступает в «драмах чести» Кальдерона (как впоследствии у многих романтиков) сквозь нагромождение случайностей, в драме — роковых и в то же время реальных. Например, жена не может перед вечной разлукой (и будто по ее вине!) не объясниться с ранее любимым ею человеком, а доходящие до мужа сведения о целомудренной сцене прощания трактуются им как доказательства измены. Все сочувствие Кальдерона — не в меньшей сте-

пени, чем это было у писателей Возрождения,— на стороне женщины, которая в этих драмах у него более цельно ангелоподобна, чем у Лопе или Шекспира, хотя не наделена такой жизненной пластичностью, как идеальные героини «Цимбелина», «Зимней сказки», «Бури». Зато Кальдерон выделяет еще одно очень важное для испанского зрителя обстоятельство: героиня чиста перед небом. Это единственная щелочка, сквозь которую в «драмы чести», в драмы «без бога», проникает тонкий луч нравственного света, как его понимали современники Кальдерона.

В поздней «драме чести», озаглавленной с презрительно-осуждающей иронией «Живописец своего бесчестья» («Врач», функция более пассивная: безумец «лечил» честь от болезни, которая ее, по его мнению, настигла; «живописец» активен: он сам придумывает то бесчестье, которое карает убийством мнимых любовников). Причиной расправы мужа является плод воображения в самом дурном смысле слова — «выдумки». Такое ложно «художественное» воображение противопоставлено правде жизни. И хотя родители убитых не осуждают убийцу, и он не излагает мотивы преступления так красноречиво, как «врач», совесть сама обрекает его на изгнание, а авторское прозвание «художник своего бесчестья» оттеняет низко-фарсовый характер клейма.

В заключение напомним, что в каждой «драме чести» Кальдерона содержится народное осуждение бесчеловечной софистики кровавых расправ устами простых людей — здравомыслящих слуг и служанок, шутов-грасьосос, составляющих неотъемлемую часть всех испанских драм Золотого века.

ФИЛОСОФСКИЕ ДРАМЫ:
«ВОЛШЕБНЫЙ МАГ»,
«СТОЙКИЙ ПРИНЦ»,
«ЛЮБОВЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ»

Среди переводов Бальмонта больше всего философских драм: сюда, кроме драмы «Жизнь есть сон», надо отнести шедевры Кальдерона: «Волшебный маг» (1637), «Стойкий принц» (ок. 1629) и «Любовь после смерти» (1633). Эти драмы могут рассматриваться и как драмы исторические, возведенные до высоких философских проблем. Формально для испанских современников, называвших драматические произведения «комедиями», все они «*comedias históricas*».

Мы не возвращаемся к драме «Жизнь есть сон», которая рассматривалась выше как эмблема творчества Кальдерона и как «главное» произведение всего литературного барокко. Этой драмы, как некоторых архитектурных сооружений Бернини и Борромини в Риме, достаточно, чтобы дать барокко определенную характеристику.

«Волшебный маг» — так мы, уступая переводу Бальмонта, именуем здесь драму, хотя считаем правильным переводить «*El mágico prodigioso*» менее поэтично, но более точно как «Необычайный маг». Христианство на первых порах усердно боролось с низовыми верованиями языческого мира и вытравляло веру в магов и магию. Слово в отрицательном смысле было оставлено лишь для трех царей-магов (в славянской традиции: волхвов), приведенных звездой «с Востока» из разных частей мира поклониться младенцу Христу и скрывших от Ирода свое открытие: и они в западной традиции, начиная от Тертуллиана и твердо

с VI в. именуется «царями» («королями» — «geges») намного чаще, чем «магами».

Действие происходит в Антиохии Писидийской в середине III в. Молодой ученый-язычник — Киприан у Кальдерона — маг необычайный. Он стремится не просто к сверхъестественному знанию, не к тому, чтобы стать всемогущим, поработить мир и достигнуть неслыханных наслаждений.

Кальдерон ставит вопрос так, что видно не только, как он далек от казенной церкви, но и насколько «девятый вал» рационалистической философии XVII в. отделяет его от христианского мышления — по драме Киприан самостоятельно, без помощи откровения, сам открывает основы христианства. К легендарному Киприану III в. он находится в таком же отношении, как Декарт, Спиноза, Лейбниц.

Дьявол, хотя стремится при помощи любви язычника Киприана искушить и ввергнуть в грех христианку Юстину, по существу как бы выполняет негласную волю неба, отводя Киприана от сокрушительного для богословия открытия. Моря крови еретиков-мистиков, лютеран, кальвинистов были пролиты церковью из-за того, что те искали менее оказанный, более прямой путь общения с богом, а тут речь о самостоятельном, без помощи Писания, рациональном открытии и постижении бога!

Если взглядеться в Киприана пристально, наподобие гофмановских фантастов, то в язычески прекрасном юноше замерещится язвительная улыбка гуденовского Вольтера, разговаривающего с небом на рационалистическом языке деиста XVIII в.

Южный Фауст начинает опаснее, чем его северный собрат, будь то в немецкой народной

книге, будь то у Марло и даже позже у Гете. Осью, определяющей масштаб драмы Кальдерона, является стремление выяснить сокровенную истину до конца («*Esta verdad escondida // He de arigar*»). Однако дьявол все-таки сумел разными уловками, поставив на пути Киприана красавицу Юстину, увести ученого от познания сущности. Как это ни чудовишно молвить, дьявол таким образом привел Киприана к христианству. У Кальдерона получается, что тут-то ученый вернулся от идеи всемогущества знания к идее сомнения (*la duda*) и смятенности (*la confusión*) разума. Это вариант барокко. Гетевского замысла многотрудного, встречающего препятствия преобразования мира, с вовлечением в это духа зла у кальдероновского Фауста нет.

Римские власти (времен императора Деция) казнят Киприана вместе с Юстиной.

Тяжкий путь к христианскому мученичеству Киприана идет на фоне прекрасной природы — леса, садов, стройных башен, на фоне любовных безумств, поединков, видений, разыгранных кораблекрушений (не листал же Кальдерон «Бурю» Шекспира, никому в Испании не известного!), страданий и радостей Юстины, ее искушений и продемонстрированной ею, как нигде кроме трактата Декарта о страстях (I, § 41), твердостью «свободной воли», безусловно властной, если не над помыслами, то над поступками.

Уже приходилось говорить, что энергичное утверждение «свободы воли» отделяло героев Кальдерона от христианских представлений и приближало к греко-римской гражданственности. Киприан вообще очень нов для своей эпохи и полон гражданского достоинства: он самостоятельно аннулирует договор с дьяволом как с не выполнившим условия контракта, отстаивает принци-

альное право мыслителя на переход от одной системы взглядов к другой, ответственно относится к правам окружающих.

Но для характеристики драмы необходимо вспомнить и «фальстафовский фон» в заостренном, достойном Панурга в романе Рабле, если не венецианского сквернодума XVI в. Аретино, варианте: остроты слуг-грасьосос Москона и Кларина и их весьма не беспорочной подружки Ливии, старающейся поровну делить свои ласки между ними. Дьявола они распознают куда ловче, чем глубокий и в то же время доверчивый Киприан, но безобразно торгуются о распределении ласк Ливии.

Как дьявол несколько раз исчезает, растворяется в воздухе, натворив очередную пакость, так и серьезность драмы то и дело подрывается то здоровыми, то охальными замечаниями разошедшихся грасьосос. Мало того, нельзя избавиться от впечатления, что сам поэт то серьезен, то смеется и озорует.

Среди шуток веселых есть и мрачные, как к концу «Короля Лира». Попав в одну тюрьму с Юстиной и сразу ею обращенный, Киприан, уходя на казнь, «шутит», имея в виду, что отдал душу дьяволу в надежде обладать ныне гибнущей на одной плахе с ним красавицей:

Я, за тебя отдавши душу,
Большое ли свершу деянье,
За бога отдавая тело?

А несколькими стихами ниже слуга-шут Москон восклицает: «Как любо им идти на смерть!» — и получает ответную развязнейшую реплику Ливии: «Приятно жить втроем нам будет». Так вплоть до последних стихов текст перемежается назойливым спором о чередовании ласк

Ливии:

И оставляя под сомненьем,
Любовь разделена ли верно,
Волшебному мы просим *Магу*
Несовершенства извинить.

Одной из поразительных по глубине и неисследимости мысли, по лирической избыточности и барочному двуединству построения является философская драма «Стойкий принц».

С первого взгляда драма кажется ясной. В соответствии с народными преданиями она «бескорыстно» воспеваает подвиг не испанского, а португальского принца XV в. дона Фернандо, брата короля, попавшего в заложники к царю Фесскому. Фернандо — «стойкий принц». Он отказывается от свободы ценой возврата фесцам Сеуты, главного опорного пункта охраны связи португальской океанской и средиземноморской торговли. Принца обращают в раба, изнуряют самыми каторжными работами, но стойкий Фернандо переносит все безропотно и гибнет на гноище. По легенде мученичество Фернандо обеспечивает королю португальскому Альфонсо V (1438—1481) взятие Танжера, а прах Фернандо торжественно возвращают на родину. К этому надо для объективности добавить, что Альфонсо V был одним из опаснейших врагов Испании и поддерживал мятежных феодалов, осужденных в «Фуэнте Овехуне» Лопе де Веги.

Таких данных было достаточно для философской драмы барокко о стойком принце.

Но Кальдерон все усложнил, создав драму, где лирическое начало стало столь же весомым, как драматическое, подавленная любовь — столь же трагичной, как мученичество, мусульманка Феникс едва ли не столь же существенным фоку-

сом драмы, как христианин Фернандо, где оказалось, как воскликнул немецкий ученый Вольфганг Кайзер, что не имеет значения, происходит ли все под небом христианским или под магометанским, где принятые отношения человека с богом пошатнулись.

Кальдерон ввел в драму узлы, которые век не разрубить сторонникам одноцветной официально-католической концепции его творчества.

В начале драмы, еще свободным, дон Фернандо отпустил пленного фесского полководца Мулея, когда тот объяснил, что его пленом может воспользоваться соперник по любви к Феникс. Мулей верен дружбе и, рискуя жизнью, готов, в свою очередь, помочь бежать дону Фернандо, которому грозят истязания и смерть. Однако Стойкий принц, решившийся на муки и подсознательно ощутивший, что отказ от счастья любви — одна из самых тяжелых из них, не принимает помощи Мулея и произносит слова, колеблющие представление о нем как о герое веры и сближающие его с простым солдатом, выполняющим свой долг, «как все», произносит «войнаимировские» слова, открытые «на все времена»:

Когда его страданье — Феникс,
Он бóльшей скорбью огорчен.
Моя печаль — страданье многих,
Обыкновенная беда.

Кальдерон редко бывает схож с Толстым, и мы не станем больше настаивать на мысли, что до рассказа о судьбе Пьера Безухова и Платона Каратаева в плену мало кто так писал. Схождение может быть усмотрено лишь на существеннейшем, но скрытом уровне — в соединении проблем «войны» и проблем «мира» органически и таким образом, что конечную, высшую важность по

сравнению с суетой «войны» имеют вопросы «мира». Великим словом является формула «обыкновенная беда» (Бальмонт перевел буквально: *es comúп repa*). Но стилистически никакого сходства между толстовской неукрашенностью и фигуральностью барокко нет. Стих «Когда его страданье — Феникс» намеренно многозначен. «Феникс» воплощает не только семейное счастье человеческой мирной жизни. Есть здесь и подавленная скорбь донна Фернандо, который не может дать свободы чувству к возлюбленной своего мавританского побратима. Есть здесь и игра смыслом имени: решение донна Фернандо с определенностью ведет его к мученической смерти. Исход страданий Мулея неясен, и они могут испепелять его как сгорающая птица феникс и, как она, возрождаться из огня и пепла.

Нельзя обойти вниманием, что в этих стихах уравниваются два мира — мир христианский и мир магометанский — и делаются понятными взаимные благословения друзей именем бога и аллаха.

Другим весьма загадочным пунктом драмы являются мысли, что герои «обязали небо» (*obligando al cielo*) им помогать, а особенно последние слова Феникс в конце драмы: «*cumplió el cielo su promesa*». Эти слова не решились точно перевести ни А. В. Шлегель, ни французские прозаические переводчики первой половины XIX в., которые легко могли прибегнуть к кальке, ни Юлиуш Словацкий, ни, наконец, Бальмонт и Пастернак. Буквально: «исполнило небо свой обмаж», т. е. «вассальное обязательство» по отношению к Стойкому принцу. Если натянуть значение термина феодального вассалитета «обмаж» до готовой лопнуть струны метафоричности, можно перевести «исполнило небо свой обет». Но и

такого тезиса не признаёт никакое богословие, если речь не идет о языческом роке или о заранее свободно данным небом обетовании. Кальдерон, певец человеческой стойкости, дошел в апофеозе Стойкого принца до невозможного в религиозном мышлении постулата, что человек может «обязать небо» и добиться того, чтобы «небо выполнило свое обязательство»!

Драматург, видимо, сам понял, что зашел слишком далеко, к чуждой ему грани, где кончается вера и маячит богоборчество или магия. Во всяком случае, важные элементы в развязке драмы «Жизнь есть сон» могут быть поняты как исправление поэтом стиха об исполнении небом (вассального) обязательства. Потерпевший поражение в битве с сыном Басилио бросается к ногам Сехисмундо со стоном:

Пусть, после стольких предвещаний,
Исполнит сказанное небо —
Свершит обещанное рок.

(Y tras prevenciones tantas
Cumpla el hado su homenaje
Cumpla el Cielo su palabra.)

Здесь все похоже, но все совсем по-другому. Предвещание сбывается лишь формально, ибо Сехисмундо-победитель проявляет не жестокость, а величайшую почтительность к отцу. Номенаже отнесено не к небу, а к року (язычество в известных пределах допускало обязательство того или иного бога смертному: Аполлона, Афины — Оресту), к небу же отнесено свободное слово самого неба, а не обязательство. Глагол «cumplir» из совершенного прошедшего изъявительного наклонения (pretérito, т. е. перфект: «выполнило») переведен в настоящее время *сослагательного* на-

клонения (subjuntivo presente: «пусть же выполняет...»). Перед зрителем не реальность, а предположение Базилио.

Сехисмундо в ответном монологе отцу говорит о нелепости принятых Базилио мер, которых одних было достаточно, чтобы ожесточить сына. Бросаясь, в свою очередь, к ногам побежденного отца, он определяет неизбежность происходившего изречением: «Sentencia del Cielo fue».

То было приговором неба;
И как он [отец] ни хотел его
Предотвратить, он был не властен.

Но исправив крайность в отношении обязательства неба, Кальдерон отнюдь не склонен был становиться на точку зрения «предопределения» и оставался верен идее «свободы воли». Небо показало царю лишь то, что он ошибся в способе преодолеть приговор неба, «победить его»: «...el Cielo te desengaña // De que has errado en el modo // De vencerle...» —

Небо показало,
Что ты ошибся, захотев
Так победить его решенье.

Подчеркнутое нами у Бальмонта «так» несколько ослабленно соответствует испанскому «в способе».

Как Кальдерон ни исправлял идею, что можно «обязать небо», получилось лишь, что не надо ошибаться в способе победить его.

Полуосознанно начатая Данте борьба с томизмом, самой «просвещенной» догматикой эпохи, привела в ближайшие века к необратимому разладу у верующего разума и веры: они сосуществовали, но не сливались и у Кальдерона — тут уж не до «черного» великоинквизиторского мифа.

В «Стойком принце» с темой подавленного томления дон Фернандо по Феникс расцветает лиризм двуфокусной драмы. Отделенные друг от друга одна — любовью, другой — дружбой с Мулеем, разностью вер и положений, одна царевна, другой умирающий смердящий раб, разделенные неизмеримостью и несоизмеримостью бед, Феникс и дон Фернандо неосознанно влекутся друг к другу. Фернандо, когда в нем погасло все, кроме стойкости, произносит Феникс прощальный сонет о вянущих цветах и слышит от нее столь же грустный сонет об угасающих звездах. В собственно поэтическом плане в этот момент по существу и свершается его отречение и смерть, мгновенное угасание красоты, воссозданное в сонетах, и есть гибель Стойкого принца, разрешение действия, идущего от второго фокуса драмы.

В сцене сонетов Феникс произносит приговор всему земному в Фернандо:

Будь первым горестным, с которым
Не хочет вместе быть другой.

Веротерпимость и предельная человечность драмы «Стойкий принц» зеркально отразилась в драме «Любовь после смерти» (1633), где герои гранадские мавры, а насилия и злодеяния совершаются испанцами Филиппа II.

Драма «Любовь после самой смерти» — как с поэтическим заострением замысла переводит заглавие Бальмонт в заключительных стихах (точный перевод: «Любовь после смерти, или Тусанí из Альпухарры»), — одна могла бы принести Кальдерону славу великого драматурга барокко и смелого продолжателя народно-гуманистических идей Возрождения.

Драма в еще большей мере, чем «Стойкий принц», философское произведение о равенстве

людей разных рас и вер. Она построена по контрапункту со «Стойким принцем». Там герой, хоть португалец, но христианин, по свободной воле, ради идеи, отрекается от всего земного и гибнет мучеником. Здесь герой мориск, крещенный араб, внутренне верный магометанству, повстанец против Испании, получающий после разных испытаний любимую Малеку и в тот же миг теряющий жену, поскольку начинается испанское наступление. Малеку грабит и варварски убивает испанский солдат. Тусани дает торжественный обет, обязательство (*homepaje* — вспомним «Стойкого принца»!) отомстить. Он проникает в испанский лагерь, в невероятно трудных условиях отыскивает и закалывает убийцу. Схваченный Тусани говорит всю правду, поражает испанское командование и пощажен.

Без этого последнего обстоятельства, не дающего полностью потускнеть испанскому воинству, драма не могла бы существовать, ибо Кальдерон и так преступает всякую меру в сочувствии морискам и в восхищении ими. Согласно драме, испанцы повинны в восстании и прямым оскорблением морисских руководителей и унижительными запретами, и приказами о поголовном истреблении, включающем женщин и детей. Об исторических причинах, делавших компактное население морисков опасным в условиях максимума турецкой экспансии, Кальдерон не говорит. Что же касается возмутительных притеснений, то оно так и было: Филипп II в соответствии с советами самого изуверствующего отребья из своего окружения, перед которым и герцог Альба выглядел ягненком, ввел в действие в 1565—1567 гг. устрашающий указ Карла V от 1526 г. о запрещении не только веры, но костюма и языка морисков (даже дома предписывалось не говорить по-араб-

ски). Все это делалось с целью спровоцировать восстание и кровавую бойню. Филипп II, не гнушавшийся кровосмесительством и сыноубийством (умерщвление дон Карлоса относится к 1568 г.), мог хотеть превратить своих военачальников в сообщников резни. Особенно это касалось ненавистного ему младшего брата, побочного сына Карла V дон Хуана Австрийского (1547—1578; Филипп; 1527—1598), привлекавшего к себе, хоть по контрасту, мнение народное. Юноша дон Хуан оказался во главе «грабьармии», так как ему не выделялось средств на ведение войны и содержание войск. Так, на сияющие латы дон Хуана брызгала кровь, смешанная с грязью: чего стоит сцена, когда принц крови «Дон Хуан де Аустрия» попадает на глаза Тусанí с ожерельем, снятым с убитой Малеки и подаренным командующему! Кальдерон хотя не затрагивает самого короля (на этот счет существовало непререкаемое табу), говорит о бесславии, ждущем победителей над окруженными в Альпухаррских горах морисками, их женами и детьми. Чтобы не затоптать в грязь дон Хуана, который как командующий объединенным флотом в победе над султанской Турцией при Лепанто (7 октября 1571 г.) стал в некотором роде национальным героем, поэт намеренно меняет очередность событий, перенося поход в Альпухарру на время после Лепанто.

Героизация многовековых врагов-мавров, давняя высокая традиция испанских народных романсов была воспринята ренессансной литературой. Разительные примеры универсализма и терпимости есть в «Дон Кихоте» (в частности, в главах о мориске Рикоте) и в «Английской испанке» Сервантеса, в новелле «Мученик чести» и во многих драмах Лопе. Борьба за гуманистическую терпимость распространялась и на защиту индей-

цев, и на объективное изображение протестантов (нидерландцев и англичан), на защиту «свободы совести». Блестящих примеров много, и кроме Сервантеса и Лопе — Лас Касас, Эрсилья, испано-индеец Инка Гарсиласо де ла Вега, сам Кальдерон, начиная с ранних драм «Осада Бредá» (1625) («... и пусть каждый сможет спокойно исповедовать свою веру») и «Английская схизма» (1627), где раскрыта экономическая невозможность контрреформы в Англии, и до позднейших ауто.

К гуманистической традиции принадлежит и старший современник Сервантеса Перес де Ита (1544?—1619?), у которого Кальдерон почерпнул основную сюжетную канву. Хинес Перес де Ита, сам жертва нападений мавров и участник войны против морисков, написал среди других две книги, объединяемые общим заголовком «История гражданских войн в Гранаде». Первая из них, исторический роман «Повесть о Сегри́ и Абенсеррахах, мавританских рыцарях из Гранады» (1595), была по-русски в 1981 г. издана в серии «Литературные памятники» (о промавританской традиции см. с. 267 и сл.). Вторая часть (1619) — действительно хроника альпухаррской войны, содержит эпизод о Тусанí и завершается мужественным выступлением автора против изгнания морисков из Испании в 1600—1610-е годы.

Итак, самая, как теперь бы сказали, «интернационалистическая» драма XVII в., чтобы ей не сузиться до какой-то антииспанской памфлетности, спасена тем, что мотивы мести Тусанí испанскому солдату за убийство жены поняты, одобрены, и он пощажен испанским командованием.

Пусть Тусанí, свершающий невероятное, такой же герой барокко, как дон Фернандо, Стойкий

принц, а заглавие «Любовь после самой смерти» отдает трансцендентальностью и выделяет одну из основных идей барокко о победе воли и духа вопреки всему и над любыми препятствиями, драма не двуфокусна. У Тусани нет расщепления дона Фернандо между героической одержимостью и ощущением ценности личного чувства, любви, нет расщепления Сехисмундо между идеей, что жизнь есть сон, и непроходящей памятью о Росауре. Драма в пределах, возможных у поэта барокко, более ренессансна. Можно искать аналогии в «Ромео и Джульетте», в «Антонии и Клеопатре», в «Цимбелине», а особенно у Лопе в «Звезде Севильи».

Пусть любовь оказалась сильнее самой смерти, пусть по просьбе вдовы руководителя подавленного восстания Исабелы, сестры Тусани, он прощен,— что у него осталось в жизни?

Дон Хуан произносит блистательное заключение:

Пленительная Исабель,
Ты попросила слишком мало;
Встань, Тусани прощен. Да будет
Записано на бронзе славы
Деянье лучшее любви,
Какое только было в мире.

Во времена Кальдерона спектакли шли днем. В современном театре за этими словами следовало бы погасить свет: ведь сделано все возможное и невозможное, а мрак трагического пребывает, тот весьма реальный мрак жизненно трагического, который роднит некоторые драмы барокко с поздними драмами Ренессанса. Кальдерон подходит здесь к тому синтетическому направлению XVII в., к линии Тирсо — Мольер, Веласкес — Рембрандт, которая умела изобразить все, и свет

и тьму эпохи, изобразить в ракурсе реальной общественной перспективы, но задачу конкретного изображения этой перспективы могла лишь завещать будущим временам.

В чем же залог перспективы в драме Кальдерона — в земной возможности такой непреодолимой воли, такого подвига: «Любовь после самой смерти»...

5

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДРАМЫ
«ЛУИС ПЕРЕС ГАЛИСИЕЦ»
И «САЛАМЕЙСКИЙ АЛЬКАЛЬД»

В почти точном совпадении с хронологией переводов мы подходим к историческим драмам, работа Бальмонта над которыми была завершена в 1919 г. и которые у нас публикуются впервые.

По отношению к Кальдерону трудно настаивать на отделении исторических драм от философских, отличающихся лишь бóльшим значением в конфликте широких проблем, по отношению к которым собственно исторические события отходят с нынешней точки зрения — на второй план. Но для современного Кальдерону и не относившегося к числу высокообразованных зрителю «Любовь после смерти» была и школой истории и курсом философского и морального мышления, соединенными в чарующем по своему характеру поэтическом восприятии. Вероятно, Кальдерон тоже не задумывался над вопросами жанровой нюансировки своих пьес.

Говоря о Стойком принце, надо иметь в виду, что если изгоя и разбойника Эусебио все же поддерживает благочестие, хотя и особого нецерковного толка, то этого никак не скажешь о мо-

риске Тусанí и о внерелигиозной стойкости главного героя «Луиса Переса Галисийца» и его испанских и португальских друзей.

В драме барокко этот образ относится к числу наиболее наглядных, динамичных, завершенных изображений все еще жившего ренессансного идеала человека. Хотя Луис Перес в безвыходном конфликте с испанским государством, он светится, как молодые люди у Рафаэля и Микеланджело. Он более реально жизненно активен, чем витязи, в которых Ариосто полнее выразил, чем прямо изобразил ренессансное горение.

Разница в том, что ситуация неренессансна. Она не сломила героя, но обещанной второй части нет, и это закономерно. Эусебио жил среди чудес, и то, что его посмертные просьбы выполнены, не удивляет: важно, что в конечном счете правым оказывается отлученный от церкви и поставленный вне закона человек. Стойкий принц «обязал небо» «выполнить свое обязательство» (*complic su honenaje*), и хотя это неслыханно дерзкое пренебрежение богословием, оно проскальзывало в чередѣ подвигов Стойкого принца, скрадывалось апофеозом. Тусанí героическим и бесстрашным осуществлением мести испанскому солдату и таким же рассказом о том, что он сделал, пробудил восторг во врагах-испанцах, но этими врагами были входившие в легенду военачальники дон Лопе де Фигероа и сам дон Хуан Австрийский, скошенный в 31 год (не филипповской ли?) скоротечной лихорадкой.

В лице Луиса Переса сознающий свое человеческое достоинство и свои гражданские права испанский ренессансный рыцарь не по своей воле, не как Дон Кихот, втягивается с горсткой друзей, в том числе смелых женщин, в тяжкое единоборство с государственной машиной во главе с коро-

лем. Эта ситуация нисколько внутренне не надломила Луиса Переса. Когда это необходимо, он сам решает все и решается на все. Он поступает так, как ему велят его взгляды на дружбу и на честь, не считаясь с тем, что подвергает свою жизнь и свободу опасности. Он стойче Стойкого принца в том отношении, что тот свободно принимает мученичество за отчизну и веру, Луис Перес ради дружбы и ради своего человеческого достоинства идет на смертельную борьбу с испанской королевской полицией и судом. Это борьба большого масштаба. Хотя она внутренне оправдана идеей личного достоинства человека, она по упорству, активности, числу жертв постепенно принимает характер мятежа против короля. Что задета власть Филиппа II, с фанатичной прямоотой со сцены объявляет сам главный судья, который казнить мятежника клянется «жизнью короля» (*Por la vida del rey...*, С., I, 309). Причем правота галисийца против короля Испании, ясная герою, его друзьям, достойнейшим из врагов, и, конечно, зрителю, отчаянней правоты крестьян Фуэнте Овехуны или алькальда Саламен. Те казнят или убивают хотя и представляющего власть, но одного и непосредственного обидчика. Луис Перес защищает человеческое достоинство наступательно — пресекая попытки власти осуществить предписанную законом процедуру и до того как эти попытки привели к жертвам. В пьесе, существующей лишь в своей I части (не на сцене же было капитулировать Филиппу II во второй?), гибнут лишь те, кто находится на королевской службе. В драме все — безусловно. Когда Луис Перес узнает, что в судебном деле против него есть ложные показания, то герой, оставив на страже друга, врывается в судебное присутствие и на глазах у судьи вырывает лживые листки из дела.

Однако в более поздние годы (ок. 1645), когда конфликт короля Филиппа IV с нацией достиг предельного накала, когда осуществилось освобождение Португалии и Каталонское восстание, а власти вдобавок пытались упразднить театр в Испании, Кальдерон создал знаменитую драму «Саламейский алькальд». Она вписывается в ряд народно-революционных драм Золотого века испанской литературы, таких, как «Фуэнте Овехуна», «Перибаньес и командор Оканьи» Лопе де Веги, «Королю нельзя быть отцом» Рохаса, «Преследуемый государь» Бельмонте, Морето и Мартинеса, «Господь вершит справедливость всем» Франсиско де Вильегаса и др.

Даже в век наиболее полного затмения славы Кальдерона, в эпоху Просвещения, «Саламейский алькальд», может быть в еще большей степени, чем «Жизнь есть сон», жил в переводах, переработках, постановках за пределами Испании.

В основе сюжета драмы Кальдерона подлинное событие 1580 г., зафиксированное в архивной записи в Саламее-де-ла-Серена (провинция Бадахос в Эстремадуре), уже обработанное Лопе де Вегой в драме, от которой сохранилась, судя по иному характеру строфики, чья-то чужая одноименная переработка. Кальдерон, вероятно, знал (видел, читал список?) и драму Лопе и ее переработку.

«Саламейский алькальд» полон стихов-эмблем и ситуаций-эмблем. Капитан дон Альваро де Атайде под обманным предлогом вторгся в женскую половину дома Креспо и, встретив сопротивление брата Исабели, молодого Хуана, нагло кричит ему:

Крестьянин честь свою имеет?

Хуан

Совсем такую же, как ваша.
И пахаря не будь, не будет
И капитана на земле.

Резню останавливает лишь неожиданное прибытие генерала дона Лопе де Фигероа, быстрого на решения: «Мужчин, и женщин, дом, всех к черту...»

Когда ситуация будто разрешается, дон Лопе наедине спрашивает у Педро Креспо (отца), известно ли ему, что перед ним был капитан?

Креспо

Свидетель Бог, вполне известно,
Но будь он даже генерал,
Когда б моей коснулся чести,
Его убил бы.

Дон Лопе

Кто посмел бы
И у последнего солдата
Хоть нитку тронуть на плаще,
Его повесил бы немедля.

Креспо

И если б кто посмел у чести
Моей задеть хотя пылинку,
Его повесил бы сейчас.

Дон Лопе напоминает, что крестьянин обязан терпеть повинность; Креспо заявляет о готовности отдать именье, жизнь,—

Но честь — имущество души,
И над душой лишь Бог властитель.

Уже видно, какая ситуация складывается в драме, и еще раз понятно, какова, по Кальдерону, его антиконтрреформационная вера, призванная защитить от высших сословий и от их государства

достоинство человека из народа, а не гнуть его ярмом, как хотел великий инквизитор у Достоевского.

В «Фуэнте Овехуне» восставшие крестьяне убивают феодала-насильника, мятежного по отношению к короне. Но Фердинанд и Исабелла выступают не столько объединителями Испании, сколько первыми дворянами государства. Они из классовой солидарности приказывают подвергнуть крестьян поголовной пытке, чтобы установить и наказать непосредственных убийц мятежника. Королевская власть в «медовый месяц» объединения сама сплачивает крестьян против своей политики, сама создает предпосылки для того, что Лопе де Вега назвал «grande revolución». Ни женщины, ни дети под пыткой не выдают зачинщиков и твердят только мирное имя всего селения: «Фуэнте Овехуна» («Овечий источник»). Первой упоминается Исабелла Кастильская, предлагая замирить крестьян и превратить героическое местечко в государственный домен, подвластный только короне. Драма Лопе, хотя речь идет о восстании против одного феодала, показывает и потенциальную широту событий и с необыкновенным воодушевлением воссоздает атмосферу революционного действия. Не случайно историю непосредственно советского театра иногда исчисляют с постановки в 1919 г. в Киеве Марджановым именно этого произведения. Позже «Фуэнте Овехуна» и «Саламейский алькальд» стали литературными эмблемами народно-революционной войны 1936—1939 г. в Испании.

По сравнению с неумемной динамикой событий у Лопе драма Кальдерона «ситуационнее», монументальнее. Действия саламейского алькальда и стекающихся к нему вооруженных крестьян открывают раскол всей страны, дошедший в дан-

ном случае до вооруженного противостояния крестьян и дворян, народа и королевской армии во главе со знаменитым полководцем, распорядившимся применить ее мощь — вырезать и жечь сопротивляющееся селение целиком:

Дон Лопе

Здесь капитан в тюрьме вот этой.
Солдаты, ежели откажут
Его нам выдать, подожгите
Тюрьму, а если все село
В защиту встанет, сжечь селенье...

Солдаты

Смерть мужикам!

Дон Лопе

Там к ним подмога подоспела.
Взломать тюрьму, сломите двери.

В эту не самую удачную для него минуту прибывает король Филипп II. Некоторые старые издания, в том числе то, которым пользовался Бальмонт, помещали здесь ремарку, объясняющую вынужденность дальнейших решений короля, если он не хотел в момент португальского похода угрозы «grande revolución» в тылу: «Выходят солдаты, и дон Лопе с одной стороны; и с другой Король, Креспо, крестьяне и свита». Победа крестьян заложена в такой ремарке, где король оказывается на той же стороне, что крестьяне и их алькальд.

В «Фуэнте Овехуне» на первом плане горячая молодежь, сама пламенная Лауренсия, на виду — действие, отчетливо выявляющее противостояние двух Испаний. В «Саламейском алькальде» на первом плане пожилой крестьянин, умудренный ходок за мужицкие нужды, избираемый в самый нужный момент алькальдом, т. е. на первом плане

не бег действия, а противостояние, чреватое всеобщим столкновением и «grande revoluci6n». Кальдерон понимал, что он пишет. Креспо размышляет: нас «нужно не только учить, // Как биться ловко и красиво, // А почему, за что нам биться...» По сравнению с этой проблемой и с внутренним действием — поединком воплощающего военно-административную дворянскую верхушку доном Лопе и крестьянским избранником алькальдом Педро Креспо — остальное как бы раскрытие этого конфликта.

Бесчинства армии на собственной территории, изнасилование наглецом капитаном Исабели Креспо, внутренне развитой и душевно богатой (как у крестьян Фуэнте Овехуны, у нее высоко-ренессансное представление о любви: она «есть чувство красоты, к которой испытываешь уважение...»), Исабели, не готовой, однако, как Лауренсия у Лопе, поднять меч на нового Олоферна, вводят в самое главное. Едва узнав о несчастье, Педро Креспо получил известие, что избран алькальдом, и ему вручают жезл правосудия. Он смиренно просит капитана смыть бесчестье браком, но когда в ответ сыплются одни оскорбления и насмешки, берет жезл и со своими мужиками вершит суд. Капитан такому суду неподсуден, но крестьяне знают, «почему, за что нам биться», и поскольку под угрозой возвращения дон Лопе с войсками и прибытия короля медлить нельзя, капитана судят и казнят не подобающим для дворянина образом — удушением в гарроте (дервянной удавке).

Эту картину — удушенного капитана — королю и дону Лопе еще предстоит увидеть. В первом издании (1651) Кальдерон или молва дали драме совсем зловещее заглавие: «El garrote más bien dado». Интеллигентнейший перевод был бы

«Никто не казнил справедливее», а более близкий к кошмарно-гойевскому смыслу — «Удавлен поделом»...

Избрать такой, хотя общеизвестный, сюжет для сцены можно было в большом гневе и в условиях всеобщего брожения в Испании 1640-х годов. Отпадение Португалии от Испании в 1640 г. аннулировало единственное успешно — с точки зрения Филиппа II — доведенное им до конца крупнейшее завоевательное мероприятие. Тогда, в 1580 г., давлением, оружием, подкупом он добился, что его как сына португальской принцессы признали королем Португалии, а значит и ее гигантских владений в Африке, Индии, Индонезии и Бразилии. По протяженности обитаемой береговой линии от соединения владений Испании и Португалии получилась величайшая империя за всю историю человечества. Это погубило Испанию, ибо страна во многом превратилась в паразитический придаток, призванный править этой империей, притом экономически никак не обоснованными чудовищными мерами принуждения. Филипп II видел «славу», а об объеме скрытой в ней катастрофы не задумывался. Однако непосредственные опасности — необходимость держать войска в Португалии и другие — он понимал. Поэтому осложнять ситуацию неожиданным конфликтом со своими же кастильцами или эстремадурцами на пути в скрыто бурлившую Португалию не хотел.

Можно подумать, что Кальдерон «обыгрывает» официальное прозвание короля «благоразумный» и заставляет его отступить перед крестьянским самосудом над офицером-насильником, перед логикой алькальда. Креспо говорит королю: «И если кто // В главнейшем справедлив, что значит, // Коль погрешил он в наименьшем?»

«Благоразумный» Филипп, увидев задушенного капитана, останавливает репрессии против крестьян:

Дон Лопе, это свершено уж.
Смерть присудили справедливо,
А тот, кто в главном справедлив,
Грешить он может в наименьшем.

....

Я в Португалию спешу.
В местечке этом оставайтесь
Алькальдом ипритом бессменным.

Читатель уже привык к тому, что Кальдерона надо читать внимательно. В драме несколько раз упоминается о выборности как об источнике авторитета алькальда, так что король, проявив неслыханную милость, все же подпортил хоть «в наименьшем», утвердив алькальда на свой монархический манер.

Драма «Саламейский алькальд» синтезирует разные направления литературы XVII в. Черты барокко не доминируют в ней так явственно, как в других произведениях Кальдерона. Преемственность с Возрождением и с «Фуэнте Овехуной» — Возрождением *par excellence* — очевидна. Есть выведение из несомненного случая некоей перспективы «на все времена», типичное для писателей и художников-синтетистов XVII в. Есть, как мы увидим, и богатый разнообразными персонажами и событиями фон, отличавший пикарескно-караванджистскую линию. Наконец, есть черты классицизма: строгая уравновешенность, симметрия, особенно проявляющаяся в соотношении реплик Креспо с репликами дона Лопе, симметрия, не менее сурово выверенная, чем в трагедиях Корнеля. Наблюдается законченность действия, относительная неизукрашенность и простота языка, делающие эту драму одним из проявлений клас-

сицизма или предклассицизма на испанской почве.

Так определенно, как Кальдерон провел черту между Испаниями двух основных сословий, ее не проводил никто. Но у Кальдерона это не ведет к схематизму и к схожести персонажей по классовому признаку. Особенно богат характер Педро Креспо. Людям высшего сословия он не нравится. «Претонкий этот мужчина» — размышляет дон Лопе. Не нравится он и захудалому «дворянчику» дону Мендо, устраивающему тщетные серенады дочери Креспо — «Злокачественный он мужик»...

Но прогрессивный зритель и читатель все 350 лет придерживался другого мнения. А. И. Герцен в дневнике 1844 г. отметил превосходный характер Педро Креспо и вынес ставшее знаменитым суждение: «Велик испанский плебей, если в нем есть такое понятие о законности...»¹

Педро Креспо горд крестьянским происхождением и достоинством, не согласен покупать дворянское звание, хотя средств у него хватило бы («честь деньгами не купишь»). Он сдержан, бывает смиренен, но когда речь идет о чести и достоинстве простолюдина, он бесстрашен и перед доном Лопе и перед самим королем. Сходство Кальдерона с синтетическим направлением XVII в. открывается в том, что его герой смотрит вперед за дальние горизонты, ставя вопрос: «а почему, за что нам биться?»

Столь же достойны те крестьяне и жители местечка, которые избрали алькальда и вершат вместе с ним рискованный суд. Сын Педро Креспо Хуан более подвержен расхожим представлениям.

Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1954. Т. 2. С. 363.

Когда ему не удастся убить насильника, он собирается восстановить честь сестры ее убийством. Слуга Нуньо больше всего мечтает о сытной еде. Веселый солдат Ребольедо и его подруга Ла Чиспа (Искра), бросившая ради него богатых содержателей, втягиваются в преступление капитана; Ребольедо хмелеет от возможности убивать, и опоздай дон Лопе и король, он и его подружка могли бы получить от алькальда по заслугам.

У дворян в пьесе тоже разные характеры.

Дон Лопе де Фигероа (с ним читатель встречался в драме «Любовь после смерти») безжалостен в чрезвычайных обстоятельствах. Но хоть он и готов «забить алькальдишку на месте батогами», он отходчив, хочет быть по-своему справедливым, испытывает известное уважение к Педро Креспо. Кальдерон искусно изображает, как на определенном уровне между этими двумя упрямыми стариками, людьми долга, каждый по-своему, существуют некоторые человеческие отношения: пусть отталкивание, но «общее поле».

Капитан дон Альваро де Атайде ненавидит и презирает народ; свое желание овладеть Исабелью Креспо он сам объясняет как «бешенство»:

Тут просто бешенство, тут гнев,
Тут распаление упрямства.

Действия и «чувства» капитана вполне сочетаются с отвращением к крестьянской девушке до и после зверского насилия в лесу.

Капитан — дворянин, использующий свои привилегии в абсолютистском государстве, но никак не испытывавший цивилизирующей роли абсолютизма.

«Дворянчик» дон Мендо, дошедший до нищеты и комически-спесивый, — тоже распространенный в тогдашней Испании тип идадьго. Неулыбчивый

Кальдерон по поводу дона Мендо шутит, да как! Он вкладывает в его уста тираду:

Ведь я в утробе материнской
Отца неблагогородной крови
С упорством твердым бы отверг.

За драмой с ее точно очерченным действием стоит романная, бытовая панорама, нечто вроде фона, который является предметом «плутовского романа» и на котором развиваются высокие события в «Дон Кихоте».

Несмотря на корнелевски сдержанный характер драматизма этого своего произведения, Кальдерон отдавал себе отчет в романном богатстве его фона, что подтверждается не обычной в те времена прямой ссылкой на величайшего писателя Испании. По поводу нищего идальго дона Мендо говорится:

Это кто-то
Слез с тощей клячи, с россинанта,
Вон на углу, — как Дон Кихот,
Чьи приключения Сервантес
Нам описал красноречиво.

Характеры, воспроизведенная ситуация, направление действия на решение вопроса «за что нам биться?», явное продолжение мятежной драмы «Фуэнте Овехуна» Лопе, честная ссылка на Miguel'я de Cervantes'a и на роман «Дон Кихот», — все это придает «Саламейскому алькальду» редкую для барокко и его великого драматурга цельную определенность, ставит эту народно-революционную драму на особое место в культуре XVII в.

Массивные двери перед зрителем и читателем распахиваются, и открываются внутренние покои

души поэта. Вглядитесь: перед вами не только славная драма, но и сам Кальдерон. В тиши, в сумраке просторного помещения он вглядывается в свой век: «Путь полный бед. Что полон бед он — мало? // Так бед к тому ж, друг с другом несогласных...»

Свое горе он переносит скрытно, стоически, как «обыкновенную беду». Он видит и неисчислимые, обыкновенные и необыкновенные, беды современников, простых испанцев и неиспанцев, людей своей и других вер, и даже задает вопрос: «За что нам биться?» (... por qué // ha de reñir?). В поэте пламенеют души Эусебио и Тусанí, Стойкого принца и Луиса Переса; живет в Кальдероне также спокойное мужество Педро Креспо и того гуманнейшего Алонсо Кихано Доброго, которого под именем Дон Кихот обессмертил Сервантес.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОБОСНОВАНИЕ ТЕКСТА

Как ни значительны цели, стоящие перед данным изданием, оно, разумеется, не является «критическим». Такая задача по отношению к драме испанского Золотого века (XVI—XVII вв.) медленно, десятилетиями решается и на языке оригинала, несмотря на беспрецедентную (в сравнении, например, с Англией или Францией) сохранность рукописей XVII в., даже автографов.

Задача критического издания текстов К. Д. Бальмонта тоже не дело ближайшего будущего. Применительно к переводам драм Кальдерона мы пользовались лишь одним «окончательным» текстом, более обработанным, когда речь идет о шести напечатанных самим Бальмонтом пьесах, и менее завершенным в четырех новооткрытых в машинописи 1919 г. пьесах, печатающихся в этой книге в переводе Бальмонта впервые.

Выше в статье отмечалось значение двойных литературных памятников — таких, в которых важна не только художественная ценность оригинала, но ценность вклада переводчика в русскую культуру. Приведены также сведения по истории текстов перевода Бальмонта, открытия машинописи утраченных четырех пьес: «Дама Привидение», «Луис Перес Галисиец», «Волшебный маг» и «Саламейский алькальд».

Нужно лишь еще раз повторить, что, по мнению издателей, бальмонтовские переводы Кальдерона — явление удивительное. Они доказывают осуществимость сочетания *максимальной точности* (их можно рекомендовать как для занятий по совершенствованию знания испанского языка, так и по проблеме русских лексических и синтаксических эквивалентов стилизованной речи Кальдерона) *с высокой поэтичностью*.

Пьесы расположены в хронологическом порядке.

В тексте Бальмонта исправлялись лишь явные опечатки и описки.

Написание иностранных имен собственных у Бальмонта сохранялось, но в некоторых случаях, где оно орфографически отличается от современной передачи вследствие известной общей эволюции принятых норм по сравнению с началом XX в., приводилось (с соответствующей оговоркой) к современной норме. Наиболее частое изменение — это сужение употребления «э» (особенно в дифтонгах) или приведение в соответствие с преобладающей современной традицией написания «у» или «ю» после испанского «ль», не соответствующего ни мягкому, ни твердому русскому «л». Например: вместо дон Гутиэрре у Бальмонта — дон Гутиерре, вместо дон Люис у Бальмонта — дон Луис.

Не воспроизводится также спорная идея Бальмонта обозначать перенос ударения в имени Патрик (по-русски обычно на первом слоге) на «и», в соответствии с испанским (восходящим к латинскому) эквивалентом «Патрисио», путем написания сдвоенного «к» — «Патрикк». Мы пишем просто «Патрик», напоминая, что у Бальмонта всюду ударение на втором слоге: «Патр^икк».

Не привилась по-русски и употреблявшаяся Бальмонтом (воспроизведенная Сабашниковыми) новоиспанская традиция ставить в начале вопросительных и восклицательных предложений соответствующие знаки в перевернутом виде. В рукописях и изданиях кальдероновских времен она не соблюдалась.

Бальмонт переводил, естественно, по изданиям XIX в., в отличие от изданий XVII в. и в большинстве случаев более точно следующих им изданий XX в., вводилось деление трех действий (по-испански — «хорнад», «дней») на сцены («явления»). Такое деление, ставшее в некотором роде международной нормой издания европейских драм, мы сохраняем. Этим достигается большая полнота воспроизведения перевода таким, каким его видел и слышал сам Бальмонт, а кроме того, обеспечиваются удобства при чтении и постановке, а также при пользовании примечаниями.

В Дополнения включены целиком или с отмеченными

сокращениями статьи, которые К. Д. Бальмонт предпосылал своим переводам.

В случае, если в примечаниях используются примечания Бальмонта, они отмечены в скобках инициалами К. Б., а где эти примечания положены в основу измененного или сокращенного текста, то пометой в скобках: по К. Б.

Печатные источники для воспроизведения перевода Бальмонта: Сочинения Кальдерона / Пер. с исп. К. Д. Бальмонта. М.: изд. М. и С. Сабашниковых. Вып. I—III. 1900, 1902, 1912; для рукописей: ГБИЛ. Отдел Рукописей. Архив К. Д. Бальмонта. Картон № 10. Ф 261.14 (5—8).

Помещаемый в Дополнении перевод драмы «Жизнь есть сон» известного ученого-испаниста Дмитрия Константиновича Петрова (1872—1925) воспроизведен по редкому малотиражному оттиску: *Кальдерон Педро. Жизнь есть сон* / Пер. Д. К. Петрова. СПб., 1898. Орфография, пунктуация, написание имен сохраняются. Сохранены также и примечания Д. К. Петрова. Надо напомнить, что они написаны в период, когда понятие барокко еще не применялось к литературе и специфика эстетики барокко Кальдерона не была уяснена.

К нашему изданию приложены с соответствующим введением материалы по библиографии русских переводов Кальдерона Г. А. Когана.

Подготовка настоящего издания проходила в известном согласовании с подготовкой книги: Iberica. Культура народов Пиренейского полуострова (Вып. II). Кальдерон и мировая культура XVII в. Отв. ред. академик Г. В. Степанов (1919—1986); выпуск подготовлен Н. И. Балашовым и В. Е. Багно (Л.: Наука, 1986).

Напомним, что, помимо издания отдельных пьес, в СССР были напечатаны два издания сочинений Кальдерона: *Педро Кальдерон. Пьесы. Т. I—II* / Сост., вступит. статья и примеч. Н. Б. Томашевского. Ред. переводов Н. М. Любимова. М.: Искусство, 1961; а также: *Кальдерон де ла Барка Педро. Избранные пьесы* (на испанском языке), с аппаратом на русском языке: статья С. И. Ереминой, подробный комментарий, включающий библиографию А. С. Науменко. М.: Прогресс, 1981.

Основное испанское издание, по которому сверялся текст и на которое даны ссылки в статьях: *Calderón de la Barca, don Pedro. Obras completas. Vols I—III por A. Valbuena Briones. Madrid / Ed. Aguilar (t. I—1966; t. II—1959; t. III—1967).*

Настоящее издание осуществляется в двух книгах. В первой помещены шесть драм Кальдерона, в Приложении статья Н. И. Балашова и примечания к шести драмам.

Во второй книге четыре драмы Кальдерона в переводе Бальмонта, в Дополнениях — драма «Жизнь есть сон» в переводе Д. К. Петрова, предисловия Бальмонта к сочинениям Кальдерона. Приложения ко второй книге включают статьи Д. Г. Макогоненко и Г. А. Когана, а также примечания к публикуемым во второй книге драмам.

ДАМА ПРИВИДЕНИЕ (La Dama Duende)

Комедия написана в 1629 г. Впервые напечатана в 1636 г. в «Первой части комедий Кальдерона». Это одна из самых известных его комедий. Возможно, сюжет ее восходит к недошедшей испанской комедии: Тирсо де Молина в пьесе «Молчание знак согласия» (1615) упоминает о некоей комедии, где действует «влюбленный оборотень».

Перевод Бальмонта печатается впервые по машинописи 1919 г. для изд-ва братьев Сабашниковых.

Для современной нормы печати испанских имен привычно написание: Луис — вместо Люис у Бальмонта, Косме вместо Космэ, Анхела вместо Анхеля, Бальтасар вместо Бальтазар.

Хорнада I

...одетые по-дорожному.— Испанские дворяне, которые обычно одевались в платье темного цвета, отправляясь в дорогу, надевали богатые наряды, в которых преобладали светлые тона.

- ² *Отметил ныне день крестин // Властительного Бальтасара.* — Главное указание на датировку драмы. Инфант Бальтасар Карлос, сын Филиппа IV, был крещен 4 ноября 1629. Бальтасар умер подростком и не правил.
- ³ Первый монолог Косме содержит дружески шуточные намеки на известные пьесы Лопе де Веги, Миры де Амескуа, Рохаса Сорильи. Эрудиция Косме в античной мифологии и истории — полуреальное свидетельство влияния испанского театра на широкие круги народа.
- ⁴ *Всего на час...* — Новое характерное для барокко понимание большого воздействия времени и других внешних факторов на жизнь по сравнению с более уверенной активностью человека Возрождения.
- ⁵ *Команду дал мне Дук де Ферья.* — Герцог Фериа — испанский дипломат, военный и государственный деятель второй половины XVI в.
- ⁶ *...закутанные в мантильи до глаз.* — Речь идет об испанском обычае «закутывания», заимствованном у андалусийских морисков. Испанские женщины в средние века закрывали лица вуалями. Закутывались также в плащ, чаще всего черного цвета, который закреплялся на голове шпилькой с драгоценными камнями. Для закутанной женщины существовал особый термин «*tarada*». При закутывании мог оставаться открытым один глаз, как правило, левый.
- ⁷ *Быть Дон Кихотом перекрестков.* — Сервантесовские ассоциации часты у Кальдерона в этой комедии (напр., I, 16; II, 1; III, 1 и т. п.).
- ⁸ Рассказ Родриго о службе покойного мужа Анхелы в таможне не столько нужен для действия, сколько свидетельствует об усилении интереса к быту и нравам (*costumbres*), свойственному литературе XVII в. Ср. I, 11—12, 14 и др. Интерес к бытописанию позже назывался по-испански «костумбризмом».
- ⁹ *Весьма заботит меня ваше здоровье, ибо я была причина вашей опасности.* — Архаизмы письма доньи Анхелы, с одной стороны — стилизация «рыцарского стиля», образцы которого были всем известны по «Дон Кихоту»; с другой — очень напоминают начало «Неистового Роланда» Ариосто.

Хорнада II

- Рыцарь Дамы Невидимки.* — Возможно, навеяно аналогичным пародированием рыцарского стиля в «Дон Кихоте» Сервантеса,
- ² *И ангелу найдется кров.* — Трудно переводимая игра слов, построенная в оригинале на омонимичности слова «ángel» (ангел) и имени «Ángela» (Анхела).
- ³ *... как он не знает, // Живет ли, не живет ли он.* — Барочное сомнение. На более глубоком уровне такое сомнение возникает как один из основных мотивов драмы «Жизнь есть сон».
- ⁴ *... некий Хуанело // Яйцо стоямя сумел поставить...* — В Испании известный анекдот приписывался не только Колумбу, но и итальянскому часовщику XVI в., работавшему в Испании, Хуанело, механику и строителю, автору проекта поднятия реки Тахо у города Толедо.
- ⁵ *Его Величество сегодня // В Эскориале...* — Эскориал — знаменитый монастырь-дворец недалеко от Мадрида, построенный по проекту архитекторов Хуана Баутиста де Толедо, Хуана де Эррера и Франсиско де Мора в правление Филиппа II. Дворец был основан в честь победы над Францией при Сен-Кантене в 1574 г.
- ⁶ *Четвертый, эти вот стихи...* — Куплет, который поет Косме, пародирует испанскую народную песенку.
- ⁷ *Ты черный плащ надел...* — Согласно этикету, на дворцовые приемы полагалось являться в черной одежде.
- ⁸ *Обмен сонетами («О, Беатрис, я так люблю правдиво...»)* встречается в испанских драмах Золотого века.
- ⁹ *Я не был никогда трусливым, // А этот раз я страха полон.* — Изображение страха кабальеро не часто в испанском театре.

Хорнада III

Сел в паланкин я... — Путешествие дона Мануэля в паланкине с кладбища также навеяно приключениями Дон Кихота.

СТОЙКИЙ ПРИНЦ (EL PRÍNCIPE CONSTANTE)

Драма написана в конце 1628 г. Впервые напечатана в «Первой части комедий Кальдерона» в 1640 г.

В основе сюжета пьесы лежат подлинные исторические события — африканский поход португальских войск под командованием инфантов Фернандо и Энрике (1437). Португальцы тщетно пытались взять Танжер штурмом. Защитники крепости вместе с прибывшим подкреплением разбили португальские отряды. По условиям перемирия инфант дон Фернандо остался в качестве заложника и должен был получить свободу в обмен на крепость Сеуту. Энрике, возвратившись в Португалию, собрал кортесы для ратификации мирного договора. Однако знать и духовенство воспротивились такому обмену. Фернандо умер в плену в 1443 г., лишь в 1473 г. его останки были возвращены португальцам в обмен на знатного мавританского пленника. Вскоре Фернандо был канонизирован как мученик, и его имя обросло множеством легенд.

История принца Фернандо была подробно изложена в хронике «Vida del príncipe constante, según la crónica de su secretario Joan F. Alvares y otras informaciones». Возможно, что с этой критикой был знаком Кальдерон. Кроме того, он мог знать и пьесу о доне Фернандо (1595—1598), приписываемую (хотя, по мнению некоторых авторитетных критиков, и без должных оснований) Лопе де Веге.

Подвигу Фернандо посвящены 52-я и 53-я октавы I песни поэмы «Лузиады» (1572) португальского поэта Камозанса (1524—1580).

Хорнада I

Чтобы совершить объезд по морю // Вдоль берберийских берегов.— Берберийский берег — обозначение, принятое для африканского побережья.

² *Близ Геркулесова пролива...*— Имеется в виду Гибралтарский пролив.

³ *Для нашей гордости преграда // Кавказ, которым за-*

держался // Могучий Нил твоих побед...— В поэтической лексике того времени Кавказ — частый символ высочайшей преграды; Нил — величайшей реки в мире.

⁴ *Магистры ордена — чье имя // Христос и Авис,— эти братья...*— Ависский орден — португальский духовно-рыцарский орден, был основан в 1162 г. кастильскими рыцарями ордена Калатравы. Получил название по городу Авису, в 1162 г. сыграл значительную роль в истории Реконксты (в 1789 г. перестал существовать). Орден Христа — португальский духовно-рыцарский орден, основанный в 1319 г. королем Дионисием I.

⁵ *Узнай, что я родился в Хельве...*— Хельвы — одна из транскрипций названия острова Джерба (залив Габес в Средиземном море), вблизи которого в начале XVI столетия происходили жестокие сражения испанских войск с турками и маврами.

⁶ Разговор между Мулеем и дон Фернандо представляет собой переделку стихотворения знаменитого поэта Гóngоры, которое, в свою очередь, было написано под влиянием народной песни. Поэты тех времен, также как и живописцы, не стесняясь, подражали друг другу, заимствовали друг у друга, желая достигнуть идеальных образцов в искусстве. Приведем стихотворение Гóngоры:

ИСПАНЕЦ ИЗ ОРАНА

Среди коней, освобожденных
От седоков своих убитых,
Что ищут в поле, не глядит ли
Меж красного зеленый цвет,
Берет испанец из Орана
Коня, что бродит одиноко,
По ржанию звонкому -- веселый,
По груди сильной — великан.
И на него он сам садится
И мавра пленного сажает.
Ста всадников начальник храбрый,
Его в бою он захватил.
На быстрого коня садятся;

Двойною парой шпор пронзенный,
Несется он, как бы влекомый
Теченьем четырех ветров.
Печальный в путь араб поехал,
И, как умел, настолько тихо
Метал он пламенные вздохи,
И слезы горькие ронял.
И каждый раз, как обернется,
Испанец видит с изумленьем,
Что нежно плачет, кто в сраженьи
Так тяжко раны наносил.
И вот степенно и учтиво
Его он просит, чтоб сказал он,
Какая этих слез причина,
Коли причина разрешит.
И пленный, пленником являясь,
Без отговорок отвечает,
И на вопрос, дышавший чувством,
Испанцу так он говорит.
— Велик ты в храбрости, испанец,
И так учтив ты, как бесстрашен;
Оружием и обращеньем
Двойкою ты меня пленил.
Меня спросил ты о причине
Моих горячих воздыханий,
И должен я тебе ответить,
Раз я есть я, и ты есть ты.
От берберийки благородной
И от губительного турка
Родился в Хельве я в тот год, как
Разбиты в Хельве были вы.
Я воспитался в Тремесене,
Близ матери моей и близких,
Как сирота; отец мой умер,
Корсаром трех морских судов.
Одна красавица из рода
Мелионесов благородных
Жила близ моего жилища,
Чтоб ближе смерть я встретить мог.
Предел среди красивых женщин,
Коль не предел среди жестоких,
И, словом, дочь пустынь песчаных,

Родительниц красивых змей.
Столь красота ее прекрасна,
Что на устах ее гвоздики
Цветут верней, чем это видим
В два ярких месяца весны.
Чуть только на нее взгляну я,
Ее чело сияет солнцем,
Одетых столькими лучами,
Насколько пышны волоса.
Мой разум, ею побежденный,
Красноречиво говорит мне
Чтоб я простил ее жестокость
И только помнил красоту.
Росли мы оба неразлучно,
И в те младенческие годы
Любовь неравными стрелами
Пронзила юные сердца.
Как золото, во мне возникнув,
Она сплелася нежной сетью,
В ней, как свинец, одни насмешки
И небреженье родила.
Так вот, испанец, та причина,
Которой к скорби я подвигнут:
Решай, имею ль основанье
О стольких горестях скорбеть!
— О, смелый мавр,— ему сказал он.—
Коль ты влюблен, как повествуешь,
И если любишь, как сказал мне,
Блаженно мучаешься ты.
Кто мог бы думать, увидавши
Твои свирепые удары,
Что в сердце столь суровом скрыта
Такая нежная душа?
Коль ты пленен любовью, можешь
Сейчас отсюда возвратиться,
А то сочтут, пожалуй, кражей
То, в чем я видел лишь судьбу.
И выкупа я не желаю,
Пусть мне она не посылает
Ни багряниц весело-цветных,
Ни превосходнейших ковров.
Свободен ты, иди же с Богом,

Страдай, люби, и жить ты будешь,
 Когда же ты ее увидишь,
 Прошу я, вспомни обо мне.
 И вот с коня испанец сходит.
 За ним и мавр сошел на землю,
 И, на земле пред ним простершись,
 Целует ноги у него.
 И говорит: — О, вождь бесстрашный,
 Живи еще тысячулетье,
 Ты бравым был, меня пленивши,
 Вдвойне был бравым — отпустив.
 Аллах с тобою да пребудет,
 И даст тебе всегда победу,
 Дабы распространил ты славу
 В деяньях доблести такой.
 Когда впервые изменилась
 Жестокость той змеи красивой,
 Меня как раз в бою пленил ты.
 Решай же, мог ли я скорбеть!

(Romancero general,
 t. 1, p. 123, Bibl. de aut. esp. t X.— К. Б.).

Давай-ка притворюся мертвым... — Совершенно таким же образом поступает у Шекспира Фальстаф в I части Генриха IV (V; 4) (К. Б.).

⁸ *А заодно, не будь я глуп, // Вменю себе, что это время // Я не жил, будучи как труп.* — В оригинале у Кальдерона эти строки даны по-португальски. В силу языковой близости они понятны испанскому читателю. В переводе сохранить эту особенность практически невозможно.

⁹ *...свет огней // Четвертой сферы.* — Четвертой сферой является Солнце, занимающее в планетной системе Птолемея четвертое место (К. Б.).

¹⁰ *Давай-ка бросим трупы в море, // Во избежание чумы.* — И после завоевания Сеуты бросали трупы в море. Страх перед чумой не был безосновательным: позднее она полтора года свирепствовала в Фесе. В Португалии она также неоднократно вспыхивала в XV в., короли Дуарте и Альфонсо V были ее жертвами (К. Б.).

Хорнада II

Кто умирает, тот теряет // Свою физическую цельность. — Жизнеописание Иова см. в Книге Иова Ветхого Завета. В монологе можно усмотреть известное соответствие Евангелию (Матв., 16, 25): «кто потерял душу свою ради Меня, тот обретает ее».

² *В умах у знати лузитанской.* — Лузитания — латинское название Португалии.

Хорнада III

Дельфин, властитель рыб... // ...Не раз, во время сильной бури, // Спасал на сушу погибавших... — Дельфин, как царь рыб, был в свите Нептуна (Гомер, Одиссея, V; 421). О сострадательных наклонностях дельфина Геродот рассказывает следующее (I, 23; 24): «Когда певец Арион, мефимнеянин, с большими богатствами собрался отплыть в Коринф, нанятые им коринфяне в открытом море решили бросить его в воду и завладеть его имуществом. Арион попросил, чтобы ему позволили, стоя на корме, в полном наряде, спеть песню перед смертью. Ему позволили. Он взял кифару, спел песню и бросился в море. Перевозчики отправились в Коринф, а дельфин взял Ариона к себе на спину и вынес его на Тенар. Впоследствии Арион пожертвовал тенарскому святилищу медное изображение человека, сидящего на дельфине. — По понятиям древних, дельфины выносили на сушу и других людей, как живых, так и мертвых» (Aelian, «De natura animalium», VI, 15, VIII, 3; XII, 6) (К. Б.).

² *...орел, // Которому воздушный ветер // На голове взбивает перья...* — Ветер таким образом делает его голову как бы венценосной. О милосердии орла рассказывает Элиан (XVII, 37): «Один жнец, пойдя к источнику за водой для своих товарищей, убил змею, от которой орел, обвитый ею как кольцом, никак не мог освободиться. Вернувшись затем к своим товарищам, он дал им воды, и они напились. Когда же он сам поднес сосуд с водой к губам, орел, летавший поблизости, опрокинул сосуд и разлил воду».

Жнец, негодуя на неблагодарность, начал бранить его, но, когда он обернулся, товарищи его были уже объяты смертными муками, и он увидел тогда, что змея отравила источник, а орел спас ему жизнь» (К. Б.).

- ³ *И может быть я стою больше.*— В этой фразе двойной смысл, так как, в исполнение предсказания старухи, пленная Феникс будет выдана в обмен на труп Дон Фернандо, и явится таким образом «ценою мертвеца» (К. Б.).

ЛУИС ПЕРЕС ГАЛИСИЕЦ

(Luis Pérez el Gallego)

Точная дата написания неизвестна. Примерная датировка -- 1628—1630 гг. Впервые напечатана в «Четвертой части комедий различных авторов» в 1647 г.

В основе замысла Кальдерона лежит реальная история, относящаяся, по всей видимости, к концу XVI в.

Подробно об этой драме см. в статье Н. И. Балашова, наст. изд., кн. 1, история ее перевода Бальмонтом изложена в статье Д. Г. Макогоненко, кн. 2 наст. изд.

Согласно современным правилам написания, в этом издании печатается Луис вместо Люис в машинописи Д. К. Бальмонта.

Коррехидор — в этом случае чиновник правосудия, имеющий большие полномочия.

Альгвасилы — судебские приставы, частично выполнявшие функции полиции.

Хорнада II

...как приняв участие // В войне, уплывши к островам // На север, меж соленой пены.— Речь идет о замышлявшемся в то время походе Непобедимой Армады против Англии.

- ² *...и Дух // Нам покровитель был и друг, // Мы в войско поступили оба. // Он главный капитан в войне...* — Имеется в виду герцог Медина Сидония, испанский политический деятель конца XVI в.— начала XVII в.

он возглавил неудачную экспедицию Непобедимой Армады против Англии (1588 г.).

- ³ *И знамя он доверил мне.*— Знаменосец — один из младших офицерских чинов в испанской армии XVII в.
- ⁴ *И в каждом звуке василиск.*— Современные Кальдерону испанские словари так объясняли, что такое василиск: «Змея, о которой говорил еще Плиний (книга VII, глава XXI). Обитает в африканских пустынях: на голове у нее гребень в форме короны, а на туловище белые пятна свистом приводит в трепет... взглядом убивает. Василиск получил название „королевского“ как из-за короны на голове, так и из-за смертоносной силы своего яда, сильнеешего среди змеиных ядов».

ПОКЛОНЕНИЕ КРЕСТУ (La Devoción de la Cruz)

Точная дата написания драмы неизвестна. Примерная датировка 1630—1632 гг. Впервые напечатана в 1634 г.

Подробно об антиконтрреформационном характере драмы см. в статье Н. И. Балашова, наст. изд., кн. I.

Хорнада I

Уж эти мне твои рассказы, // Не пожелаю я врагу.—

В оригинале: «Que nunca valen dos cuartos tus cuentos». Кварто («четвертушка») — самая мелкая медная монета в Испании. Ср. русскую поговорку: Гроша ломаного не стоит.

- ² *К губам ручонки прижимая, // Из них образовавши Крест.*— Испанцы изображают крест, положив большой палец поперек указательного.

- ³ *Тот день был праздником Креста.*— Праздник Креста отмечается в католических странах 3 мая.

- ⁴ *Но благородному по крови // Не нужно ясно убеждать, // Достаточно воображать.*— Основной пункт испанской ревности, столь отличной от английской, как она выражена у Шекспира. Кальдерон подробно развил этот взгляд в четырех драмах: «Врач своей

чести», «За тайное оскорбление тайная месть», «Художник своего бесчестья» и «Величайшее чудовище ревность» (К. Б.).

- ⁵ *Чтобы не знать, что цвет гвоздики...* — Во времена Кальдерона гвоздика была таким же модным цветком, как в наши дни орхидея. Она и до сих пор осталась любимым цветком испанок, в чем легко убедиться, проходя по улицам Севильи или слушая народные песни. Привожу три песни из превосходного собрания Франсиско Родригеса Марина:

1.

Красная, красивая гвоздика,
Сорванная с каплями росы,—
Эти покрасневшиеся губы
Не твои, теперь они мои.

2.

Ты для меня — мой отдых,
Ты для меня — наслажденье,
Ты — аромат гвоздики,
Все, в чем мои владенья.

3.

Приблизился месяц к заходу,
От кровель спускаются тени.
О, как мне расстаться с блаженством
Гвоздик позлащенных твоих! (К. Б.).

Хорнада II

- ¹ Личность была не обеспечена в правосудии при господствовавших в старой Испании порядках. Личный самосуд был явлением распространенным, и разбойничество являлось нередко неизбежностью для тех, кто и не имел к этому особого расположения. Эта бытовая черта превосходно выражена Аларконом в драме «Сеговийский ткач» и Кальдероном в драме «Луис Перес Галиснец» (по К. Б.).
- ² Святой Себастиан, привязанный к дереву и пронзенный стрелами,— один из самых распространенных

сюжетов, тысячу раз повторявшийся в итальянской и испанской живописи (К. Б.).

- ³ *Что Перальвильо — здесь как раз.* — Перальвильо — местечко близ Сиудад-Родриго, где «Святое Братство» инквизиции вешало преступников, захваченных на месте преступления (по К. Б.).
- ⁴ *Или святоша — умоляя, // Чтобы на церковь дали ей...* — По-испански *santera* — это женщина, собирающая для святого какой-нибудь пустыни. Она ходит по окрестностям, неся образ святого, который подносит для поклонения и просит на содержание пустыни подношение.
- ⁵ *Я страх?* — отличительная черта испанского характера — безрассудная смелость. Ср. в драме Тирсо де Молины «Севильский озорник, или Каменный гость», Дон Хуан восклицает «*Yo temo?*» (acto III, esc. 21) (К. Б.).

Хорнада III

Давай разбойничать... — В оригинале вместо *bande-legos* (разбойники) Хиль говорит *bunderos* — продавцы оладий.

- ² *Когда мы мстим за честь, отмщенье // Тогда лишь верно... // Коль оскорбитель будет знать, // Кем он караем.* — Любопытно сопоставить с этим слова Эдгара По: «Оскорбление не отомщено, если мститель не дает знать, что это он мстит тому, кто нанес оскорбление» («Бочка Амонтильядо»). Рассказ Юлии на следующих трех страницах может показаться непредусловленно читателю нагромождением вопиющих неправдоподобностей. См., однако, в кн. Д. К. Петрова (с. 90): «В иезуитской переписке читаем мы об одной весьма мужественной девушке, которая с отцом и с матерью храбро защищалась от разбойников, напавших на их дом. Другая женщина отправилась однажды из каталонского местечка Сальсас в Перпиньян. По дороге на нее напал какой-то солдат, ехавший верхом на лошади. Защищаясь, она выхватила у него кинжал и нанесла ему смертельную рану. Потом она сняла с него оружие, надела на себя и в таком виде приехала в Перпиньян» (Memorial Historico Espanol. T. XVI. P 268; T. XV. P. 293) (по К. Б.).

- ³ *Один я больше убиваю, // Чем летний зной и лекарь вместе.*— Знойный воздух испанского лета способствует повальным заболеваниям. Что касается испанских врачей, они всегда своим невежеством давали повод испанским поэтам к остроумным выходкам. Наиболее метки насмешки всегда остроумного и наблюдательного Тирсо де Молины, например, в его знаменитой комедии «Дон Хиль Зеленые штаны», где врач лечит целую улицу с помощью четырех афоризмов, двух текстов и трех силлогизмов (1, 2) (по К. Б.).
- ⁴ По понятиям Кальдерона, голос крови не может не говорить, в особенности когда речь идет об отце и сыне. На эту тему у него есть сцены в разных драмах, например: «В этой жизни все — истина и все ложь», «Жизнь есть сон» (по К. Б.).

ЛЮБОВЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

(Amar después de la muerte
o El Tuzani de la Alpujarra)

Пьеса не имеет точной датировки. Примерное время написания — 1633 г. Впервые напечатана в 1677 г. в «Пятой части комедий Кальдерона» (Барселона) под названием «Тусан из Альпухарры».

События, описываемые в драме, относятся к восстанию морисков и его подавлению войсками под руководством дона Хуана Австрийского в 1570 г.

При написании пьесы Кальдерон, возможно, пользовался многочисленными хрониками и историческими сочинениями, относящимися к истории восстаний испанских мавров.

Бальмонт напечатал драму в 1902 г., во II выпуске Сочинений Кальдерона, сопроводив ее статьей и комментариями.

Подробно о сходстве и различии пьес Кальдерона, в центре которых стоят героические личности испанцев, португальцев, христиан, магометан или людей, для характеристики которых вероисповедание не имеет решающего значения, см. в статье Н. И. Балашова, наст. изд.

В Дополнения включена статья Бальмонта о драме «Любовь после смерти».

Хорнада I

Мориски — так называлось арабское население Испании, которое, во всяком случае формально, приняло христианство.

- ² *Алькускус* (al-cuzcuz) — национальное блюдо у мавританских племен. Как имя шута (грасьосо) довольно часто встречается в пьесах Кальдерона.
- ³ *Король в указе // Собрания наши запретил.* — Все мусульманские религиозные праздники были строжайше запрещены королевским указом Филипа II от 17 сентября 1566 г.
- ⁴ *Альпухарра* — труднодоступная горная цепь в Гранадском королевстве. Как классический центр арабского владычества Альпухарра стала символом Арабской Испании.
- ⁵ *В Виварамбе...* — Когда-то предместье Гранады. Ныне — площадь того же названия в самом городе.
- ⁶ *Скажи, Гарсес, а как пришел ты из Лепанто?* — Анахронизм. Сражение при Лепанто (7 октября 1570 г.) произошло уже после подавления восстания морисков. См. в статье Н. И. Балашова, наст. изд., кн. I.
- ⁷ *Под мановением властительной руки, // Служа рожденному орлом непобедимым.* — Имеется в виду дон Хуан Австрийский (1547—1578), побочный сын императора Карла V, прославившийся как полководец в многочисленных войнах, которые вела тогда Испания. В частности, он командовал соединенными испанскими и разными итальянскими войсками в морской битве при Лепанто. В испанской литературе XVI — начала XVII в. он окружен ореолом героя и великого полководца.

Хорнада II

Итак, внимай повествованью, // ...Для них плоды рождают скалы. — Очень показательный для драмы отрывок. Подсчитано, что в 29 отрывках пьесы (207 стихов) — почти 7% всего текста — речь идет о нравах и обычаях морисков, а в 34 случаях (примерно 192 стиха) — описывается природа Альпухарры.

- ² *Не буду я на суше счастлив // С галерами, как был на*

море. — Дон Хуан имеет в виду морскую битву при Лепанто. Словесная игра построена на сближении слов «галера» — военный корабль и «Галера» — крепость морисков.

Хорнада III

Я донья Тусанí и здесь // Была мориской поневоле, // В душе оставшись католичкой. — Подобная тема была ранее развита в романе Сервантеса «Дон Кихот» (история любви Анны Фелис и дона Грегорио).

Интересно, что при написании драмы Кальдерон следовал указаниям Лопе де Веги в его «Новом искусстве сочинять драмы». События I хорнады происходят в течение одного дня, но между I и II хорнадами проходит два года. На этот счет у Лопе де Веги есть прямое указание: «...Действие происходит в возможно краткий срок, но когда поэт описывает историю, в которой должно пройти несколько лет, они должны быть помещены между двумя актами».

Действие во II хорнаде также укладывается в один день. По этому поводу есть указание Лопе: «...Каждое действие происходит в данный период времени». Развитие действия в дальнейшем идет также в соответствии с его указанием: «В первом акте происходит завязка действия, во втором разворачиваются события таким образом, что до середины третьего едва ли кто-то смог бы определить дальнейшее развитие».

Обратим также внимание еще на одно замечание: «Трагическое и комическое смешиваются». — Это положение блестяще подтверждается органичным введением образа Алькукуса в драму.

ЧИСТИЛИЩЕ СВЯТОГО ПАТРИКА (El Purgatorio de San Patricio)

Драма написана в 1643 г. В основе ее лежит известная средневековая легенда о св. Патрике (ок. 389 — ок. 461), распространителе христианства в Ирландии.

Одна из самых фантастических и связанных со средневековым субстратом драм Кальдерона. Объяснение ка-

толической неортодоксальности этой драмы см. в статье Н. И. Балашова, наст. изд., кн. I. сценическая история драмы в России — в статье Д. Г. Макогоненко, наст. изд., кн. 2.

Бальмонт употребляет не принятое по-русски ударение Патр^ик (соответствующее латинскому и испанскому произношению). Чтобы передать это ударение, Бальмонт в первом русском издании 1900 г. писал имя через два «к»: Патрикк.

Хорнада I

Что породил семиголовый зверь...— Образцы, заимствованные из Апокалипсиса, гл. 13 и др.

² *...горный остров.*— Имеется в виду Ирландия.

³ *...второй Иосиф...*— по Библии, Иосиф был известен как толкователь снов. См. Бытие, гл. 40.

⁴ *Перпиньян* — город в Пиренеях, ныне на территории Франции.

⁵ *Меж Францией и Англией тогда // Была война...*— Драма полна анахронизмов. Во времена св. Патрика не было собственно ни Франции, ни Англии.

⁶ *Тебе дадут там буллы Селестина.*— Селестин I — папа с 422 г. по 432 г. Остальные имена относятся к церковным деятелям того времени.

Хорнада II

Кто в мире мог // Избегнуть переменчивости рока? — Тема изменчивости судьбы характерна для Ренессанса и еще более для барочной литературы.

² *Держающий прийти во имя Папы.*— В церковной истории считается, что Патрик был уполномочен папой ввести христианство в Ирландии.

³ *...О, небо, только этого хочу!* — Об образе христианина злодея у Кальдерона см. в статье Н. И. Балашова, наст. изд., кн. I.

Хорнада III

Что я святой Антоний...— Видения и искушения одного из основателей монашества св. Антония были со средних веков постоянной темой в литературе и искусстве.

² *...кто ты? // Застывший труп...*— В испанской драме распространенный мотив явления грешнику вместо женщины ее праха или скелета. Здесь Людовико является как предупреждение его собственный труп.

³ *Свидетельствует ясно Дионисий...*— Приведение Кальдероном имен тринадцати богословов и церковных авторитетов разных эпох — лучшее свидетельство теологической шаткости всей конструкции драмы, нуждавшейся, даже по мнению автора, в такой экстраординарной поддержке.

СОДЕРЖАНИЕ

КАЛЬДЕРОН

Драмы в переводе К. Д. Бальмонта

КНИГА ПЕРВАЯ

Дама Привидение	11
Стойкий принц	156
Луис Перес Галисиец	271
Поклонение кресту	393
Любовь после смерти	501
Чистилище святого Патрика	644

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Н. И. Балашов.</i> На пути к не открытому до конца Кальдерону	753
1. Как сложилось это издание	753
2. Взаимный антагонизм Кальдерона и Контрреформации. «Жизнь есть сон»: самые «трудные» драмы и ауто Кальдерона	757
3. Вехи творчества Кальдерона. Комедии. «Драмы чести»	786
4. Философские драмы: «Волшебный маг», «Стойкий принц», «Любовь после смерти»	811
5. Исторические драмы. «Луис Перес Галисиец» и «Саламейский алькальд»	825

Примечания
(Составила Д. Г. Макогоненко)

Обоснование текста (Составил Н. И. Балашов)	839
Дама Привидение	842
Стойкий принц	845
Луис Перес Галиснец	851
Поклонение кресту	852
Любовь после смерти	855
Чистилище святого Патрика	857

Во второй книге
публикуются:

КАЛЬДЕРОН

Драмы в переводе К. Д. Бальмонта

Жизнь есть сон
Врач своей чести
Волшебный маг
Саламейский алькальд

ДОПОЛНЕНИЯ

Жизнь есть сон. Перевод Д. К. Петрова

К. Д. Бальмонт. Предисловие к Сочинениям Кальдерона

К. Д. Бальмонт. Предисловие к драме «Любовь после смерти»

ПРИЛОЖЕНИЯ

Д. Г. Макогоненко. Кальдерон в переводе Бальмонта. Тексты и сценические судьбы

Г. А. Коган. Материалы по библиографии русских переводов Кальдерона

Примечания

Жизнь есть сон
Врач своей чести
Волшебный маг
Саламейский алькальд

ПЕДРО
КАЛЬДЕРОН
ДЕ ЛА БАРКА

ДРАМЫ

В двух книгах
КНИГА ПЕРВАЯ

*Утверждено к печати
Редколлекцией серии
«Литературные памятники» АН СССР*

*Редактор
И. Г. Древянская*

*Художник
В. Г. Виноградов*

*Художественный редактор
Н. Н. Власик*

*Технический редактор
Л. И. Куприянова*

*Корректоры
Е. Н. Белоусова, В. А. Бобров, Л. И. Левашова*

ИБ № 35997

Сдано в набор 01.10.87

Подписано к печати 27.04.88

Формат 70 × 90¹/32

Бумага офсетная импортная

Гарнитура литературная

Печать офсетная

Усл. печ. л. 31,6. Усл. кр. отт. 63,2. Уч.-изд. л. 38,6

Тираж 25000 экз. Тип. зак. 798

Цена 5 р.

*Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»*

117864, ГСП-7, Москва, В-485

Профсоюзная ул., 90

*Отпечатано в 4-й типографии издательства «Наука» 630077,
Новосибирск, 77, ул. Станиславского, 25*